

Бібліятэка Бацькаўшчыны

Міжнародная праграма па аб'яднанню
>Згуртавання беларускага сястру «Бацькаўшчыны»

**ГАРОДЗЕНСКАЯ
БІБЛІЯТЭКА**

Людзі Беларусі

КНІГА II

Сяргей Шапран

Васіль Быкаў

Гісторыя жыцця ў дакументах,
публікацыях, успамінах, лістах

Частка II

Мінск — Гародня, 2009

Навуковы рэдактар — доктар філалагічных навук Міхась Тычына

Выдаўцы выказваюць падзяку Ірэне Калядзе-Смірновай, кіраўніку дабрачыннага фонду «Этнічны голас Амерыкі» (ЗША), Калегіуму Усходняй Еўропы імя Яна Новака-Езёраньскага, ураду горада Вроцлаў, а таксама Арсену Лісу, Генадзю Пляшко, Аляксандру Фядуту, Вячку Целешу за дапамогу ў выданні кнігі.

Шапран, С.

Васіль Быкаў. Гісторыя жыцця ў дакументах, публікацыях, успамінах, лістах / Сяргей Шапран. — Мінск — Гародня, 2009. — 774 с. [20] с.: іл. — (Бібліятэка Бацькаўшчыны, Гарадзенская Бібліятэка. Людзі Беларусі: кн. 2).

ISBN: 978-83-61617-84-6

Гэтая кніга, па сутнасці, — першая спроба стварэння своеасаблівай энцыклапедыі Васіля Быкава, ці дакументальнага біяграфічнага летапісання народнага пісьменніка Беларусі. Сярод змешчаных тут матэрыялаў асаблівую цікавасць уяўляюць невядомыя архіўныя дакументы, рукапісы і эпістальная спадчына В. Быкава (у тым ліку франтавыя лісты 1944—1945 гг.; ліставанне з А. Адамовічам, В. Аскоцкім, В. Астаф'евым, Р. Барадуліным, І. Дзядковым, В. Каверыным, Л. Лазаравым, В. Някрасавым, А. Твардоўскім, часопісам «Новый мир» ды інш.) з фондаў больш як дваццаці дзяржаўных музеяў і архіваў ды прыватных збораў, а таксама артыкулы ў перыядычным друку (пачынаючы з 1948 г.) і ўспаміны (у тым ліку Ч. Айтматава, С. Алексіевіч, Г. Бакланава, С. Быкава, В. Быкавай, Г. Бураўкіна, Б. Васільева, М. Гарбачова, І. Карпюк, У. Някляева, З. Пазьняка, А. Пяткевіча, С. Шушкевіча, А. Якаўлева).

Пры падборы ілюстрацыйных матэрыялаў перавага аддавалася малавядомым фотаздымкам В. Быкава, пэўная частка якіх друкуецца ўпершыню.

© МГА «ЗБС «Бацькаўшчына», 2009

© «Гарадзенская Бібліятэка», 2009

© Шапран С., 2009

© Мацур Г., вокладка, 2009

ISBN: 978-83-61617-84-6

«*А*ле вась сябрам не здраджвалі...»

Хаця ў лёсе Васіля Быкава абазначыліся відавочныя перамены да лепшага (нават П. Машэраў адзначыць гродзенскага пісьменніка падчас аднаго інтэрв'ю ў цэнтральным друку — першы сакратар ЦК КПБ скажа, у прыватнасці: «Можно назвать десятки произведений, таких, как, скажем, «Глубокое течение» И. Шамякина, «Третья ракета» и «Обелиск» В. Быкова, поэмы А. Кулешова «Знамя бригады» и Р. Бородулина «Блокада», и целый ряд других, в которых талантливо показан наш человек на войне, его мужество и верность коммунистическим идеалам»¹), аднак менавіта ў гэты час пачынаюцца рэпрэсіі да яго найбліжэйшых гродзенскіх сяброў — Барыса Клейна і Аляксея Карпюка. Першы будзе спачатку звольнены з працы, а ў красавіку 1972 г. пазбаўлены і вучонай ступені кандыдата гістарычных навук, і вучонага звання дацэнта. А. Пяткевіч прыгадвае: «Калі быў рэпрэсаваны Клейн, Быкаў адразу пазваніў мне: «Давайце сустрэнемся». Мы гулялі па вуліцы, у Быкава дрыжэлі рукі. Ён расказваў, якім менавіта чынам збіраўся матэрыял на Клейна — запісы размоў рабіліся ў парку, у рэстаране, дома — запісвалі ўсюды!.. Мы доўга тады хадзілі. Як я разумею, яму проста трэба было выгаварыцца. Я першы раз бачыў Быкава такім разгубленым. Гэта мяне вельмі ўразіла. Ён вельмі перажываў. Клейн быў яго сябрам. Да таго ж Быкаў быў уражаны падрыхтаванасцю сістэмы да высочвання людзей. Да гэтага часу ён нават не ўяўляў, што інфармацыю можна збіраць настолькі масіравана». Сам жа Быкаў пазней успамінаў: «Когда я жил в Гродно, у меня был друг историк, защищавший кандидатскую диссертацию в Вильнюсском университете, его фамилия Клейн. Как-то он узнал, что его научный руководитель изгнан с работы, исключен из партии. Клейн ехал из Ленинграда в Гродно, между поездами в Вильнюсе, где жил профессор, у него было три часа, и он решил, что, наверное, стоит поговорить с ним, высказать свое сочувствие, утешить его. А профессор, от которого все друзья отказались, не ходили к нему, даже не здоровались, засомневался в чистоте помыслов своего ученика, заподозрил, что он подослан. Это для проверки меня, решил профессор, и, колебавшись какое-то время, пошел в КГБ и заявил о визите Клейна. И вдруг Клейн говорит мне: «Завтра меня вызывают в горком». Его долго не было, наконец

¹ Самая чудесная сила: Первый секретарь ЦК КП Белоруссии П. М. Машеров отвечает на вопросы главного редактора «Литературной газеты» / Инт. А. Чаковского // Литературная газета. 1972. 26 июля.

появился и сообщает: «Меня исключили из партии». — «За что?» — «За перерождение». Обложили его после похода профессора в КГБ со всех сторон. «Понимаешь, какое дело, — говорил он мне, — все абсолютно точно изложено, все мои крамольные мысли, даже то, что я высказывал жене на кухне. Все записано один к одному, никаких натяжек». Потом стало ясно, что когда на верхнем этаже соседи уехали в отпуск, наблюдатели сняли паркетину и сунули один жучок в светильник в комнате, другой на кухне, напичкали ими всю квартиру. В течение нескольких месяцев все фиксировали»².

Дарэчы, праз дваццаць год гісторыя Клейна стане сюжэтам быкаўскага апавядання «Бедныя людзі». Праўда, сам Барыс Самуілавіч уносіць некаторыя ўдакладненні: «Бедные люди» — это литературный факт, в котором ничего менять нельзя. Но если фактическая первооснова требует уточнения, то это нужно было сделать. Кандидатскую диссертацию я защищал не в Вильнюсском университете, а в Институте истории Академии наук Литовской ССР. Человек, написавший в 1970 г. донос на меня, Евгений Дирвеле, литовец из Вильнюса, был не профессором, а доцентом-историком. Он не являлся моим научным руководителем и, соответственно, я не был его учеником. После войны он, как и я, окончил Ленинградский университет, хорошо говорил по-русски, доброжелательно относился ко мне во время моих архивных занятий. В те времена для «чужака» в Литве это была не мелочь. Поэтому когда у него случились неприятности, я хотел морально поддержать его, был с ним откровенен. А он действительно заподозрил, что я к нему «подослан», и решил «опередить» меня своим доносом в литовский КГБ. Оттуда его обширное письмо, соответственно обработанное, переслали в Минск, а потом оно фигурировало в моем деле в Гродно.

Еще неточность. Делясь с Василем тем, что произошло во время рассмотрения дела, я не мог говорить, что у них «все записано один к одному, никаких натяжек». Обвинители по моему делу не ссылались на материалы тайных «прослушек», зато они цитировали упомянутого Дирвеле и других авторов письменных доносов. Также приглашались живые «свидетели», которые показывали то, что от них хотели услышать. Об использовании технических средств слежения становилось известно с течением времени»³.

Супрацоўнікі КДБ параяць Быкаву «не падтрымліваць контакта з Клейном. Іначэ, мол, яго сумесна з Карпюком падведут пад артыкула аб групавой антысаветчыне, а наказанне за гэта положана суровое»⁴. З таго часу сустрэчы Быкава і Клейна адбываюцца ўжо зрэдку. Апошні пасля напіша: «Мы прастіліся з цяжкім чужым і разойшліся ў розныя бакі. С гэтага мо-

² Ришина И. Демократия улыбнулась Белоруссии. И ушла / Инт. с В. Быковым // Литературная газета. 1994. 22 июня.

³ З ліста Б. Клейна да аўтара кнігі ад 17 ліп. 2006 г.

⁴ Клейн Б. Недосказанное: Главы из воспоминаний. 2004. Рукопись.

мента нашы встрычы сталы как бы слухайнымы, разгаварываць на людях мы избегалы. Толька і выпадало мне, што отвесці душу с Алексеем, пока яго самага не прыперлі к стенке»⁵. Хоць, як Барыс Самуілавіч даведаецца пазней, Быкаў, жадаючы дапамагчы сябру, звернецца да сакратара ЦК па ідэалогіі А. Кузьміна, але тое было не ў яго моцы.

Вельмі важная заўвага Б. Клейна: «Сздавалася ўпечатленне, што для полноты карціны все же не хватало нашых, улічаючых другіх, прызнаньняў. Іх у нас вымагалі, но безуспешно. В справках парткомісій адмечалася асабо: «Нігде Клейн не расшыфровывае, с кем канкрэтна вел антыпартыйныя і антысавецкія разгаворы, хто раздзяляў яго ўзгляды». Ні в адным абвінвальным дакумэнце в свой адрэс я не встрычел ссылок на улічаючыя мяня хоць бы косвенныя свідэцтвава Быкова і Карпюка. Людэў без слабостэў не бывае, і мы не ісклучэньне. Но вот друзэў не предавалі, от этого себя уберегли. Или Бог не допустил этого»⁶.

Прыкладна ў той жа час спрабуюць выключыць з партыі А. Карпюка — яго ўжо знялі з пасады сакратара аддзяленьня Саюзу пісьмэннікаў. Дарэчы, падчас разгляду справы Карпюка на пасяджэньні сакратарыята СП БССР М. Ткачоў, у прыватнасці, гаварыў: «У рабоце тав. Карпюка дапушчана і шэраг іншых недахопаў — перавелічэньне сваёй сакратарскай ролі ў жыцці аддзяленьня, адсутнасць самакрытычнасці, прынцыповай аб'ектыўнасці пры разглядзе твораў членаў аддзяленьня, імкнэньне надаць сярод грамадскасці галоснасць сваім памылковым выступленьням». У сваю чаргу У. Гніламедаў сцвярджаў: «У аддзяленьні складалася нядобрая творчая атмасфера, у чым вялікая віна Карпюка. На В. Быкава ніхто не нападае. Ён — таленавіты пісьмэннік, але пра развіццё яго, як і кожнага таленту, трэба клапаціцца, дапамагаць яму пазбаўляцца ад слабых бакоў у творчасці. Гэтага чамусьці не хоча зразу мець Карпюк, калі размова ідзе пра творчыя недахопы таго ці іншага члена Гродзенскага аддзяленьня»⁷. Замест Карпюка Гродзенскае аддзяленьне СП БССР узначаліць Быкаў — з мая 1971 па люты 1978 г., праўда, часова выконваць абавязкі сакратара абласнога аддзяленьня СП пачне ў маі 1970 г.⁸, трэба думаць, без асаблівага задавальненьня, паколькі яшчэ ў лютым 1970 г. Карпюк паведамляў у заяве на імя сакратароў СП БССР, што «ў Гродзенскім аддзяленьні няма каго выбраць сакратаром (Быкаў і Бічэль адмаўляюцца наадрэз)»⁹. Але, як падаецца, кіраўніцтва беларускага СП не вельмі давярае і Быкаву, паколькі, як напіша Васіль Уладзіміравіч у лісце да Д. Сімановіча

⁵ Клейн Б. Недосказанное.

⁶ Тамсама.

⁷ Пратакол № 10 пасяджэньня сакратарыята СП БССР ад 11 мая 1970 г. БДАМЛіМ. Ф. 78, воп. 1, адз. зах. 187, арк. 146, 149—150.

⁸ Выпіска з загада № 34 Першага сакратара праўленьня СП БССР М. Танка // Асабістая справа пісьмэнніка Быкава В. У. Захоўваецца ў СБП.

⁹ БДАМЛіМ. Ф. 78, воп. 1, адз. зах. 187, арк. 151.

ўжо ў студзені 1971 г., «по слухам, доносящимся из Минска, Гродненское отд. планируют закрыть — не могут подобрать верного секретаря, которого в Гродно не имеется в наличии и вроде не предвидится в будущем»¹⁰.

Аляксею Карпюку няма на што жыць у літаральным сэнсе слова. Быкаў напіша ў верасні 1970 г. у лісце да П. Кабзарэўскага: «У меня все слава богу, а вот А. Карпюк вот уже четвертый месяц без работы и без заработка. Пребывает в черном теле»¹¹. «Несчастья обрушились на Карпюка, словно каменный обвал в горах. Первым делом его отстранили от работы секретарем областного отделения СП БССР (с окладом 80 рублей в месяц), различные редакции разом отказали во всех публикациях, из издательских планов были выброшены все карпюковские книги. А тут еще пришлось положить в онкологию жену-учительницу, на руках безработного остались двое детей-студентов и дочь-школьница. Жить стало не на что, кормить семью было нечем. Время от времени писал заявления в Литфонд об оказании материальной помощи, но помощь оказывалась маленькой суммой раз в году. Другой помощи ждать было неоткуда. Руководство Союза писателей БССР заняло выжидательную позицию, явно поставив ее в зависимость от результатов апелляций Карпюка в партийные органы. Друзья... Ближайший из них, доцент мединститута Б. Клейн, был также исключен из партии и лишился работы, автор этих строк, будучи беспартийным, подвергся жесткому прессингу партийных и охранительных органов, включая мордобой руками уголовных элементов и вызовы на профилактику в республиканское управление КГБ»¹². Аднак руку дапамогі Карпюку працягваюць Быкавы (і перш за ўсё Надзея Андрэеўна), якія не аднойчы пазычаюць сям'і Аляксея Нічыпаравіча грошы, і гэта ў той час, калі практычна ўсе адварнуліся ад Карпюка як ад пракажонага. Быкаў шукае розныя шляхі, як дапамагчы сябру, ёсць адно дакументальнае сведчанне — ён пісаў у ліпені 1970 г. да М. Ткачова, сакратара праўлення СП БССР: «А. Карпюку патрэбна матэрыяльная дапамога хоць бы ў выглядзе фінансавання з выпадку творчай камандзіроўкі. Калі гэта немагчыма зрабіць на яго імя, дык я прашу аформіць такую камандзіроўку на мяне. Вельмі прашу Вас аб гэтым»¹³.

Іна Карпюк сведчыць: «Они защищали друг друга в самые страшные времена. Это были настоящие отношения». Раней яна прыгадвала: «Если бы не Вася, мы бы не выжили с тремя детьми. Когда Алексею Никифоровичу два года не давали работать, он поддерживал нас материально. И сам, и Надежда Андреевна, и Ирина Михайловна, когда она появилась в его жизни. А

¹⁰ Симанович Д. Витебский вокзал, или Вечерние прогулки через годы: Дневники. Мн.: Асобны, 2006. С. 127.

¹¹ БДАМЛіМ. Ф. 31, воп. 2, адз. зах. 297, арк. 3.

¹² Быков В. В железной раковине: Об одной писательской судьбе // Литературная газета. 1990. 4 апр.

¹³ БДАМЛіМ. Ф. 281, воп. 1, адз. зах. 140, арк. 2.

ведь не было надежды, что мы сумеем когда-нибудь вернуть эти деньги. Так поступили лишь Быковы и профессор Яков Мараш»¹⁴.

Галоўная прычына, мякка кажучы, непрыемнасцяў Аляксея Нічыпаравіча заключаецца, здаецца, у тым, што ветэран і пісьменнік Карпюк, які не толькі прайшоў усю вайну, але і дайшоў да Берліна, не ўмеў маўчаць, калі трэба было казаць праўду. Сам пра сябе ён гаварыў яшчэ падчас V з'езда СП: «Мае словы, магчыма, будуць камусьці недаспадобы. Што ж, мне нічога не трэба. Як гаворыцца ў песні: «Жила бы страна родная, и нету других забот!» Я стаю на сваёй зямлі, ды яшчэ каб не гаварыў на ёй такога, чаго думаў, то навошта ж тады жыць?!»¹⁵ Дарэчы, Клейн прыгадваў у сувязі з прамовай сябра: «Он на своей земле вел себя по-хозяйски, а если кого критиковал, то невзирая на лица и чины. Шумную известность, даже за пределами СССР, принесла Карпюку его обличительная речь на съезде белорусских писателей 1966 г. Этой речи ему не простили никогда, ее поставили в один ряд с «подрывной пропагандой» пражских интеллектуалов»¹⁶. Пазней П. Машэраў упікне Карпюка менавіта за гэта — скажа падчас пасяджэння бюро ЦК КПБ: «Мы слушаем дело о выступлениях Карпюка на съездах и пленумах СП БССР! Вы, товарищ Карпюк, если и видели что-нибудь предосудительное, должны были, как настоящий коммунист, в первую очередь прийти сюда и выложить, что наболело, а вы как поступали? Заберетесь на трибуну и устраиваете шум на всю республику! Я, бывало, привезу из Москвы гостей в Союз писателей, а Карпюк с Быковым и Адамовичем повылезут на трибуну да на приезжих все вываливают. А мне каково? Хоть сквозь землю провалились!»¹⁷ Машэраў скажа тое пасля таго, як у 1972 г. Аляксея Нічыпаравіча ўсё-такі выключачь з КПСС, больш таго, на яго паспрабуюць завесці крымінальную справу, згодна з якой той у гады вайны быццам быў завербаваны ў канцлагеры. Але ні Клейн, ні Быкаў не дадуць веры ў тое. І зноў Васіль Уладзіміравіч паспрабуе пашукаць аховы ў сакратара ЦК А. Кузьміна. Аднак дарэмна, Аляксандр Трыфанавіч заўважыць: «Главное, там роспись за марки. А уж немцы зря денег не платили...» «Был момент, когда Быков поверил, что Алексея наверняка посадят. И, по словам последнего, вывел такой итог: «Сидел ты в польской тюрьме, немецкой, теперь упекут тебя в нашу. Обложили тебя со всех сторон». И даже

¹⁴ Инна Карпюк: Молодой Быков был не похож на свою прозу / Инт. А. Федуты // «Комсомольская правда» в Белоруссии. 2003. 27 июня.

¹⁵ З выступлення А. Карпюка на V з'ездзе СП БССР 13 мая 1966 г. Стэнаграма. Хатні архіў А. Карпюка. Аднак трэба адзначыць, што згодна стэнаграме, якая захоўваецца ў БДАМЛіМ, заканчэнне гэтага абзаца гучыць інакш: «Урэшце, я на сваёй зямлі. Я нікога не збіраўся тут навучаць. Проста хачу, каб і мае думкі ўліліся ў паток усхваляваных думак народа і паслужылі справе» (БДАМЛіМ. Ф. 78, воп. 1, адз. зах. 45, арк. 192).

¹⁶ Клейн Б. Недосказанное.

¹⁷ Карпюк А. Прощание с иллюзиями: Хроника одного поколения // Нёман. 1993. № 5. С. 108.

договаривался Василь с московскими друзьями-писателями, чтобы спрятать Карпюка на время в психбольницу и хотя бы таким способом, через знакомых врачей, раздобыть ему «охранную грамоту». На это, правда, Карпюк не пошел, хотя, по его же воспоминаниям, был близок к самоубийству»¹⁸.

А перад тым Карпюк атрымлівае ананімнае папярэджанне: «Уничтожайте самиздат!» І на ўсялякі выпадак «утопіць» некаторыя рукапісы, Клейн пазбавіцца ад артыкулаў з чэхаславацкай прэсы, на гэта Быкаў змрочна пажартуе: «Не беспокойтесь понапрасну, если они придут, то все принесут с собой»¹⁹. Іна Карпюк прыгадвае: «Звонок о том, что надо уничтожать самиздат, раздался у нас в квартире. Самиздат — это и «Крутой маршрут» Е. Гинзбург, и письма А. Солженицына (их было два — письма к IV съезду Союза писателей; одно исчезло во время негласного обыска у нас, другое до сих пор хранится), машинописный экземпляр книги А. Некрича «1941. 22 июня», «Теркин на том свете» (эта поэма А. Твардовского тогда по рукам ходила в Москве; а я даже в школу ее носила читать — какие же мы были глупые, не понимали, под каким наблюдением находимся!), даже автобиография Евтушенко была самиздатом... И вот этот звонок. Так Алексей, нагрузив целый мешок, пошел топить его в речке Городничанке».

Шмат пазней Быкаў напіша ў лісце да Іны Анатольеўны: «Я цяпер успамінаю, як мы жылі з ім у Гародні, і скажу, што добра і згодна жылі. Хаця (асабліва, як пачалося з Барысам [Б. Клейнам. — С. Ш.]) прэсінг на нашу згоду быў страшэнны, так хацелася ім нас раз'яднаць, каб, як шчанюкоў, прыдушыць упаасобку. Ды не атрымалася тое ў іх, хаця напсавалі нашае крыві нямала»²⁰.

Цікава, што з цягам часу лёс некаторых мясцовых начальнікаў, якія імкнуліся паставіць крыж на Быкаву і яго сябрах, складзецца не лепшым чынам, — на дзіва, пакаранне яны панясуць яшчэ пры жыцці. «Генка» [член бюро Гродзенскага гаркама. — С. Ш.] погорел на различных махинациях. От должности мэра города его освободили, сделали директором строительного комбината. Поняв, что это только начало, он однажды напился и выстрелил из охотничьего ружья себе в рот.

Могильницкий к тому времени выбился в прокуроры республики. Устроил другу пышные похороны, способствовал прекращению его уголовного дела, но вскоре погорел и сам на известном витебском деле, после которого его уволили с работы и исключили из партии.

А потом наш областной центр потрясло дело высокопоставленных охотников.

¹⁸ Клейн Б. Недосказанное.

¹⁹ Тамсама.

²⁰ 3 ліста ад 6 студз. 1993 г. БДАМЛіМ. Ф. 257, воп. 1, адз. зах. 467, арк. 1.

...Секретарь обкома партии Ульянович, начальник управления КГБ Кузнецов и заместитель председателя облисполкома Пронько были ко всему еще заядлыми браконьерами. Эти удалые молодцы поехали в Беловежский заповедник, чтобы разжиться к Новому году дичью. Напились до того, что в глазах у них начало двоиться и троиться. В результате один горе-охотник, целясь в кабана, загнал жакан в живот Ульяновичу. [...]

Всех «ворошиловских стрелков» Машеров тотчас уволил с работы.

В том числе и Ульяновича. Но, как метко заметил наш мудрый Кондрат Крапива, бюрократы по отдельности не живут, существуют только клубами. Вот и этот человек, имея много друзей, очень скоро добился помилования и стал заместителем министра культуры. А выйдя на пенсию, возглавил Музей истории Великой Отечественной войны»²¹.

Іншы час быў сапраўды ўжо не за гарамі — калі антыбыкаўская кампанія мала-памалу пачала ісці на спад, пакуль урэшце не ператварылася ў сваю супрацьлегласць.

Если биография Карпюка выглядела сумбурной и местами подозрительной, конечно, с точки зрения дознавателей, то родословная Быкова, по тем же мерилам, должна была казаться упорядоченной и внушать к нему доверие. Бедствовал на своей Витебщине в детстве — а как же иначе? Голодал, холодал — как и все деревенские, учился там и сям. Ничего особенного, значит, не к чему и придраться. Воевал как положено, получил ранения, но ведь выжил. Послужил стране в офицерском звании — в общем, наш человек. Спрашивается, откуда взялась его упорная «вредность»?

Кое-кому этот вопрос, похоже, до сих пор не дает покоя. Неужели не ясно, «откуда взялась»? Да все оттуда же: от слишком большой любви к своей Родине. Этой любви ему, в сущности, и не простили ненавидевшие великого писателя белорусского народа. [...]

Позволю себе заметить, что даже в исповедальной, предельно честной последней книге Василь, по причине одному ему известной, представил себя более колеблющимся, неуверенным в себе, чем в реальности. Если это имеет значение, признаюсь здесь, что он сумел что-то серьезно изменить и во мне. В его присутствии просто невозможно было влиять. Он убил во мне половинчатость. С ним я усвоил, что все достигнутое прежде не в счет, если робеешь перед последним шагом.

Не раз он говорил мне о Камю, Сартре, и какое-то влияние экзистенциализма, особенно на раннем этапе, он, вероятно, испытал. Но не более того.

²¹ Карпюк А. Прощание с иллюзиями // Нёман. 1993. №5. С. 110.

Мне кажется, он полностью поверил в меня только тогда, когда у меня отобрали все.

Поэтому не вижу нужды доказывать, что именно Быков являлся лидером нашей группы. А те, кто игнорировали этот факт, притворялись. На деле они знали, кто есть кто. [...] Главное, почему мы убереглись от распада, — мы ощущали авторитет Быкова как писателя и испытывали влияние его мощной, доминирующей над обстоятельствами натуры. И не нужно забывать о главных его качествах, подменяя их правильным, но в сущности вторичным перечислением его добродетелей: терпимости, такта, уважения к чужому мнению и проч.

Клейн Б. Недосказанное: Главы из воспоминаний. 2004. Рукопись.

По разумению наших партийных бюрократов, Быков самостоятельно не мог так писать — он будто бы делал это под влиянием вредного окружения. И в Гродно началась беспощадная расправа с его друзьями.

Первым наказали, лишив звания доцента, Бориса Самуиловича Клейна.

Карпюк А. Прощание с иллюзиями: Хроника одного поколения // Нёман. 1993. № 5. С. 93.

Видимо, я не стал хорошим евреем, но когда в начале 1970-го развернулась кампания по разоблачению сионизма как «родного брата фашизма», я соучаствовать в ней отказался. Произошло это так. Мне, как доценту-историку, предложено было выступить в газете «Гродненская правда» с открытым письмом, осуждающим Израиль, — по образцу тех, которые помещала московская «Правда», а вслед за нею и минские газеты. Ряд гродненских еврейских товарищей нужные публикации своевременно представили, а проректор пединститута доцент Фих выступил в «Советской Белоруссии» с особенно мерзкой статьей «Сионизм и фашизм». Прежде чем давать ответ, я посоветовался с женой и старшим сыном Александром (младший, Евгений, был еще маленьким), потому что отвечать за последствия пришлось бы и им. Обсуждались разные варианты, в том числе и компромиссные: например, написать, что у еврейского государства, как и у еврейского народа, имеются и недостатки, и достоинства (следует перечисление тех и других). Однако об этом в редакции и слушать не хотели: какая может быть отсебятина, когда требуется просто осудить, прямо отмежеваться от мирового еврейства, как подобает советскому человеку. И притом именно тем языком, каким выражается центральная печать. Тогда я уведомил редактора газеты Коласа, что не буду повторять за другими клевету на свой народ. Моего открытого письма так и не увидели в газете.

Друзья, Карпюк и Быков, были в курсе этой истории и считали, что хотя я прав, но поплачусь вдвойне: за личную строптивость и за то, что крепко подвел начальство. [...]

Между тем, после попытки исключить Карпюка из партии (редакционный коллектив «Гродненской правды» не проголосовал за эту меру), его сняли с должности секретаря областного отделения Союза писателей. Положение Алексея ухудшилось настолько, что ему буквально не на что было жить. Мы с Быковым его поддерживали, как могли.

23 октября 1970 г. я обратился с письмом в его защиту к Союзу писателей Беларуси, на имя М. Танка. В письме было сказано, что Алексей Карпюк уже много месяцев бедствует, почти без средств к существованию, а ведь он — глава семьи, с тремя детьми и больной женой. Подходящей работы ему не дают. «Обстановка вынуждает, — говорилось далее, — покинуть Гродненщину, к которой он прирос корнями за полвека, и вдали от которой он вряд ли сумеет сохранить творческую активность».

В моем архиве сохранился ответ, написанный собственноручно М. Танком 30 октября того же года. «Паважаны Барыс Самуілавіч! — писал Евгений Иванович. — Я доўгі час быў у камандзіроўцы і таму не змог прасачыць, як абстаіць справа з Карпюком. Перад гэтым Мікуловіч (тогда первый секретарь Гродненского обкома партии. — Б. К.) запэўніў мяне, што абком падшукае для яго работу... Хаця зазначыў, што каля дваццаці пасада прапанавалі Карпюку і ён ад іх адмовіўся... Па лініі Саюза пісьменнікаў усе сродкі дапамогі матэрыяльнай мы выкарысталі»... Насчет «20 пасада», якобы подобранных в Гродно Карпюку, — выдумка, ничего они для него не искали, не к тому шло дело. [...]

6 мая 1971 года бюро Гродненского горкома «поставило на мне крест». Обвинения предъявлены были мне достаточно тяжкие, как следует из постановления бюро: «Он (Клейн) подчеркивал необходимость борьбы против «сталинистов», против правящей группировки, которая как будто стремится возратить старые сталинские методы, утверждал, что якобы в партии образовались два крыла: «сталинистов-догматиков» и демократическое крыло творческой интеллигенции».

Действительно, с последним и отождествляли себя мы с Карпюком, то есть поступали так, как будто уже выделилось социал-демократическое течение и нам дозволено было безнаказанно к нему принадлежать. Нечто подобное происходило тогда в Польше и Чехословакии, где оппозиционные силы прирастали «снизу», спонтанно увеличиваясь за счет примыкавших к ним групп. Но это не у нас.

Так думали мы с Карпюком, но Быков, надо заметить, не верил ни в какие «крылья» партии, говорил, что все одним миром мазаны, а если можно иметь дело, то лишь с отдельными людьми²².

²² Пазней Б. Клейн дадасць: «Но мысль-то была (высказанная не раз в нашем кругу и записанная подслушками), — что хотя после 1968 года эта власть обречена, если с ней не бороться, то «кремлевские выродки» приведут всех к катастрофе. И погубят многих. Причем

В том же документе можно прочитать: «В 1968 г. Клейн Б. С. выступил против предпринимаемых мер нашего правительства и ЦК КПСС по отношению к Чехословакии...» [...]

В справках же парткомиссий отмечалось, что Клейн называл руководство КПСС «группой выродков», которые доведут страну до катастрофы. Утверждал, что «массы недовольны политикой партии, что у нас в стране нет демократии, свободы... Выборы в нашей стране — это ширма для прикрытия кучки карьеристов. Формами борьбы считал, в частности, подготовку статей, книг, брошюр, отправку писем в ЦК», подстрекал вовлекать в эту антипартийную деятельность население. «В лекциях Клейн проводил свои враждебные взгляды и допускал, как было подчеркнуто, «буржуазный объективизм». [...]

...Карпюку задолго до этого ставили в вину аполитичные выступления, и не только перед писателями. Быков же навлек на себя ожесточенные и не утихавшие кампании травли в печати... [...] Так что, для подведения нас всех под общую формулу обвинения материала было достаточно. Не составляло тайны, что за нами ведется интенсивное подслушивание, а некоторых стукачей мы знали в лицо [...].

Позже оба, Василь и Алексей, написали в воспоминаниях, что мы искали общую линию поведения и пытались построить какую-то самозащиту. Верно, мы пытались, только возможностей отпора у нас почти не было. [...]

После увольнения с преподавательской работы я долго ходил без места. Потом «направили» на городскую овощную базу, предупредив, что никуда меня больше в городе не возьмут. Редакциям как будто не отдавали формального приказа меня не печатать — они сами знали, как поступать в этих ситуациях. Случайно я узнал, как в журнале «Полымя» обсуждали участь одной моей большой статьи. Сотрудники редакции приготовились было изъять ее из набора. Дело дошло до Максима Танка, и тот, якобы, с сарказмом отозвался: «Ён жа яшчэ не арыштаваны, а вы ўжо ... у штаны». Материал опубликовали [...].

К осени где-то там наверху, в Минске или Москве, посчитали, что я слишком легко отделался, и заработал новый механизм ущемления личности. Вполне сервильный ученый совет мединститута, где я уже и не числился, провел заседание без моего участия и внушительным большинством голосов постановил лишить меня ученой степени и звания. Соответствующее представление незамедлительно пошло в Москву, и 14 апреля 1972 г. там по этому вопросу собрали пленум ВАК (Высшей аттестационной комиссии), который единодушно решил: лишить. [...]

Василь был больше пессимистом на этот счет, чем мы с Карпюком. В позитивные перемены сверху он не верил. Он считал, что будут нас и дальше водить на цепи кругом, как «котов ученых» в сказке величайшего поэта» (3 ліста Б. Клейна да аўтара кнігі ад 22 мая 2006 г.).

Между тем Василь, как выяснилось, не бездействовал: он добрался до Кузьмина и просил облегчить мне участь. Секретарь ЦК, вспоминал Быков, выслушал «с вежливой озабоченностью, согласился, что Клейн умный человек и хороший ученый, но и все. И я понял, что есть другие силы, властью над которыми секретарь ЦК не обладает. Скорее, они имеют власть над ним». [...]

Помимо материальных лишений и моральной угнетенности, положение отщепенца усугубляется болью от резко изменившегося отношения окружающих. Пройтись по улице я еще мог с Карпюком, которого не пугали последствия. Принимали меня и немногие друзья: муж и жена Плучеки, Оффенгеймы. Но преобладали среди прежних коллег и знакомых «перебежчики», те, кто, заведя меня, перебежали через улицу, чтобы, упаси бог, не довелось здороваться. Я никого из них не осуждаю. Но и не оправдываю. Каждый делал свой выбор.

Жена спросила однажды проректора Гродненского мединститута Симорота, почему без всякого законного основания было послано в Москву представление о лишении меня ученой степени и звания.

— Нам так сказали, — ответил тот.

— А если бы вам сказали убить его, вы бы тоже исполнили?

Проректор пожал плечами:

— Вы что, не знаете, в каком государстве живете?

Второй секретарь Гродненского обкома партии Фомичев изъяснялся в обычной для него фарисейской манере: «Ученый может, он даже обязан иметь собственное мнение и дискутировать». Мне он также говорил:

— Вы правильно критикуете сталинские методы. К чему вообще столько шума, можно делать это все иначе, гораздо тише. — При этих словах Фомичев сжимал над столом пухлые руки, как бы стискивая чье-то горло.

Когда ему доложили, что я намерен выехать из Гродно и устраиваться на работу под Ленинградом, он мне настоятельно отсоветовал это делать: пройдет от силы три-четыре недели, и там, на новом месте, раздумают брать. А если все же возьмут, будет звонок отсюда, чтобы немедленно уволили. [...]

— Зачем вы вмешиваетесь? — спросил я у секретаря обкома, — ведь я не лишен свободы, даже не давал подписки о невыезде. А поскольку все у меня уже отняли, значит, я вам здесь больше не нужен.

— Нет, вы нужны, — возразил тот, и я навсегда запомнил его слова: — Вы будете маячить на гродненских улицах, как тень. Чтобы все видели, какая судьба ожидает того, кто пойдет против нас.

Против кого? — думал я. — ЦК, Госбезопасности, или, быть может, там были еще какие-то интересы?

Клейн Б. Недосказанное.

Из-за дремучей своей ограниченности местные руководители посчитали Клейна главным вдохновителем и виновником того, что Быков в своих произведениях так беспощадно правдив.

Клейну пришили антисоветизм. Подловили на фразеях типа «консервативные и не способные ни к чему кремлевские руководители», «матерые сталинисты», которыми он пользовался на лекциях, и исключили из партии.

Член бюро горкома Геннадий А., непочтительно прозванный Генкой, отбирая билет, заглянул туда, где отмечают суммы партвзносов, и со злорадным удовлетворением объявил Клейну:

— Ого, и ему еще было плохо! Ну теперь ты, голубчик, получать столько не будешь, мы об этом позаботимся, будь уверен!

Вокруг меня события развивались следующим образом.

Сначала вызвал меня секретарь обкома по пропаганде А. И. Ульянович и поставил вопрос ребром: я, коммунист со стажем, думаю критиковать распоясавшегося Быкова за очернение советской действительности или не думаю? Это первоочередной долг секретаря отделения СП БССР, или я деньги от государства получаю ни за что?

Я стал доказывать, что Василь никого не думает очернять и вообще не нуждается в подсказках. Что в его повестях не антисоветизм, а суровая правда жизни в сочетании с любовью к человеку и болью за Родину. Что Быков, хотя и беспартийный, пишет с чистейших партийных позиций. Что за ним будущее, поэтому его не критиковать следует, а выдвинуть на Государственную премию да еще дать квартиру. Секретарь обкома долго ко мне присматривался и что-то бубнил себе под нос. Наконец изрек:

— Еще и премию ему, ха! А за что? За то, что пишет? Пишем мы все — и я в том числе! А насчет партийности... мы в этих делах разбираемся лучше! И с квартирой у него ничего страшного! Живет в коммуналке? Многие так живут!..

Подумав минуту, добавил:

— Значит, участвовать в перевоспитании Быкова отказываетесь. Что ж, пеняйте на себя. И с вами поступим так же, как с Клейном. Отделим вас от него! Лишим вашего влияния — опомнится и он!

И правда, вскоре узнаю: КГБ допрашивает знакомых, копается в моей биографии.

Снова стали придираться к жене на работе, а дочь песочить за участие в идейно вредном клубе, хотя она знала одну дорогу — из школы домой.

Предложили Максиму Танку, чтобы потребовал от меня заявление об уходе с должности секретаря отделения СП БССР.

За исключением «Нового мира», все редакции, как по команде, вернули мне рукописи.

Бумаги в Москве пусть полежат, а заявления от меня не дождетесь — дудки! Выдержит и жена, а у дочери еще вся жизнь впереди!

Честно говоря, я думал, как бывало не раз в жизни, — пронесет. Был уверен, что не освободят меня от работы. Мое же отделение — лучшее в республике, руководство мной не нахвалится, проводит у нас показательные совещания.

Оказывается, моя уверенность ни на чем не была основана.

Неожиданно созвали секретариат СП БССР, и тот будто бы за развал работы уволил меня. Шесть секретарей, до сих пор относившиеся ко мне весьма дружелюбно, вдруг напали на меня с такой злобой, словно я у них увел жен, отнял последний кусок хлеба, сжег дом или покалечил внуков. Исключение составил седьмой секретарь — Янка Брыль, проголосовавший против.

А события лишь набирали размах.

Однажды некий командирский бас приказал по телефону:

— Карпюк? Ты мне-то и нужен! Слушай внимательно! Спрячь самиздат! Спрячь немедленно и надежно! Вынеси из дому к чертовой матери, сейчас же, сию минуту!

И бросил трубку.

Кто звонил? Провокатор, принимающий меня за дурака? Или доброжелатель?

Но времени на раздумья не было. Как только стемнело, я скорее толстые папки с рукописями Гинзбург, Бека, листы с выступлениями Сахарова, Некрича и все остальное запихнул в мешок и потащил, чтобы утопить в Городничанке. Спрятавшись за кустом, вытащил первую папку. Когда отдельными листками топил рукописи Бека и Гинзбург, во мне вдруг заговорила жадность. А зачем я все это уничтожаю? И копию письма Солженицына IV съезду писателей, присланную мне Александром Исаевичем, и умные мысли Сахарова, Лешека Колаковского, Некрича, стихи Мандельштама, Ахматовой и многое-многое другое? Минует эта напасть, и где я все это снова достану?

Мешок с оставшимися рукописями понес на окраину города к довоенному другу Мишке Гребенчуку [...].

И вот потянулись недели, месяцы — без работы, без возможности печататься. Нарастала тревога. А тут еще первый секретарь горкома партии Могильницкий шепнул — завели на меня компромат и пишут справку для исключения из партии.

Наивные люди всей подоплеки не знали и пытались по-своему объяснить происходящее. В глазах людей мы выглядели чудовищами.

Поползли слухи, что Быков за свои книги получает доллары от американских резидентов.

На Бориса Клейна возвели поклеп, что он в Витебске выкопал золото, спрятанное отцом в то время, когда тот служил офицером у Деникина, а потом перевез в Гродно, где и попался на махинациях. Мол, пока что вылетел из партии, а вскоре предстанет перед судом.

Но больше всего фантастических баек пошло гулять обо мне. Способствовал этому секретарь горкома партии А. Могильницкий. [...] ...Вдруг с трибуны стал говорить обо мне такое, о чем обычно пишут в приключенческих повестях. Он сообщил, что я сын матерого кулака и предателя Родины, в войну учился в берлинской школе диверсантов, а потом немцы

заслали меня в партизаны, где я выдал карателям отряд. После освобождения, для маскировки, женился на дочери видного революционера (мой тесть — А. Ольшевский, расстрелянный сталинистами в 1937 году, был секретарем ЦК Комсомола Западной Белоруссии [...]). А недавно по приказу ЦРУ я вышел из подполья и стал вредить Советской власти. [...]

Кампания травли вскоре принесла свои плоды. Быкову в очередной раз выбили окна. От меня и Клейна знакомые на улице шарахались, как от прокаженных. Никто больше мне не звонил, не писал, а школы, техникумы и рабочие общежития перестали приглашать на выступления.

Но мало этого, на улице я стал замечать за собой хвост. [...]

Украдкой встретились со мной молодые поэты Валентин Чекин и Олег Малащенко и рассказали, как их обоих работники КГБ затащили на тайную квартиру в городе и потребовали, чтобы они докладывали о каждом моем и Быкове шаге. А Малащенко, попавшегося на написании крамольного стихотворения, вынудили, насколько мне известно, написать объяснение, мол, в своем произведении он потому так резко высказывается, что сочинял его под влиянием моего выступления на V съезде Союза писателей БССР...

Одним словом, жили мы как изгои. Временами, словно заговорщики, встречались вдали от людских глаз и обсуждали — что же нам делать.

Наконец вызвали меня на допрос в КГБ. [...]

Не обошлось и без подлых приемов.

Весной 1943 года за связь с партизанами мы с братом попали в лагерь смерти Штутгоф под Данцигом. В Штутгофе, как и во всех концлагерях на территории Германии, каждый арестант мог получить из дому посылку с продовольствием и деньги. Марки на руки не выдавали, записывали их на личный счет арестанта. [...]

Подполковник Фомин привез из Штутгофа фотокопию ведомости, согласно которой я получал в канцелярии три раза по двадцать марок.

— Карпюк в лагере состоял на службе у немцев! — сделал следовательно вывод и стал заводить на меня уголовное дело. [...]

Но получилось так, что завести уголовное дело на основании той проклятой ведомости следователю, как он ни старался, не удалось. Провалился его замысел! Из-за международной солидарности литераторов.

Узнав о моих мытарствах, старый друг из Польши, бывший советский разведчик и автор многочисленных книжек Александр Омильянович, не стал сидеть сложа руки. Он тотчас отправился на своей машине в Штутгоф [...]. В музее раздобыл справку о том, что в лагерь можно было присылать деньги по почте. С помощью других польских писателей, соблюдая конспирацию, бумажку быстро переправил мне через границу, и Фомин остался с носом — главный козырь из его рук выбили²³. [...]

²³ Б. Клейн прыгадваў: «Знал я и польского журналиста Олека Омильяновича, относительно которого мы по телефону получали анонимные предупреждения, что этот человек

Но из партии меня с треском вышвырнули. [...]

Однажды Быков сказал мне:

— Алексей, в «Новом мире» ждут, чтобы ты забрал свои рукописи! Почте не доверяют!

— А мне они зачем?

— Ты что?! Забери обязательно, когда-нибудь пригодятся!

Василь предложил добираться в столицу вместе [...].

...Меня, заинтригованного, Василь повел к своему другу — поэту Грише Куреневу. Там за журнальным столиком с чашечкой кофе в руке сидел главный врач психиатрички.

Нас познакомили. Тут и выяснилось — друзья мне подготовили спасение. Думали-думали и придумали. Теперь — дело за мной.

Выход был очень простым. Этот врач [...] брался выдать справку, в которой черным по белому будет написано, что я психически ненормальный. Не то чтобы совсем сумасшедший, а — неуравновешенный и не отвечающий за свои поступки. Мол, тогда сразу от меня отстанут и по партийной линии, и по судебной, и КГБ отвяжется, ибо согласно Конституции на психически ненормальных людей дело заводить никто не имеет права, и это, пожалуй, единственная норма, которая у нас неукоснительно соблюдается. А справки нечего стесняться: она будет написана латынью, понятной лишь специалистам.

Василь стал уговаривать:

— Алексей, соглашайся! Первый раз исключили из партии — ты отбил-ся. Второй раз — доконали! Теперь жди — рано или поздно посадят, сценарий известен! Сидел в польской тюрьме, сидел в немецкой, упекут и в нашу, — они всё могут. Ну зачем тебе это испытывать под старость? А Инна твоя с детьми что делать будет? Обложили тебя, как волка, со всех сторон, и другого выхода нет!

Куренев добавил:

— В Москве так спасаются некоторые — ходят с подобными билетами в карманах и никто даже пальцем не смеет их тронуть! [...]

Жена его, Галя, начала загибать пальцы, перечисляя фамилии московских литераторов, которым уже таким образом помогли. По ее мнению, иметь такую справку лучше, чем ждать, пока на самом деле посадят в психушку, как генерала Петра Григоренко или ученого Жореса Медведева.

— Слышал, что Гриша с Галей говорят? — подытожил Быков.

«подослан» спецслужбой, только не уточняли, какой: нашей или польской. Но именно он проник в Польшу в архив бывшего концлагеря Штутгоф и там нашел подлинник той злосчастной немецкой ведомости — оказывается, реестра денежных переводов заключенным от их родственников. Эту-то специфику документа намеренно утаил дознаватель, изготовивший фотокопию без заголовка [...]» (Клейн Б. Недосказанное).

Конечно, предложение друзей было от чистого сердца. Но я уже знал: на такое никогда не соглашусь.

Сложная натура человек. Казалось бы, возьми справку, возвращайся домой и издевайся над своими недругами — над тем же Ульяновичем, Фоминым, Могильницким и другими. Но я больше всего не люблю выглядеть смешным. Хуже смерти этого боюсь! Что, потом ходи с клеймом дипломированного придурка? А как глядеть в глаза жене, детям, родственникам, знакомым?! [...]

Врач, высокий худощавый мужчина в расцвете сил, рассказал, сколько в психушках сидит людей по политическим мотивам или из-за того, что не ладили с начальством. Это, как и впервые услышанная из Галиных уст весть о генерале Григоренко и ученом Медведеве, меня больше всего поразило. Кое-что доходило до меня из передач радио «Свобода», но я не верил ни одному иностранному слову — таким преданным был патриотом. И вот тебе на!

А врач продолжал свой рассказ:

— Знаете, у меня в одной палате сидит палач. Самый настоящий. Симулянт, конечно, но я держу его ради любопытства — хочу у него обо всем выспросить, а он на это идет. Василий Владимирович, не заинтересует ли он вас? Хотите, покажу того, кто при Сталине людей расстреливал? Предстанет во всей своей красе! Скажу вам, персонаж, достойный пера Чехова или Достоевского! [...]

Василь-чудак в больницу идти отказался — лишь скептически улыбнулся.

Напросился туда я. [...]

Вспомнилось, как вчера доктор говорил — достойный пера Чехова, Достоевского. Неправда. И при Сталине палачами были только никчемные душонки с убогим интеллектом.

Стало понятно, почему Быков не пошел с нами. Разговаривать с такой гнидой, представляя себе, скольких людей и каких среди них самородков вот эти поганые руки отправили на тот свет, — только сердце тревожить.

Карпюк А. Прощание с иллюзиями // Нёман. 1993. № 5. С. 93—94, 95—96, 97, 98, 99—100, 102, 104.

И. Карпюк: Я как раз вернулась из Москвы. Алексей встречает меня:

— Пойдем пеша домой...

Идем.

— Ты знаешь, — говорит, — меня из партии сегодня исключили.

— За что?!

— Не знаю... Вот та-акую стопу документов достали!..

Мы-то, наивные, тогда верили... Ну, что я — тетка, у которой трое детей и которой суп надо варить! Мы верили, что можно где-то правду найти, поэтому и говорю:

— Прямо сейчас иду в горком!

Дело было уже к вечеру. В коридоре встречаю секретаря горкома А. И. Могильницкого. Мы жили в одном доме, и поэтому знали друг друга в лицо.

— Адам Иванович, что случилось? — спрашиваю. — За что вы его исключили?

— Сегодня день рождения Ленина, у меня нет времени — я должен делать доклад, — отвечает. — Приходите завтра к девяти.

Прихожу на следующий день. Могильницкий наказывает секретарше никого не впускать, сам дверь закрывает на ключ, открывает сейф, достает все до единой обвинительные бумажки и, не говоря ни слова, показывает мне (кстати сказать, знание содержания этих документов и позволили потом Алексею защититься). Даже показал ту бумагу, на которой были указаны двадцать марок и роспись Алексея. «Это немцы тебе платили, — сказали потом ему. — Ты — немецкий прислужник. Ни из какого лагеря ты не бежал — тебя немцы послали в партизанский отряд». (Кстати сказать, человека, привезшего из Германии копию этого документа — однако скопировавшего его не полностью, чтобы не было видно, что это были денежные переводы от матери Алеши, — Карпюк и Быков знали, это было ничтожное существо, он всегда присутствовал в зале, если Алексей или Вася выступали перед какой-либо аудиторией; в те годы часто выступали по линии общества «Знание», поскольку это был в том числе и способ заработка.)

Я только спросила Могильницкого:

— Адам Иванович, за что все-таки вы его?

— А пусть не выступает! Не критикует!

И — всё.

Тогда же спрятали всю информацию об Алексее — и что был командиром партизанского отряда, и что в армии служил, и что до Берлина дошел, и что ранен был у рейхстага и жил с одним только легким...

С. Шапран: Василь Владимирович знал, конечно, обо всех подробностях этого дела?

И. К.: Ну а как же. Но почему, я думаю, Алексея так спешили исключить из партии? Как только Быкова стали особенно третировать — дескать, клеветает на армию, принижает советский героизм, — разве ж мог Алексей смолчать?! Он выступал и на съездах, и на пленумах ЦК. Даже П. М. Машеров говорил: дескать, приедут гости-начальники из Москвы, а тут выходит Карпюк и начинает правду-матку резать!.. Это Машеров говорил на том бюро ЦК, когда В. Ф. Мицкевич предложил поддержать решение исключить Алексея из партии, однако в ответ Машеров заметил: «Так ты и меня сделаешь врагом народа. Я тоже был и в партизанах, и в плену, и тоже бежал...»

...Уже много лет спустя, в 82-м году, когда в Москве, в Большом театре отмечалось 100-летие со дня рождения Янки Купалы и Якуба Коласа, Мицкевич — он в то время уже в Кремлевской больнице лежал — специально приехал, чтобы увидеть Алексея и сказать ему:

— Алексей, прости меня!

Жизнь все-таки многомерна...

Если бы не Васина семья, мы бы сгинули. Алексея же выгнали из партии, и два года он не мог никуда устроиться — даже сторожем не брали! Тогда-то Вася и говорил: «Мы вам пазычим. Аддасцё». Конечно, потом мы отдали, но если бы не это «пазычим»... Младшая была маленькой, а у нас не было даже 15 копеек на бутылку молока! Старшие дети учились в Минске, Москве. Вот так и жили.

С. Ш.: Но были те, кто не отвернулся от вас в это время?

И. К.: Только один доцент — Вадим Владимирович Барцевич — здоровался со мной, причем делал это демонстративно: завидев меня, переходил на мою сторону специально, чтобы только поприветствовать. Конечно, это был подвиг с его стороны, поскольку тогда не здоровался уже никто... Вот Барцевич не предал. Он один. А так предательства были страшные... Никто не протянул нам руку помощи. Я не имею в виду, конечно, Клейна и Быкова, поскольку они ведь были субъектами этого дела, и поэтому если не здоровались с Алексеем, то с Быковым — тем более. А в отношении Клейна вообще придумали — что его батька-еврей золото где-то спрятал!..

Конечно, беды Алексея начались не с защиты Быкова. Просто это была одна из причин. Все дело в том, что Алексей, в прошлом командир партизанского отряда, чувствовал себя после войны победителем. Все-таки до Берлина дошел! И что же, не может теперь на своей земле быть хозяином и говорить правду?!

Кстати, позже Вася вспоминал, как Алексей защищал его, — когда ему исполнилось 70 лет, Быков написал о нем в «Литературной газете»²⁴, причем как раз в то время, когда от Алеши снова все отвернулись.

3 гутаркі з І. Карпюк. Чэрвень 2005 г.

Создается вполне обоснованное впечатление, что собранный когда-то «компромат» вне зависимости от его достоверности тщательно приберегается «про запас», чтобы в нужный момент запустить его в дело. Как это явствует из истории с Карпюком, момент этот определяется не КГБ и не правоохранительными органами, а скорее органами идеологического надзора. Горком, обком, ЦК партии включают условный сигнал расправы, ко-

²⁴ Размова пра цытаваны ў гэтым раздзеле артыкул «В железной раковине» (Литературная газета. 1990. 4 апр.). Пасля яго з'яўлення Я. Ледзянёў з Гродна выступіць з вялікім артыкулам, у якім, у прыватнасці, паведаміць: «На областном совещании актива ветеранов войны и труда — присутствовало 138 человек — мы обсуждали статью В. Быкова «В железной раковине». Единогласно пришли к выводу, что многие изложенные в ней факты не проверены, искажают истину. Выписку из протокола совещания мы направили в «Литературную газету» и Союз писателей СССР [...]» (Леденев Я. Истина дороже всего // Политический собеседник. 1990. № 10. С. 34).

торый тут же принимается к исполнению карательными органами. Военные заключения Карпюка были известны давно, еще с военного времени, однако не вызывали особой реакции до тех пор, пока Карпюк сидел тихо. Но вот стоило ему высунуться, как все началось сначала. При этом, кажется, забыт или игнорирован хотя бы тот факт, что почти все бывшие «эзекуторы» Карпюка так или иначе скверно кончили. Или, может быть, именно этот их скверный финал вызвал столь бурную реакцию, сильно смахивающую на запоздалую реакцию отщепенца за ведомственные проколы.

Быков В. В железной раковине: Об одной писательской судьбе // Литературная газета. 1990. 4 апр.

Это событие произошло в памятный для меня день — 2 декабря 1972 года — и впечатление оставило сильное. [...]

Нас, исключенных из партии, в приемной на пятом этаже всем известного здания в центре Минска собралось шесть человек. [...]²⁵

...Через пару недель после возвращения из Минска меня вызвали в горком и дали прочесть решение бюро ЦК КПБ. К моему удивлению, там снова были перечислены все мои мнимые преступления, а в конце стояло: ЦК оставляет меня в партии не потому, что нет причин для исключения, а ввиду моего искреннего раскаяния и признания ошибок. Захотелось зареветь — люди, где те ошибки, на бюро совершенно иначе ставился вопрос?! [...]

Так и взяли бюрократы надо мной верх.

Карпюк А. Прощание с иллюзиями // Нёман. 1993. № 5. С. 106, 107, 110.

Не составляет труда увидеть логику противоборства и оценить значение его исхода. Ведь при тех условиях оставить в партии значило и сохранить человеку свободу. Ибо не мог же коммунист одновременно числиться и в «гитлеровских прислужниках». Но если так поступили с одним из нас, то, выходит, в положении других тоже не предвиделось ухудшения.

За неимением достоверных сведений не берусь судить, как и почему там, наверху, подыскали адекватную форму разрешения весьма щекотливого дела с таким расчетом, чтобы не угробить Карпюка, но, вместе с тем, и не создать представления, что он получил «отпущение грехов». Конечно, не получил, но все же ему дали передышку. Или он ее себе взял.

Клейн Б. Недосказанное.

Аднак, мусіць, заўсёды ўсялякая кампанія развіваецца па сваіх унутраных законах: нараджаецца, развіваецца, дасягае кульмінацыі, ідзе на спад, канчае, ператвараецца ў сваю супрацьлегласць. Іншага лёсу не магло быць і

²⁵ Далей ідзе размова пра абмеркаванне справы А. Карпюка падчас пасяджэння бюро ЦК КПБ на чале з П. Машэравым.

ў кампаніі па шальмаванні Быкава. К таму часу, калі воляю выпадку ці лёсу я апынуўся ў абласных калідорах улады, яна ўжо выдыхалася, набывала камічна-фарсавыя адценні, і нават ідэалагічна вострыя чэхаславацкія падзеі ўжо не ў стане былі надаць ёй новае дыханне... Першае, што мяне ўразіла: у абкаме ніхто, за выключэннем хіба некалькіх састарэлых артадоксаў з парткамісіі, усур'ёз ворагамі, ідэалагічнымі дыверсантамі Быкава і Карпюка не лічыў. Ні Грышкевіч, ні Ульяновіч, ні Мікуловіч. Дзіўна тады: чаму на кожным пленуме абкама, гаркама, райкама, кожным партгасактыве, кожнай нарадзе, незалежна ад таго, што на іх абмяркоўваецца, пляжаць Карпюка і Быкава? Карпюк заўсёды фігурыраваў першы, паколькі быў членам партыі і ад яго патрабавалі больш, хоць амаль усе прэтэнзіі тычыліся твораў Быкава. Было ўражанне, што гэта ледзь ці не нейкае паганскае заклінанне, ледзь ці не нейкае шаманска-рытуальнае дзеянне. І па лініі партыі, і па лініі Саветаў, камсамола, прафсаюзаў... І яшчэ ў мяне, свежага чалавека, было ўражанне, што ўсе разумеюць недарэчнасць гэтага дзеяння, але ніхто не асмельваецца спыніць яго...

Рыхтаваўся пленум па сельскай гаспадарцы, дакладней — пленум па выкананні рашэнняў чарговага пленума ЦК КПСС. Пасля таго, як першаму сакратару абкама Мікуловічу спадабаўся падрыхтаваны мною тэкст паслання нашчадкам, якое ён збіраўся закласці на Кургане славы [...], ён распарадзіўся, каб усе падрыхтаваныя яму даклады і ягонныя выступленні [...] чытаў і правіў я. Дык вось, прыносяць мне на чытку сельскагаспадарчы даклад на старонак 60, у якім пасля праблем штучнага абсемянення кароў і пастаноўкі задач агітатарам, лектарам, рэдакцыям газет і радыё па прапагандзе перадавога вопыту — як заўсёды, два абзацы прыкладна такога сэнсу: у той час, як пад кіраўніцтвам мудрай ленінскай партыі калгаснае сялянства ардэнаноснай Гродзеншчыны праяўляе небывалы гераізм і працоўны энтузіязм, пісьменнікі Карпюк і Быкаў сеюць песімізм і нявер'е ў стваральную сілу і высокі маральны дух будаўнікоў камунізму, займаюцца ачарніцельствам, льюць вадзі на млын нашых ворагаў і г. д. і т. п. [...]

Рашуча выкрасліў з даклада тыя два «карпюкоўска-быкаўскія» абзацы, даправіў тэкст да канца, аддаў загадчыку сельгасаддзела і стаў чакаць, якая ж будзе рэакцыя. [...] Далажылі першаму. Той паклікаў мяне, нахмурыўся, спытаў строга:

— А чаго ты крытыку Карпюка і Быкава выкінуў?

— Якая ж гэта крытыка, Іван Фёдаравіч? Ды ўсё гэта падобна на конскае брыканне. Колькі ж можна выстаўляцца людзям на смех!..

Першы паглядзеў уважліва, падумаў і нечакана сказаў:

— Ладна, і праўда, брыканне... Ты і з майго выступлення ў ЦК выкраслі таксама...

Адсутнасць у дакладзе нават упамінку Карпюка і Быкава ў чыноўнага людзю выклікала лёгкае здзіўленне... У чым-чым, а ў такой справе спракты-

каванаму, чуйнаму на павевы і нюансы ў настройах начальства чынавенству не трэба паўтараць, разжоўваць, даказваць — усё хапае на ляту. І я з усмешкай назіраў, як вопытныя выступоўцы з райкамаў, райвыканкамаў, вучоныя-аграрыі, нават разумныя старшыні калгасаў пачалі спешна выкрэсліваць са сваіх тэкстаў абзацы. Карпюка і Быкава па-ранейшаму грамілі толькі радавыя прадстаўнікі калгаснага сялянства, выступленні якім звычайна рыхтавалі інструктары райкамаў партыі, і выступоўцы мелі строгае ўказанне: ні на слова не адступаць ад тэксту. З таго пленума ў вобласці фактычна спынілася дурная рытуальна-шаманская свістапляска вакол пісьменнікаў. І на рэспубліканскім пленуме было заўважана і ўспрынята адпаведным чынам выступленне гродзенскага першага...

Не хачу прыпісваць сабе нейкія асаблівыя заслугі, проста — спантанна, кіруючыся здаровым сэнсам, не паспеўшы добра ўведаць чыноўныя прамудрасці, згодна з якімі высоўвацца з падобнага кшталту ініцыятывамі рызыкаўна і небяспечна, па сваёй наіўнасці патрапіў у самую кропку, зрабіў тое, да чаго ўжо было гатова начальства. [...]

Памаленьку, са скрыпам не толькі ў Гродне, а і ў Мінску пасля рашучых пісьменніцкіх выступленняў у абарону Быкава кампанія па цікаванні пісьменніка губляла энергію, глухла, выраджалася, хаця сям-там па інерцыі адыёзныя артадоксы і форменныя прыдуркі працягвалі «бараніць свяшчэнныя прынцыпы сацрэалізму ад Быкава і яму падобных».

Блакiт В. «З даўняй, гродзенскаю прыязнасцю...» // *Наш Быкаў: Кніга ўспамінаў* / Уклад. Г. Бураўкін. Мн.: ГА БТ «Кніга», 2004. С. 87, 88—89, 90.

Вскоре все у нас начало меняться, словно в сказке. Видимо, ко многому оказался причастным П. М. Машеров, который все более вникал в жизнь республики.

Мне и Клейну вернули партбилеты.

Быков не только получил звание лауреата, но газеты все чаще его хвалили.

В области стало больше порядка.

Один за одним полетели со своих должностей всякие обормоты. Впрочем, некоторые так себя скомпрометировали, что облегчили работу органам контроля.

Карпюк А. *Прощание с иллюзиями* // *Нёман*. 1993. № 5. С. 110.

Наша новая встреча с автором «Сотникова» произошла в Ялте, в Доме творчества писателей, осенью 1972 года. Мы приехали сюда почти одновременно и оказались за одним столом в столовой. Быков мало изменился, разве слегка отяжелел, лейтенантская стройность и выправка исчезли, а улыбка на его лице, так красящая его облик, появлялась все реже. Появились паузы молчания и долгого погружения в себя. [...]

Дня через три после его приезда он пригласил меня к себе в номер и показал нечто такое, что сразу заставило меня понять, как нелегко ему живется.

Несмотря на то, что был день, в номере горела настольная лампа. Быков подвел меня к ней, посадил за стол и положил в круг света, падавший от лампы, почтовый конверт.

«Вот видите, — сказал он, — это письмо я получил сегодня». На конверте был написан адрес Дома творчества и фамилия получателя: адресован он был В. Быкову. Обратного адреса и фамилии отправителя на нем не значилось.

Василь перевернул конверт и попросил внимательно рассмотреть его изнанку. Я долго всматривался, но ничего обнаружить не смог.

«А вы смотрите, смотрите!» — настаивал он, и я, поднеся конверт ближе к глазам, увидел, что его верхняя часть — та, которой заклеивают письмо, выглядит несколько не так, как нижняя. Вверху бумага показалась мне шершавее, тогда как низ конверта был гладкий.

«Это значит, — пояснил Быков, — что письмо перлюстрировали, т. е. вскрывали прежде, а потом, проутюжив, отправили мне».

«И вы знали, что получите именно такой конверт?» — спросил я.

«Еще бы, ведь послал его и не далее, как два дня назад, именно я!»

Так он проверял, следят ли за его передвижениями или нет. Ответ был получен: следили. Не успел он появиться в Ялте, как соответствующие службы были предупреждены и взялись за дело. Но тут им не повезло — внутри конверта оказалась пустая открытка. Быков их переиграл.

Но я представляю, какого напряжения нервов стоила ему эта «игра». Если человек приезжает к теплему морю, где его ждет отдых и свобода отдыха, где все, что осталось там, за крымскими горами, должно немедленно отодвинуться и забыться, и в первый же день идет на почтамт, покупает конверт и открытку и отправляет их самому себе, значит, он на страже, он на взводе, он чувствует себя как волк, которого держат в кольце красных флажков.

Позже Василь рассказал мне, как ему живется в Гродно [...], как бьют стекла в классе, где преподает его жена, как топтуны смотрят ему в спину, про подметные письма, угрозы по телефону, про вызовы в «органы». В его квартире был спаренный телефон. Это не доставляло ему никаких неудобств. Но вот явились непрошенные «электрики» и объявили, что поставят ему отдельный номер. Напрасно он отговаривал их это делать, ссылаясь на то, что ему и так хорошо, — они телефон распарили.

А дело заключалось в том, что спаренный с соседями телефон нельзя прослушать, отдельный же номер спокойно поддается прослушиванию.

Посмеялись на прощание «электрики» и добавили: «Теперь болтайте, сколько хотите!»

Золотусский И. Знак беды: Три встречи с Василем Быковым // Литературная газета. 2004. 23—29 июня.

6 студзеня 1993 г.

Дарагая Іна Анатольеўна,

атрымаў Ваша маларадаснае пісьмо, якое навеяла і на мяне разам з успамінамі вялікі сум. Канешне, Аляксей і ягоны лёс — цяжкі, драматычны лёс беларускага пісьменніка, надзеленага чуйным сэрцам. Аляксей меў усе магчымасці, каб добра ўладкавацца ў жыцці, жыць бязбедна, зрабіць кар’еру. І калі ён не зрабіў таго, дык па прычыне свайго сумленнага сэрца, якое балела не толькі за сябе ці за сваё. А яшчэ і за людское, за народнае. З тае прычыны і ўсе ягоныя беды, якія (я ўпэўнены ў гэтым) нарэшце і звялі яго ў магілу. [...]

Вельмі шкадую, што мне не ўдалося прыехаць на пахаванне — напярэдадні ноччу мяне дапакла арытмія, і я раніцай не рашыўся пускацца ў дарогу, — М. Ткачоў паехаў без мяне. Увосень быў у Гародні, з’ездзіў на могілкі... Не спадабалася мне месца Аляксеевай магілкі — увогуле месца добрае, але ззаду за начальствам, як у прэзідыуме ў другім радзе, для другарадных начальнікаў. А так на пагорачку, гэта добра. Хаця, канешне, трэба б далей ад тых, з кім Аляксей ваяваў усё жыццё і якія яго ненавідзелі. Хіба што, як вядома, смерць ураўнівае. Але ж...

Цяпер такая справа, Іна Анатольеўна. Пасля Аляксея, канешне, засталося шмат папер — запісаў, чарнавікоў і г. д. Трэба іх больш-менш разабраць і здаць у літаратурны архіў у Мінску, яны там прывядуць усё ў належны стан, і тое будзе захоўвацца для будучых даследчыкаў. І для гісторыі. Гэта ўвогуле важна. Цікавасць і ўвага да А. Карпюка будзе з часам расці, гэта пэўна. Як яна ўспыхнула да Л. Геніюш, што пры жыцці ніхто не хацеў заўважаць. [...]

Я вельмі жадаю Вам, дарагая Іна, трымацца як-небудзь. І прывітанне Вашым рабятам.

З павагай і шчырасцю,

Васіль.

Ліст да І. Карпюк. БДАМЛіМ. Ф. 257, воп. 1, адз. зах. 467, арк. 1.

«Удар проста ў сэрца»

Знаёмства Васіля Быкава і Аляксандра Салжаніцына адбылося яшчэ напярэдадні IV з'езда СП СССР, у маі 1967 г. Пасля Быкаў даслаў на дзень народзінаў Салжаніцына віншаванне і неўзабаве атрымаў ліст у адказ: «Да будзеце Вы здорovy, бодры і светлы, успешны в работе! [...] Я знаю и вижу, что мы вступаем в светлые времена»¹. «Адносіны тады паміж інтэлігенцыяй і ўладамі ўсё пагаршаліся, і Аляксандр Ісаевіч суцяшаў, што ўсё будзе добра. Што ён глядзіць у будучыню з аптымізмам»².

У 1970 г. Шведская акадэмія прысуджае А. Салжаніцыну Нобелеўскую прэмію, з якой яго віншуе ў тым ліку і В. Быкаў. «Солженицын был воодушевлен, но также крайне обеспокоен масштабами поднятой против него газетной и политической кампании, крайне осложнявшей его жизнь и повседневные контакты. Он решил отказаться от поездки в Стокгольм на церемонию вручения премий и некоторое время не знал, как себя вести и что делать»³. Але для Салжаніцына было зроблена выключэнне — цырымонія ўручэння Нобелеўскай прэміі павінна была адбыцца ў Шведскай амбасадзе ў Маскве, запрашэнне на якую Аляксандр Ісаевіч даслаў у тым ліку і Быкаву.

І раней (прыкладна з 1964 г.), і тым больш у гэты час Салжаніцын знаходзіцца пад пільным наглядам КДБ, кіраўнік якога Ю. Андропаў наступным чынам характарызаваў пісьменніка: «Комитет госбезопасности располагает материалами, которые свидетельствуют о том, что в лице СОЛЖЕНИЦЫНА мы имеем дело с политическим противником советского государственного и общественного строя. Ненависть СОЛЖЕНИЦЫНА к Советской власти, его попытки бороться с ней прослеживаются на протяжении всей его сознательной жизни, в разное время, отличаясь лишь методами, степенью активности и возможностями распространения своих чуждых социализму взглядов»⁴. «Западная печать уже давно называла Солженицына «видным лидером оппозиции в СССР»⁵. А кіраўнік Галоўліта П. Раманаў яшчэ ў 1971 г. пісаў у «Информационной справке Главлита в ЦК

¹ ДМГБЛ. КП 10735/788.

² Быкаў В. Доўгая дарога дадому. Мн.: ГА БТ «Кніга», 2003. С. 387.

³ Медведев Р. Андрей Сахаров и Александр Солженицын // Медведев Ж., Медведев Р. Солженицын и Сахаров. Два пророка. М.: Время, 2004. С. 13.

⁴ Кремлевский самосуд: Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М.: Родина, 1994. С. 340—341.

⁵ Медведев Р. Из дискуссий прошлых лет. 1974—1976 годы // Медведев Ж., Медведев Р. Солженицын и Сахаров. Два пророка. С. 275.

КПСС о содержании западной печати, освещающей положение советской интеллигенции, и о политике КПСС в области литературы и искусства», што «в настоящее время роль «путеводной звезды» либеральных сил в советской литературе, которой ранее объявлялся А. Твардовский, буржуазная пропаганда твердо отвела А. Солженицыну, характеризуя его как «политического борца за гражданские права», «барометр жизни советского общества», «борца за социализм чехословацкого типа» и т. п.»⁶.

Іншы «аб'ект» пільнай увагі КДБ — акадэмік Андрэй Сахараў, які на пачатку 1970-х гг. «стал [...] главной фигурой в правозащитном движении, которое становилось более радикальным, чем в 60-е годы, но также подвергалось и более сильному давлению со стороны властей»⁷. Невыпадкова «в 1970—1973 годы вопрос о Сахарове и Солженицыне обсуждался на Политбюро почти ежемесячно. О Солженицыне все выступавшие говорили с негодованием как о «враге народа», требуя привлечь его к самой суровой ответственности — отправить в самые далекие исправительные лагеря, посадить в тюрьму, в крайнем случае выслать за границу. Однако это были все же годы «разрядки», и окончательное решение каждый раз откладывалось. Так, на заседании Политбюро ЦК от 30 марта 1972 года председатель Президиума Верховного Совета СССР Николай Подгорный говорил: «Солженицын ведет враждебную деятельность. Он враг, который не может жить в Москве. Но я считаю, что и выселять его за границу не следует. [...] Он лауреат Нобелевской премии, и это, конечно, буржуазная пропаганда использует против нас в полной мере. За границей Солженицын принесет нам большой вред. Но в Советском Союзе есть такие места, где он не сможет ни с кем общаться». На другом заседании советский премьер Алексей Косыгин предложил сослать Солженицына в Верхоянск — в самый холодный район страны, куда ни один западный корреспондент не сможет и не захочет поехать.

Об А. Д. Сахарове говорили все же по-другому. Тот же Подгорный: «Что касается Сахарова, то я считаю, что за этого человека нам нужно бороться. Он другого рода человек. Это не Солженицын. [...] Все же Сахаров трижды Герой Социалистического труда. Он создатель водородной бомбы»⁸.

Як сведчыў В. Бакацін, КДБ у той час вельмі пільна адсочвала кожны крок абодвух, «используя все мыслимые контрразведывательные средства — слежку, прослушивание телефонных и всех иных разговоров, разработку связей и т. д. Свидетельство тому — 550 томов дела оперативной разработки по Сахарову и 105 томов — по Солженицыну [...]»⁹.

⁶ История советской политической цензуры: Документы и комментарии. М.: РОССПЭН, 1997. С. 582, 583.

⁷ Медведев Р. Андрей Сахаров и Александр Солженицын // Медведев Ж., Медведев Р. Солженицын и Сахаров. Два пророка. С. 13.

⁸ Тамсама. С. 20—21.

⁹ Бакатин В. Избавление от КГБ. М.: Новости, 1992. С. 33.

Абодва — Салжаніцын і Сахараў — даўно расцэньваюцца савецкімі ўладамі як зацяттыя антысавецчыкі. І недарэмна — Сахараў неаднойчы апелюе да савецкага кіраўніцтва, напрыклад, яшчэ ў 1970 г. піша на імя Брэжнева, Касыгіна і Падгорнага ліст з аналізам недахопаў савецкага ўладкавання і чатырнаццаццю патрабаваннямі пашырэння дэмакратыі; у 1973 г. публічна папярэджвае пра пагрозу міжнароднай бяспекі, якая ідзе ад СССР. І таму Брэжнеў падчас пасяджэння Палітбюро гаворыць, што Сахараў «ведет антисоветскую, антигосударственную линию и что если он не прекратит этих действий, то мы вынуждены будем принять меры в соответствии с советскими законами»¹⁰. Андропав называе А. Сахарова «душевнобольным человеком» і піша ў дакладнай у ЦК КПСС: «Сахаров, который в отличие от Солженицына более сдержан в своих потугах доказать «неприемлемость Советского строя», тем не менее определенно деградирует в сторону антисоветизма.

По существу оба они, не объединяясь формально, действуют довольно согласованно, подыгрывая западным реакционным кругам, а в ряде случаев выполняют их прямые заказы.

Естественно, что империалисты, нашедшие в Солженицыне и Сахарове людей, которые в силу сложившихся обстоятельств пока еще могут безнаказанно лаять на Советскую власть, лезут из кожи вон, чтобы сохранить им такую возможность как можно дольше. В свою очередь и Солженицын, и Сахаров, подбодряемые реакцией на Западе, ведут себя все более разнузданно»¹¹. І таму «в августе 1973 года, отметив, что в поведении Солженицына и Сахарова не произошло никаких «улучшений», а Солженицын стал «развертывать активную политическую деятельность, объединяя вокруг себя всех бывших заключенных и недовольных», Политбюро рекомендовало начать против Солженицына уголовное дело и «предъявить ему обвинение в преступлении против Советской власти». Напэўна, немалаважную ролю ў гэтым адыграе тое, што КДБ удалося, як дакладваў Андропав, «добыть рукопись его книги «Остров Гулаг». Это грубое антисоветское сочинение»¹², якое аўтар планаваў друкаваць на Захадзе толькі ў 1975 г. і якое ён сам лічыў — пра што было вядома КДБ з праслухоўвання кватэр, дзе бываў пісьменнік, — галоўным аргументам сваёй абароны. Салжаніцын гаварыў: «...если они возьмут меня по-серьезному или вызовут по-серьезному объяснить, скажут: «Мы с вами то-то сделаем», я им скажу: «Господа! Вам это обойдется дороже. [...] ..Если только вы меня возьмете, начнут появляться такие вещи, перед которыми «Иван Денисович» померкнет»¹³. Да таго ж, як паведамляў

¹⁰ Кремлевский самосуд. С. 329.

¹¹ Тамсама. С. 332.

¹² Тамсама. С. 246.

¹³ Медведев Ж. Из воспоминаний об А. С. Солженицыне // Медведев Ж., Медведев Р. Солженицын и Сахаров. Два пророка. С. 88.

27 жніўня кіраўнік КДБ, «26 августа 1973 года СОЛЖЕНИЦЫН встретился в Москве на квартире своей жены с корреспондентами американского агентства «Ассошиэйтед пресс» и французской газеты «Монд», которым передал текст своего нового интервью. Как установлено, СОЛЖЕНИЦЫН весь текст интервью подготовил заранее, написав его собственноручно в форме им самим сочиненных вопросов и ответов.

Лейтмотивом всего интервью является клеветническое утверждение СОЛЖЕНИЦЫНА об отсутствии гражданских свобод в Советском Союзе и о систематических мерах, якобы осуществляемых государством по подавлению мысли в стране. [...]

Публикацию интервью СОЛЖЕНИЦЫН обусловил на 28 августа 1973 года.

По мнению западных корреспондентов, СОЛЖЕНИЦЫН этим интервью преследует цель создания трудностей советской стороне в проведении второго этапа общеевропейского совещания по вопросам безопасности¹⁴.

«Что же касается Сахарова, то Политбюро рекомендовало начать публикацию разного рода писем «от имени ученых и интеллигенции» с осуждением его поведения»¹⁵.

Мы так падрабязна распавядаем пра тыя даўнія падзеі (у якіх імя Васіля Быкава ніякім чынам не фігуруе), каб чытач мог уявіць атмасферу тых дзён, каб было зразумела, што нічога ніадкуль проста так не бярэцца, і наступныя падзеі (у якіх нечакана ўзнікае і быкаўскае імя) былі абумоўленыя тым, што адбывалася напярэдадні, прычым адбывалася не адзін год, сітуацыя стала абмяркоўвалася і вырашалася на самым «версе». Між тым «крытыкі» Быкава (а дакладней — яго пераследнікі) будуць, што называецца, вырываць асобны факт з агульнага кантэксту, ніяк не зважаючы на тое, што яму папярэджвала; больш за тое, не адно дзесяцігоддзе яны будуць абвінавачваць Быкава нават у тым, да чаго ён не меў дачынення. І ўсё толькі з-за таго, што быў у біяграфіі беларускага пісьменніка адзін факт, размова пра які пойдзе далей...

29 жніўня 1973 г. у газеце «Правда» з'яўляецца «Письмо членов Академии наук СССР», у якім сорок акадэмікаў заяўляюць, быццам «в последние годы академик А. Д. Сахаров отошел от активной научной деятельности и выступил с рядом заявлений, порочащих государственный строй, внешнюю и внутреннюю политику Советского Союза». Аднак «после заседания Политбюро т. Кириленко говорит о том, что [...] если на этом остановиться и не поддержать этих ученых, то не получится должного эффекта. Может быть, в какой-то форме опубликовать материалы, осуждающие поведение Сахарова, и от имени других ученых, рабочих, представителей интеллигенции»¹⁶. Тады ж

¹⁴ Кремлевский самосуд. С. 240—241, 244.

¹⁵ Медведев Р. Андрей Сахаров и Александр Солженицын // Медведев Ж., Медведев Р. Солженицын и Сахаров. Два пророка. С. 21.

¹⁶ Кремлевский самосуд. С. 245.

паўстае размова і пра А. Салжаніцына (пытанне ставяць члены Палітбюро Касыгін і Андробаў). І ўжо на наступны дзень у «Правде» публікуецца ліст савецкіх пісьменнікаў, якія абураюцца паводзінамі ўжо не толькі Сахарова, але і Салжаніцына. Пад тым лістом значылася і прозвішча Быкава.

Васіль Уладзіміравіч памятаў гэтую гісторыю ўсё сваё жыццё, — невыпадкова тая публікацыя з «Правды» зберагалася ў ягоным стане ў працоўным кабінце. Але чаму менавіта Быкаву так настойліва, на працягу трыццаці гадоў, нагадвалі пра той ліст, хоць пад ім былі імёны не менш вядомых пісьменнікаў (дарэчы, некаторыя літаратары нават шкадавалі, што не трапілі ў спіс падпісантаў таго ліста). Лісты супраць А. Сахарова друкаваліся ў «Правде» (ды і не толькі там) не адзін дзень. Напрыклад, тады ж, 31 жніўня, у «Правде» пад агульным загалоўкам «Отповедь клеветнику» і пасля рэдакцыйнага ўступу («В редакцию «Правды» поступают многочисленные отклики читателей, поддерживающих письмо членов Академии наук СССР о недостойном поведении академика А. Д. Сахарова [...]. Сегодня мы публикуем часть этих откликов») былі надрукаваныя лісты акадэміка Н. Цыцына («Неприятно писать о людях, потерявших честь и совесть. [...] Как все эти деяния Сахарова можно назвать? Мне трудно сделать это, так как я не знаю, есть ли такое слово в человеческом обращении») і Героя Сацыялістычнай Працы акадэміка Н. Яругіна («Мне очень хорошо понятны гнев и возмущение выдающихся советских ученых, которые решительно осудили недостойное поведение академика Сахарова. Могу с уверенностью сказать, что под письмом членов Академии наук СССР готовы подписаться все советские люди»). Ужо 1 верасня «Правда» друкуе «Письмо членов ВАСХНИЛ» (пад ім — трыццаць тры прозвішчы); 2 верасня — «Заявление ученых Сибирского отделения Академии наук СССР» (дваццаць прозвішчаў); 3 верасня — ліст савецкіх кампазітараў і музыкантаў: «Мы глубоко возмущены поступками А. Д. Сахарова, не совместимыми с высоким званием советского гражданина и деятеля нашей науки. Его публикации в западной печати позорят честь и достоинство советской интеллигенции [...]»; тут жа імёны Дз. Кабалеўскага, Г. Свірыдава, С. Тулікава, А. Хачатурана, Ц. Хрэнікава, Дз. Шастаковіча, Р. Шчадрына, А. Эшпая ды іншых. 4 верасня друкуюцца лісты рабочых, калгаснікаў і членаў Акадэміі мастацтваў СССР. 5 верасня пад лістом «Позиция, чуждая народу» («[...] Только гнева и презрения достоин тот, кто чернит свою страну, свой народ, пытаюсь вернуть историю вспять») стаяць прозвішчы Р. Аляксандрава, А. Алава, В. Артманэ, С. Бандарчука, С. Герасімава, М. Данскога, В. Жалакявічуса, А. Згурыдзі, Л. Куліджанава, Я. Матвеева, Ю. Озерава, Ю. Райзмана, Г. Рашаля, В. Ціханава, В. Санаева, І. Хейфіца, Л. Чурсіной, С. Юткевіча ды іншых. Нікому з іх не ўспаміналі пасля гэтае «падпісанне» гэтак, як нагадвалі Быкаву. Хоць са шматлікіх допісаў кіраўніка КДБ і сакрэтных запісаў Палітбюро бачна, што «правдинский» ліст насамрэч ні ў якім разе не быў лёсавызначальным ні для А. Сахарова, ні для А. Салжаніцына

— гэта быў толькі адзін маленечкі ход у вялікай гульні КДБ і Палітбюро ЦК КПСС. Тым не менш шмат пазней І. Залатускі напіша: «Это был удар прямо в сердце. С Быковым случилось то, что случалось в его же повестях с его героями. Авторы этой подлой акции решили «ликвидировать» писателя Быкова, потому что с таким клеймом он был уже не Быков»¹⁷.

Сам Васіль Уладзіміравіч вельмі падрабязна распавёў пра гісторыю з’яўлення свайго прозвішча пад «правдинским» лістом. У тым сваім апаведзе ён, у прыватнасці, згадаў аб размове з Л. Лазаравым, з якім сустрэўся, калі паехаў у Маскву да Сяргея Залыгіна — не ведаючы, што рабіць ва ўмовах, калі ягонае прозвішча пад згаданым лістом было пастаўлена супраць яго жадання... У адказ на нашае пытанне, ці можа ён нешта дадаць да гэтага апаведу ў «Доўгай дарозе...», да той размовы з Быковым, Лазар Ільіч даў лаканічны адказ: «Написал Быков об этом точно».

Але ёсць і іншыя сведчанні: дзённікавыя запісы Д. Сімановіча, якія былі зробленыя менавіта ў 1973 г., успаміны А. Карпюка, Дз. Бугаёва, А. Лукашука, А. Пяткевіча...

Салжаніцын, як прыгадваў Аляксей Карпюк, адразу пасля з’яўлення ліста ў «Правде» нешта сказаў (не выключана, у тым ліку і ў адрас асабіста Быкава), што менавіта — дазнацца цяпер немагчыма. «Еще больше Василия обидела фраза из выступления Солженицына по радио «Свобода». Как будто Александр Исаевич не знал, в каких Василь находится условиях, что может он сделать, а чего — нет. Объяснение этому могло быть лишь одно — Солженицын произнес эту фразу под горячую руку»¹⁸. Аднак пасля Аляксандр Ісаевіч, здаецца, ніколі не папікаў ні Быкава, ні кагосьці іншага з «падпісантаў», — ва ўсялякім выпадку нічых прозвішчаў ён не называе ні ў аўтабіяграфічным творы «Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни»¹⁹, ні ў напісаным пазней вялікім артыкуле «Потемщики света не ищут»²⁰. Толькі двойчы Аляксандр Ісаевіч успамінаў пра той ліст, аднак без прэтэнзій да кагосьці асабіста: «Вся сегодняшняя газетная свистопляска, в которую вкружились именитые деятели искусств (а другие с твердостью отреклись, и идет молва об их мужестве), — вся эта кампания есть бой против совести народа, против правды для народа»²¹. Артыкул гэты датаваны лютым 1974 г. У «Бодался теленок с дубом» чытаем: «Буря в газетах, удары по Сахарову больше, но сыпались и по мне, объединяют два имени наших и на Востоке, и на Западе. Достаются мне удары уже плашмя, с его плеча, а по

¹⁷ Золотусский И. Знак беды: Три встречи с Василем Быковым // Литературная газета. 2004. 23—29 июня.

¹⁸ Карпюк А. Прощание с иллюзиями: Хроника одного поколения // Нёман. 1993. № 5. С. 105.

¹⁹ Новый мир. 1991. № 8.

²⁰ Комсомольская правда. 2003. 23 окт.

²¹ Солженицын А. На возврате дыхания. М.: Вагриус, 2004. С. 195.

другому понять — как гонка за лидером: главное сопротивление среды преодолевать ему, а я подсохраниваю свои силушки. И того не стыжусь: мой бой — впереди, мои-то силы — все, все еще пригодятся. (А впрочем, гудит западное радио десятикратно в день: преследования, гонения на Солженицына, — а я этих гонений не замечаю пока, тьфу-тьфу-тьфу, нешто это гонения по сравнению с лагерной жизнью? Того, что в наших газетах гавкают, — я этого не читаю, для нервов зэка пустое дело. А остальных гонений с меня и не ослабляли никогда. Я к ним притерпелся.)»²² Да слова, пра тое ж, па сутнасці, напіша пасля і Аляксей Карпюк, калі будзе распавядаць пра адну сустрэчу з Салжаніцыным, якая адбылася на пачатку 1970-х: «Вскоре Солженицын прислал мне свою пьесу с просьбой передать Макаенку. Познакомившись с рукописью, смелый Андрей Егорович взялся ее напечатать в своем журнале «Неман». И, конечно, напечатал бы. Но пьесу в последнюю минуту пришлось снимать — постарались доморощенные доносчики, которых хватало в каждой редакции. Теперь я привез рукопись в Москву, чтобы вернуть автору.

Мне повезло. Днем в «Новом мире» встретил самого Солженицына и с комментариями рукопись отдал. Разговорились. Меня удивило, что отказ в напечатании пьесы абсолютно не тронул автора. И вообще, складывалось впечатление, что Солженицына, которого враги чернят в газетах, все это абсолютно не волнует. Он настолько был уверен в себе, что принялся рассказывать последние анекдоты, ходившие о нем в Москве.

Отчего, скажите, не быть уверенным в себе, если на твоей стороне весь мир?»²³

Не вядомая ніводная пастанова Палітбюро аб высылцы А. Салжаніцына, у якой згадваўся б «правдинский» ліст, — усе рашэнні Палітбюро ў гэтым выпадку грунтаваліся на звестках КДБ аб тым, што пісьменнік з'яўляецца аўтарам «грубога антисоветского сочинения» «Архипелаг ГУЛАГ»²⁴, а таксама на тым, што «Солженицын, в прошлом занимавшийся литературной деятельностью, за последние годы под влиянием западной пропаганды, и особенно после получения им Нобелевской премии, встал на путь деятельности, которая по советскому законодательству подпадает под соответствующие статьи Уголовного кодекса»²⁵. Больш за тое, як вядома, ён быў высланы ў лютым 1974 г., аднак «проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о «выдворении Солженицына из пределов СССР» и лишении его советского гражданства» быў падрыхтаваны ў КДБ яшчэ ў лістападзе 1970 г. «Желание избавиться от писателя было настолько велико, что Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко и Андропов поясняли в одной из записок секретарям ЦК

²² Новый мир. 1991. № 8. С. 41.

²³ Карпюк А. Прощание с иллюзиями // Нёман. 1993. №5. С. 99.

²⁴ Кремлевский самосуд. С. 246.

²⁵ Тамсама. С. 347.

КПСС: «Проживание Солженицына в стране после вручения ему Нобелевской премии укрепит его позиции и позволит активнее пропагандировать свои взгляды... Выдворение Солженицына из Советского Союза лишит его этой позиции — позиции внутреннего эмигранта и всех преимуществ, связанных с этим»²⁶. Паставіўшы гэтае пытанне ў чарговы раз у 1973 г., старшыня КДБ Андропаў у запісцы на адрас ЦК КПСС прапанаваў звярнуцца да кіраўніцтва шэрагу краінаў з наступнай заявай: «Советское правительство, руководствуясь гуманными побуждениями и имея в виду, что на иждивении СОЛЖЕНИЦЫНА имеются четыре малолетних сына, считало бы возможным заменить привлечение его к уголовной ответственности выдворением за пределы советского государства. По желанию СОЛЖЕНИЦЫНА члены его семьи могли бы свободно последовать за ним». Дзеля чаго «предлагалось поручить послам СССР в Швеции, Швейцарии, Дании, Ливане официально обратиться к правительствам этих стран с просьбой предоставить Солженицыну въездную визу в указанные страны»²⁷. Незразумела толькі, дзе тут, як пазней наракалі Васілю Уладзіміравічу, «приложил руку и Быков»?..

У 2003 г. з Рускага грамадскага фонду А. Салжаніцына прыйшоў адказ на наш зварот да пісьменніка, — яго сакратар Муніра Уразава пісала: «По поручению Александра Исаевича отвечаю на Ваше письмо.

Александр Исаевич несколько не в обиде на В. В. Быкова, С. П. Залыгина и других за подписи под осуждающим его письмом. Он всегда понимал условия, в каких они находились».

У сваю чаргу Сяргей Навумчык — які таксама звяртаўся да Салжаніцына — спасылаючыся зноў жа на М. Уразаву, гаварыў: «...што да гісторыі 1973 году, дык Аляксандар Ісаевіч перадаў, што не трымае за душой супраць Васіля Ўладзімеравіча ніякай крыўды. Ён ведае, якім чынам зьяўляліся подпісы пад лістом, і што Быкаў, як і, напрыклад, Сяргей Залыгін, ня меў да гэтага ліста ніякага дачынення, хаця некаторыя падпісалі той ліст, і падпісалі з ахвотай. Да Быкава Салжаніцын ставіўся і ставіцца добра»²⁸.

У жывых заставаліся толькі тры пісьменнікі, чые прозвішчы значацца пад «правдинским» лістом: Ч. Айтматаў, Ю. Бондараў і С. Міхалкоў. Мы звярнуліся да першага з просьбай прыгадаць абставіны жнівеньскіх дзён 1973 г. Чынгіз Тарэкулавіч адказаў: «Я был тогда очень огорчен, но лично я ничего не подписывал, и никто ко мне по этому поводу не обращался, не звонил. Впервые я увидел это письмо на страницах газеты. Однако документа,

²⁶ Медведев Р. Из книги «Неизвестный Андропов» // Медведев Ж., Медведев Р. Солженицын и Сахаров. Два пророка. С. 398.

²⁷ Кремлевский самосуд. С. 344—345, 346—347.

²⁸ Караткевіч В. Салжаніцын ведае, што Васіль Быкаў ня ўдзельнічаў у кампаніях супраць яго і кажа, што добра ставіцца да Быкава / Інт. з С. Навумчыкам на радыё «Свабода» 20 жн. 2004 г. // Электронны рэсурс: www.svaboda.org.

под которым стояла бы моя подпись, нет и быть не может. В то время было в порядке вещей, когда под подобным письмом мог появиться набор фамилий известных людей, — этим занимались в отделе культуры ЦК КПСС. Что-то заявлять потом было уже поздно».

Што ж тычыцца Андрэя Дзмітрыевіча Сахарава, дык ён напрыканцы 1980-х падчас сваіх інтэрв'ю неаднойчы скажа, што Васіль Быкаў — сярод яго любімых пісьменнікаў: «Я очень люблю вашего писателя Василя Быкова, с которым мы часто встречаемся и беседуем на съезде²⁹. Считаю его подлинным писателем-патриотом, правдиво отражающим прошлое своего народа, его думы и надежды. Читая его книги, я получаю представление обо всех белорусах, я вижу, что это очень добрый, трудолюбивый и честный народ»³⁰.

21 января 1968 г.

Дорогой
Василий Владимирович!

Благодарю Вас за Ваше дружеское поздравление. Откликаться новогоднее уже поздновато, но послать добрые пожелания никогда не поздно, — и я с удовольствием посылаю их Вам и Вашим (моим) друзьям! Да будете Вы здоровы, бодры и светлы, успешны в работе!

Хотя мои дела по видимости из рук вон худы (в декабре остановили набор «Рак[ового] корпуса» в «Н. мире» и т. д.) — настроение очень бодрое, хорошее. Я знаю и вижу, что мы вступаем в светлые времена.

Обнимаю Вас!

И Алексея, и А. М. тоже³¹.

Ваш А. Солженицын.

ДМГБЛ. КП 10735/788.

3 апреля 1972 г.

Дорогой Василий Владимирович!

Шведская Академия присылает своего постоянного Секретаря г. Гирова для вручения мне нобелевских знаков. Пользуясь тем, что эта церемония, обычно происходящая в Стокгольме, на этот раз произойдет в Москве, я приглашаю на нее самых видных представителей художественной и научной интеллигенции, во всяком случае тех, чье творчество я знаю и могу оценить, из писателей — подлинных, творчески сильных.

²⁹ Маецца на ўвазе 3'езд народных дэпутатаў СССР, які праходзіў у 1989 г. у Маскве.

³⁰ Горелик Е. Андрей Сахаров узнал Беларусь по книгам Быкова / Инт. с А. Сахаровым // Белорусская деловая газета. 2000. 25 апр.

³¹ А. Н. Карпюка і А. М. Адамовіча.

Мне было бы очень приятно видеть на этой церемонии Вас.
С искренним расположением,

А. Солженицын.

ДМГБЛ. КП 10735/786.

В последние годы академик А. Д. Сахаров отошел от активной научной деятельности и выступил с рядом заявлений, порочащих государственный строй, внешнюю и внутреннюю политику Советского Союза. Недавно в интервью, данном им зарубежным корреспондентам в Москве и опубликованном в западной печати, он дошел до того, что выступил против политики Советского Союза на разрядку международной напряженности и закрепление тех позитивных сдвигов, которые произошли во всем мире за последнее время.

Эти заявления, глубоко чуждые интересам всех прогрессивных людей, А. Д. Сахаров пытается оправдать грубым искажением советской действительности и вымышленными упреками в отношении социалистического строя. В своих высказываниях он по существу солидаризируется с наиболее реакционными империалистическими кругами, активно выступающими против курса на мирное сосуществование стран с разными общественными системами, против линии нашей партии и государства на развитие научного и культурного сотрудничества, на укрепление мира между народами. Тем самым А. Д. Сахаров фактически стал орудием враждебной пропаганды против Советского Союза и других социалистических стран.

Деятельность А. Д. Сахарова в корне чужда советским ученым. Она выглядит особенно неприглядно на фоне концентрации усилий всего нашего народа на решение грандиозных задач экономического и культурного строительства СССР, на укрепление мира и оздоровление международной обстановки.

Мы выражаем свое возмущение заявлениями академика А. Д. Сахарова и решительно осуждаем его деятельность, порочащую честь и достоинство советского ученого. Мы надеемся, что академик Сахаров задумается над своими действиями.

Академики: Н. Г. Басов, Н. В. Белов, Н. Н. Боголюбов, А. Е. Браунштейн, А. П. Виноградов, С. В. Вонсовский, Б. М. Вул, Н. П. Дубинин, Н. М. Жаворонков, Б. М. Кедров, М. В. Келдыш, В. А. Котельников, Г. В. Курдюмов, А. А. Логунов, М. А. Марков, А. Н. Несмеянов, А. М. Обухов, Ю. А. Овчинников, А. И. Опарин, Б. Е. Патон, Б. Н. Петров, П. Н. Поспелов, А. М. Прохоров, О. А. Реутов, А. М. Румянцев, Л. И. Седов, Н. Н. Семенов, Д. В. Скобельцын, С. Л. Соболев, В. И. Спицын, В. Д. Тимаков, А. Н. Тихонов, В. М. Тучкевич, П. Н. Федосеев, И. М. Франк, А. Н. Фрумкин, Ю. Б. Харитон, М. Б. Храпченко, П. А. Черенков, В. А. Энгельгардт.

Правда. 1973. 29 авг.

30 августа 1973 г.

Сов. секретно
Экз. единственный
(Рабочая запись)

Председательствовал
Присутствовали

тов. КИРИЛЕНКО А. П.
т. т. Андропов Ю. В.,
Косыгин А. Н., Кулаков Ф. Д.,
Мазуров К. Т., Полянский Д. С.,
Демичев П. Н., Долгих В. И.,
Капитонов И. В., Катушев К. Ф.

После заседания Политбюро т. Кириленко говорит о том, что письмо ученых относительно Сахарова сыграло большую роль. Но если на этом остановиться и не поддержать этих ученых, то не получится должного эффекта. Может быть, в какой-то форме опубликовать материалы, осуждающие поведение Сахарова, и от имени других ученых, рабочих, представителей интеллигенции. Но в этом отношении надо соблюсти строгую меру.

КОСЫГИН говорит о том, что наши люди не знают, что за Сахаров и о чем он писал. Поэтому, может быть, стоило бы опубликовать статью о Сахарове.

КИРИЛЕНКО ставит также вопрос о том, что, может быть, следует подготовить небольшую информацию для секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии о Сахарове, Солженицыне и процессе над Якиром и Красиным.

Члены Политбюро поддерживают это предложение.

Поручается т. т. Демичеву и Капитонову рассматривать и решать вопросы, связанные с публикацией материалов о Сахарове, с учетом состоявшегося на заседании Политбюро обмена мнениями, а также подготовить текст информации для ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии.

КОСЫГИН говорит о том, что нам нужно принять более строгие меры в отношении Сахарова. Пусть т. Андропов подумает о дальнейших шагах в этом отношении. Все больше и больше активизует свою деятельность Солженицын.

АНДРОПОВ. Это замечание справедливое. Выясняется, что Сахаров все же душевнобольной человек, но надо было бы с ним поговорить прямо и, может быть, даже поговорить с ним кому-то из руководящих товарищей [...].

Солженицын сейчас развертывает активную политическую деятельность, объединяет вокруг себя бывших заключенных, всех недовольных. Он дал антисоветское интервью корреспонденту газеты «Монд». Нам удалось добыть рукопись его книги «Остров Гулаг». Это грубое антисоветское сочинение, написанное Солженицыным еще в 1965 году и предназначавшееся к публикации после его смерти. Мы будем вызывать Солженицына и предъявлять ему обвинение в преступлении против Советской власти.

Кремлевский самосуд: Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М.: Родина, 1994. С. 245—246.

Уважаемый товарищ редактор!

Прочитав опубликованное в вашей газете письмо членов Академии наук СССР относительно поведения академика Сахарова, порочащего честь и достоинство советского ученого, мы считаем своим долгом выразить полное согласие с позицией авторов письма.

Советские писатели всегда вместе со своим народом и Коммунистической партией боролись за высокие идеалы коммунизма, за мир и дружбу между народами. Эта борьба — веление сердца всей художественной интеллигенции нашей страны. В нынешний исторический момент, когда происходят благотворные перемены в политическом климате планеты, поведение таких людей, как Сахаров и Солженицын, клеветующих на наш государственный и общественный строй, пытающихся породить недоверие к миролюбивой политике Советского государства и по существу призывающих Запад продолжать политику «холодной войны», не может вызвать никаких других чувств, кроме глубокого презрения и осуждения.

Ч. Айтматов, Ю. Бондарев, В. Быков, Р. Гамзатов, О. Гончар, Н. Грибачев, С. Залыгин, В. Катаев, А. Кешоков, В. Кожевников, М. Луконин, Г. Марков, И. Мележ, С. Михалков, С. Наровчатов, В. Озеров, Б. Полевой, А. Салынский, С. Сартаков, К. Симонов, С. С. Смирнов, А. Софронов, А. Сурков, М. Стельмах, Н. Тихонов, М. Турсун-заде, К. Федин, Н. Федоренко, А. Чаковский, М. Шолохов, С. Щипачев.

Правда. 1973. 31 авг.

Паляваньне на пэўных пісьменьнікаў прадаўжалася, і я зьехаў у Маскву. Там нейкі час туліўся на гасьціннай кватэры Грышы Куранёва. Цэкоўцы і кадэбісты шукалі мяне ў Горадні і Менску, у Маскве мяне было не знайсці. А некаторыя масквічы ў той час зьязджалі ў іншыя гарады. Бакланаў, напрыклад, тыдзень ці болей інкогніта жыў у Ленінградзе ў рэжысёра Хейфіца. Яго таксама дужа шукалі. Каб запэцкаць і выкарыстаць.

Але колькі дзе ні хавайся, урэшце мусіш вярнуцца дадому. Вярнуўся і я. Трохі пажыў на кватэры, туляючыся, бы злачынца.

А праз колькі дзён пазванілі зь Менску, клікалі, каб ехаць у Магілёў. [...]

У Магілёве былі нейкія выступы і сустрэчы з удзелам вялікае групы беларускіх пісьменьнікаў на чале з Іванам Шамякіным. Пасьля абеду паехалі на галоўнае магілёўскае прадпрыемства — капралактамавы камбінат. Пашвэндаўшыся па цэхах, зайшлі ў кабінэт дырэктара, дзе той, як звычайна, пачаў распавядаць пра посьпехі прадпрыемства. У сярэдзіне яго расповеду расчыняюцца дзверы і элегантна апрануты мужчына пытаецца: «Хто тут Быкаў? Тэрмінова выклікае Менск». Я спалохаўся — ці не здарылася кепскае дома — і выйшаў з кабінэту. Аказалася, трэба ехаць у абкам да прамога проваду. Машына і шафёр чакаюць. Прадчуваючы кепскае, пайшоў да машыны.

У пустым кабінэце першага (быў выхадны) чамусьці доўга не ладзілася з тэлефонам, мабыць, злучалі з рознымі абанэнтамі. Нарэшце далі трубку, у якой я пазнаў голас аднаго тагачаснага беларускага цэкоўца. Ён ветліва і ціха паведаміў, што ў ЦК КПСС ёсць ліст слынных дзеячоў культуры, якія рашуча асуджаюць падрыўную дзейнасць Сахарава і Салжаніцына. Ад Беларусі той ліст падпісаў Мележ, трэба, каб быў і подпіс Быкава. Я сказаў, што той ліст не чытаў, таму падпісваць яго не магу. Ён сказаў, што то мая справа, але ён павінен папярэдзіць аб магчымых наступствах. Я, не разьвітаўшыся, паклаў трубку і выйшаў з кабінэту.

Тая ж машына адвезла мяне на хімкамбінат, але пісьменьнікі адтуль ужо зьехалі. Да гатэлю я дабіраўся самапасам. А як прыехаў, ці ня ўсе мае калегі сядзелі перад тэлевізарам, глядзелі праграму «Время». Знаёмая дыктарка якраз чытала той самы ліст з «Правды», дзе група савецкіх пісьменьнікаў асуджала Сахарава і Салжаніцына. З асаблівай інтанацыяй пералічыла падпісантаў, у тым ліку і маё прозьвішча. Мае калегі ажывіліся, некаторыя павярнуліся да мяне. Іван Чыгрынаў моўчкі, але выразна паціснуў руку. Іншыя нядобра нахмурыліся. Я быў разгублены і падаўлены...

Быкаў В. Доўгая дарога дадому. Мн.: ГА БТ «Кніга», 2003. С. 388—390.

31 жніўня 1973 г.

Другі дзень выязнога пленума Саюза пісьменнікаў Беларусі ў Магілёве. Выступалі ў адной з Быкавым брыгадзе на камбінаце сінтэтычнага валакна. [...]

Калі сядзелі ў кабінэце дырэктара камбіната, Быкава выклікалі ў абкам партыі. Утрох з Генадзем Бураўкіным і Анатолем Вярцінскім у двары камбіната чакалі яго вяртання.

Ён вярнуўся расхваляваны і замучаны. Кратка раскажаў, што па тэлефоне з ім гаварылі з ЦК КПБ. У рэдакцыі «Правды» падрыхтавана пісьмо вядомых савецкіх пісьменнікаў з асуджэннем Сахарава і Салжаніцына. Пад пісьмом сярод іншых яго подпіс.

«Але ж я не чытаў і не ведаю, што падпісваю», — сказаў Быкаў. І пачуў: «Мы раім не прычыць. Заўтра ў «Правде» прачытаеце».

Вечарам я зайшоў да яго ў нумар. І якраз у гэты час па радыё перадавалі «Апошнія паведамленні». Пачыналіся яны інфармацыяй пра пісьмо савецкіх пісьменнікаў: «...паводзіны такіх людзей, як Сахараў і Салжаніцын, не могуць выклікаць ніякіх іншых пачуццяў, акрамя асуджэння...» У канцы ішлі тры дзесяткі подпісаў: Айтматаў, Бондараў, Быкаў... Сіманаў... Шолахаў...

— Хоць кампанія неблагая... — сумна пажартаваў Быкаў. — Але як я буду глядзець у вочы Салжаніцыну, у вочы сяброў?

— Яны зразумеюць, што гэта не ты рабіў...

— Ці ўсе зразумеюць?.. Той, супраць каго пісьмо, што падумае пра мяне?..

Мы выйшлі на вуліцу. Да нас далучыліся Анатоль Вярцінскі і Генадзь Бураўкін. Усе нашы размовы былі вакол адной тэмы — пісьма...

Сімановіч Д. ...І віцебскія вулкі // Наш Быкаў: Кніга ўспамінаў / Уклад. Г. Бураўкін. Мн.: ГА БТ «Кніга», 2004. С. 295.

Пасля тэлефоннай размовы з мінскімі цэкоўцамі наконт подпісу Васіль Быкаў вярнуўся ў залу, дзе пісьменнікі працягвалі сняданак, з сапсаваным настроем, абураўся зробленай яму прапановай і тым, што ніхто яго прэрэчанняў слухаць не стаў, а проста паклалі тэлефонную трубку. Тады ж ён расказаў сваім сябрам, якія сядзелі з ім за адным сталом (я быў сярод іх), пра чарговае нахабства ідэалагічных наглядчыкаў.

Бугаёў Дз. Мужнасць байца і душэўная далікатнасць // Наш Быкаў. С. 187—188.

Ад аднаго дасведчанага чыноўніка з ЦК дазнаўся, што ўсё вырашалася ў Маскве, а беларускаму толькі загадалі перадаць, што ён і зрабіў са спазьненнем. Празь дзень вярнуўся ў Горадню. Карпюк быў абураны, як я яму распавёў маю гісторыю. Скажаў, што трэба пісаць. Куды? Скрозь. Усюды.

Доўгая дарога дадому. С. 390.

Этого подлого письма Василь не видел и в глаза — свидетельствую перед судом вечности. Его сфабриковали в то время, когда Быков уехал на Могилевщину в командировку с Геннадием Буравкиным и другими литераторами. Но Василь был лишен возможности сообщить об этом миллионам своих читателей, ибо его протест не опубликовал бы в СССР ни один орган печати, а заграничным корреспондентам въезд в БССР был закрыт. [...]

...Страшно было глядеть, до чего довели тогда Василя Быкова — нашу национальную гордость — разные политиканы, карьеристы и манипуляторы. Василь и так не отличался крепким здоровьем, а тут вдруг почернел, сделался худущим, даже голос изменился, стал каким-то тонким.

Карпюк А. Прощание с иллюзиями: Хроника одного поколения // Нёман. 1993. № 5. С. 105.

Я патэлефанаваў у Маскву Сяргею Залыгіну, імя якога таксама значылася пад тым лістом. Сяргей Паўлавіч сказаў, што, на жаль, ня можа аб тым гаварыць па тэлефоне, няблага, калі б я прыехаў у Маскву. Я хутка сабраўся і паехаў.

Залыгіна застаў дома, ён пачуваўся ня лепшым чынам і ціха распавёў, што ўсё тое — вялікая правакацыя, учыненая Шаурам ды іншымі. Іх па аднаму выклікалі ў ЦК і там проста выкручвалі кожнаму рукі, дамагаючыся подпісу. Верныя партыйнай дысцыпліне камуністы-пісьменьнікі, хоць і неахвотна, змушаныя былі падпісаць. Залыгін жа, спаслаўшыся на сваю бес-

партыйнасьць, спрабаваў адмовіцца. Тады перад ім паставілі пытаньне: з кім ён — зь імі ці з намі? Яны хутка апынуцца на лаве пасудных, як бы не далучылі да іх і вас. Залыгін толькі нядаўна перабраўся ў Маскву, атрымаў неблагую кватэру, меў нейкія літаратурныя і выдавецкія пляны (пасья стаў галоўным рэдактарам «Нового мира»), а тут такі зьверскі выбар. І ён падпісаў. «Але ж я не падпісваў!» — сказаў я. — «Ну дык ты ж — у правінцыі. У правінцыі ўсё прасьцей. І страшней», — сказаў Залыгін, які толькі месяц таму выбраўся зь сібірскай правінцыі.

Мы доўга гаманілі і думалі ў той вечар. Я застаўся начаваць у Залыгіных. Вырашылі прыдумаць што заўтра. Найперш належала перапрасіць Аляксандра Ісаевіча. Зранку пачалі званіць па знаёмых. [...] Нехта з агульных знаёмых сказаў, што Аляксандр Ісаевіч зьехаў. Напэўна, за мяжу. Тут яго не знайсьці. Тады я напісаў ліст у ЦК, Залыгін памагаў. Але ў ніводны пад'езд на Старой плошчы мяне не пусьцілі. Давялося аднесці ліст на пошту, адправіць заказным. Адказу на яго не атрымаў ніколі.

Пайшоў у часопіс, дзе працаваў Лазар [...]. Мудры Лазар мяне сцешыў: «Не тузайся, не апраўдвайся, нічога нікому не тлумач. Тыя, што цябе ведаюць, усё зразумеюць бяз слоў, а хто ня ведае, таму не растлумачыш. Хай застаюцца пры сваім».

Тым не менш тлумачыць давялося — тады і пасья.

Доўгая дарога дадому. С. 390—391, 392.

Я напісаў ліст Сяргею Залыгіну, які ў той час быў ужо рэдактарам «Новага міру». Праз пару тыдняў прыйшоў адказ на афіцыйным бланку часопісу.

«Калі б Вы пабачылі арыгінал таго дакументу, дык уведалі б, што майго падпісу там няма», — пісаў Залыгін.

Васіль Быкаў: Лісты цяпер для мяне — манна нябесная...: Перапіска Васіля Быкава з дырэктарам Беларускай службы радыё «Свабода» Аляксандрам Лукашукom // Дзеяслоў. 2005. № 3 (16). С. 190.

Мы былі недзе ў Ашмянах, і Быкаў са страшэнным болям расказваў, як за яго падпісалі ліст супраць Салжаніцына. Я тады спытаў:

— Васіль Уладзіміравіч, як Вы маглі?!

— Не паверыце, — кажа, — але я нічога не падпісваў...

Я сапраўды не мог паверыць: як гэта можа быць? — чалавек не падпісаў, а прозвішча яго пад лістом ёсць!

— Вы яшчэ далёка не ўсё ведаеце, што робіцца ў нашай апаратнай сістэме, — гаварыў Быкаў. — Гэта настолькі страшная сістэма, — тут усё могуць зрабіць, ні перад чым не спыняцца!

Ён тады вельмі рэзка гаварыў. Праўда гэтая для мяне адкрывалася ўпершыню...

Быкаў тлумачыў наконт яго прозвішча пад тым лістом:

— Мне пазванілі, казалі, што мой подпіс ужо стаіць.

— Дык што ж цяпер рабіць?

— А нічога ўжо не зробіш...

З гутаркі з А. Пяткевічам. Чэрвень 2005 г.

Как было доказать свою правоту, как рассказать о том, как все произошло? В печати тебе никто не даст этого сделать, а ходить по домам и объясняться с теми, кто до сей минуты верил в тебя — да разве это возможно?

Василь замкнулся. Представляю, на сколько звонков ему пришлось отвечать, на сколько вопросов на улице, в доме, где он жил. Завистники и ненавистники, тут же повывлезшие из нор, потирали руки и высоко задирали носы: «Вот вам и Быков!»

Помнится, я вскоре послал ему письмо, где вспомнил Ялту, наши встречи, и поздравил его с наступающим Новым годом. Он тут же откликнулся. И его короткое, горькое письмо столько поведало мне о тоске и одиночестве, которые достигают такой пронзительности только у края отчаяния. «Только природа не изменяет», — писал он, и этим все было сказано.

Быков после этого много писал, нигде, как всегда, не отступая от правды, но то ли кончилось его время, то ли оно кончилось и для нас. Власть, похоже, считала «дело Быкова» закрытым. На него посыпались премии и награды [...].

Золотусский И. Знак беды: Три встречи с Василем Быковым // Литературная газета. 2004. 23—29 июня.

Пасьля Аляксандра Салжаніцына выслалі з краіны, і я зь ім не пабачыўся і не павініўся. Было дужа няёмка. Я праклінаў тых, што ўчынілі такое нялюдства... Шмат гадоў пасьля адзін адказны працаўнік ЦК КПСС па шчырасьці растлумачыў мне, што тое было зроблена дзеля майго паратунку. Інакш яны змушаны былі б скіраваць мяне сьледам за Салжаніцыным.

Доўгая дарога дадому. С. 392.

«Езуіт Сеўрук цкуе пісьменніка з сусветным імем»

Праз пятнаццаць гадоў пасля публікацыі ў «Маладосці» аповесці «Мёртвым не баліць» дырэктар выдавецтва «Мастацкая літаратура» Міхал Дубянецкі спрабуе паставіць пытанне аб яе асобным выданні ці ў Зборы твораў. Перагаворы з сакратаром ЦК КПБ па ідэалогіі Аляксандрам Кузьміным вядуцца ў некалькі этапаў, але канчатковае паразуменне дасягаецца толькі ў дні ўганаравання Быкава званнем Народнага пісьменніка БССР — вырашана, што аповесць увойдзе ў 3-ці ці 4-ты том быкаўскага Збору твораў.

У той жа дзень Дубянецкі віншуе Васіля Уладзіміравіча з прысваеннем звання Народнага пісьменніка і адначасова паведамляе: «Кніга «Мёртвым не баліць» будзе выдадзена! Чакаю рукапіс»¹. Як успамінаў Дубянецкі, пасля некаторай паўзы Быкаў стаў дзякаваць, папытаў, як гэта здарылася, сказаў, што лепшага падарунка даўно ўжо не меў. І ўжо праз пару дзён перакампанаваў два апошнія тамы — «Мёртвым не баліць» паставіў у 3-ці.

У лістападзе 1981 г. карэктуру адпраўляюць у Галоўліт БССР, і ў хуткім часе Дубянецкі атрымлівае дазвол на друкаванне аповесці, аднак кіраўнік Галоўліта А. Маркевіч просіць дазволу «выправіць у адным месцы разважанні Васілевіча пра статус у СССР савецкіх грамадзян, што трапляюць у палон да немцаў і, з другога боку, пра адносіны немцаў да сваіх ваеннаслужачых, якія пабылі ў савецкім палоне». Маркевіч даводзіць: «Атрымліваецца, Міхась Фёдаравіч, што немцы больш гуманна ставіліся да сваіх, чым мы да сваіх. У нас, згодна з загадам, здавацца нельга было ў палон, а трэба было канчаць самагубствам. А немцы нават і не пыталі ў сваіх, дзе былі і што рабілі». Аднак Дубянецкі, спасылаючыся на тое, што гэта не з'яўляецца вызначальным у творы і што, дарэчы, у Ч. Айтматава ў апошнім рамане пра гэта сказана мацней і не ў адным якім-небудзь месцы, выступае супраць праўкі. Але дазвол на друкаванне ўсё роўна ёсць. Праўда, як занатоўвае М. Дубянецкі, «здарылася тое, што і павінна было адбыцца. А. А. Маркевіч, адной рукою даючы дазвол, другой набраў нумар свайго маскоўскага шэфа Раманава. Увёў таго ў курс справы. Той звязаўся з У. М. Сеўрукам і атрымаў каманду забараніць. І машына закруцілася»².

¹ Тут і далей цытаты прыводзяцца паводле публікацыі: Дубянецкі М. Злое вогнішча // Польша. 1999. № 2.

² У 1981 г. У. Сеўрук быў намеснікам загадчыка аддзела прапаганды ЦК КПСС. «По его указанию — он курировал не только газеты и журналы, но и цензуру — все, что предла-

18 лістапада Дубянецкаму тэлефануе галоўны рэдактар выдавецтва «Мастацкая літаратура» С. Андрэюк — старшыня Дзяржкамдруку М. Дзялец загадаў спыніць 3-ці том Быкава ў вытворчасці. Прычына: выдаваць «Мёртвым не баліць» забараніў Галоўліт СССР. Але Дубянецкі ідзе ва-банк: просіць перадаць Дзяльцу, што ўсе пытанні гэтага тома пакідае за сабою, і патрабуе ад сваіх супрацоўнікаў фарсіраваць выпуск тома.

Праз два дні званок начальніка Галоўліта Маркевіча: Сеўрук забараніў выпуск аповесці катэгарычна, ён, Маркевіч, адказвае за тое галавой і партбілетам. Затым — званок ад старшыні Дзяржкамдруку Дзяльца — выданне «Мёртвым не баліць» спыніць! Дубянецкі вырашае аслухацца, але праз гадзіну новы званок ад Дзяльца — спыніць выданне аповесці загадаў ужо сакратар ЦК Кузьмін. М. Дубянецкі занатоўвае: «Прымаю таблетку нітрагліцэрыну і... іду ў спальню. Цяпер ужо, калі так хутка здаўся і адступіў Кузьмін, чорную справу завершаць і без мяне. [...]

Не перахітрыў. Надта іх багата супраць мяне аднаго. І ў іх улада, а ў мяне — толькі сумленне, патрыятызм ды крыху кемлівасці. А што гэта перад такой жалезабетоннай уладаю? Што рабіць? Зламалі? Знішчылі? Галаву, як электрычнасцю, пранізала думка: «Тэлеграму Зімяніну!» Пабег да пісьмовага стала. Хуценька зрабіў накід: трэба паспець, каб сёння ж легла на стол Міхаілу Васільевічу, бо наперадзе два выхадныя — субота і нядзеля. Атрымалася вялікая — 130 слоў — інфармацыя пра падзею; міжнародны аспект; ацэнка падзеі; ацэнка твора; просьба. [...]

Пачатак: «Толькі што, пад націскам Сеўрука У. М...» Узмацняю міжнародны аспект. Дадаю, што за мяжою выдаўцы ўжо ведаюць аб падрыхтоўцы 3-га тома Васіля Быкава з аповесцю «Мёртвым не баліць». Узмацняю ацэнку ўчынку Сеўрука. Мацней афармляю просьбу. Замест «ратуйце становішча» пішу: «Выратуйце, калі ласка, значную духоўную каштоўнасць ад сярэдневяковага кастра, а нашу выдавецкую практыку — ад ганебнага слупа». Апошнія два словы пераправіў на «...ад ганьбы».

Быкаў пасля прыгадаў: «Бедны і наіўны, нягледзячы на свой партыйны вопыт, Міхал Хведаравіч, на што ён спадзяваўся! Я распавёў пра выпадак з вайны, калі адзін з паліцаяў расстрэльваў групу землякоў, сярод якіх быў ягоны стрыечны брат. Паліцай быў добры чалавек і як для брата зрабіў выключэнне — падаслаў яму ў магілку сьвежага хвойнічку. Усё ж брат... Дубянецкі мне не паверыў, сказаў: вось убачыце, яны свой загад адменяць.

гал Быков для публикации, рассматривалось в Главлите через лупу. Благодаря его неустанной деятельности в этом направлении только через одиннадцать лет после журнальной публикации появилось книжное издание «Круглянского моста», через восемнадцать — повести «Атака с ходу», через двадцать три — повести «Мертвым не больно» [...]» (Лазарев Л. Правда останется: О Василе Быкове // Знамя. 2003. № 12. С. 121).

Трэба пачакаць адказу»³. «Чудак человек! Искал бы управу на Севрука сразу и прямо у самого Севрука: телеграмму-то ему спустили, и не кто иной, как он, вел расследование. И провел так, что директора оно вынудило оставить работу, довело до инфаркта, после которого он так и не поднялся. Ради незамутненной «чистоты» идей за ценой не стояли. И платили не только втридорога, возмещая издательские убытки, но и тем, что деньгами не измеряется, — жизнями людей»⁴.

Дарэчы, гісторыя з тэлеграмай пасля стала амаль што легендай, і калі пра яе згадвалі, звычайна пісалі не іначай, як наступным чынам: «М. Дубенецкий послал телеграмму Суслову и Зимянину: «Иезуит Севрук травит писателя с мировым именем Василя Быкова»⁵. У 1990 г. і А. Адамовіч, прыгадваючы гэтую гісторыю, пісаў: «И какой был скандал, на всю республику, когда честнейший Михаил Федорович послал телеграмму «самому Суслову», в которой Главному инквизитору сообщал, что у него работает «иезуит Севрук, травящий Быкова» (слова из телеграммы)»⁶. Сеўрук нічога не аспрэчваў, толькі ў адным месцы паправіў Адамовіча: «Из статьи узнал я, что являюсь «многолетним изнуряющим бесом», а также «иезуитом». Последняя кличка из телеграммы на имя, кстати, М. В. Зимянина, а не М. А. Суслова. Но в ней я был заклеен и как «антисоветчик» — тогда, в 1981 году, требовался именно такой ярлык»⁷.

26 лістапада Дубянецкаму тэлефануе Быкаў: «Трэба сустрэцца». Ён выказвае намер таксама паслаць на той жа адрас тэлеграму, а можа, нават і сакратару ЦК КПСС Суславу. І дадае, што калі не атрымаецца, дык ён сам спыніць Збор твораў на 2-м томе. Дубянецкі такое рашэнне ўхваляе, але ўжо на наступны дзень Быкаў паведамляе: як ён даведаўся, крыж на аповесці «свайёй жорсткай рэзальваючай безапеляцыйна паставіў» яшчэ ў 1966 г. сам Суслаў, таму «ў такой сітуацыі нічога не застаецца, як праглынуць пілюлю», — ён згодны выдаваць 3-ці том без «Мёртвым не баліць». М. Дубянецкі занатуюе: «Можа, гэта і правільна. Інакш зламалі б, знішчылі б яго, і свет страціў бы творцу. Таму я і не абвінавачваю Васіля Быкава». Але Васіль Уладзіміравіч усё-такі звернецца да Зімяніна, аднак, як пасля ён засведчыць на чарнавіку ліста да сакратара ЦК, «каб не пакідаць слядоў, Зімянін адказаў па тэлефоне праз ЦК КПБ: нет!»⁸

1 снежня забраць рукапіс злашчаснай аповесці аўтара просіць А. Кузьмін. Аднак праз два дні Дубянецкі занатоўвае: «А 23-й гадзіне Васіль Быкаў

³ Быкаў В. Доўгая дарога дадому. Мн.: ГА БТ «Кніга», 2003. С. 474—475.

⁴ Оскоцкий В. Через годы — через жизнь: Из воспоминаний о Василе Быкове. 2003. Рукопись.

⁵ Оскоцкий В. Жив курилка! // Белорусская деловая газета. 2000. 11 янв.

⁶ Адамович А. Так они нами руководили // Литературная газета. 1990. 2 мая.

⁷ Севрук В. Как они на нас доносили... // Литературная газета. 1990. 23 мая.

⁸ ДМГБЛ. КП 10735/840.

паведаміў мне па тэлефоне пра паварот нашай справы ў Маскве на лепшае: «Аповесць выдаць, «падгабляваўшы», дзе трэба. Змясціць пажада-на ў тым жа трэцім томе, каб не была заўважана заміна. З галавы ды-рэктара выдавецтва не павінен упасці ніводзін волас. Пра яго тэлеграму не распаўсюджвацца; яе проста не было». І заслуга ў тым — Аляксандра Трыфанавіча Кузьміна. Што ж датычыць Сеўрука, дык быццам бы яго адхілілі ад далейшага разбору гэтай справы.

Такое рашэнне будзе прынятае пасля звяртання ў ЦК КПСС загадчыкаў двух аддзелаў — прапаганды і культуры, — якія лічылі «возможным пору-чить ЦК КП Белоруссии совместно с Госкомиздатом СССР рассмотреть во-прос о целесообразности включения повести «Мертвым не больно» в Со-брание сочинений писателя», аднак улічыўшы крытычная заўвагі, якія былі зробленыя ў 1966 г. Рэзалюцыю «Согласиться» з гэтай прапановай падпісалі сакратары ЦК М. Зімянін, М. Суслаў, А. Кірыленка, І. Капітонаў, Б. Панамароў, К. Русакоў, В. Далгіх, К. Чарненка. Аднак праз тыдзень «новая» навіна: вы-пуск аповесці забаронены канчаткова. Яшчэ праз шэсць дзён — ёсць рашэн-не... дазволіць. Але твор трэба «дапрацаваць», у прыватнасці, як прапануе кіраўнік Дзяржкамдруку Дзялец, аўтар не мусіць рабіць з Сахно здрадніка — каб не кідаць цень на органы...

У чэрвені 1982 г. Ігар Дзядкоў напіша ў лісце да Быкава: «В нашей цензуре меня спрашивают: «А что такое «Мертвым не больно» Быкова? — «Вещь-то давняя, — говорю им, — Вам-то теперь что?» А они объясняют: «В новейшей инструкции повесть упоминается как вредная и к изданию запретная».

Потом-то я сообразил, что это, вероятно, отзвук минской попытки из-дать повесть в Собрании сочинений.

Все беспокоятся, тревожатся, боятся! Десятилетия проходят — все бо-ятся». І атрымае адказ: «Кажется, Ваши главлитчики окажутся правы — с «М. не б.» вряд ли что выйдет, придется вместо нее готовить новую мою по-весть. Но и с ней еще не известно, как обернется в этом смысле. Вот так и живем»⁹.

Толькі ў лістападзе 1982 г. Дубянецкі падпіша да друку 4-ты том з «Мёрт-вым не баліць». Праўда, перад тым беларускі Галоўліт «папросіць» аб адной ахвяры — выкінуць споведзь былога камандзіра дванаццаці загінулых штрафных ротаў. І аўтару прыйдзеца з тым пагадзіцца¹⁰. «...Кузьмін сказаў, што трэба ў аповесці нешта перарабіць, хаця б для прыліку памяняць сло-вы, ці што? Тое дасць падставу паведаміць у Маскву, што аўтар грунтоўна перапрацаваў твор. Я трохі падзівіўся наіўнасьці Аляксандра Трыфанавіча,

⁹ З ліста ад 8 ліп. 1982 г. Дедков И. «Девятого Мая обязательно вспомню Вас...»: Из пере-писки с А. Адамовичем, Г. Баклановым, В. Богомолковым, В. Быковым, Д. Граниным, В. Кон-дратьевым // Дружба народов. 1995. № 3. С. 182.

¹⁰ Гл.: Дубянецкі М. «Трэба рызыкаваць...» // Палымя. 2001. № 10. С. 193.

але зрабіў так, як ён раіў, — трохі пачысьціў стыль. І праўда, аповесьць у такім выглядзе (надта, дарэчы, зьнявечаным пасьля шматлікіх рэдагаваньняў) і была надрукаваная ў апошнім томе майго Збору твораў. На гэты раз Сеўрук ня мог дамагчыся свайго і адступіў [...]»¹¹.

23 ноября 1981 г.

Срочная. Москва. ЦК КПСС.
Товарищу Зимянину М. В.

Глубокоуважаемый Михаил Васильевич.

20-го ноября вечером по указанию тов. Севрука В. Н. в Минске на завершающей стадии прекращено издание 3-го тома Собрания сочинений народного писателя Белоруссии, депутата Верховного Совета Республики, лауреата Государственных премий СССР, БССР Василя Быкова из-за содержащейся там повести «Мертвым не больно». Повесть опубликована «Новым миром» и «Молодостью», во многих странах вышла книгой. На всех международных встречах издатели, особенно соцстран, упрекают нас, почему этой книги нет на родине Быкова. Эти упреки, к счастью, как нам казалось, были уже сняты. Нам, маловерам, показывалась подписанная корректура тома. Решение тов. Севрука В. Н. объективно носит антисоветский, противозаконный, реакционный характер. Об этом недоумии уже знает весь интеллектуальный Минск. Значит, узнает и весь мир. Дорогой Михаил Васильевич, спасите, пожалуйста, значительную духовную ценность от средневекового костра, а нашу издательскую практику от позора. Повесть талантлива, полностью отвечает духу соцреализма, если его понимать здраво, а не вульгарно-социологически.

С искренним уважением и верой в победу разума, директор издательства «Мастацкая лitarатура» Дубенецкий Михаил Федорович.

На препроводительной записке к телеграмме резолюция: «Т. т. Тяжельникову Е. М., Шауро В. Ф.

24.XI.81 г.

М. Зимянин».

«Мертвым не больно» под арестом // Дружба народов. 1993. № 9. С. 210.

¹¹ Доўгая дарога дадому. С. 475. В. Быкаў назаве гэты том шматпакутным — напіша так у дароўным надпісе на 4-м томе Нілу Гілевічу і яго жонцы Ніне Іванаўне: «Дарагія Ніна і Ніл, гэтае выданне — вынік маёй працы, а можа і лёсу, у якім вашае абодвух месца адно з найважнейшых і даражэйшых, а таму са шчырасцю і ўдзячнасцю за спачуванне пішу гэтыя радкі. Аўтар шматпакутнага тома Васіль Быкаў. 13 студ[зеня] 83 г.» (Хатні архіў Н. Гілевіча).

Москва, ЦК КПСС

Зимянину Михаилу Васильевичу

Уважаемый Михаил Васильевич!

В связи с прекращением издания моего Собрания сочинений в Минске сообщаю, что в его третий том включен белорусский вариант повести, переработанный и отличный от русского, опубликованного «Новым миром» в 1966 году и подвергшийся критике в печати. Белорусский вариант в печати не критиковался, так как не содержал многих моментов русского, которые в течение пятнадцати лет с такой настойчивостью преследуются тов. Севруком через Главлит, сделавшим почти невозможным печатное выражение других мнений и оценок повести нежели те, что были даны самим тов. Севруком в его известной статье и кандидатской диссертации. Тем не менее эти иные оценки существуют и выражены печатно во многих десятках статей и монографий авторитетных советских авторов, не считаясь с которыми могут лишь люди, считающие систему команд и запретов единственно возможным методом управления литературой.

С уважением,

Василь Быков,
народный писатель Белоруссии.

Копія. ДМГБЛ. КП 10735/840.

27 лістапада [1981 г.]

Васіль Быкаў: «Размаўляў з уплывовымі сябрамі з «Белакаменнай». Сказалі, што справа прыняла там вельмі непажаданае развіццё. Аказваецца, яшчэ ў 1966 годзе М. А. Суслаў сваёй жорсткай рэзалюцыяй безапеляцыйна паставіў крыж на аповесці. Пасля гэтага Сеўрук як «барацьбіт» за культуру, наадварот, зрабіў кар’еру. Што ж, Міхась Фёдаравіч, нам у такой сітуацыі нічога не застаецца, як праглынуць пілюлю. Я вельмі вам удзячны і вельмі прашу, каб вы не надта перажывалі. Можа, асабіста вам не будзе пагрозы. Ну а том выйдзе і без гэтай аповесці. Думаю, што не сёння-заўтра мне загадаюць забраць яе адтуль і даць нешта іншае».

Я: «Жалезная логіка і паслядоўнасць у «белакаменцаў» — не ў вашых сяброў, а ў тых, што над імі і над усімі намі, лагічна і вы вырашылі. Вось толькі я — суцэльны алагізм. Мне, напрыклад, імпанаваў ваш намер спыніць чатырохтомнік на другой кнізе. А калі і не спыняць, дык чацвёрты даць поўным, як мы яго і склалі. А трэці пакінуць без «Мёртвых». Такі «том»-сшытак быў бы надоўга адпаведным помнікам».

Дубянецкі М. Злое вогнішча // Полымя. 1999. № 2. С. 168.

30 ноября 1981 г.

Секретно

В белорусском издательстве «Мастацкая лitarатура» готовится к изданию Собрание сочинений лауреата Государственной премии СССР писателя В. Быкова. Издательство и автор включили в Собрание сочинений повесть «Мертвым не больно».

Эта повесть была опубликована в 1966 году только в журналах «Малодосць» и «Новый мир» и вызвала обоснованную критику со стороны литературной общественности за дегероизацию событий Великой Отечественной войны и другие серьезные идейные просчеты.

Отделы пропаганды и культуры ЦК КПСС докладывали по этому вопросу ЦК КПСС (записка от 15.IV.1966 г.). В записке отделов отмечалось, что в повести с неверных идейных позиций отображены события Великой Отечественной войны. Она заполнена желчными описаниями беззаконий и преступлений, якобы чинившимися в рядах действующей Советской Армии.

В соответствии с поручением отделов ЦК КПСС газеты «Правда» и «Красная звезда» опубликовали статьи, в которых повесть расценивалась как творческая неудача автора. Аналогичные критические статьи были в белорусской партийной и литературной печати. С 1966 г. данное произведение отдельным изданием не выходило.

Учитывая это обстоятельство, а также принимая во внимание, что В. Быков в своем творчестве в настоящее время не допускает подобного рода ошибки, полагали бы возможным поручить ЦК КП Белоруссии совместно с Госкомиздатом СССР рассмотреть вопрос о целесообразности включения повести «Мертвым не больно» в Собрание сочинений писателя, имея в виду вышеуказанные критические замечания.

Просим согласия.

Зав. Отделом пропаганды ЦК КПСС
Е. Тяжельников

Зав. Отделом культуры ЦК КПСС
В. Шауро

На документе помета: «Согласиться. М. Зимянин, М. Суслов, А. Кириченко¹², И. Капитонов, Б. Пономарев, К. Русаков, В. Долгих, К. Черненко».

«Мертвым не больно» под арестом // Дружба народов. 1993. № 9. С. 209—210.

11 снежня [1981 г.]

10 гадзін раніцы. Званок Васіля Быкава:

— Чулі апошнія навіны?

— Не, не чуў, — адказваю.

— Ну дык вось: учора раскажаў мне Кузьмін, што прынята пастанова сакратарыята ЦК КПСС па нашай справе. Выпуск аповесці забаронены канчаткова.

— Значыцца, перамаглі самыя ашалелыя, — кажу. — Перамог «пакрыўджаны» Сеўрук. Мабыць, ён узняў там усю чорную сотню на абарону прагнілых яе ідэй.

— Думаю, што ён, — згадзіўся Васіль Быкаў і дадаў: — Відаць, вы ў пастанове не фігуруеце. Хоць гэта ўжо добра... [...]

¹² У публікацыі, відаць, апіска — не А. Кірычэнка (1908—1975), а іншы сакратар ЦК КПСС — А. Кірыленка (1906 — 1990).

17 снежня.

Цырк на дроце і толькі... Смех смехам, але ж сапраўды густую кашу я заварыў. Аніяк не могуць праглынуць. Колькі разоў здавалася, што ўсё, праглынулі ўжо, а глядзіш... панясло яе зноў на паверхню, і зноў пачынаюць жаваць і перажоўваць [...].

Пра гэтыя страўнікавыя пакуты паведаміў мне толькі што Сяргей [С. Законнікаў. — С. Ш.]:

— Там «вярнуліся» да вашай справы. «Вырашылі»... друкаваць аповесць.

— Калі і дзе? — пытаюся.

— Правільна ставіце пытанне. Калі? Неадкладна. Дзе? У гэтым жа Зборы твораў. Трэба, вядома, «дапрацаваць» яе. Каб не затрымліваць 3-ці том у вытворчасці, мабыць, рыхтаваць трэба ў 4-ты.

— Гэта канчаткова? — устаўляю не зусім да месца пытанне (хто ж тут здольны адказаць за тых!).

— Так мне перадалі для вас. Аўтару цяпер пра гэта кажа Кузьмін. [...]

Праз якую гадзіну пазваніў і Аўтар. Ён сапраўды атрымаў «даручэнне» «дапрацаваць» для 4-га тома. Павіншаваў. Я выказаў надзею, што «дапрацоўка» не закране кожнае старонкі.

— Ні ў якім разе, — адказаў. — Я ведаю «вострыя» мясціны, іх і буду «закругляць».

— А не будзе кантрольнага чытання там? — пацікавіўся я.

— Кузьмін прама не сказаў, а з ускосных яго разважанняў такую выснову можна выцягнуць.

— Хаця б на ім «кантроль» абмежаваўся, — кажу, — а то яшчэ запатрабуюць туды.

— Калі гэта здарыцца, дык трапіць да больш добразычлівых, у Адзел культуры. Я так зразумеў, будучы ў Кузьміна, што найгоршы канец схадайнічаў Адзелу прапаганды, Сеўрук. А цяпер за справу ўзяўся Адзел культуры.

Цяжка сказаць, што лепш: таленавіты, але пакалечаны твор ці нічога? Думаю, тут будзе пароўну і «за», і «супраць» — мець пакалечаны, але ж каб нешта было — адна магчымая думка. А другая: не трэба пакалечанага. Твор жа гэты ёсць, таленавіты, бескампрамісны. Ну і што, што не дазваляюць друкаваць? Прыйдзе час — надрукуецца. А каму вельмі трэба, няхай знойдзе ў «Маладосці» ці ў «Новом мире». І прачытае сапраўдны твор.

Шчыра кажучы, я за другое. Паўстаўшы за публікацыю аповесці, я не разлічваў на яе магчымае калецтва, я хацеў дзесяткам тысяч чытачоў аблегчыць азнямленне з ёю, якой яна была створана. Атрымаўшы накаўт, я лічыў за найлепшае спыніць выданне Збору твораў Васіля Быкава на другім томе. Няхай бы пасля нехта тлумачыў, што, як і чаму.

Такой думкі ў адзін час трымаўся і сам Аўтар. Пасля ён адступіўся ад яе. Можа, гэта і правільна. Інакш зламалі б, знішчылі б яго, і свет страціў бы

творцу. Таму я і не абвінавачваю Васіля Быкава. Нават шкадую: гэта ж ён сваімі рукамі павінен калечыць сваё дзіця. Хоць цяпер ужо і гэтага няма чаго баяцца, — усё адбываецца і адбудзецца ў даўно знаёмым усяму свету стылі савецкага друку: амаль кожны твор мае два альбо і больш варыянтаў — варыянт, створаны аўтарам, і варыянт, дазволены партыяй і яе цэнзурай. Часцей за ўсё гэты апошні толькі і вядомы чытачу. Аповесці «Мёртвым не баліць» «пашанцавала»: аўтарскі варыянт ужо «праскочыў» у свет, ён жыве і будзе жыць вечным дакорам свайму малодшаму пачварнаму брату. [...]

21 снежня

[...]

— Я не думаю, што гэта ўжо канчатковае рашэнне, — нарэшце вымавіў ён [М. Дзялец. — С. Ш.] здаўленым голасам. — Гэтую аповесць нельга выправіць. Яна наскрозь антысавецкая. Апрача чэкіста Сахно, ён жа (В. Быкаў. — М. Д.) увёў туды і былога старшыню ваеннага трыбунала. І таксама ў адмоўным плане. Значыцца, Быкаў не бачыў тады і не бачыць цяпер карыснасці органаў чэка.

— А нашто так абагульняць, Міхаіл Іванавіч? — устаўляю я. — Пра карысць ці некарысць ён нідзе не пісаў. Ён стварыў два канкрэтныя вобразы. Адмоўныя. І толькі ўсяго.

— І толькі ўсяго?! — раптам, справіўшыся з сабою, выкрыкнуў ён. — А тое, што гэтыя органы стаяць на прэцэднім рубяжы нашай барацьбы, гэта ўжо не мае значэння?! Як наша моладзь глядзела б на чэкістаў пасля прачытання такога, выбачайце, твора? Ён што, пры тваёй дапамозе хацеў распачаць у літаратуры абстрэл органаў? А зрэшты, не ён хацеў. Гэта ты яго, Быкава, прымусіў прынесці табе гэтую аповесць для апублікавання. Мы ж яе не ўключалі ў праспект чатырохтомніка! Якая ідэя цябе прывабіла ў гэтых «Мёртвых»?

— Таленавітасць твора прывабіла, Міхаіл Іванавіч, — вырашыў я, нарэшце, уклініцца ў гэты маналог. — А тое, што чэкісты стаяць, як вы казалі, на прэцэдніх рубяжах, дык, можа, скажаце, хто на задніх? І каго можна заўсёды крытыкаваць, а каго — ніколі? Асабіста я не лічу, што чэкістаў трэба вывесці з-пад крытыкі.

— Вось нават як: «Ён не лічыць», — з нейкай нібы грэблівасцю ўставіў старшыня.

— Ды ў свой час ім ужо дасталося ў літаратуры, — працягваю я. — І Васіль Быкаў не распачне сваёй аповесцю абстрэлу іх. Напішы ён крыху раней яе, скажам, недзе да 1964 года, дык аповесць, напэўна, не трапіла б у такі цэйтнот...

— Я збіраюся да Аляксандра Трыфанавіча, — рэзка спыніў мяне Дзялец. — Я раскажу яму пра тваю пазіцыю!

Дубянецкі М. Злое вогнішча // Польша. 1999. № 2. С. 171—172, 173—174, 177—178.

З лістапада [1982 г.]

Нарэшце падпісаў да друку чацвёрты том В. Б. з «Мёртвымі». Галоўліт пасля маёй гістарычнай сустрэчы з А. А. Маркевічам не стаў больш прыдзірацца, але ўсё ж «папрасіў» ад нас адну ахвяру — выкінуць увесь апошні абзац на старонцы 176 (у першай карэктуры ёй адпавядала старонка 148).

Вось гэты абзац:

— Што глядзіш? Асуджаеш? Так? Асуджаеш? Дванаццаць на дзвесце, думаеш, дзе? У зямлі. І думаеш, злачынцы? Дудкі! З палону папрыбгали. Не ўседзелі да канца вайны. Во! Хто сёння ў героях? Брэсцкая крэпасць і так далей! А я чацвярых з Брэсцкай крэпасці на Сандамірскім закапаў. Во? Тады не пытаўся, як у палон здаўся. Пытаўся, чаму не застрэліўся. Ясна? Ты, чыгуначнік! — амаль абразліва заканчвае ён.

[...] Звязваюся з Аўтарам. Хутка абмеркавалі сітуацыю. Абодва ледзь не шакіраваны «шчаслівым» канцом справы. Дамовіліся пагадзіцца (а куды дзенешся?), папрасіць пакінуць толькі пачатак (пяць слоў) і канец (шэсць слоў) гэтага абзаца.

Дубянецкі М. «Трэба рызыкаваць...» // Полымя. 2001. № 10. С. 193.

Дарагі Васіль Уладзіміравіч сардэчна віншую з завяршэннем выдання цудоўнага чатырохтомнага збору твораў апошні яго том надрукаваны цалкам і выпушчаны ў свет шчыра жадаю новых творчых імкненняў і іх шчаслівай рэалізацыі = М. Дубянецкі.

Тэлеграма ад 24 снеж. 1982 г. Хатні архіў В. Быкава.

Вялікай з'яваю ў літаратурным жыцці рэспублікі было завяршэнне намі выдання чатырохтомніка Збору твораў выдатнага пісьменніка сучаснасці Васіля Быкава. Гэтым выданнем мы раз і назаўсёды спынілі розныя спекуляцыі замежных сваіх апанентаў, што, маўляў, у славу тага Быкава ёсць забароненыя ў яго краіне творы. Цяпер усе мастацкія творы Васіля Быкава выдадзены. Гэты Збор твораў — новая, вышэйшая прыступка і ў нашай выдавецкай практыцы.

З выступлення М. Дубянецкага «Пра вынікі 1982 г. і задачы на трэці год адзінаццатай пяцігодкі» на агульным сходзе калектыву выдавецтва «Мастацкая літаратура» 24 студзеня 1983 г. Дубянецкі М. Злое вогнішча // Полымя. 1999. № 2. С. 191.

«*В*аша праўда не адпавядае нашаму разуменню гісторыі»

Намер «Знака бяды», як заўсёды, «сьпеў нібы між іншым — у будзённасьці і справах, якія мелі мала адносінаў да літаратуры. У падсьвядомасьці, аднак, ішла свая праца — пакуль невыразная, неакрэсьленая, якая, аднак, абяцала калі-небудзь акрэсьліцца. Часам нечакана»¹. Працаваць над аповесцю (а дакладней сказаць — усё ж такі раманам) Быкаў пачынае ў Піцундзе, дзе адпачывае разам з Ірынай Міхайлаўнай, Валянцінай і Уладзімірам Караткевічамі. Дапісвае «праз год перапынку»² ў Мінску ўсю восень 1981 г. і на пачатку зімы 1982-га. «Шмат з таго, аб чым напісана ў аповесці, я ведаў даўно, насіў у сабе яшчэ з дзіцячых гадоў і аднойчы адчуў, што гэта ўжо «уходзячая» тэма і калі не напішу пра тое я, дык з цягам часу шанцаў на напісанне будзе ўсё менш. Значыць, найперш — уласны вопыт, веды, ну і трохкі пісьменніцкага ўяўлення, без чаго не бывае творчасці. Аповесць напісалася прыкладна за год з нечым. Пісалася без асаблівых пераробак, паслядоўна: спярша — матэрыял ваенны, пасля — даваенны»³. Папярэднія ж назвы былі — «Час прыйдзе»⁴, іншая — «На сямі вятрах», нават у 1982 г. у «Спіске изданий, намеченных для уступки прав на перевод и издание за рубежом», які быў падрыхтаваны ў выдавецтве «Мастацкая літаратура», твор фігуруе менавіта пад гэтай назвай⁵.

«Знак бяды» яшчэ не будзе апублікаваны, а Алесь Адамовіч ужо напіша (хутчэй за ўсё прачытаўшы аповесць у машынапісным варыянце) Ігару Дзядкоў: «Да, а Вася Быков написал повесть, и я читал, и зря на меня сердятся представители «военного цеха» за мою идею, что-де «деревенская» проза способна оплодотворить «военную». Здесь именно тот случай — и это уже чуть новый Быков, а этого от него ждали даже мы, отвергавшие упреки в самоповторении.

Вещь неровная (именно по части тылового быта), но по части деревенской и деревенско-полицайской это будет *громкое* событие.

¹ Быкаў В. Доўгая дарога дадому. Мн.: ГА БТ «Кніга», 2003. С. 417.

² Зразумець сябе... / Інт. С. Дубаўца з В. Быкавым // Польша. 1984. № 1. С. 194.

³ Тамсама. С. 191.

⁴ Гл.: Бугаёў Дз., Верціхоўская М. І., Верціхоўская В. У. Вывучэнне творчасці Васіля Быкава ў школе. Мн.: Аверсэв, 2005. С. 93.

⁵ БДАМЛіМ. Ф. 120, воп. 2, адз. зах. 130, арк. 69.

Можете поздравить Васю. Он того стоит, заслужил! Впервые вразумительно и открытым текстом о том, откуда есть пошли сельские полицаи. И вообще... (То, что в систему моих «Карателей» не вписалось, и именно потому, что это самостоятельная тема, проблема, и я рад, что кто-то сделал это, и не важно, что не я. Важно, что сказано.)»⁶. У сваю чаргу Васіль Уладзіміравіч прызнаецца Дзядкову: «Теперь о моей повести, которую Адамович, кажется, расхвалил раньше времени, — я ею недоволен, хочу переделать, но еще не нашел, как. К тому же она написана по-белорусски, начал переводить на русский, но переводится чертовски трудно, п[отому] ч[то] материал сугубо белорусский, крестьянский, — это не фронтовые повести, где все было ближе русской языковой природе. Не знаю, что делать с изданием: конечно, она больше подойдет «Н[ашему] с[овременнику]», чем «Неве», а скорее — не подойдет ни тому, ни другому, чувствую: будет мороки. Обещал же «Неве», но... Все это еще придется, очевидно, перерешать, и теперь трудно угадать, как лучше. Наверно, время покажет»⁷. Але спачатку адносіць рукапіс у «Полымя», галоўным рэдактарам якога быў Кастусь Кірэенка, «чалавек з абмежаванымі здольнасцямі, але з пэўнымі амбіцыямі». «У мяне зь ім не было ніякіх стасункаў, — напіша пасля Быкаў, — і мець іх ня надта хацелася. Як, зрэшты, і з усёй рэдакцыяй гэтага часопісу»⁸. Кірэенка паведамляе аўтару, што аддаў чытаць рукапіс Івану Пташнікаву, водгук якога быў наступны: «Рэч вострая. Але ж нічога крамольнага няма. Можна друкаваць, калі прапусціць Галоўліт». «...І. Пташнікаў, прачытаўшы, ухваліў і ўнёс прапанову надрукаваць у 8-м нумары цалкам (!)». Быкаў толькі здзівіцца: «Што б усё гэта значыла?» Але нельга выключыць, што таму паспрыялі ў тым ліку і чуткі, быццам пісьменнік у «Полымя» больш ніколі нічога не дасць. Гэта і збянтэжыла Кірэенку⁹, і неўзабаве «Знак бяды» будзе надрукаваны — у 1982 г. у «Полымі» (№ 8).

Адамовіч у «Послесловии критика» да фрагмента са «Знаку бяды»¹⁰ напіша: «Не стану предсказывать или подсказывать писателю, но кажется, что Василю Быкову теперь легче и спокойнее можно будет отпускать себя, свой талант — нет, не в «самоволку», а туда, где он еще не бывал, но тоже нужен, необходим». Пазней жа, у 1987 г., выкажа такое цікавае меркаванне: «Это очень любопытная проблема: как провоцирует другого художника чье-то ненаписанное, недописанное произведение. После мележской хроники — Быков создавал «Знак беды», как бы восполняя Мележа — не осуществлен-

⁶ 3 ліста ад 5 верас. 1981 г. Дедков И. «Девятого Мая обязательно вспомню Вас...»: Из переписки с А. Адамовичем, Г. Баклановым, В. Богомоловым, В. Быковым, Д. Граниным, В. Кондратьевым // Дружба народов. 1995. № 3. С. 171.

⁷ 3 ліста без даты // Дружба народов. 1995. № 3. С. 180.

⁸ Доўгая дарога дадому. С. 427.

⁹ Дубянецкі М. «Трэба рызыкаваць...» // Полымя. 2001. № 10. С. 190.

¹⁰ Быков В. Двое и другие // Литературная газета. 1982. 7 апр.

ного до конца, его великолепные хроники, которые должны были показать деревню еще и через войну, а войну — через деревню.

Есть старая истина, и мы за нее держимся, и она неопровержима: если какой-то художник что-то не успел, не сумел, не доделал — так и останется. Никто за него не допишет. И вместо него — никто. Это вам не наука, где все равно открытие будет сделано.

Но такая ли уж это абсолютная истина — наш этот взгляд на литературу? Ведь и литература — познание мира художественное, через характеры, картины. [...]

Конечно, за кого-то его произведение никто не допишет. Может даже сделать, но только это будет нечто другое по форме, характерам, языку...

И тем не менее феномен ниши существует, действует [...]. Непознанное будет провоцировать на познание. А когда художник начинал, да не кончил, не смог, не сумел и т. д. — почти обязательно будут осколки, образцы материала, эхо идей, которые невидимо воздействуют на идущих вослед.

Когда Быков читал материалы по «Полесской хронике» Мележа, подступая к главам и романам, и именно те, в которых говорилось бы о деревне в войне (я это знаю, сам их ему давал), конечно же, это воздействовало если не на замысел повести, над которой работал, то на убежденность, что пора, давно пора от «голой войны» пойти к «войне и деревне», там, там, может быть, узел трагедии нашего времени.

Ведь то же самое было и с Мележем, когда, работая над хроникой своей, он получил возможность вчитаться в материал «Комаровской хроники», где трагедия крестьянства как главной части народа и человечества ставилась в контексте XX века¹¹. И яшчэ раней на тую ж тэму: «Не стану гадать, как это происходило у Быкова с точки зрения психологии творчества: мучило или не мучило его, что вот сосед, товарищ по делу, по службе литературной, не успел, не смог завершить свой труд — такой необходимый всем. Но нам со стороны может показаться — и это будет еще одно радостное подтверждение, что мы действительно делаем общее дело, — показаться может, что Быков исполнил то, к чему жизнь, история, совесть, правда звали Мележа. По-своему, совершенно по-быковски, но он это сделал в белорусской литературе: через судьбы деревни повествует о событиях войны, а войной перепроверяет то, что происходило в деревне за последние полвека. И другие, бывало, пытались делать это, но так всерьез, «по совести», как планировал написать Мележ и как написал Быков, — никто»¹².

Пераклад «Знака бяды» Быкаў прапануе часопісу «Дружба народов», з нагоды чаго паведаміць Вячаславу Кандрацэву: «Вот с трудом накропал по-

¹¹ Адамович А. Из «зеленой тетради» // Вопросы литературы. 2001. № 4. С. 276, 277.

¹² Адамович А. Заглядывая в день грядущий // Литература о войне и проблемы века. Мн.: Наука и техника, 1986. С. 31.

вестишку, где-то лежит в «Дружбе народов». Но там не фронт и не партизаны — там просто двое пожилых людей в хуторе у дороги в первую осень войны. И их недалекое прошлое: коллективизация и проч. Не знаю, что получилось»¹³. У сваю чаргу І. Дзядкоў напіша Быкаву: «Очень рад, что повесть Ваша идет в «Дружбе народов». Под этой крышей сейчас, пожалуй, лучше, чем где-либо»¹⁴.

Але з друкаваннем аповесці ўзнікаюць цяжкасці, хоць рэдактар часопіса С. Баруздын паведаміць: «Сердечно поздравляю Вас [...] с отличной повестью «Знак беды»!

Читая ее, я получил истинное удовольствие.

Мы ее берем и обязательно даем в этом же году»¹⁵. Між тым 14 чэрвеня 1982 г. Быкаў напіша Дзядкоў: «Повесть «ДН» планирует на конец года. Здесь, в Минске, выходит (если даст Бог), вроде, в августе». 30 снежня: «Что же касается «Знака», то не повезло ему решительным образом. В «Дружбе» дважды Главлит снимал, после этого читали выше и вроде бы планируют в № 5. Но я уже слабо верю. В Белоруссии прием вроде бы неплохой, хотя рецензия Ваша в «Ліме» единственная, вся остальная пресса молчит. И бог с ней. Мне жаль, что так все затянулось на русском языке, но что делать...»¹⁶

Шмат жа пазней пісьменнік прыгадае: «Рэдактар Сяргей Баруздын выказаў агульныя прэтэнзіі, але дэталізаваць іх ня стаў — дужа сьпяшаўся на нейкую нараду (вядома ж, у ЦК). Скажаў, што астатняе давядзе намесьнік Леанід Тэракапян. Тэракапян даводзіў ня надта катэгарычна, затое падрабязна і доказна. (Ну, канешне, былі перагібы, парушэньні, але калектывізацыя была патрэбная, бо раздробленая прыватнаўласніцкая сельская гаспадарка ня здольна была... І г. д.) Што-нішто давялося закрэсьліць, апусьціць ці замяніць на банальнасьці. Але я ўжо ведаў, што калі на першым этапе рэдагаваньня ў чым-небудзь саступіш (во тут усяго тры-чатыры месцы), дык у наступным тых месцаў будзе ўжо пяць-восем, а затым і дзесяць-пятнаццаць. Калі ў Галоўліце. Увогуле так яно ў мяне і атрымалася. Каб канчаткова ўсё падчысьціць, з рэдакцыі ў Менск быў камандзіраваны вопытны літаратурны праўшчык, зь якім мы чысьцілі аповесць у чатыры рукі. Мелася на ўвазе праўка стылю, хаця да стылю справы было меней за ўсё — чапляла палітыка. Прытым палітыка мінулага дня, нават мінулых дзесяцігодзьдзяў, якая ўпарта не хацела сыходзіць з жыцця. А што калі твор назваць раманам? — прыйшла мне ў галаву недарэчная думка, на якую мой праўшчык адказаў проста: «Тады зь ім прыйдзеца вазіцца ўдвая болей, бо іншы жанр». Такое

¹³ 3 ліста ад 21 крас. 1982 г. Кондратьев В. Из переписки // Вопросы литературы. 1995. № 1. С. 299.

¹⁴ 3 ліста ад 21 чэрв. 1982 г. Дедков И. «Девятого Мая обязательно вспомню Вас...» // Дружба народов. 1995. №3. С. 182.

¹⁵ 3 ліста ад 27 крас. 1982 г. Хатні архіў В. Быкава.

¹⁶ Из переписки Игоря Дедкова с Василем Быковым и Алесем Адамовичем // Знамя. 2006. № 1. С. 139, 140.

было афіцыйна-навуковае вызначэнне жанру, і я падумаў: хай яно ўжо за-стаецца ў жанры аповесці»¹⁷.

Якраз у гэты час, пасля смерці М. Сулава¹⁸, новым сакратаром ЦК КПСС па ідэалогіі становіцца Ю. Андропаў; у кастрычніку Ігар Дзядкоў занатоўвае ў дзённіку: «...осталось чувство тревоги в связи с намечающимися изменениями литературной политики Цека. Появление нового руководителя в идеологической сфере уже дает о себе знать. Косвенным образом это подтвердилось в беседе у Залыгина: главы из романа «После бури», предложенные в «Неделю» и «Литературную Россию», были отклонены цензурой. Думаю, что проверкой этих новых тревог и опасений станет отношение к «Знаку беды» Быкова. Если эта повесть сойдет Быкову «с рук», то, значит, страхи преувеличены и жить можно»¹⁹. А ў студзені 1983 г. напіша Быкаву: «Публикация «Знака беды» по-русски станет для меня знаком того, что жизнь к худшему не изменилась»²⁰.

«Знак бяды» друкуецца ў часопісе «Дружба народов» (№ 3, 4; пер. аўтара) толькі ў 1983 г. Ужо калі з'явіцца першая частка аповесці, Баруздын напіша аўтару: «Потери, как увидишь, самые минимальные, но без них повесть либо совсем не появилась бы, либо появилась неизвестно когда... [...]»

К слову, если бы повесть была не в «ДН», судьба ее была бы еще сложнее»²¹. І пазней: «Считал и считаю, что «Знак беды» — крупнейшее и наиважнейшее произведение нашей литературы за последние десять, а, может, и пятнадцать лет. Во всяком случае, более важное, чем «Дигей» Ч. Айтматова [...]».

Конечно, рад, что «Знак...» появился в «ДН», но еще больше, что он вообще появился и украсил нашу литературу»²². У сваю чаргу Лазар Лазараў пісаў Быкаву яшчэ да часопіснай публікацыі: «Самое главное я тебе уже сказал по телефону: повесть удалась — это действительно народная жизнь, народная судьба, народная трагедия в самом глубоком и массовом проявлении. Как ни странно, литература к этому впрямую очень редко прикасалась. А может быть, и не странно — очень трудный, по всем параметрам очень трудный материал. Неслучайно удач здесь так мало — большей частью получались костюмированные представления «пейзанской» жизни — один хрен, что «Они сражались за родину», что «Усвятские шлемоносцы».

Я до сих пор хожу под впечатлением прочитанного — и, наверное, главное ощущение: нашему брату приходилось и кровь проливать и немало

¹⁷ Доўгая дарога дадому. С. 428—429.

¹⁸ 26 студзеня 1982 г.

¹⁹ Дедков И. «А я говорю вслух: конца света не будет...»: Из дневниковых записей 1981—1982 годов // Новый мир. 1999. № 11. С. 185.

²⁰ Из переписки Игоря Дедкова с Василем Быковым и Алесем Адамовичем // Знамя. 2006. №1. С. 140—141.

²¹ 3 ліста ад 25 сак. 1983 г. Хатні архіў В. Быкава.

²² 3 ліста ад 23 жн. 1983 г. Хатні архіў В. Быкава.

времени находиться по соседству со смертью, а *вот так жить* не приходилось. В общем, мне, человеку, об этом времени много знающему, открылось что-то очень важное. Я убежден, что повесть будет иметь немалый (и заслуженный) успех у читателей, что она укрепит и без того высокую и твердую репутацию Быкова как писателя, пишущего о самом важном, жизненно необходимом»²³. Аналогічнай думкі застанеца і Валянцін Аскоцкі: «...я потрясен повестью. В ней ты предстаешь новым и по-новому. Ни тебе фронта, ни партизан. «Всего-навсего» хутор, но такой, что десятка «панорам» стоит. Ты первый так непосредственно связал войну с коллективизацией. И показал, как и чем мы расплачивались за свой «великий перелом»: ничего не подделаешь, за все в истории приходится платить»²⁴. Між тым, ужо ў маі 1983 г. Уладзімір Багамолаў напіша Дзядкоў: «Реакция на повесть у всех однозначная: восхищение первой большей частью (3-й номер журнала) и обескураженность или разочарование от конца повести, точнее, от бомбы и всего, что с ней связано (линия Корнилы и потеря линии Петрока, надуманность конца и т. п.). Но все это было ясно еще в рукописи»²⁵. І — меркаванне Станіслава Рассадзіна, які напіша Л. Лазараву: «Впечатление *потрясающее*, — причем я имею в виду не оценочное значение этого слишком расхожого слова. Как раз «эстетически» можно заметить, что есть многословие, неровности, особенно если сравнить с безукоризненно пластичным «Сотниковым». Но ворчат неохота, потому что *потрясение* здесь как бы внеэстетическое, не то чтобы выше или ниже, а именно вне. Это не просто литература, это голая судьба, к которой вроде неловко применять литературные критерии». Што ж тычыцца фіналу аповесці, дык С. Рассадзін выкажа такое меркаванне: «...но там в самом деле, мне кажется, есть загадка. Конец безумен, и ты прав, что автор тут неожиданно и необъяснимо утрачивает свое различие между нею (Степанидой) и собой. Но кто знает, возможно, ему, преодолевая действительную, если даже относительную слабость финала, не заказано двигаться и в сторону дальнейшего слияния, дальнейшего, так сказать, безумия. Ведь смысл повести: возмездие, ясно предсказанное паном Адолей и оборачивающееся кошмаром наяву, бредом самой логики, распадом». Цытуючы гэты ліст Рассадзіна, Лазараў дадаваў: «...письмо его свидетельствует, что повесть его потрясла. В тех же тонах мне говорили и другие взыскательные [...] читатели [...]»²⁶.

У друку ж выкажацца Ігар Дзядкоў: «Думая о своих героях, о таких, как Степанида, писатель мог бы повторить слова П. Я. Чаадаева: «Общество за-

²³ 3 ліста ад 8 крас. 1982 г. Хатні архіў В. Быкава.

²⁴ 3 ліста ад 7 лістап. 1982 г. Хатні архіў В. Быкава.

²⁵ Дедков И. «Девятого Мая обязательно вспомню Вас...» // Дружба народов. 1995. №3. С. 175.

²⁶ 3 ліста Л. Лазарава да В. Быкава ад 27 верас. 1983 г. Хатні архіў В. Быкава.

ставляют двигаться вперед не те, кто колеблется между истиной и ложью, эти плясуны на канате, а люди принципиальные».

Размышления о «Знаке беды», о героях Быкова, о книгах подобной художественной и социальной зрелости побуждают общество не колебаться в выборе между ложью и истиной и держать сторону людей принципиальных.

Наконец, я думаю, в этой повести много жизни, а не только страданий и смерти, жизнь перекрывает всю боль, горечь и беспомощность, она совершенствуется до последнего мгновения, и в этом своем упорном сопротивлении она прекрасна и художественно неоспорима.

Если же еще раз вспомнить А. Твардовского, то, возможно, в «Знаке беды» ему бы что-то понравилось больше, а что-то меньше, но вряд ли бы он усомнился в том, что повесть написана бывшим автором его журнала по законам «правды и человечности»²⁷. Дарэчы, і Генадзь Бураўкін адзначаць: «Мне здаецца, што «Знак бяды» яшчэ не прачытаны намі як этапны твор не толькі ў самога Быкава, а і ва ўсёй беларускай прозе. Маю на ўвазе не тэматычную навізну, не зварот пісьменніка да слаба даследаваных нашай літаратурай няпростых старонак роднай гісторыі (хаця, безумоўна, і гэта таксама трэба паставіць у заслугу аўтару), а перш за ўсё той творчы ўзровень аповесці, які дае права гаварыць аб выхадзе на еўрапейскія і сусветныя вышыні майстэрства. Як кажуць, з такім не сорама хоць дзе паказацца»²⁸.

Але што тычыцца выхаду «Знака бяды» асобнаю кнігаю ў выдавецтве «Молодая гвардия», дык тут таксама ўзнікаюць праблемы, таму што «все тот же Севрук, пользуясь неограниченной цековской властью, вызывал все руководство издательством для внушения, как следует редактировать Быкова. А лучше вовсе не издавать»²⁹. «Ужо добра вычышчаную за папярэднія публікацыі аповесьць раптам завярнуў Галоўліт. Мяркуючы па ўсім, сакрэт таго палягаў у тым, што Галоўлітам стаў курыраваць мой стары «сябра» Ўладзімер Сеўрук, які з кожным годам усё набываў вагу ў апараце ЦК. Відаць, зь ягонай падачы аповесьць трапіла на стол да «второго лица в государстве», якім тады стаў сакратар ЦК Лігачоў. Як вядома, новая мятла заўжды мяце чыста, у дадзеным выпадку разам з сельскай гаспадаркай падмятала яшчэ і літаратуру. У выдавецтве ўсчаўся скандал, загадчыцу аддзелу Зою Яхантаву накіравалі ў Менск — уламяваць аўтара. Добрая гэта жанчына прыехала на Танкавую і распавяла пра сваю праблему. Увогуле трэба было няшмат: «Снять вот здесь, здесь и здесь. А также, если можно, отсюда и досюда» і г. д. Я шчыра хацеў дапамагчы ўвогуле слабай жанчыне (якой да таго ж хутка на пэнсію), бо ведама ж, што кожны рэдактар — той жа сапёр. Адночы памыліўся, і ўсё прапала. Я крэсьліў, выкідваў, але лёгіка твору пратэставала, даводзілася

²⁷ Дедков И. «Правдой единой»... // Литературная газета. 1986. 19 марта.

²⁸ Бураўкін Г. Салдат праўды // Беларусь. 1984. № 6. С. 18.

²⁹ Быков В. Мертвым — не больно, больно — живым // Нёман. 1992. № 1. С. 146.

аднаўляць, мы спрачаліся. У рэшце рэшт вытруцілі надта канфліктную сцэну раскулачвання, яшчэ нешта. Цэнзары, канешне, выдатна адчувалі, дзе быў «знак бяды», і дужа імкнуліся, каб таго ня сыцяміў чытач»³⁰. У лісце да Віктара Астаф'ева Быкаў напіша: «Повесть эта многострадальная, обрезана и обкорнана при каждом издании, но особенно в «Роман-газете», где из этой малышки вынули 2 авт[орских] листа — по «полиграфическим» причинам: не становилась на печатные машины. Корнали и здесь, в «Молодой гвардии», под верховным руководством тов. Севрука, который лично курировал это дело. Поэтому когда ты споткнешься на стр. 178 между главами 15 и 17, знай — здесь вынута глава с описанием раскулачивания и высылки, в которых принимал участие Гончарик, отчего и застрелился. Ну, а далее тоже всего хватает — по крупному и мелочам...»³¹ А яшчэ ў той час, у студзені 1984 г., Васіль Уладзіміравіч пісаў зноў жа Дзядкову: «Знак» мой пока перебувает в замороженном состоянии, ждет ростепели. И у нас, в Минске, и в Москве тоже»³².

Ужо не ў першы раз Сеўрук становіцца на шляху пісьменніка. Аднак лёс нярэдка бывае несправядлівым: цкуючы Васіля Быкава, а затым і Алеся Адамовіча, Сеўрук не толькі зможа застацца пры ўладзе, але і перажыве абодвух... Зразумець — няхай часткова — прыроду людзей, падобных сеўрукам, напэўна, неяк можна — бо чым больш маштабны гнаны талент, тым большы азарт яго пераследнікаў, да таго ж ад пераследавання можна атрымаць някепскія дывідэнты: кар'еру і якое-ніякое, але імя (ды хто б ведаў таго ж Сеўрука, не пераследуй ён Быкава?! У Сеўрука выключна герастратава слава). У гэтым выпадку цкаванне робіцца прафесіяй і, мабыць, нават сэнсам жыцця...

Супраць друкавання «Знаку бяды» выступае і старшыня КДБ СССР В. Чэбрыкаў. Але на гэты раз беларускаму пісьменніку больш пашчасціць: «...отвечая на заседании Политбюро В. Чебрикову, возражавшему против публикации повести Василя Быкова «Знак беды», бдительно усмотревшему в ней «подкоп под коллективизацию», Горбачев шумел: «Да, перекосы будут. Все уплывет в потоке, который образуется. Будет и пена, и мусор, но все это знак весны, обновления, спутники демократизации. А ее маховик надо раскручивать... Не надо бояться. Главное, народ реагирует, поднимает голову. Бить по ней, опять командовать — значит изменять демократии»³³.

«В политическом климате страны, однако, уже веяло перестройкой, и повесть все же вышла, хотя и в урезанном виде — без одной самой важной главы с описанием сцены раскулачивания 30-х годов»³⁴. Сяргей Законнікаў, маючы на ўвазе быкаўскую аповесць, заўважыць пазней: «...яе друкаванне ў

³⁰ Доўгая дарога дадому. С. 429—430.

³¹ 3 ліста ад 16 снеж. 1985 г. Хатні архіў В. Астаф'ева.

³² Дедков И. Дневник. 1953—1994. М.: Прогресс-Плеяда, 2005. С. 709.

³³ Грачев А. Горбачев. М.: Вагриус, 2001. С. 162.

³⁴ Быков В. Мертвым — не больно, больно — живым // Нёман. 1992. №1. С. 146.

Маскве ў часопісе «Дружба народов» і ў выдавецтве «Молодая гвардия» стала гвалтам над выдатным творам, бо ў ім галоўлітаўскія і партыйныя цензурны ўгледзелі «падкоп пад калектывізацыю». Прытым, як заўсёды, стараліся, каб іхняе ўмяшальніцтва не пакідала слядоў, загады скарачаць або правіць былі вуснымі. А потым усё спісвалася на загнанага ў кут аўтара, — ён жа сам, сваёй рукою ўнёс змены. Гэтую езуіцкую палітыку я ўжо добра ведаў. Неаднойчы гаварыў А. Т. Кузьміну: «Няхай гэтыя цензары аддаюць пісьмовыя загады. Тады з імі можна будзе пазмагацца і сляды іхняга здзеку над аўтарскай воляю застануцца». Аляксандр Трыфанавіч кожны раз змрочна прамаўляў: «Этого мы не дождемся»³⁵.

«Знак бяды» выходзіць асобнай кнігай, трэба думаць, перш за ўсё дзякуючы Міхаілу Гарбачову і члену Палітбюро ЦК КПСС Аляксандру Якаўлеву³⁶, які скажа Генеральнаму сакратару: «Можно, конечно, не напечатать, но нельзя не печатать».

Выданне аповесці будзе справай няпростай і ў Мінску: хоць М. Дубянецкі і зможа дамагчыся выдання «Знака бяды» ў «Мастацкай літаратуры», аднак дзеля гэтага аўтару прыйдзеца значна парэзаць свой твор — згодна з цензарскімі заўвагамі; да таго ж у старшыні Дзяржкамдруку М. Дзяльца ўзнікнуць прэтэнзіі нават да ілюстрацый. «Знак бяды», як напіша Быкаў Дзядкоу, «потрошили и еще продолжают потрошить; в «Роман-газете» сократили еще на 2 листа — по типографским причинам. Конечно, вылетело то, что им было неужгодно. А что еще будет...»³⁷

Ужо праз некалькі гадоў Дз. Бугаёў напіша: «Быковское изображение коллективизации не так давно подвергалось несправедливой критике. Писателя обвиняли в односторонности, в излишнем нажиме на трагедийные аспекты. Но время убедительно показало, что прав был художник, а не кри-

³⁵ Законнікаў С. «Дома лепей...» // Наш Быкаў: Кніга ўспамінаў / Уклад. Г. Бураўкін.. Мн.: ГА БТ «Кніга», 2004. С. 337.

³⁶ Пра стаўленне В. Быкава да А. Якаўлева (з якім ён быў знаёмы недзе ад пачатку 1970-х) добра сведчыць такі факт: ужо ў 1990 г. ён разам з расійскімі пісьменнікамі і дзеячамі культуры падпіша ліст у адрас прэзідэнта СССР М. Гарбачова, у якім, у прыватнасці, будзе гаварыцца: «Авторитет А. Н. Яковлева складывался и утверждался на глазах всей страны и партии и не нуждается в особых аттестациях. [...] ...В лице А. Н. Яковлева мы имеем дело с ярко одаренной индивидуальностью, человеком, мыслящим оригинально, стоящим на принципиальных позициях, которым он никогда не изменял.

Невозможно не упомянуть его работу ученого-историка, возглавляющего Комиссию Политбюро по реабилитации жертв сталинизма. В общепризнанных успехах нашей внешней политики есть и его доля. [...]

Можем ли мы в таких условиях позволить разнузданную травлю этого государственного деятеля и оставить ее без должной оценки и без ответа со стороны нашего народа, общественности и властей?» (Яковлев А. Сумерки. М.: Материк, 2003. С. 526).

³⁷ 3 ліста ад 10 снеж. 1984 г. Из переписки Игоря Дедкова с Василем Быковым и Алесем Адамовичем // Знамя. 2006. № 1. С. 142.

тики. Ибо они исходили из запретительно-догматических установок застойного периода, не считающихся с правдой истории, а писатель шел от самой жизни, в значительной мере опираясь и на свою детскую память, сохранившую немало трагических моментов, характерных для тех лет, когда совершалась грубая ломка крестьянской психологии»³⁸.

Улетку 1983 г., падчас пісьменніцкага кангрэса ў Кёльне, Быкаў знаёміцца з Генрыхам Бёлем. «Пад той час я ўжо ведаў з успамінаў Бёля і ягонай аўтабіяграфіі, што мы зь ім па розныя бакі ваявалі ў Малдавіі і пад Ясамі, падобна, удзельнічалі ў адных баях. Там я, кантужаны, вярнуўся ў свой батальён, а Бёль, сімуляючы хваробу, дамогся адпраўкі ў тыл, — такая была рознасьць нашых пазыцыяў у той вайне. На перапынку я падышоў да Бёля і напаміну яму пра нашу вайсковую агульнасьць. Бёль пасьмяяўся і сказаў, што калі не цяпер, дык пасья мы зразумеем, што абодвух нас выкарысталі ў бруднай справе забойства дзеля ўлады аднолькава злачынных сілаў. Мабыць, ён меў рацыю, хаця тады я ня мог цалкам зь ім пагадзіцца. Усё ж я ў вялікай меры заставаўся саўком, у той час як нобэлеўскі ляўрэат Бёль сягаў высока і глядзеў на сьвет Божы інакш — шырака і непадлегла»³⁹.

З самога ж беспартыйнага Быкава, нягледзячы на яго ранейшыя «крамольныя» аповесці, прынцыповую беспартыйнасьць і відавочныя разыходжанні з так званым метадам сацрэалізму, а таксама адсутнасьць у творах вобразаў камуністаў (за выключэннем, бадай, толькі Сотнікава ды і тое вымушана), усё роўна спрабуюць зрабіць «вернага ленінца і камуніста». Так гродзенская газета «Вымпел» друкуе матэрыял пад гучнай назвай «Писатель, воин, коммунист» (1983. 15 июня), хоць у артыкуле ветэрана Вялікай Айчыннай вайны І. Глухава няма ні слова пра Быкава-«камуніста». А ў агульнаадукацыйных часопісах ад настаўнікаў па-ранейшаму патрабуюць выходзіць у вучнях на прыкладах быкаўскіх твораў «коммунистическую убежденность»⁴⁰. Аднак Быкаў перш за ўсё застаецца чалавекам. Пра гэта вельмі красамоўна сведчыць гісторыя, пра якую распавядзе Анатолий Сульянаў: «Ён збіраўся на сэсію Вярхоўнага Савета СССР. Мы ўжо выйшлі з кватэры і спыніліся каля ліфта, калі раптам пачулі надрыўны жаночы голас:

— Ёсць тут людзі ці не?! Гадзіну сяджу ў ліфце і ніхто не паможа!..

Мы спусьціліся зь дзявятага паверху і накіраваліся да «Волгі», што чакала нас, а Васіль Уладзіміравіч пайшоў у ліфцёрскую. Неўзабаве вярнуўся раззлаваны:

³⁸ Бугаев Д. По законам правды и человечности // Быков В. Знак беды. Карьер. Мн.: Мастацкая літаратура, 1989. С. 11.

³⁹ Доўгая дарога дадому. С. 362—363.

⁴⁰ Майоров В. Первая любовь Ивана Терешки: Урок внеклассного чтения по повести В. Быкова «Альпийская баллада» // Русский язык и литература в школах УССР. 1981. № 6. С. 25.

— Нікога няма! Трэба пазваніць у гарадзкую службу, — і пайшоў у пад'езд. Мы — за ім. Матукоўскі незадаволеная прабурчаў:

— Спозьнісься на цягнік, Васіль.

Але Васіль Уладзіміравіч не адказаў і пайшоў па цёмнай лесьвіцы на дзявяты паверх, пэрыядычна спыняючыся адпачыць, аддыхацца. Давала адчуць сябе астма.

У кватэры доўга дазвоньваўся да аварыйнай службы. Урэшце рэшт дабіўся тэрміновага выезду спэцыялістаў. Мы зноў спусьціліся на паверх, дзе засеў ліфт, і Васіль Уладзіміравіч супакоіў расхваляваную жанчыну.

На наша здзіўленьне, Васіль Уладзіміравіч вырашыў чакаць прыбыцьця брыгады, тым болей што сьпяшацца ўжо не было куды — цягнік пайшоў»⁴¹.

У 1984 г. памірае маці Быкава Ганна Рыгораўна. Васіль Уладзіміравіч напіша Дзядкову: «Спасибо Вам сердечное за Ваши слова соболезнования по поводу моей утраты. Конечно, мама прожила на этом свете немало — 93 года, но что это была за жизнь! Только в конце пути пришло относительное благополучие, но целиком ушло здоровье, навалились хворости. Похоронил маму рядом с отцом на деревенском кладбище...»⁴² І значна пазней, калі ўжо будзе жыць у Фінляндыі, прызнаецца ў лісьце Рыгору Барадуліну: «Кончылася лецечка, настае восень. «Восень, ты каторая на маім вяку?» — прачытаў я калісь у адным вершы ў гарадзенскай рэдакцыі. Сапраўды — каторая? Мама мая памерла ўвосень, бацька таксама... Не люблю восень»⁴³.

У тым жа годзе выходзіць кніга быкаўскай літаратурнай крытыкі, публіцыстыкі, інтэрв'ю «Праўдай адзінай» (Мн.: Мастацкая літаратура). Пасля рэцэнзіі на яе Дзядкова⁴⁴ Быкаў напіша аўтару: «...прочитал одну рецензию в «Дружбе народов» на одну пустяковую книгу, и мне стало стыдно. Так Вы там написали, так похвалили... Мне лестно, конечно, но и неловко: Вы — лучший критик Союза, вынуждены читать какой-то дилетантский лепет и даже писать... Конечно, все это я писал, стараясь не кривить душой, и даже в большой степени полемизировал с некоторыми моментами литературной жизни, но, как теперь посмотрю, все это слабо, наивно, тривиально... Издано это не по моей инициативе (у нас всех издают в этой серии, и я далеко не первый), и жаль мне, что приходится кое-что из этой книги печатать по-русски в моем 4-м томе, потому что там образовалась пустота после изъятия «Атаки с ходу» и «Мертвым не больно». Пришлось заполнять публицистикой»⁴⁵. [...]

⁴¹ Сулянаў А. Надзвычайны чалавек! // Наш Быкаў. С. 255.

⁴² 3 ліста ад 10 снеж. 1984 г. Из переписки Игоря Дедкова с Василем Быковым и Алесем Адамовичем // Знамя. 2006. №1. С. 142.

⁴³ 3 ліста ад 17 верас. 1999 г. Хатні архіў Р. Барадуліна.

⁴⁴ Дедков И. От имени поколения // Дружба народов. 1985. № 1.

⁴⁵ Размова ідзе пра Збор твораў у 4-х тамах, які ў 1985—1986 гг. будзе выдадзены ў «Молодой гвардии».

Дорогой Игорь Александрович, спасибо Вам на добром слове, но лучше Вы пишите о другом, о судьбах и тенденциях, о лит. процессе, о симптомах и... Вы знаете о чем. А главное — Вы умеете. И обладаете видением, которым ныне редко кто обладает. Исполать Вам!»⁴⁶

А ў красавіку 1984 г. рашэннем Ушачскага раённага савета народных дэпутатаў Быкаў атрымлівае званне ганаровага грамадзяніна Ушачскага раёна — «За мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны, и особые заслуги в коммунистическом строительстве»⁴⁷. У снежні распараджэннем камісіі Савета Міністраў СССР № 34 будзе прызначаная і персанальная пенсія ў памеры 170 рублёў — пажыццёва, але атрымліваць яе Быкаў будзе толькі да 1991 г.⁴⁸. Да 60-годдзя пісьменніка ўлада падрыхтуе новы «сюрпрыз» — званне Героя Сацыялістычнай Працы. Сам юбіляр прыгадваў: «Папраўдзе кажучы, таго я ніяк не чакаў, узнагароджаньне мяне напачатку здзівіла, а пасля засмуціла. Інстынктыўна я адчуў, што карысьці з таго будзе няшмат, а клопату хопіць, і як бы ня стала бяды. Увогуле недалёка ад таго ўсё і атрымалася.

Сябры, аднак, былі іншага меркаваньня: адны шчыра радаваліся, іншыя былі задаволеныя (усё ж лепш, чым каму іншаму) [...]. Тою ўзнагародаю я быў прыроўнены да маіх калегаў Івана Шамякіна, Максіма Танка, Петруся Броўкі. [...] Было б, аднак, разумней, калі б тую ўзнагароду атрымаў той, хто яе дужа дамагаўся, або той, хто быў болей варты, чым я, болей плённы ў літаратуры. Мне думалася, што тое ганараваньне не па заслугах. Праўда, сябры і жонка казалі, што тое — за талент. Але я не адчуваў за сабой такога таленту — талент у мяне калі і быў, дык інакшы, далёка не апалягетычны ў адносінах да рэжыму. І рэжым ведаў пра гэта.

Але, мабыць, рэч у тым, што мяняўся час — нязграбна, непаваротліва, ды саступаў мейсца новаму — новым людзям і новай палітыцы. Першым сакратаром ЦК КПБ стаў Сьлюнькоў. У Маскве ўсё большую сілу набіраў маляды, пэрспэктыўны Гарбачоў, які фактычна і браўся кіраваць дзяржавай. Як я дазнаўся пасля, у час нейкага мерапрыемства Сьлюнькоў папытаўся ў Гарбачова на контр яго думкі, калі б даць Быкаву Героя, і той пагадзіўся»⁴⁹.

Да таго ж трэба было неяк адзначыць гэтыя шэсьцьдзсят гадоў, але, «як вядома, юбілей горш за хаўтуры — столькі надае клопату і адбірае жыццёвай сілы»⁵⁰. «Памяшканне Беларускага акадэмічнага тэатра імя Янкі Купалы

⁴⁶ 3 ліста ад 13 студз. 1985 г. Дедков И. «Девятого Мая обязательно вспомню Вас...» // Дружба народов. 1995. №3. С. 185—186.

⁴⁷ Распараджэнне Ушачскага райсавета народных дэпутатаў ад 17 красавіка 1984 г. // Асабістая справа пісьменніка Быкава В. У. Захоўваецца ў СБП.

⁴⁸ Пенсиянная книжка персональнага пенсiонера саюзнага значэння № 85252. ДМГБЛ. КП 10735/423.

⁴⁹ Доўгая дарога дадому. С. 433—434.

⁵⁰ Тамсама. С. 435.

аказалася вельмі малым, каб змясціць усіх прыхільнікаў вялікага таленту Васіля Быкава. Людзі занялі ўсе праходы ўсіх ярусаў. [...]

А магло б быць вальней. Была прапанова юбілейнай камісіі правесці гэты вечар у оперным тэатры, што ўдвая большы за гэты. Але ж *тыя* сказалі, што нельга, таму што Івану Шамякіну праводзілі такі вечар у гэтым самым памяшканні.

У прэзідыуме апрача іншых былі: сам юбіляр; кіраўнікі рэспублікі Слюнькоў, Бровікаў, Барташэвіч, Кузьмін, Лабанок, Сняжкова; міністры Бураўкін, Міхневіч са сваім намеснікам Гілепам (!), Дзялец (!); Антановіч, Законнікаў; Танк, Шамякін, Гілевіч, Адамовіч, Барадулін, Каваленка; з гасцей: Залыгін, Озераў, Лазараў, Гранін, Пяткявічус, Залатухіна, украінец, асечін, ду-маю, што і астатнія сакратары СП БССР, [...] і іншыя, карацей кажучы, «сем пар чыстых і сем пар нячыстых», і тыя, хто спрыяў і спрыяе юбіляру, і тыя, што яму шкодзілі ў найцяжэйшыя ягоныя гады і працягваюць зацята, «ціхай сапай» паскудзіць дагэтуль. [...]

Даклад пра творчасць Васіля Быкава зрабіў Віктар Каваленка. Гэта быў выдатны даклад, з глыбокім і сумленным аналізам [...].

Перад дакладам Барташэвіч добра, па-беларуску прачытаў прывітальны адрас ЦК КПБ. Рыхтаваўся выступіць са сваім прывітаннем і Дзялец (?!). Але, дзякаваць Богу, да гэтага не дайшло, сумленныя вушы на адзін акт блюзнерскай крывадушнасці пачулі меней. [...]

Выдатна, як заўсёды смела, выступіў Данііл Гранін. З горыччу ён кідаў у залу важкія словы вялікае крыўды за стварэнне Васілю Быкаву пякельных умоў у 60-я гады. «Але ж Быкаў, — сказаў ён, — і не паддаўся на ўгаворы, і не спалохаўся пагроз, а працягваў пісаць праўду, заставаўся самім сабою»⁵¹. [...]

«Першым праўдзівым творам пра вайну, — сказаў Вітаўтас Пяткявічус, — быў раман Рэмарка «На заходнім фронце без перамен», затым з'явіўся «Па кім звоніць звон» Хемінгуэя, затым з'явіўся Быкаў са сваёй трагічнай, жорсткай праўдаю. Так, Быкаў стаў трывала побач з гэтымі вялікімі пісьменнікамі, ён пісьменнік міжнароднага, сусветнага маштабу»⁵².

⁵¹ Д. Гранін сказаў літаральна наступнае: «Литературная судьба Василя Быкова была непростой. Вообще литературная судьба каждого настоящего писателя не легкая и не простая. У Быкова она была, может быть, потруднее обычной. Я помню, сколько невзгод и несправедливых попреков перетерпел он в свое время от нашей критики, как ему доставалось от нее. И все же, несмотря ни на что, он продолжал делать свое дело и оставался самим собой все эти годы, не идя ни на какие компромиссы. И это великая его заслуга как писателя, и великий его пример как писателя. Еще я хочу сказать: у нас есть известные писатели, а есть писатели, которых читают. Вот Василя Быкова читают, читают во всей нашей большой стране» (Цыт. паводле: Дашук В. Василь Быков. Восхождение. «Беларусьфільм». Творческое объединение «Летапіс». 1985. Стэнаграма).

⁵² Дубянецкі М. «Трэба рызыкаваць...» // Польша. 2001. № 12. С. 194—195.

Віктар Астаф'еў дашле ў адрас СП БССР тэлеграму: «Дорогие братья белорусские писатели. Ваша литература обрела мировое значение прежде всего благодаря творческому и гражданскому подвигу Василя Владимировича Быкова. Цените это и любите творца при жизни, а не как повелось у нас на Руси, когда шибко любят его после смерти. Дорогой Василь, дорогой мой собрат по окопам и работе, во дни юбилея крепко прижимаю тебя к любящему сердцу, желаю прежде всего здоровья, чтоб оставшиеся годы не омрачили никакие напасти. Помни, что всем нам легче жить и работать, когда во всю силу живешь и работаешь ты. [...]»⁵³.

Вечар гэты адбываецца 21 чэрвеня. Ужо калі святкаванне скончыцца, Быкаў скажа сябрам: «Ну вот, накинули на меня золотой поводок, думают, что уж с него-то не сорвусь»⁵⁴. На другі дзень усе кіруюцца на Палессе. Васіль Уладзіміравіч пасля ўспамінаў пра той выезд: «Здаецца, то былі апошнія шчаслівыя часіны майго не старога яшчэ жыцця. Хутка ўсё тое незваротна адышло ў нябыт»⁵⁵.

Ужо даўно было прызнанне чытацкае, было цяпер і прызнанне афіцыйнае, а між тым Быкаў па-ранейшаму адчувае ціск гэтай сістэмы — Міхась Тычына прыгадвае ў гэтай сувязі: «Звычайна я бачыўся з Васілём Уладзіміравічам ці падчас нейкіх мерапрыемстваў у Саюзе пісьменнікаў, ці ў гасцях у Алеся Адамовіча. У гэтым сэнсе я павінен быць удзячны свайму брацейніку, бо мог прысутнічаць пры іх з Быкавым гаворках, заўсёды яркіх і цікавых. Памятаю, менавіта тады я пачуў, як Васіль Уладзіміравіч распавядаў, што яму ўвесь час звоняць, гаварыў: падымеш трубку — а там альбо маўчаць, альбо маты ўсякія, пагрозы: «З'езджай, пакуль жывы і цэлы!» Пагрозы яму ды Ірыне Міхайлаўне...»

А яшчэ ў 1982 г. з Быкавым адбываецца адна гісторыя, якую можна было б спісаць на стан яго здароўя, але, з другога боку, можна прыгадаць і той выпадак, які здарыўся з пісьменнікам у 1960-я гг., калі падчас кампаніі шальмавання Быкаву раптам зрабілася кепска, аднак дактары так і не змаглі паставіць дыягназу. М. Тычына распавядае: «Васіль Уладзіміравіч якраз з вялікімі цяжкасцямі надрукаваў свой «Знак бяды». І прыкладна ў той жа час у Мінску праходзіла канферэнцыя па ваеннай літаратуры, на якую прыехалі і госці з Масквы: Лазар Лазараў, Вячаслаў Кандрацьеў, Ігар Дзядкоў ды іншыя. Заклучны банкет наладзілі ў рэстаране гасцініцы «Мінск». Стол ужо быў гатовы, але ніхто яшчэ не садзіўся. Васіль Уладзіміравіч тады толькі вады папіў, як яму адразу кепска стала... Я думаў, што, мабыць, нешта з сэрцам, але цяпер не выключаю, што гэта невыпадкова здарылася. Тым больш што падобная гісторыя адбылася і ў маі 1994 года, падчас кангрэса Беларускага

⁵³ Цыт. паводле: Дашук В. Василь Быков. Восхождение. Стэнаграма.

⁵⁴ Тарас Вал. Дни рождения Василя Быкова // Быков В. Долгая дорога домой / Пер. Вал. Тараса. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2005. С. 4.

⁵⁵ Доўгая дарога дадому. С. 438.

ПЭН-Цэнтра ў «Іслачы», — усё было адно да аднаго, і сімптомы тыя ж самыя. Але, дзякуй богу, і тады ўсё скончылася добра. Праўда, такім чынам Васіль Уладзіміравіч быў выбіты са строю і адразу павінен быў з'ехаць».

Зрэшты, здароўе сапраўды ўжо не аднойчы падводзіць пісьменніка, які яшчэ з вайны пакутуе на астму, і аб гэтым ведаюць яго сябры. З якіх менавіта часоў пачалася хвароба, распавядае зноў жа М. Тычына: «1980 год. Да мяне ў госці завіталі Васіль Быкаў, Алесь Адамовіч, Янка Сіпакоў, Лазар Лазараў і фотакарэспандэнт «Літаратурной газеты» Карзанаў... Я жыў тады на вуліцы Леніна, і над канапай у мяне вісела шкура аленя. Быкаў, як толькі зайшоў, адразу заўважыў: «Во, алянушка»...

Гутарылі мы не вельмі доўга, аднак Васіль Уладзіміравіч сабраўся ўжо дадому... Сышоўшы, ён пасля патэлефанаваў — кажа:

— Я забыўся сваю папку...

— Дык, можа, зойдзеце да нас? — спытаў я.

— Не, Вы выйдзіце, я Вам пасля патлумачу...

І калі я выйшаў з гэтай папкай, Быкаў спытаў: «Адкуль у Вас гэта алянушка?» Я казаў, што набылі абсалютна выпадкова — увечары нейкі чалавек раптам прапанаваў: «Купіце шкуру олени!»... Тады толькі Васіль Уладзіміравіч распавёў, што астма ў яго пачалася менавіта з таго, што аднойчы на фронце ён спаў на такой вась шкуры аленя. Пасля чаго астма пераследавала яго ўжо ўсё жыццё».

І што тычыцца сапраўднага стаўлення ўлады да пісьменніка, дык аб гэтым вельмі красамоўна сведчаць наступныя падзеі. У 1984 г. Міхаіл Пташук выказвае намер экранізаваць «Знак бяды». Быкаў папярэджвае: «Вы ешчэ не понимаете, на что идете! Нужен характер! Художник без характера — не художник. Кстати, и без здоровья тоже...»⁵⁶ Але ў працэсе працы над карцінай прэтэнзій не ўзнікае — «сypшa быццам усё ішло добра, амаль прымальна, наколькі тады мог быць прымальным савецкі фільм. Пташук неяк умудрыўся здаць яго безь вялікіх стратаў, карціну адправілі ў Кіеў на кінафабрыку рабіць копіі для пракату. Здымачная група была распушчаная, фінансаваньне спыненае»⁵⁷.

Болей за тое, «Знак бяды» атрымлівае тры галоўныя прэміі на кінафестывалі ў Югаславіі (за лепшы фільм, за лепшыя жаночую і мужчынскую ролі), пасля чаго рэжысёра выклікае загадчык аддзела культуры ЦК КПБ І. Антановіч. Спасылаючыся на меркаванне сакратара ЦК КПСС Я. Лігачова, ён прапануе выказаць з карціны сцэны раскулачвання. Міхаіл Мікалаевіч катэгарычна адмаўляецца і робіць тое ж самае яшчэ раз — калі Антановіч выклікае да сябе ўжо абодвух — Пташука і Быкава. «Антановіч

⁵⁶ Тут і далей цыт. паводле: Пташук М. «И жизнь, и слезы...»: Исповедь кинорежиссера // Народная воля. 2003. 28, 29, 30, 31 студз.

⁵⁷ Доўгая дарога дадому. С. 431.

даволі нэрвова пачынае даводзіць, што фільм трэба тэрмінова перарабляць. Пташук упарціцца — няма як і няма каму. Антановіч амаль у роспачы: «Вы разумееце, то ўказаньне «второго лица в государстве»... — «А я не магу і ня буду...» — «Тады вам не працаваць на кінастудыі». — «Ну што ж, маю правы, пайду баранку круціць». Доўга Антановіч уламваў Пташука, апэляваў да аўтара. Але трэба аддаць належнае рэжысёру — той стаяў, бы скала»⁵⁸.

У хуткім часе Пташука выклікае на Старую плошчу сакратар ЦК КПСС Лігачоў. Размова ідзе пра тое ж — «Центральный комитет считает, что вам, еще молодому режиссеру, необходимо внести коррективы в сцены коллективизации...»

Карціна закрытая, але да таго часу, пакуль яе не ўбачыць Генеральны сакратар ЦК КПСС М. Гарбачоў. Яго рэакцыя: «Сегодня, когда перестраивается вся страна, народу необходимо говорить правду». Такім чынам, пташукоўскі «Знак бяды» нечакана будзе зняты з паліцы.

Ужо пасля Бі-Бі-Сі прызнае беларускую карціну лепшым неанглійскім фільмам, а актрыса Ніна Русланава атрымае кінематаграфічную прэмію «Ника» — за лепшую жаночую ролю. У Беларусі ж «Знак бяды» будзе ўганараваны толькі прафсаюзнай прэміяй...

У тым жа 1986 г. за гэтую аповесць Быкаў атрымлівае Ленінскую прэмію. Сам ён прыгадваў: «Тым часам у Маскве насыпелі новыя падзеі [...]. На гарызонце замаячыла вялікая для КПСС пагроза ў асобах Гарбачова і Ельцына. Пэўна, што зьяўленьне на краявідзе аднаго, а затым і другога, таксама, як і разумнага Аляксандра Якаўлева, пачало зьмякчаць культурны клімат у краіне. Зьмяняліся і адносіны да нядаўніх дысыдэнтаў. Я ня быў дысыдэнтам у дакладным азначэньні гэтага слова, але таксама адчуў, што нешта мяняецца.

Найперш СП Беларусі вылучыў «Знак бяды» на Ленінскую прэмію. Таму найбольш спрыяла прыватная ініцыятыва Ніла Гілевіча, які нядаўна стаў першым сакратаром Саюзу (пасля шматгадовага сакратарства Івана Шамякіна). Раней такога кшталту вылучэньне было немагчымае, бо Іван Пятровіч, набыўшы тузін ордэнаў за літаратуру, ня мог яшчэ дамагчыся сабе Ленінскай прэміі. Такім чынам, Быкава вылучылі як бы ў абыход законнай чаргі. Масква не аспрэчвала, мабыць, меркавала — хай дзеля прыліку ў немалым сьпісе намінантаў будзе і адзін беларус. Ды раптам на тайным галасаваньні ў камітэце па прэміях бальшыню галасоў якраз набраў ён. Як пасля распавялі, той вынік схіліў на мой бок выдатны і паважаны расейскі музыка Георгій Сьвірыдаў, які сказаў прыкладна гэтак: «Я люблю расейскую культуру і расейскую літаратуру, але яшчэ больш — ісьціну. А ў дадзеным выпадку ісьціна ў тым, што аповесьць «Знак бяды» ёсьць лепшая сярод іншых». Тое ўсё і вырашыла. Ляўрэатам стаў Быкаў»⁵⁹.

⁵⁸ Доўгая дарога дадому. С. 431.

⁵⁹ Тамсама. С. 431—432.

4 апреля 1981 г.

ДОРОГОЙ ВАСИЛЬ.

Давно должен был отозваться на твое послание, но это приятное для меня занятие только теперь исполняется. Извини. Пресловутая азиатская нерасторопность.

Во-первых, большое спасибо за добрый отклик на «Долгий день». Самое важное для меня в этом — наше единомыслие. Отрадно сознавать, что мы понимаем друг друга с полуслова и что литература для нас — источник духовной близости.

Недавно я прочитал твои повести, изданные в Новосибирске. Все вещи ранее читанные, но в этот раз я еще раз убедился, как хорошо они были сделаны. И вот теперь я призадумался, Василь, что готовишь ты для нас? Твоя репутация обязывает тебя работать по самому высокому классу, и я представляю, как это нелегко. Это я знаю по себе.

Думаю, что как всегда нечто значительное вызревает под твоим пером. Жду. И в то же время я прекрасно сознаю, что «выработка» военной темы, которая является основой твоего творчества, раз от раза тяжелей. Но ты мастер. И мы все ждем. А, возможно, ты вторгнешься в «невоенную» жизнь? Попробуй.

Всех благ тебе, Василь. [...]

Чингиз Айтматов.

Хатні архіў В. Быкава.

27 апреля 1982 г.

Василь БЫКОВ
«ЗНАК БЕДЫ»
повесть

Отличная повесть — мужественная, сильная и, к слову, ни в чем не повторяющая быковскую прозу.

Прекрасно выписаны Степанида, Петрок, Гуж, Богатка, Левон, Гончарик, Корнила, Новик, Дубасей, Рудька да и все другие персонажи. Точны и колоритны немцы и полицаи. Точен деревенский быт.

Отлично сделана концовка повести.

Согласен с Л. А. Теракопяном⁶⁰, что историю с Червяковым (стр. 283) не стоит расшифровывать.

Повесть надо печатать в №№ 11—12 «Д[ружбы] Н[ародов]».

С. Баруздин.

Хатні архіў В. Быкава.

⁶⁰ Л. Тэракапян — намеснік галоўнага рэдактара «Дружбы народов».

...А. Т. Кузьмін выклікаў і сказаў: «Из Москвы переслали корректуру «Знака беды». Требуют, чтобы мы уговорили автора снять острые моменты. Мне некуда деться. Пожалуйста, подъезд к Быкову. Может, он согласится поправить хоть что-то. Тогда мне будет легче говорить с Москвой». Я пагартаў карэкттуру. Адзначаных для зняцця радкоў, абзацаў набіралася аж на шаснаццаць старонак. Прытым гэта былі сапраўды знакавыя моманты: сцэна раскулачвання, сцэна самагубства міліцыянера Васіля Ганчарыка. Я не мог стрымаць свайго абурэння: «Гэта ідыятызм! Яны хочуць парушыць усё самае важнае, выхаласціць твор. Васіль Уладзіміравіч на такое не згодзіцца. Не трэба яго і турбаваць». Але Кузьмін не адступаўся: «А вы посидите с ним, помозгите. Может, что-нибудь и придумаете».

Так упершыню я пераступіў парог кватэры Быкава з непрыемнай місіяй і адчуваў сябе надзвычай пагана. Васіль Уладзіміравіч сустрэў мяне спакойна, нават заўсміхаўся: «Ну што, Сярожа? Цябе як земляка і сябра прыслалі? Відаць, надта прыпакло. Будзеш угаворваць? Ну дык паказвай карэкттуру!» Мы прайшлі ў добра знаёмы мне кабінет, селі за стол. Ён гартаў лісты, вяртаўся да некаторых мясцін зноў, хмурнеў, а затым, уздыхнуўшы, адклаў карэкттуру і сказаў: «І мяне хочуць дурнем зрабіць, і вас тузаюць. Дык будзеш угаворваць?» Я ўсміхнуўся: «Не буду. Скажу, што аўтар катэгарычна не згодзен. Гэта ж праўда? Але адразу вяртацца не магу. Трэба зрабіць выгляд, што ў нас перамовы былі». Васіль Уладзіміравіч павесялеў і гукнуў: «Ірыша, калі ласка, зрабі нам нешта перакусіць і кавы згатуй!» Больш трох гадзін гаманілі мы тады. У ЦК я вярнуўся пад канец рабочага дня: «Аляксандр Трыфанавіч! Быкаў не згаджаецца на праўкі». Кузьмін забраў карэкттуру і раздражнёна прамовіў: «Что тут говорить? Он прав. Мне и самому надоела эта постоянная возня вокруг него. Только что я скажу Москве?..»

Законнікаў С. *«Дома лепей...»* // Наш Быкаў: Кніга ўспамінаў / Уклад. Г. Бураўкін. Мн.: ГА БТ «Кніга», 2004. С. 337—338.

2 чэрвеня [1983 г.]

Афармленне кнігі В. Быкава «Знак бяды» запатрабаваў М. І. Дзялец (забралі з друкарні). Перад адпраўкай да яго я пазваніў і сказаў, што не трэба нічога накручваць на гэтае імя, учора была вельмі добрая рэцэнзія на гэты твор у «ЛГ» (без адзінае заўвагі), хутка чакаецца і ў «Правде».

В. П. Жыжэнка⁶¹ занесла. Праглядаў... Маўчаў, хмыкаў... Сказаў: «Выкінуць міліцыянера-самазабойцу. Што гэта, няма розніцы паміж калектывізацыяй і акупацыяй. Выкінуць Сцепаніду, дзе яна рыхтуецца запаліць сваю хату — у ёй там пакора, а не гераізм».

19.05.83 г. глядзеў афармленне мастацкі савет камітэта. Яго рашэнне: «Прыняць».

⁶¹ Загадчык рэдакцыі мастацкага афармлення выдавецтва «Мастацкая літаратура».

Перад гэтым М. І. Дзялец загадваў мне: «Ніякага палепшанага выдання! Выпусціць як радавую кнігу».

Гэты загад мною не быў даведзены ні да рэдакцыі мастацкага афармлення, ні да галоўнага рэдактара, і афармленне было «падведзена» да мастацкага савета. Там А. Ф. Барушка⁶² павышаным голасам сказаў: «Хто вам дазваляў уключаць гэтую кнігу ў план палепшаных выданняў?» Мы: «Мы ўключылі нават у план «ОХ», вы выкраслілі, мы перанеслі ў план «ИПК» — вы прамаўчалі. Дык мы і аформілі». Ён: «Гэта наш недагляд, а ваша нахабства».

Дубянецкі М. «Трэба рызыкаваць...» // Полымя. 2001. № 11. С. 115—116.

11-га жніўня. Быў у Быкава. Пачаты Дзяльцом і падтрыманы Аддзелам агітацыі ЦК наступ працягваецца. Беларускі тэкст аповесці «Знак бяды» падганяецца пад рускі (у «Дружбе народаў»). Кінафільм па яго п'есе «Апошні шанец», які ўжо быў у рабоце, Дзяржкіно зарэзала. Ідэю зрабіць фільм па «Знаку бяды» зарэзалі ў Аддзеле культуры ЦК (нібыта, сам загадчык І. І. А. [І. Антановіч. — С. Ш.]).

Гілевіч Н. Запісы. З дзённікаў розных гадоў: Сшытак першы. 1954—1983. Мн.: Про Хрысто, 2006. С. 95.

Издательство по требованию С. Павл[ова] требует от автора привести «Знак беды» в соответствие с русской («Д[ружба] Н[ародов]») публикацией.

З ліста да А. Адамовіча ад 15 жн. 1983 г. Хатні архіў А. Адамовіча.

21 лістапада [1983 г.]

[...] У 18 гадзін сустрэча з кіраўнікамі МУС БССР (генерал, намеснік міністра; сакратар партбюро міністэрства; начальнік аднаго з упраўленняў). Прысутнічалі Васіль Быкаў, Алесь Адамовіч, Серафім Андраюк, Анатоль Кудравец, Васіль Хомчанка і іншыя. [...]

Мяне вельмі здзівіла паведамленне В. Жыжэнка (а зрэшты, нічога надзвычайнага. Усё ў духу і стылі «вольнага» савецкага друку!): М. Дзялец у адпаведнасці з патрабаваннем А. Маркевіча загадаў «зняць з супервокладкі кнігі В. Быкава «Знак бяды»... птушку». Наяўнасць там птушкі сведчыла, што малады мастак Герасіменка добра прачытаў твор. Менавіта забітая птушка з'яўлялася ў кнізе першым знакам бяды, што навісла над народам. Пад гэтым знакам пачалася «калектывізацыя».

Як бачым, цэнзура добра прачытала і зразумела і твор літаратурны, і ілюстрацыі да яго. Раней жа быў загад сярод іншых ілюстрацый выкінуць і тую, на якой паказана самазабойства маладога міліцыянера пасля ягонага ўдзелу ў «раскулачванні» сям'і сваёй каханай і адпраўкі яе ў Сібір. [...]

⁶² Намеснік старшыні Дзяржкамвыда БССР.

12 снежня.

[...] Забралі там [у Галоўліце. — *С. Ш.*] незалітаваны «Знак бяды». Больш за месяц трымалі і ўсё ж дамагліся свайго. Хоць да іх паступіла на кантроль 2-я карэктура, якая рэзка адрозніваецца ад першай. У першую былі ўнесены істотныя праўкі паводле каманды Дзяльца, што дзейнічаў ад імя самых высокіх вяршынь.

Запатрабавалі зноў істотных правак [...] — сказалі, што без іх «літаваць» не будуць.

Рэдакцыя просіць мяне перагаварыць з Аўтарам, лічыць, што яны знервавалі ўжо яго так, што ён можа раззлавацца і спыніць выданне наогул. [...]

13 снежня.

З раніцы выклікаў А. Барушка. Сказаў прынесці з сабою вернутую Галоўлітам вёрстку «Знака бяды». У Барушкі быў і В. Хомчанка. Яго выклікаў раней па гэтай самай справе.

— Пакажы заўвагі Галоўліта. Цікава, ці супадаюць яны з маімі.

— А ў вас іх багата? — пытаю.

— Ды хапае, — адказвае ён. — Надта ўжо Быкаў вывернуў гэтую калектывізацыю. Я таксама падчас яе жыў на Віцебшчыне і нешта не памятую такіх страхоццяў. А гэтыя яго паралелі паміж калектывізацыяй і фашыскай акупацыяй! Гэтае яго недапушчальнае атаясамліванне абедзвюх з'яў. Не! Нельга так, хлопцы, нельга!

— Нешта сапраўды шчаслівы куточак у вас быў на той Віцебшчыне, — кажу я. — Я пацвярджэння вашым ружовым успамінам ніколі і ні ад кога яшчэ не чуў.

— Дык ты ж «западнік», ты нічога не ведаеш, — парыруе Барушка.

— Я веру дакументам і шматлікім успамінам, — адказваю.

— У нас, на Магілёўшчыне, — кажа В. Хомчанка, — рабілася тады яшчэ горш, чым у Быкавай кніжцы.

— Ну, вы, хлопцы, кіньце гэты песімізм. Ён асуджаны чэрвеньскім пленумам. Менавіта нас, выдаўцоў, там папракнулі і папярэдзілі ад распальвання нездаровых настрояў.

— Добра, пакажыце свае заўвагі, — спыняю я бясплодную дыскусію, ведаючы добра, што да адзінае думкі мы ніколі не дойдзем.

— А я вам не магу паказаць свае заўвагі, бо часта аўтары ведаюць у той самы дзень пра іх. Пакажыце лепш галоўлітаўскія.

Паказаў я са сваіх рук, чытаў так, каб крыху змякчыць. Але Барушка, зусім у сваім стылі, сказаў:

— Заўвагі іх правільныя, і трэба ўлічыць.

14 снежня.

[...] Прынеслі «чысты ліст» кнігі Ул. Караткевіча «Чорны замак Альшанскі». Яна планавалася як палепшанае выданне. «Ліст» надрукаваны на рыхлай паперы № 2! Пайшоў, абураны, да свайго намесніка, які «дае» паперу. Даведваюся, што гэта сталася не выпадкова. М. Дзялец пасля выхаду кнігі І. Шамякіна «Петраград—Брэст» выклікаў гэтага ж намесніка і загадаў, каб і кніга Караткевіча, і злашчасная кніга Быкава былі выдадзены на паперы не вышэй 2-га нумару, каб не выдзеліць іх над Шамякіным, кніга якога выдадзена на дрэннай паперы (!).

Божа, калі Ты спыніш гэты генацыд над народамі, над ягонай культурай!

15 снежня.

Знаёмлю па тэлефоне Васіля Быкава з «прапановамі» Галоўліта па «Знаку бяды». Ён спытаў, ад якіх і да якіх слоў выкідаецца, каб зверыць з тым варыянтам, які ідзе ў «Молодой гвардии» і які быццам бы ўхваліў СЕЎРУК.

Я назваў усе тыя словы. Васіль Быкаў паабяцаў праз гадзіну пазваніць.

Дубянецкі М. «Трэба рызыкаваць...» // *Полымя*. 2001. № 11. С. 131—132, 136—137, 138.

28 красавіка [1984 г.]

Трымаю ў руках сігнальны экзэмпляр кнігі Васіля Быкава «Знак бяды». Нарэшце! Можа, пранясе? Можа, дадуць дазвол на «выпуск у свет»?

Ёсць яшчэ некаторая боязь за ілюстрацыі, выдатна зробленыя маладым мастаком Юрасём Герасіменкам. Але ж іх ужо «чысцілі». Нават «сам» М. Дзялец выкінуў некалькі, у т[ым] л[іку] і запатрабаваў даць новую ілюстрацыю на супервокладку. Там быў сімвал твора, сапраўдны знак бяды — падаючая ўніз падбітая птушка.

29 красавіка.

Уручыў Васілю Быкаву сігнальны экзэмпляр ягонай кнігі «Знак бяды». Ён разгледзеў усе ілюстрацыі, ухваліў. Наогул кніга яму спадабалася. Кажу, што маскоўскае выданне будзе горшае.

Дубянецкі М. «Трэба рызыкаваць...» // *Полымя*. 2001. № 12. С. 183, 184.

«Знак бяды» — не такая ўжо нечаканасць, як гэта можа здацца. Яшчэ ў «Жураўліным крыку» (1959) Быкаў спрабаваў растлумачыць паводзіны сваіх герояў на фронце іх даваенным жыццём. Быў сярод іх і малады селянін з прозвішчам Пшанічны з лёсам паламаным і нібыта правакуючым да здрады. Аднак у канспектыўных перадагісторыях Пшанічнага і іншых персанажаў Быкаў больш быў публіцыстам, чым мастаком, а потым працяглы час да перадаважнага жыцця-быцця сваіх герояў ледзь дакранаўся. Толькі пачынаючы з «Сотнікава» пісьменнік усё часцей стаў шукаць рашаючых тлумачэнняў

чалавека ў тым, як ён жыў і што рабіў у мінулым; публіцыстычны «антысхематызм» усё больш саступаў месца свабоднаму мастацкаму аналізу.

Адначасова ў «партызанскіх» аповесцях нарасталая цікавасць аўтара да затоенага, звычайнага жыцця вёсак, якое цяжко трошкі наводдаль, нібы на абочыне асноўных падзей. [...]

У Быкава пяць аповесцей пра партызанскае змаганне. У «Знаку бяды» — ні партызан, ні таго, што найчасцей называем «змаганнем». Затоенае вясковае жыццё перамясцілася з «абочыны» ў цэнтр; яно тут галоўнае. І яшчэ навіна — небывала для Быкава разраслася перадагісторыя падзей; мінулае ўпершыню займела мастацкае «раўнапраўе» з сённяшнім; менавіта мінулае надае ўсяму астатняму вельмі важны дадатковы сэнс і «генетычную» глыбіню. Паказваць трагічныя падзеі на хутары як падзеі гэтай мінутой, без глебы, выпадковыя было б відавочным спрошчваннем, няпраўдай. Быкаў палічыў за лепшае шукаць і выяўляць сувязь фактаў, старых і новых інтарэсаў, памкненняў, учынкаў. Гэта было неабходна, гэтага патрабаваў сам матэрыял: упершыню ён расказваў не пра людзей, злучаных адным акапам, адной баявой задачай, адным партызанскім лёсам, а пра таго, каго вайна заспела дома, у родных сценах, у сваім прывычным сялянскім свеце [...].

«Знак бяды» — гэта свет Сцепаніды і Петрака, сялянскі свет; то яе, то ягонымі вачамі на ўсё глядзім [...].

Спачатку здаецца, што ні болю адзінага, ні думкі адзінай няма анізвання, і спее, нарастае процістаянне Сцепаніды і Петрака, як некалі Сотнікава і Рыбака, Зосі Нарэйка і Антона Галубіна. Такія яны розныя, Сцепаніда і Пятрок, настолькі розныя, неба і зямля, што згадваецца вядомая прытча аб народжаных лётаць і народжаных поўзаць. І, вядома ж, Пятрок у такім разе — з тых, хто не лётае, а Сцепаніда — з тых, хто не хоча поўзаць і рвецца ўвышыню. Гэта вельмі падобна да праўды, але няпраўда. Рамантычная дыферэнцыяцыя чалавечтва ў такім сэнсе для Быкава чужая. Пісьменнік аднолькава разумее і Петрака і Сцепаніду; можа быць, Петрака нават лепш і паўней; ля вытокаў гэтага характару — сялянская, парабкоўская доля і ўстойлівае адчуванне сваёй адціснутасці, мізэрнасці, нейкай немінучай падуладнасці моцным гэтага свету... Процістаяння не будзе; у непадабенстве адкрыецца выдатнае падабенства і роднасць; няхай Пятрок сёння прыслужвае і імкнецца патрапіць, а Сцепаніда здойвае карову на зямлю (абы не гэтым гадам), няхай так, паслушэнства і супраціўленне побач, два спосабы абараніць сябе і сваё, але заўважым: чым менш маральнай магчымасці жыць, тым бліжэйшыя адно да аднаго гэтыя немаладыя, стомленыя людзі, тым пранізлівейшае іх шкадаванне не сябе, а другога, тым мацнейшая іх нарастаючая непакорлівасць, іх нежаданне жыць і трываць.

Колькі знакаў бяды ў гэтай аповесці! Адзін да аднаго, яны абступаюць і ідуць па слядах, і пачуццё трывогі не пакідае. [...]

Спрачаюцца аб рэалізме: ці патрэбны дэталі, ці не вялікая рызыка апісальнасці, ці не надакучыла прадметнасць, але мастацтва пачынаецца, усё-такі, не з папярэдніх правілаў і рэцэптуры; яно знойдзецца як сказаць — было б пра што казаць... Колькі, здавалася б, можна пісаць сялянскі побыт: пасуць і дояць карову, клапоцяцца пра бульбу, то парася кормяць, то курэй... У Быкава — ці не гэтак? Ды яшчэ з якімі падрабязнасцямі, быццам нічога нельга прапусціць! Але ці не напоўнена тут кожная падрабязнасць асаблівым, вострым, тужлівым сэнсам, таму што ўсё гэта, можа быць, — развітанне і не вядома, ці паўторыцца тое, што паўтаралася дзень пры дні, за годам год, і сякаж, якім сякуць траву ў карыце, ці не апошні раз стукае? [...]

Сцепаніда і Пятрок не вінаватыя, што іх жыццё канчаецца ў гэтым пазмрачнелым свеце, які траціць сэнс. Іх зводзяць чужыя і былыя «свае», быццам невінаватасць іх асабліва нясцерпная.

Быкаў напісаў зразумела: дзеля такіх працаўнікоў, як Сцепаніда і Пятрок, была здзейснена рэвалюцыя. Чарвякоў, які выпадкова апынуўся ў іхняй хаце, ведаў гэта добра і вельмі асабліва зразумеў гэта яшчэ раз. Гэта выдатна зразумела Сцепаніда; яна спадзявалася на калгас, памятала, як надрываўся яе Пятрок на тых дзвюх дзесяцінах пустой, неўрадлівай зямлі. Сцепаніда — новы характар і новы тып асобы, якога не хапае «вясковай» прозе, натура дзейная і моцная, якая зберагае ў сабе здаровы клёк, чалавечнасць, здольнасць супрацьстаяць несправядлівасці і катэгарычнасці. Гэта характар, абуджаны рэвалюцыяй [...].

Пятрок — іншы, ён з цярплівых, хаця і ён спазнае край, за якім не захоча жыць; Пятрок задумліва смаліць сваю цыгарку, быццам назаўжды аздачаны жыццём і насцярожана чакае, куды гэта яно паверне яшчэ. [...]

«Чаму і завошта», «Мы перад імі не вінаватыя», — якія дзіўныя, наіўныя пытанні і думкі праносяцца ў свядомасці Сцепаніды і Петрака. Якое неразуменне рэчаў, аб'ектыўных абставін гісторыі, расстаноўкі сусветных сацыяльных сіл і г. д.

Аднак жа якая вялікая правата жыцця ў гэтым недаўменні, якая чыстая вера ў пакаранне вінаватых, у выратаванне невінаватых, якое горкае неразуменне свайго лёсу і якой працяглай трывогай адгукаецца яно ў сэрцах тых, хто жыве!..

Дзядкоў І. Неастылы попел старога пажарышча / Пер. А. Сідарэвіча // Літаратура і мастацтва. 1982. 15 кастр.

28 сентября 1982 г.

Дорогой Василий Владимирович,
давно получил Вашу белорусскую книгу⁶³, но не ответил, не поблагодарил, виноват, — очень скоро с семьей поплыли по Волге на теплоходе, а вернул-

⁶³ Быкаў В. Пайсці і не вярнуцца. Мн.: Мастацкая літаратура, 1979.

ся — сел читать «Знак бяды». Хотел сразу же отозваться, но потом решил — напишу сначала (просил Сидаревич из «Литературы и мастацтва»), что смогу, для газеты, надо спешить, а вышло, что писал долго и только вчера отправил статью. [...]

Может быть, я совсем уже поздно послал, но в таких случаях авторов обычно подстегивают телеграммами... Но никаких телеграмм не было, и мне это показалось странным. Во всяком случае, я написал — возможно, не лучшим образом, глуховато, но я все время себя сдерживал, понимая, что всей правды о повести мне не сказать, слишком глубоко берет повесть, — да и повредить Вам ненароком неосторожным словом можно... [...]

Иногда я думаю, что это лучшая Ваша повесть. Потом спохватываюсь, говорю себе: это ты под впечатлением, пройдет, она просто в другом роде... И все-таки, кажется, лучшая... Так много вошло в нее жизни, скопившейся, не утоленной боли... Так значителен, печален и труднопроизносим ее смысл... И Вы как художник чувствуете себя в этой повести то ли свободнее, то ли увереннее и со всем, чего раньше не касались, справляетесь не хуже, а кое с чем — и лучше прославленных «деревенщиков»... Я очень рад за Вас, Василий Владимирович! Текущая наша литература мельчает, но топорщится, кричит о себе, размножается; иногда думаешь, что чего-нибудь не понимаешь, отстал безнадежно, тоска находит, звон в ушах от словоговоренья, — и тут Ваша повесть, и все становится на место, и прежняя ясность: кто есть кто и что есть что... И в жизни прибавляется смысла...

Может быть, буду читать по-русски [...], увижу все трезвее, пойму, что «слабее», что «сильнее», но это не главное. Главное я уже написал сейчас. Вы помолчали-помолчали и сказали... В насущности и силе сказанного я не сомневаюсь; рядом с Вашей повестью иным комфортабельным романам станет неуютно, потеряют важность и амбицию, — вот и хорошо... [...]

Очень рад за Вас! Игорь. [...]

Дедков И. «Девятого Мая обязательно вспомню Вас...»: Из переписки с А. Адамовичем, Г. Баклановым, В. Богомоловым, В. Быковым, Д. Граниным, В. Кондратьевым // Дружба народов. 1995. № 3. С. 183.

18 октября 1982 г.

Дорогой Игорь Александрович,
прежде всего — спасибо Вам огромное за письмо и за рецензию, которая, разумеется, очень легла мне на душу. Тем более что это вообще первая рецензия на «Знак», да еще такого автора. Мне звонил редактор газеты А. Жук, он очень доволен, что Вы отозвались и написали, и написали столь великолепно. Другие же органы печати в Белоруссии — словно воды в рот набрали, но как-нибудь. Для меня это не впервой. [...]

Посылаю Вам Ваш труд в переводе на белорусский⁶⁴.

И — спасибо Вам еще раз.

Будьте счастливы. Того же — Вашим близким!

Обнимаю — Василь.

Дедков И. «Девятого Мая обязательно вспомню Вас...» // Дружба народов. 1995. №3. С. 183, 184.

Я прочитал Ваш новый роман «Знак беды» и подумал, что мне непременно нужно написать Вам. Я читал и высоко ценю все, что Вы до сих пор напечатали (или почти все, потому что от Журавовича я знаю, что один Ваш роман не переведен на русский язык). Но и «Знака беды» достаточно, чтобы убедиться в том, что Вы шагнули далеко вперед по сравнению с Вашими прежними вещами, в которых («Сотникова» я считаю шедевром) Вы ставили более узкую, хотя и глубокую задачу. В «Знаке беды» Ваш замысел объясняет (насколько это было возможно) причины наших мыслимых и немыслимых трудностей и бедствий, с которыми приходится бороться до сих пор не покладая рук. Это — ново и смело, и необыкновенно правдиво. Характеры выписаны свободно. И удивительно, как хорошо перевели Вы Вашу книгу: русский литературный язык в ней безукоризнен. Словом, от души поздравляю Вас, и если бы хватило смелости, поблагодарил бы Вас от имени нашей литературы, которая остро нуждается в мужестве, а Вам его не занимать!

З ліста В. Каверына ад 4 чэрв. 1983 г. Каверин В. Літэратор: Дневники і пісьма. М.: Советский писатель, 1988. С. 217.

5 июля 1983 г.

Дорогой Василь Владимирович!

[...] Я очень обрадовался Вашему письму, потому что оно как бы возобновляет наши отношения, которыми я очень дорожу (и дорожил). Я не сомневался в том, что у Вашей повести была трудная издательская судьба, и что Вам трудно было опубликовать ее. Но мне думается, что Ваша тема, которую Вы назвали уходящей, не только не уходит, но с каждым днем становится все острее. Задумываешься не только над тем, что происходит перед нашими глазами, но и над тем, что некогда происходило — ведь я много старше Вас. Я почувствовал, что в этой вещи, может быть, бессознательно Вы подходите к тем бедствиям, которые нам пришлось пережить. [...]

Надеюсь, что мы скоро увидимся и поговорим не так невнятно, как я написал это письмо. [...]

Обнимаю Вас,

В. Каверин.

ДМГБЛ. КП 10735/805.

⁶⁴ Дзядкоў І. Неастылы попел старога пажарышча // Літаратура і мастацтва. 1982. 15 кастр.

16 января 1986 г.

Дорогой Василь Владимирович!

Большое спасибо за поздравления с Новым годом и добрые пожелания. Примите и мои — самые сердечные. Вы сами не знаете, как много Вы мне причинили хлопот — я перечитал все Ваши книги и пишу статью о Вас, которая войдет в мою книгу, которую я еще не знаю, как назову⁶⁵. Это трудно, писать о Вас. Вас надо уметь читать между строк. Проследить движение Вашего таланта — тяжелая задача. А движение явственно чувствуется. В особенности, когда Вы от вооруженного сопротивления (или нападения) переходите к сопротивлению нравственному. Не думаю, что в нашей послевоенной литературе появился характер более острый, написанный более резкими штрихами, и поэтому убедительный, чем Степанида в «Знаке беды». Вообще, как ни странно, мне кажется, что Ваша проза в какой-то мере похожа на современную английскую прозу. Человек познается в действии, а не в размышлениях, откровенных или мнимо откровенных. Трудно также представить себе Вас как автора «современной» прозы. Ведь там еще труднее, в обстоятельствах ежедневных, при невольном замедленном дыхании, поставить перед читателем вопросы, над которыми задумывался еще Шекспир или Достоевский (именно ему это-то и удавалось). Но думаю, что Вы, с Вашим талантом как бы незаметно и скромно показывать истины, которые веками тревожат человечество, и здесь найдете выход из этого более чем трудного положения. [...]

С любовью,

всегда Ваш В. Каверин.

Хатні архіў В. Быкава.

Вооруженное сопротивление сменяется нравственным. Нет поля сражения, которое нужно завоевать, и все-таки сражение происходит. Без грома выстрелов, без обдуманной цели. Могущественная германская армия, соединившаяся с предателями-полицаями, сражается с двумя старыми крестьянами-бедняками Петроком и Степанидой. И в этом нравственном сражении, ограбленные, оскорбленные, нищие старики погибают, но побеждают.

Вот невысказанный, скрытый, но заставляющий глубоко задуматься смысл повести «Знак беды». О нем нигде не говорится прямо, он как бы заслонен реальными обстоятельствами, естественностью действия, вещественностью истории, давно совершившейся и происходящей на наших глазах. Но если попытаться взглянуть на панораму повести одним проницательным взглядом — становится ясно, что она написана для того, чтобы

⁶⁵ Кніга будзе называцца «Літэратар: Дневники и письма»; тут жа будзе асобны раздзел «Василь Быков» (с. 211—220).

поднять этот внутренний смысл, означающий, что сила человечности, мужества, справедливости и чести бесконечно выше силы оружия.

Каверин В. Литератор. С. 215—216.

«Военная» и «деревенская» проза — разные ветви, особенно мощные на древе нашей современной литературы, — не только сблизилась, но и срослась в одну в новой повести Быкова. Сошлись в одной тревожной большой мысли о судьбах народных. «Война» и «мир» — не к этому ли все больше склоняется современная «военная» проза? Писать войну войной — в смысле правдивости, беспощадности — это одно дело. Но объяснять войну лишь войной — путь, пожалуй, не самый плодотворный в литературе. Не потому ли самая великая вещь о войне так и называется: «Война и мир». [...]

«Знак беды» — не такая уж неожиданность, как может показаться. Еще в «Журавлином крике» (1959) Быков пытался объяснить поведение своих героев на фронте их довоенной жизнью. Был среди них и молодой крестьянин по фамилии Пшеничный, с судьбой искаженной и как бы провоцирующей его на измену. Однако в конспективных предысториях Пшеничного и других персонажей Быков больше был публицистом, чем художником, а потом долгое время предвоенного житья-бытья своих героев едва касался. Лишь начиная с «Сотникова», писатель все чаще стал искать решающих объяснений человека в том, как он жил и что делал в прошлом; публицистический «антисхематизм» все более уступал место свободному художественному анализу, и эта связь все более художественно проявляется, раскрывается в самих характерах, а не только в событиях.

Быковские Петрок и Степанида — плоть от плоти той простонародно-крестьянской массы, которая очень часто составляет как бы фон бурных исторических событий, но без которой самым смелым планам и движениям не обойтись [...].

Важная мысль, печаль, боль новой повести Быкова: ничто в мире не проходит бесследно. Но чего-чего, а наследить человек умеет. А потом и расплачивается. Он сам. Или его дети, внуки. Казалось бы, далекие дела деревенские. Но пришла война — и вот оно где отозвалось! Полицаями, предательством, жестокостью отозвалось. Новыми и новыми муками людскими, народными. Тех же Петрока, Степаниды воистину крестными муками. (Не случайно и хутор их прозван Голгофой.)

Дурачок, вообразивший себя селькором, вызвал лавину обид и несправедливостей в глухой деревеньке. Умный и честный не устоял, поддался демагогии еще одного деятеля, а в результате: любимая девушка сослана, сам он стреляется, перепугав этим младшего братишку так, что тот становится немым на всю жизнь... Все, все остается, все со всем связано. И вот все это расхлебывать Петроку и Степаниде, немому братишке, таким, как они. Искупать — муками, безнадежностью, кровью. Буквально сжигать себя (Степа-

нида), чтобы не поддаться злу, оборвать цепь его. Если надо — собственной жизнью, на себе, но оборвать.

Главное понять: чужой беды нет. И не в нравоучительном лишь смысле: мол, если ты человек, обязан ее разделить с другим человеком. А в том сугубо практическом, что если уклонишься, не придешь другому на помощь, не по совести поступишь, потом она, чужая беда, отзовется на тебе самом, станет твоей бедой...

И Степанида, и Петрок не без греха в этом смысле. Оправдание им: не знали счастья с молодых дней своих, а так хотелось. И потому даже понятно, что могли поверить: ладно, зло это последнее, оно уйдет, а впереди у людей будет одно лишь добро. Но то, что человек бросит позади, найдет впереди. Народная мудрость.

Даже в условиях такого глобального зла, которое несли развязанная фашизмом война, оккупация, не затерялись и маленькие ручейки зла, когда-то кому-то причиненные.

Адамович А. *Заглядывая в день грядущий* // *Литература о войне и проблеме века*. Мн.: Наука и техника, 1986. С. 31, 32—33.

«Знак беды» — снова в советской литературе тема «свои своих» так заострена. Нет, и до «Тихого Дона» сколько писали о таком, но с восторгом классовым. В «Т. Д.» — трагическая правда о том, как меняется власть, и тут же — расправа над земляком.

(Как и Мележ — к «Тихому Дону». Сходный замысел его «Полесской хроники».)

Но и новое в «Знаке беды», — ибо время прошедшее накопило столько взаимной вражды, что встала и эта тема: да что же это мы себе позволяем? Кто же всех нас так особачил...

[1987 г.]

Адамович А. Из «зеленой тетради» // *Вопросы литературы*. 2001. № 4. С. 269—270.

...Уж никак не думал, не гадал Петрок Богатка, хоть и привык смолоду к своему невезению, что настанет час, и его, немощного старика, со связанными руками поволокнут с хуторского подворья в полицейский участок. Поволокнут на тех самых вожжах, которые он пожалел сдать — были они тогда новые! — в общественное пользование при организации колхоза в Выселках. И будет его, уже обреченного на смерть («За оскорбление полиции. И фюре-ра»), нещадно подхлестывать прутом старший полицей Гуж. Тот самый Гуж, что в начале коллективизации охотился с обрезом за районным уполномоченным и грозился пустить «петуха» под крышу Петроку [...].

Видимо, нужно было время, чтобы к писателю-фронтовику, словно бы охваченному лихорадкой жестокого, нескончаемо длящегося в его бессон-

ной памяти боя, пришла вдруг властная потребность взглядеться в ту жизнь, что вершилась в отдалении от солдатских окопов и партизанских троп. [...]

Что есть человечность, что делает ее неистребимой? Как соотносятся в ее живых проявлениях духовный опыт индивидуума, его личная воля и нравственные законы социальной среды, мораль класса и общечеловеческие представления о добре и зле? [...]

Степанида «привыкла судить о большом по малому, о мире — по своей деревне. И она не ошибалась. Она знала, что хорошие люди не поступают подло ни по своей воле, ни по принуждению. Перед лицом тяжких испытаний, в «пограничных ситуациях» всего легче обнаруживается человеческая несостоятельность. Не случись войны, тот же Антось Недосека был бы, наверное, «как все». И не стали бы столь очевидными нравственная ущербность, бесхребетность, которые привели его, в прошлом безземельного крестьянина, комбедовца, в стан палачей. Он каждый раз с теми, на чьей стороне сегодня сила. И легко становится послушным орудием чужой злой воли. Для Степаниды Недосека из тех, что «от природы слепы ко всякому проблеску человечности, заботятся лишь о себе», «дальше своего корыта им не дано видеть». Для них, движимых утробным своекорыстием, человеческое достоинство — слишком отвлеченное понятие, не имеющее реальной цены.

Проверки на подлинную человечность не выдерживает и Корнила Богатка, хоть он и кажется человеком иного, чем Недосека, более надежного закваса. До крайности прижимистый, Корнила и неразорвавшуюся немецкую бомбу припрятал: авось и от нее какой-то прибыток будет. И со спокойной совестью выменивает эту бомбу на Степанидиного поросенка [...].

Неуемная жажда накопительства всегда идет рядом с зоологическим эгоизмом, глухотой к чужому горю, с равнодушием к народным бедам. «Я же думаю, ты не за немцев?» — спрашивает Степанида Корнилу. И тот отвечает: «Ни за тех, ни за других. Я за себя». [...]

Кто только «за себя» — неизбежно деградирует как личность. В условиях войны тем более. Нейтралистские иллюзии, стремление быть «над схваткой» всегда были и будут чреватые крахом. [...]

Петрок и Степанида предстают нашему взору на значительном пространстве их жизненного пути. На крутых поворотах судьбы. В росте их человеческого и классового самосознания. [...]

Вдосталь помытарила жизнь Петрока и Степаниду. Не только в годы их батрацкой юности. Но и позже, когда были они хозяевами собственного надела — двух десятин хуторской земли. [...] Стал для него и Степаниды собственный надел рвущей жилы «голгофой» (этот образ-метафора впечатляюще, в богатстве жизненных реалий развернут в повести). И потому не цеплялись они за старое, когда встал вопрос о создании колхоза. Нечего было им в том старом жалеть и оплакивать. [...] Не обошел автор и «перегибов». Поданы они даже с некоторым нажимом. И это вынуждает заметить, что уча-

стившееся в книгах последних лет акцентирование именно этого момента в осуществлении исторически назревшего революционного акта становится неким поветрием, своего рода «перегибом» — далеко не безвредным — в освещении важнейшей страницы истории села.

Для Степаниды и Петрока, хоть они и не нажили при новой власти богатых хором, никакими привилегиями не пользовались, нашествие гитлеровцев — великая беда, беда народная и их личная [...].

На израненной белорусской земле немало ярких символов непокоренности и мужества. Достаточно вспомнить хотя бы Брестскую крепость. Но главные непокоренные гитлеровцами крепости — в душах миллионов советских патриотов, отринувших страх смерти. Степанида из их числа. Она — народный мститель, хотя и нет на ее счету убитых врагов. Она делает полицаев и их хозяев пленниками страха: кто знает, где и когда громыхнет упрятанная ею бомба? Ведь тайну ее местонахождения Степанида унесла с собой...

Есть в «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского слова, словно бы высвечивающие смысл последнего шага Степаниды: «Тебя повели, избивают — не сгибайся. Не можешь пошевелиться, уже связан, положен, заткнут рот — выплюнь кляп в лицо палачу. Гибнешь, топор падает на шею — и последнюю мысль отдай революции. Помни, что и смерть бывает партийной работой».

Смерть Степаниды — патриотическая «работа».

Потапов Н. Непокоренные // Правда. 1983. 24 окт.

В рецензии Н. Потапова в «Правде» есть, на мой взгляд, разные неточности и малоприятный момент о «перегибах». И вообще мысль этого человека — всегда «взвешенная» мысль (есть такое любимое выражение у «начальников»), а я эту «взвешенность» не переношу.

Как Вы, Василий Владимирович? Пишете ли что?

Что-то время ужесточается. Хорошо, что «Знак» все-таки не решились тронуть. Я только так расцениваю: предпочли сделать вид, что все в порядке. Ну, и ладно, и хорошо.

З ліста І. Дзядкова, без даты. Дедков І. «Девятого Мая обязательно вспомню Вас...» // Дружба народов. 1995. №3. С. 185.

Васіль Быкаў працягвае ў нашай прозе класічную лінію, якая ідзе ад Я. Коласа, М. Гарэцкага, К. Чорнага, І. Мележа. Гэта асаблівае яго творчасці не кідаецца ў вочы — такая заўсёды вострая актуальная духоўна-маральная праблематыка яго твораў, так моцна сцягнутыя сюжэтныя вузлы, настолькі нязвыклая сваім лаканізмам форма мастацкага апавядання.

Сувязь быкаўскай творчасці з беларускай класікай мацней за ўсё заўважаецца ў выбары цэнтральнага героя. Гэта людзі, пра якіх яшчэ Я. Колас сказаў, што пра іх «нідзе не ходзіць слава», што яны «няўзрачны, нічым

не слаўны і нязначны, усё людзі простыя, малыя, хоць па-сваему і ўдалыя, але ўдалымі іх не лічаць», што «крыж нясуць мужычы ціха, добра не бачачы з-за ліха». Гэта людзі абвостранай сумленнасці, унутрана інтэлігентныя, чулыя да праяў чалавечага ў чалавеку, уражлівыя і далікатныя. [...]

Але героі Быкава вырваны выбухавай хваляй гісторыі са звыклага асяроддзя вясковага існавання і кінуты на пярэдні край, дзе сутыкаюцца дабро і зло, цемра і святло, жыццё і смерць. Ужо толькі таму гэтыя звычайныя людзі становяцца сапраўднымі героямі. [...]

«Ваенны» прэзаік Васіль Быкаў зірнуў на «вясковае» жыццё сваіх герояў, на ўсю іх «перадгісторыю» і ўбачыў за знешнімі аксесуарамі сялянскага быту, гаспадарчых клопатаў, думак і спадзяванняў ціхамірнага беларуса-мужыка свет шэкспіраўскіх страсцей. Вось ужо сапраўды, як заўважыў у свой час Чорны: «калгаснік — гэта той самы... чалавек, дзе, хто мае вочы, убачыць і знойдзе і Эжэні Грандэ, і Івана Карамазава, і Андрэя Балконскага!» Быкаў і ўбачыў, і знайшоў. І таму, што «вочы мае», і таму, што чуйны да ўрокаў беларускай і сусветнай класікі, для якой жыццё звычайнага чалавека заўсёды было поўным сэнсу і значным. Учынкі быкаўскіх герояў і ў новай аповесці на мяжы верагоднасці, сюжэтныя вузлы сцягнуты да той мяжы, калі развязаць іх немагчыма, можна толькі рассячы, ідэалагічная тэмпература чалавечых страсцей даведзена да крытычнага пункту, калі ствараецца ўражанне, што на невялічкім хутары Яхімоўшчына разыгрываецца драма сусветнага значэння, што ад таго, як паводзяць сябе і як павядуць сябе героі, Сцепаніда і Пятрок Багацькі, у самы адказны момант свайго жыцця, будзе залежаць, перамогуць ці не сілы глабальнага добра і святла...

Хто-ніхто з сучасных беларускіх прэзаікаў — пасля Коласа, Чорнага, Мележа! — апісваў бы з падрабязнасцямі дні і клопаты герояў, не прапускаючы нічога: як яны запрагаюць каня, як едуць на ім, што бачаць, як кормяць тых жа самых курэй, карову, парсючка... Але ж і Быкаў апісвае! Але той самы Быкаў, які ледзьве не ў кожным сваім вусным і пісьмовым выступленні заклікае — а ўласнай творчасцю і пацвярджае — больш звяртаць увагі на архітэктурную рэчы, чым на ляпныя аздобы фасада і роспісы ўнутры мастацкага збудавання, вырашаць у кожным творы думку, а не расцягваць багаты моўны фонд на славесныя ўпрыгажэнні.

Вось Сцепаніда пасе карову, не, не пасе, выпасвае, водзячы па мясцінах, дзе густая і сакаўная трава, думаючы, як пра нешта яшчэ далёкае, пра тое, што адбываецца ў свеце і ў роднай ваколіцы, пра чужынцаў і пра іх памагатаяў, «сваіх» паліцаяў і здраднікаў, ускладаючы празмерна вялікія спадзяванні на тое, што хутар Яхімоўшчыну і вялікі неспакойны свет падзяляе, быццам прорва, мост праз рачулку. Але, той самы мост, што ў даваенныя часы звязваў іх хутар з мястэчкам, а значыць і са светам людзей. Гэта таксама Быкаў, аднак Быкаў, якога ведаем па пачатку аповесці «Трэцяя ракета», калі падзеі разгортваюцца марудна, дзеянне ніяк не можа зрушыцца з мес-

ца, і ўжо ўзнікае неспакой, што падрабязнае, занадта падрабязнае для Быкава апісанне побыту так і не дасць аўтару разгарнуць на ўвесь размах яго здольнасць драматызаваць дзеянне, сутыкнуць характары ў непрамернай ідэйнай барацьбе...

Ды не! Няўжо нястомны Быкаў, яго нядрэмнае сумленне, яго жывая думка заспакоілася, «стаміліся»?! [...] Асобныя аўтары могуць дазволіць сабе дзесяціхвілінны адпачынак, але літаратура не можа. Не можа і Быкаў. Вось на дарожнай насыпцы Сцепаніда згледзела знаёмага рудога сабакку і пачула з-за дарогі гартанны ўскрык, невыразны, здушаны: гэта нямы пастушок Янка Ганчарык прынёс страшную вестку, пасля якой усё зрушылася, завіравала, памчалася з усё большай хуткасцю, і ўжо кожная падрабязнасць напаўняецца асаблівым сэнсам — з-пад быту праступае само быццё. [...]

З хутара Яхімоўшчына, з таго маленькага месцейка на зямлі, дзе знаходзяцца Сцепаніда і Пятрок, добра відаць глабальную сувязь добра і зла ў вялікай сістэме агульналюдскага быцця, калі ўсё залежыць ад усяго, нішто не знікае бяследна, усё мае свой выток і свой працяг.

Калі героі аповесці «Знак бяды» ў час вайны, на апошнім сваім злым этапе, паводзяць сябе так, а не інакш, то гэта таму, што самі выбралі сабе будучыню, хоць не заўсёды ўсвядомлена і цвяроза. Мінулае адкідвае свой цень на справы ваенных дзён. Ці не рыхтаваў сабе прамы шлях у паліцыю «селькор» Патапка Каландзёнак яшчэ тады, калі «змагаўся за праўду», пішучы заметкі ў газету на сваіх аднавяскоўцаў, не закідаючы асабліва далёка думкамі, якія вывады будуць зроблены з яго карэспандэнцый, калі выклікаў на сябе агонь усеагульнай людскай нянавісці і пагарды? Ці не вызначаў свой лёс Гуж, калі з пачуцця несправядлівасці ў дачыненні да яго самога і яго сваякоў дбайна вырошчваў варожасць да ўсіх і цяропліва чакаў моманту, каб піць асалоду ад адчування бязмежнай улады над жыццём людзей? Вельмі складаная гэта дыялектыка добра і зла ў свеце чалавецтва: дабро ці тое, што толькі здавалася добром у адносінах да іншых, раптам абарочваецца злом. Лёс нямога пастушка Янкі Ганчарыка — жывое ўвасабленне гэтай дыялектыкі, балючы напамінак пра чалавечую драму, што разыгралася ў вёсцы Выселкі пад час калектывізацыі. Немата яго — адлюстраванне немагчымасці красамоўна выказаць усё, што ведае гэты чалавек пра час вялікіх сацыяльных катаклізмаў. [...]

Не, не абавязкова пісаць пра вайну, ствараць вялікія манументальныя палотны, «панарамы» бітваў і баёў, каб выявіць яе сапраўдны маштаб! Трэба пісаць, як сказаў У. Маякоўскі, не пра вайну, а вайною. Трэба пісаць пра людзей, на плечы якіх лёг асабліва вялікі цяжар адказнасці за жыццё, тых людзей, што засталіся сам-насам з ворагам і сваёй здольнасцю ісці на ахвяры апраўдалі сваё чалавечае званне. [...]

У сучаснай беларускай літаратуры аповесць «ваеннага прэзаіка» В. Быкава «Знак бяды» з'яўляецца вяршынным дасягненнем «вясковай прозы» (а наша літаратура амаль цалкам «вясковая», з вёскі), нягледзячы на тое, што

апавядае пра вайну. Аповесць дае новае жыццё класічным тыпам беларуска-сялянства, якое ў цяжкі для айчыны момант становіцца народнай арміяй, і натуральна зачыкае круг паасобнага развіцця «ваеннай» і «вясковай» прозы.

Тычына М. Вялікі маленькі чалавек // Беларусь. 1983. № 5. С. 30, 31.

В «Знаке беды» Быков с особой настойчивостью ищет корни явлений, старается проникнуть в социально-психологическую подоплеку поступков, определить силу воздействия времени на характеры, природу возникающих деформаций. Никогда прежде не уделял он столько места прошлому героев — эти главы не назовешь ретроспекциями, столь подробно, зримо, «стереоскопично» изображена в них действительность — словно это происходит «здесь», «сейчас».

Вот как вспоминал в «Альпийской балладе» свои детские годы герой: «Да, голодали, и не только в тридцать третьем. Спасала обычно картошка, но и ее не всегда хватало до новой. После смерти отца в семье осталось четверо детей. Иван старший. Он вынужден был растить с матерью ребят, кормить семью. Ой, как нелегко это досталось ему!»

Это пересказ. В «Знаке беды» то же время возникает по-иному — либо воссоздается душевное состояние героя: «Настроение его и без того было скверным — только что поругался с женой. Ссора вышла из-за хлеба, который чрезмерно берегла Степанида, домешивая в него картошку, отруби, и его уже нельзя было взять в рот, такой он был жесткий и невкусный. Конечно, у Степаниды была на то причина: ржи в засеке осталось чуть больше мешка, а до весны и первой травы было не меньше четырех месяцев. Как тут не беречь! Но через эту бережливость ее можно было вытянуть ноги, не дожив до весны, а Петрок хотел еще маленько пожить и сказал сегодня о том Степаниде»; либо рисуется пластическая картина происходящего: «Петрок копал вручную, лопатой, ковырял, долбил, рубил проклятый суглинок, сквозь прошлогодний бурьян, начавший зарастать молодым пыреем, и уже взрыхлил ладный клин с конца канавы. Взглянув на его лицо, Степанида едва узнала мужа, такой он сделался страшный, постаревший, с заросшими темной щетиной щеками. [...]».

Психологический анализ в «Знаке беды», как всегда у Быкова, точен, пронизателен, ему доступны и мрачные бездны, и горные высоты человеческой души, но к этому читатели привыкли, Быков есть Быков, иного они и не ждали. А вот такой пластики, такого выразительного, глубокого, подробного рисунка быковская проза прежде не знала. И, кажется, впервые за долгие уже годы его литературной работы вспоминаешь, что в юности писатель рисовал [...], — раньше это на ум как-то не приходило... [...]

У Василя Быкова прочная, давно сложившаяся репутация художника, который сосредоточен на проблемах нравственно-философских, на «последних» вопросах человеческого бытия. Не изменяет он ей и в «Знаке беды». [...]

Но в прежних его вещах все было словно бы собрано в одной точке, обстоятельства и судьбы не рассматривались во временной протяженности; один бой, один эпизод партизанской войны обнажал до дна характеры, в экстремальных условиях исследуемая автором проблема сразу же раскалялась до бела, до критического состояния.

По-иному раскрывается действительность в «Знаке беды», здесь задача автора — показать течение жизни, уготованные времени испытания, которые приходится преодолевать героям и которые не проходят для них бесследно. [...]

Конечно, чтобы раскрыть, как под ударами обстоятельств формировались или изменялись характеры, автор должен был держать в поле зрения не один эпизод, а уже всю жизнь своих героев. Но не только это заставило писателя изменить той «модели» повести, которой он владел с таким совершенством, что ее даже называют быковской, обширное временное пространство потребовалось ему еще и для того, чтобы выявить одну из главных идей новой повести, — она могла обнаружить себя лишь в длинной череде событий. Многое пришлось пережить Степаниде, многих драм стать участницей или свидетельницей, прежде чем ей открылось непреложное: «Просто страшно подумать, как много иногда зависит в жизни, судьбах от одного только слова, руки, даже чьего-то невинного взгляда. Особенно в такое время. Каким надо быть рассудительным, не злым, справедливым! Потому что твое зло против ближнего может обрушиться — и еще с большей силой! — назад, на тебя самого, тогда ой как сделается больно».

Поток жизни, которая проходит перед нами в повести, все время возвращает к мысли: жестокость порождает жестокость, равнодушие отплатится равнодушием, несправедливость отзовется несправедливостью. [...]

Органичный переход от повествования, строго выдержанного в «формах самой жизни», нигде не нарушаемого правдоподобия, к финалу, включающему в себя и условно-символический план, — задача трудная. И не все здесь, мне кажется, «состыковалось», есть сбои. Вероятно, повествователь не может воспринимать всю эту историю с бомбой точно так же, как уже смятенное сознание Степаниды, — взгляд у него пронизательный, трезвый, даже жесткий. Это различие должно быть выявлено, выдержано последовательно и точно. Там же, где оно нарушено, а кое-где оно, по-моему все-таки нарушено (и это явственно обнаруживается в финальной — от автора — фразе повести: «...Бомба дожидалась своего часа»), там возникает ощущение необъяснимой наивности повествователя, которая до этих заключительных страниц была ему совершенно не свойственна. Он не может, как Степанида, находящаяся уже в состоянии, когда с реальностью не считаются, верить, что взорвать эту несработавшую бомбу — посильная для нее задача. Быть может, при издании повести отдельной книгой автор обратит внимание на эти страницы [...].

Прав я или не прав в своих претензиях к финалу повести, у меня нет никаких сомнений, что Василий Быков написал одну из самых лучших, самых сильных своих книг. [...]

...К этой повести привела Василя Быкова логика его собственных художественных исканий — настойчивых, неотступных, на редкость целеустремленных. Некоторые мотивы «Знака беды» эскизно, одним-двумя штрихами были намечены в ранних его вещах [...], некоторые эпизодические персонажи — например, староста Петр и Демчиха — были первоначальным подступом к тем народным характерам, которые представляют Петрок и Степанида.

Да, Быков «шел долго» к «Знаку беды». Но чтобы так, изнутри написать Степаниду и Петрока, так глубоко проникнуть в их жизнь, в их душевный мир, автору, наверное, надо было сравняться с ними годами, вспоминать не каким он был в годы войны, а перенести себя сегодняшнего, немолодого уже человека, отца взрослых детей, в то грозное время.

Лазарев Л. Вещий знак // Литературное обозрение. 1983. № 8. С. 48, 49, 50, 51.

Не могу не сказать о таком крупном явлении, как проза Василя Быкова. Разве его «Знак беды» — не история, пусть и недавняя, причем история народная, взятая в самом своем существе, без нарочитости, без стилизации?..

Лихачев Д. Лики слова // Литературная газета. 1984. 25 янв.

Художественным идеалом «Знака беды» является не притча, а реальная картина жизни, точный портрет человеческих чувств. Пожалуй, именно в этой повести В. Быковым впервые «забыты» намеки на свои собственные переживания, как это было еще в «Третьей ракете», «Мертвым не больно», в других произведениях. И даже морализация, от которой он, как видно, никогда не избавится окончательно, приобрела здесь отпечаток достоинства. Об этом следует сказать хотя бы потому, что постоянно существует опасность, как бы великий моралист В. Быков не заслонил собой большого художника — а ведь они не уступают друг другу.

Шагалов А. Василий Быков: Повести о войне. М.: Художественная литература, 1989. С. 233.

«Знак беды» — повесть о способности человека противостоять злу. [...] Нравственный, общечеловеческий критерий стал здесь также и критерием собственно художественным, эстетическим. Эта повесть символична. Символична в большом и малом, неприметной детали, которая между тем последовательно работает на идею. Художническая требовательность воплотилась тут в доскональной организации материала (и в этом плане «Знак беды» в творчестве самого В. Быкова — явление также особенное, этапное).

Каждая черточка, штришок кладутся на задуманный рисунок, насыщенный до символического обобщения, в котором словно объединяются все нити произведения [...].

По словам М. М. Бахтина, «всякая интерпретация символа сама остается символом»⁶⁶, то есть — формой знания диалогической, а значит, разграничивая случайное и системное в художественной структуре произведения, вероятно, не избежать некоторого исследовательского субъективизма. Однако сама возможность придания значимости даже случайным (скажем осторожнее — не «очевидно главным») элементам текста, «способность художественного текста накапливать информацию»⁶⁷ есть уже свидетельство объективное, признак и свойство высокой — системной — организации художественного целого, без сомнения, присущей и «Знаку беды»: все в нем только дополняет целостный образ мира, сдвинутого с вековых орбит [...].

«Млеко!» — требуют незванные постояльцы Степаниды и Петрока. Чужая рука выливает на траву не понравившееся молоко, и — «зеленая мурава на пять шагов забелела, словно взялась цвилью»⁶⁸. Молоко — будто цвиль на зеленой траве. Авторская наблюдательность, острота взгляда? Безусловно, но, думается, не только. Увиденное, наглядное имеет еще и глубокий символический подтекст.

В сознании земледельца обильный животворный дождь ассоциировался с «небесным млеком», проливаемым стадами дожденосных туч. От него зависели земные урожаи (небесным молоком признавалась роса, и народное поверье приписывало ей чудесное свойство умножать молоко земных коров)⁶⁹. [...]

Символичная, освященная почти языческой памятью и сцена убийства коровы — смертоносный жест завоевателей, которым они словно довершают разрушение некоей первоосновы Вселенной Богатьков. На следы древнего поклонения этому животному в бытовой культуре славян указывает А. Н. Афанасьев. Изгнанию Коровьей Смерти (чумы) посвящался специальный народный обряд — торжественный обряд опахивания. А белорусские поселяне, празднуя на Троицын день приход весны, сплетали коровам на рога зеленые венки⁷⁰. Корова была символом крестьянского благополучия (Степанида на Юрьев день натирает корове подгрудок «огарком припасенной с громниц обходной свечи... от злого духа и чтобы весь год была молочной...»)⁷¹, и для героев «Знака беды» она — кормилица, подружка. По-

⁶⁶ Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 361.

⁶⁷ Лотман Ю. Структура художественного текста. М., 1970. С. 36.

⁶⁸ Быкаў В. Знак бяды. Мн., 1984. С. 41.

⁶⁹ Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. Т. 1. М., 1865. С. 697, 707.

⁷⁰ Тамсама. Т. 1. С. 696, 714.

⁷¹ Быков В. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1986. С. 123.

теря ее — не просто хозяйское несчастье: «На удивление самой себе, Степанида не слишком убивалась по корове — как ни жаль ей было Бобовку, она чувствовала, что рушилось что-то большее, неотвратимая опасность приближается уже к ним самим вплотную»⁷².

Колоссальная ретроспектива образного ряда и позволяет В. Быкову увидеть «в микрокосмосе одного человека макрокосмос нации и человечества»⁷³.

Афанасьев И. Кто восходит на Голгофу?: Антивоенная идея в творчестве Василя Быкова. Мн.: Мастацкая літаратура, 1993. С. 112—113, 114—116.

Когда мы говорим, что во второй половине восьмидесятых военная проза приостановилась в своем развитии, то это вовсе не значит, что была забыта та ее роль, которую она сыграла не только в литературе, но и во всей общественной жизни в шестидесятые годы, когда окопные лейтенанты с суровым ригоризмом воспитанников войны стали говорить от имени своего поколения. Прочитируем [...] Владимира Крупина: «Когда мы начинали писать, многие из нас были буквально спасены писателями фронтового поколения. Абрамов, по признанию Белова, всего его перевернул, а Астафьев, а Быков...» Из высказываний подобного рода можно составить книгу, самые высокие оценки их творчества и особенно гражданской позиции будут справедливы, но здесь хотелось бы сказать несколько слов в иной тональности.

Уже не одно десятилетие идея подвига довлеет над всей военной прозой, через призму которого и проецируется война к читателю и, в конечном счете, к значению которого низводится. А ведь еще в 1962 году в статье «Живые — памяти мертвых» Василь Быков высказал проницательное понимание сущности подвига в Великой Отечественной войне: «...Основная масса бойцов — миллионы и миллионы не были «героями» в узкоконкретном понимании этого слова. Однако победа над немецким фашизмом добыта в значительной (а может, большей) степени именно их руками, их великой кровью и потом. [...]»

Но ни художественный опыт самого Василя Быкова, ни опыт его литературных соратников по военному братству не подтвердили в полной мере это теоретически очень важное и верное положение. Выполнив огромную, благородную и мужественную задачу по отображению правды войны в ее самых жестоких и трагических проявлениях, «суровые лейтенанты» не сказали и не могли сказать всей правды о войне.

Они сузили и художественные рамки военной прозы до жанра короткой повести, что и естественно, поскольку прозе, выражающей «заостренную» правду войны, было не по силам объединить в себе эпическое пространство,

⁷² Быков В. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 71.

⁷³ Тычина М. Народ и война. М., 1985. С. 219.

простирающееся на всю правду войны. Идеал «Войны и мира» так и остался недостижимым по многим причинам, но то, что из всей эпопеи военная проза извлекла для бесчисленного тиражирования едва ли не один только подвиг капитана Тушина (собственно, один из немногих подвигов в «чистом» виде на всем пространстве эпического полотна), значительно связало ее на пути к реалистическому идеалу.

Роль Василя Быкова в «опрощении» подвига, в низведении «материального» итога подвига к его духовному эквиваленту, пожалуй, решающая, но даже и он так и не смог окончательно переступить в новую реальность, организованную не частной правдой войны, а высокой непреходящей правдой жизни. Даже в замечательной повести «Знак беды» это тяготение к подвигу в значительной степени сказалось на пренебрежении к ценности нравственного потенциала образа Петрока и, думается, что напрасно, ибо в целом Петрок — это художественная удача, значение которой выходит далеко за рамки белорусской литературы, но особенно важная это удача именно для нее, как и для творчества самого писателя. Похоже, что он, Петрок, уже давно пробивался на свет белый и пробивался помимо творческих устремлений художника и даже против них. Нет сомнения, что этический идеал писателя, сформулированный войной, был выражен в Сотникове (и в ряде других героев, тождественных ему), но возьмем на себя смелость предположить, что национальный характер вырастет в творчестве писателя (если вырастет) не из Сотникова, а из Петрока, преодолевшего себя, свою многовековую покорность и терпеливость, свое нравственное безразличие к общественным заботам, непротивление и равнодушие перед неизбежностью угнетенной судьбы. И если бы не волевое усилие автора, почему-то «принизившего» Петрока и «возвысившего» Степаниду, то мы уже имели бы совершенно новый и огромный, в смысле полноты и значимости реалистического воплощения, самый истинный наш национальный характер на самом коренном изломе истории. Ибо не «интеллигентный» Сотников, изначально запрограммированный на идею подвига, а эгоистически мудрый, по-крестьянски мудрый для себя Петрок объективно выражал белоруса в преддверии апокалипсических испытаний. Это он, Петрок, под давлением нечеловеческих обстоятельств, медленно, нехотя уйдет в леса, накопит в себе гнев и ненависть и в конце концов станет армией, слава о которой прогремит по всем континентам и отзовется в Петроке гордостью за свое имя, может быть, первой гордостью, испытанной им в полную силу и с полным правом на нее...

Акудович В. Судьбы войны, судьбы мира // Неман. 1987. № 6. С. 159—160.

Есть писатель, для которого даже документальная правда о войне — еще не вся ее правда.

Речь пойдет о Василе Быкове, который внутри военной прозы создал направление, единственным представителем которого является он сам. Не

будем задаваться вопросом, кто виноват в этом постоянном пребывании Быкова вне литературного контекста: Быков или сам контекст.

В столицах шум, гремят витии,
Кипит журнальная война,

...а до всего этого нет ни малейшего дела быковским молчунам-белорусам с их корявой мужицкой «бядой» полувековой давности. Имеется в виду повесть Быкова «Знак беды», которой он окончательно отгородился от умонастроений литературного сезона и безраздельно погрузился в наготу и твердь оккупационного белорусского хутора, добывая оттуда отнюдь не оптимистические правды о существовании по имени «человек».

Прозе Быкова свойственна некоторая сухость. Ей недостает той языковой образности, метафоричности, которая превращает литературу в искусство слова и сама по себе излюблена читателем. Поэтика у Быкова решительно потеснена этикой, и до определенного времени непритязательность формы ослабляла собственно художественную действенность его произведений. Восполнить этот изъян специальными усилиями по части красоты слова было бы занятием бесплодным и скорее скомпрометировало бы, чем помогло репутации Быкова-писателя. К счастью, Быков и не пытался переделать себя в литературного соловья. Вместо этого он неутомимо совершенствовал, если так можно выразиться, правду содержания, и повестью «Сотников» окончательно завоевал право на свое, «быковское» видение войны. Я не уполномочен предполагать, в каких отношениях оказался писатель с автором фильма «Восхождение», снятым по его «Сотникову», но фильм, став подлинным событием в мировом киноискусстве, не мог оставить Быкова в той мощной прозелитической трактовке, которую Лариса Шепитько придала его повести. Стилистика фильма Шепитько преобразовала аскетизм быковской прозы в принципиальную эстетическую установку. Ужесточив и без того жестокую действительность «Сотникова», Шепитько неожиданно ассоциировала ее с евангелическим мифом, за что и получила от Быкова, по ее словам, прозвище «Достоевского в юбке». Действительно, до «Сотникова» Быков вряд ли притянул на столь грандиозные этико-философские интерпретации. Его предыдущие повести были слишком глубоко укоренены в почве партизанского быта, но чем упорнее он взрыхлял этот участок нашего военного прошлого, тем чаще под ним обнажались родовые знаменатели человеческого существования. Рано или поздно Быков должен был выйти на такого читателя, как Шепитько, — и определенным образом на эту встречу отреагировать.

Быков отреагировал в присущей ему манере. Воздав должное культурно-философским реминисценциям Шепитько, он еще решительнее отгородился от увлечений литературной надстройки (в то время как Ю. Бондарев им поддался) и окончательно погрузился в оккупационный быт белорусского села.

Но «опыт Шепитько» в поздних произведениях Быкова все-таки дал себя знать. Не то чтобы он стал комментировать свои произведения цитатами из Нагорной проповеди — он для этого слишком сдержан и самостоятелен, — но то, что в его предыдущих произведениях прочитывалось, как возможная аналогия, параллель, ассоциация и проч., перестало быть случайностью. Действительность «Знака беды», «Карьера», «Облавы», «Стужи» буквально прострочена моральными абсолютами, в них ничего не происходит просто так.

Вместе с тем они скрупулезно реалистичны. Томас Манн говорил, что его «Волшебную гору» нужно читать дважды. Что касается упомянутых повестей, то их нужно читать по крайней мере очень медленно, потому что помимо прочего перед нами классическая проза «из народной жизни» со своим особым, «крестьянским» течением времени и таким же крестьянским пространством. Автор буквально изнуряет читателя обилием топографических деталей белорусского хутора, усадьбы, лесной заимки, едва ли не выигрывая в этнографической точности у самого В. Белова. В отличие от предыдущих повестей фон записан в «Знаке беды» почти с демонстративной плотностью, как бы экзаменующей читателя на упорство и некое согласие: либо полностью переселиться вместе с автором на этот забытый Богом хутор, либо закрыть книгу. И лишь тот, кто выдержит испытание этим этнографическим переизбытком и перестанет воспринимать его как таковой, значительно приблизится к «внутреннему» содержанию повести, потому что важнейшим замыслом Быкова, как мы его понимаем, было воссоздание цельной, завершенной и довлеющей самой себе крестьянской ойкумены, которую начала испытывать на прочность война. Вот корова Бобовка, вот подстинок, куры (девять штук), пес Рудька. Вся эта скрупулезно подсчитанная и не менее скрупулезно описанная живность будет находиться в поле самого пристального внимания повествователя до самого конца произведения, точнее, до ее собственного конца. Вот пунька, засторонки, дровоколья, истопка, варовня, хлев, сад, огород, Бараний лог, картофельное поле. Читатель будет непрерывно перемещаться вслед за автором и обитателями усадьбы по этим пунькам и засторонкам также до конца повести, пока все это не сгорит и не будет унесено в небо с пламенем невиданного пожара.

Врожденная крестьянскому характеру подозрительность к национально-патриотическим абстракциям замедлила реакцию Петрока и Степаниды на начавшуюся войну. До определенного момента оккупация оставалась для них понятием скорее умозрительным, и если бы Германия не начала оккупировать их собственное жизненное пространство, они вряд ли пополнили бы собою ряды народных мстителей.

Но прошедшая война всех коснулась и всех заставила в ней участвовать. Быков категоричен в отстаивании этого главного тезиса своей «партизанской» прозы. Уж казалось бы, Петрок и Степанида, эти белорусские Филемон и Бавкида, не могут заинтересовать оккупантов ни с какой стороны. Деталь-

нейшее описание их хозяйства убеждает в конце концов лишь в том, что они бедны почти библейской бедностью. От политики они тоже далеки. «Если он фашистов не зацепит, неужели они без причин будут к нему вязаться? — рассуждает простодушный Петрок. — Разве он какой-нибудь начальник, или партийный, или еврей из местечка? Слава богу, он здешний, крещеный в христианскую веру, колхозник, такой, как и все другие».

Выясняется, однако, что новые хозяева могут при малейшем желании насчитать с десятков доказательств их преступного содействия советской власти и за каждое поставить к стенке. Во-первых, их сын служит в Красной Армии; во-вторых, на стенке красуется портрет Сталина; на заре коллективизации Степанида состояла в комитете бедноты и, следовательно, причастна к высылке семьи одного из полицаев; награждена грамотой ВЦИК как передовая льноводка.

Впрочем, их могут поставить к стенке и безо всяких на то оснований. Просто пришли в действие силы войны, истребляющие каждого, кто противится ее дьявольским законам.

Тут-то и выявляется уникальное нравственное единодушие этой крестьянской четы. В свое время Степанида лишь по чистой случайности оказалась женой Петрока, а не ухватистого Корнилы, но в «Знаке беды» ничего не происходит просто так. Уж конечно, незадачливый Петрок по всем статьям не чета Корниле, но он человек абсолютной, беспримесной честности, чего о Корниле не скажешь. Мы еще коснемся этого персонажа в повести, где, повторяем, ничего не случайно, а сейчас остановимся более подробно на судьбе Петрока и Степаниды.

Оба они единоклюшны в неприятии чужеземной скверны, но нравственная упругость их характеров различна. С момента появления на их усадьбе немецкой команды Петрок и Степанида разошлись на время в противоположные стороны. Петрок начал было налаживать отношения с оккупантами и их приспешниками, откупаться от них игрой на скрипке, табачком, самогонкой. И вроде его усилия замечены и оценены по достоинству. За игру на скрипке его похвалили и вернули отнятый инструмент, угостили ответной сигаретой. Но уже попытка ублажить полицаев самогоном навлекла на Петрока большую беду.

Эта злополучная эпопея с самогоном вообще занимает в повести особое место. Как бы мимоходом упоминается, что Петрок уже имел неприятности с самогоном в довоенное время. Так же вскользь упоминается, что самогонным аппаратом он обзавелся в обмен на скрипку. А скрипка, оказывается, в незапамятные времена пленяла девичье сердце Степаниды. Теперь Петрок эту скрипку продал, и что же?

А то, что полицаи моментально уравнили цену его Петроковой жизни с ценой водочной бутылки. Отныне он будет жить лишь до тех пор, пока будет гнать самогон. Еще хуже, еще страшнее: до тех только пор будет жива и его

Степанида. Сцена, с помощью которой автор это уточняет, принадлежит к числу самых жестоких в повести.

И Петрок в ужасе спохватывается. Он сделал лишь маленький шаг в сторону от своей совести, как вдруг его начало с устрашающей быстротой тащить в нравственную бездну, вырваться из которой можно было, только сознательно накликав на себя смерть. Петрок так и поступает. Он исчезает в пасти военного молоха, внутренне выпрямившись и обрета в последнюю минуту утраченное было достоинство.

Степанида сильнее и пронизательнее Петрока. Ей достаточно было увидеть, кто оказался в услужении у новой власти, чтобы понять, что как раз таким, как она с Петроком, пощады не будет. Они оказались поперек дороги, по которой двинулось сплошное зло, инстинктивно выбрасывая щупальца в сторону каждого, в ком осталась капля доброты и человечности. Спасти от этих щупальцев невозможно. Невозможно в буквальном смысле, потому что Гуж, предводитель полицаев, непостижимым образом дознается о каждом движении, дне и часе обитателей Яхимовщины. Ему, местному из местных и дальнему родственнику Петрока лучше немцев известно, чем эта пара дорожит пуще глаза: жизнью *по совести*.

Поэтому Степанида наблюдает за уловками мужа с возрастающей неприязнью. Ибо Петрок лишь хитр, требуется же мудрость. Мудрость же заключается в том, что в создавшейся ситуации необходимо полностью подавить в себе инстинкт самосохранения и перестать бояться смерти. Нравственно спастись можно, лишь будучи готовым погибнуть физически.

Петрок изо всех сил пытался договориться с новой властью и потерпел поражение. Степанида воспротивилась ей в открытую и тоже потерпела поражение. И даже Корнила, оборотистый Корнила, непревзойденный мастер по части ускользания от всех и всяческих властей, он тоже потерпел поражение и навсегда исчез вместе с Петроком в геенне всеобщего истребления. Вездесущий молох войны обнаружил и пожрал их всех, даже Корнилу, который был ни холоден, ни горяч, но всего лишь тепел.

С ситуациями подобного рода русская литература читателя никогда не сталкивала. Молчаливо предполагалось, что они этически невозможны, потому что построены на предположении о непобедимости зла. И даже прошедшая война, сделавшая возможным многое из того, что ранее считалось немыслимым, не нарушила этого молчаливого обета, принятого еще в 19-м веке русской художественно-гуманистической мыслью.

Однако любая гуманистическая традиция сохраняет свою жизнеспособность до тех пор, пока она в состоянии охватить жизненный и исторический материал, ранее ею непредусмотренный. Фашизм как раз и был таким материалом. Он был бесчеловечен, внеморален и обладал арсеналом уничтожения, позволившим ему в считанные исторические минуты преподать страшные уроки человечеству. Европейская гуманистическая культура должна

была либо сложить оружие, либо срочно выработать модель поведения в условиях фашистской чумы, с механической быстротой пожиравшей армии, народы и государства. Так что ситуация, воссозданная Быковым на страницах «Знака беды», не была умозрительной. Она алгебраизировала не только оккупационный быт белорусского села, но неожиданно смыкалась с антифашистскими концепциями крупнейших европейских мыслителей, отыскивавших опоры для личности, чьи индивидуальные возможности для борьбы с тоталитаризмом оказались равными практическому нулю.

«Риз помрачнел.

— Знаю, так всегда будет. Но это еще не довод, чтобы бросать борьбу.

— Верно, не довод. Но представляю себе, что же в таком случае для вас эта чума.

— Да, — сказал Риз. — Нескончаемое поражение».

Так же, как доктор Риз, зная, что чуму победить невозможно, все-таки борется с ней, так и Степанида из «Знака беды» безо всяких досужих философствований (которых, кстати, и в «Чуме» немного) не оставляет без боя ни единой пяди своего жизненного пространства. Она ослабляет боеспособность немецкой армии (выбрасывает в колодец винтовку), лишает ее продовольствия (выдаивает на землю молоко у Бобовки). Не читавший этой повести, возможно, усмехнется. Но прочитавший ее воздаст должное вкладу Степаниды в дело победы над врагом, а может, и признает, что без этого вклада война не была бы выиграна. Такова, во всяком случае, скрытая, иносказательная логика повести, где, повторяем, бесконечно большие величины находятся в абсолютной зависимости от величин бесконечно малых. Пожилая белорусская крестьянка и изощренный французский интеллектual бьются над одним и тем же вопросом: следует ли бороться со злом в обстоятельствах, когда оно непобедимо. Итог борьбы предрешен; средств нападения нет; средств защиты тоже; о том, что произошло, никто никогда не узнает. У героини «Знака беды» нет иного выбора, кроме как умереть стоя или умереть на коленях. Мы не обмолвились, переиначив слова Долорес Пассионарии. Там, на овеванных легендарной славой полях Испании бойцы с фашизмом сражались и умирали с оружием в руках на глазах у потрясенного человечества. Здесь, на противоположном конце Европы, в глухом партизанском хуторе каждый погибал в одиночку, а полем битвы была его собственная душа.

Василь Быков, установивший свою авторскую позицию на этом последнем, невидимом и трагическом рубеже антифашизма, открыл военной прозе новую перспективу — от художественно-психологической к нравственно-философской проблематике войны. Здесь говорилось о повышенной бытописательской плотности «Знака беды». В сверхплотной художественной материи неизбежно возникают процессы мировоззрен-

ческой конденсации. Если воспользоваться философской терминологией, то в повести Быкова беспрерывно кристаллизуется категорический императив. Он довлеет над каждым из ее персонажей так же неотвратимо, как дамоклов меч войны. [...]

«Знак беды» является во всех отношениях этапным произведением Быкова. Начав свой путь в литературе с произведений о фронтовой действительности, где в принципе каждый мог защититься от укоров своей и чужой совести параграфом приказа, полевого устава, распоряжения командира, Быков перешел затем к войне партизанской, которая предоставляла такую возможность значительно реже, и, наконец, углубился в мир оккупации, самой драматической в нравственном отношении зоне войны, где человеческое поведение определяется только внутренней моральной ответственностью за свое человеческое, гражданское, социальное и национальное «я». Каждая из этих ипостасей была воссоздана Быковым с абсолютной писательской и человеческой честностью. Его критиковали, с ним спорили — Быков ни разу не поступился во имя писательского благополучия подвижнически извлекаемой из толщи войны истиной и в конце концов всегда оказывался этой же истиной защищенным.

Сердюченко В. О «партизанской прозе» В. Быкова⁷⁴.

С. Шапран: Александр Николаевич, известно ли Вам что-либо еще об одной истории: когда появилась быковская повесть «Знак беды», Чебриков решительно заявил: печатать не будем! Однако Горбачев возразил: нет, нельзя не печатать. Действительно ли так все и было?

А. Яковлев: Сам я не присутствовал при разговоре, когда Чебриков так заявил, но знаю точно, что эта «фирма» из каких-то там политических соображений действительно была против публикации.

С. Ш.: Вы имеете в виду КГБ?

⁷⁴ Прапанаваны тут фрагмент — толькі частка вялікага артыкула доктара філалагічных навук з Львова В. Сердзючэнкі «Трэтья грань военной прозы», друкуецца паводле машынапісу, які быў дасланы аўтару кнігі. Асноўныя палажэнні артыкула апублікаваныя ў часоп. «Радзяньскэ літэратурознавство» (1986. № 9) і ў перакладзе на рускую мову дасланыя В. Быкаву. Тады ж пісьменнік адказаў: «...статья Ваша — *самая умная и самая* проницательная из всех, которые мне довелось прочитать о «Знаке беды», а, м[ожет] б[ыть], и вообще о военной прозе. Глубокая, объективная статья, и очень жаль, что журнал напечатал ее с купюрами. Хотя что поделаешь, — у нас утвердился такой стиль публикации. Что касается, напр[имер], «Знака беды», то ведь и его изрядно пощипали, а некоторые места (напр[имер], сцена раскулачивания) изъяты почти полностью. [...]

Я не отсылаю Вам рукопись, хочу здесь в Минске кое-кому ее показать на предмет публикации целиком и по-русски, — если Вы не возражаете? (Напр[имер], в журнале «Неман».)» (3 ліста ад 2 студз. 1987 г. Копія. Хатні архіў В. Быкава). Аднак у «Немане» гэты артыкул апублікаваны не будзе.

А. Я.: Да. Об этом я говорил с Горбачевым. И вот это действительно соответствует действительности, — я тогда сказал: «Можно, конечно, не напечатать, но нельзя не печатать». И «Знак беды» мы отстаивали. Однако, видите ли, и обстановка в стране в то время уже стала все-таки потихоньку меняться.

С. Ш.: И именно по инициативе Горбачева Быкову дали звание Героя Соцтруда?

А. Я.: Да, просто мы стали активно поддерживать Быкова. По поводу него у меня потом состоялся еще один разговор с Горбачевым. Я говорил, что Быков — писатель в Белоруссии номер один. И если уж гордиться нашими духовными достижениями, то начинать надо именно с Быкова. У нас даже были какие-то планы... Но Василь сам не хотел идти по, так сказать, линии административной. Он очень скептически ко всему этому относился, хотя мы и приглашали его на всякие совещания... Однако он ведь был такой... очень недоверчив был. Еще хорошо, что у нас с ним возник такой душевный контакт. Впрочем, об этой внутренней душевной теплоте по-настоящему-то и не расскажешь... А вообще к людям он относился очень избирательно — был сдержан и не с каждым мог быть, так сказать, в обнимку. Хотя дружил, конечно, со многими...

С. Ш.: Александр Николаевич, а когда Вы познакомились с Быковым?

А. Я.: Давным-давно, году, наверное, в 1970-м, в Москве. Причем наше знакомство началось со спора, впоследствии приведшего к многолетней дружбе. Пospорили о белорусском языке. Василь ведь уже тогда переживал за судьбу родного языка — говорил, что белорусский язык умирает, что книг на белорусском почти нет, что когда на тот свет уйдут последние писатели, пишущие на белорусском языке, сам язык как литературное и культурное явление может исчезнуть. Мы поспорили. Я ответил, что это, конечно, печально, но, говорил я, это же реальный факт — девяносто пять процентов белорусских писателей печатаются на русском. Так уж получилось... Хотя, соглашался я, белорусская — культура действительно древняя. Однако корни-то у белорусов и русских общие. И лично меня будет беспокоить судьба белорусских студентов, если они не будут знать русского языка. Впрочем, я, конечно, желаю, чтобы белорусские язык и культура развивались. Тем не менее, говорил я, давайте учитывать объективные факторы... В результате во мнениях мы с Василем разошлись, хотя разошлись мило и хорошо. Впрочем, ни он меня не убедил, ни я его.

А месяца через три в Академии наук проходило какое-то собрание, на котором присутствовал и Быков. И мы, сев вместе, опять вернулись к этому разговору. Я ведь читал все, что Василь тогда писал, и поэтому выразил свое восхищение, свою любовь к его творчеству... Василь очень обрадовался, поскольку из моих реплик понял, что я действительно читал его произведения, а не просто был наслышан о них, — понял это потому, что мы заговорили уже о деталях. Так я сказал:

— Вот в одном месте — сейчас уже не вспомню, о какой именно из его повестей шла речь, — я с Вами не согласен.

— В каком? — спросил он, глядя на меня с большим интересом.

— Помните, Вы описываете, как по лесу идут трое наших солдат, и один из них — из особого отдела, и вот эти двое боятся третьего.

— Да, — говорит.

— А я в это не верю.

— Почему?

— Я же сам был на фронте и попадал в подобные ситуации. Ходил и в разведку, по ту сторону фронта. И у меня всегда был автомат на плече и пистолет на поясе, но чтобы я при этом боялся *третьего*? В таких ситуациях они нас боялись, а не мы их. Вы же пишете, что этот третий даже покрикивал на этих двоих, хотя даже не был старше их по званию. Нет, мне известно, какую роль играли представители этих органов в тылу (и тут мы с Быковым не расходились). Но на фронте ситуация была, извините, несколько другой, потому что, будучи при оружии, все оказывались в равных условиях...

В ответ на это Быков задумался. Очевидно, он с уважением отнесся к моему фронтовому опыту. Я же продолжал:

— Я понимаю, что Вы описали одну ситуацию, но я — живой свидетель иных ситуаций. Не знаю, может быть, тому причина, что я служил в морской пехоте. Может быть, это специфика морских пехотинцев, что эти ребята не очень-то боялись кого-либо. Однако я не слышал, чтобы и в других родах войск происходило нечто подобное. В мирных же условиях, в тылу какой-нибудь капитан — представитель особого отдела, — конечно, мог так командовать и покрикивать на командиров роты и даже батальона. В боевых же условиях люди становились лидерами не в зависимости от принадлежности к особому отделу, а совершенно естественным образом: просто вдруг кто-то неожиданно брал на себя эту функцию, функцию лидера, когда, например, солдаты выходили из окружения. И все тут же начинали подчиняться ему...

Быков слушал меня с интересом, с большим интересом. Потом уже сказал, что, очевидно, в данном случае сказывается его недоверие (вообще говоря, он иное слово употребил, сейчас уже не вспомню, какое именно) к этой системе вообще.

— Это уже другой разговор, — ответил я. — Мы же говорим сейчас о художественном произведении, о правде самого художественного слова...

После такого вот спора мы стали созваниваться, — Василь, когда бывал в Москве, всегда обязательно звонил мне. Иногда встречались. Одним словом, между нами установилось взаимное доверие. А когда я уже вернулся из Канады, видется мы стали вообще уже регулярно...

3 гутаркі з А. Якаўлевым. Студзень 2004 г.

21 чэрвеня 1984 г.

У Чырвоную Кнігу занесены і белыя жураўлі. Ад астравоў Японіі і даліны Мэконга вясной у непраходную тундру Сібіры вяртаюцца кожны раз з выраю мільёны качак, кнігавак, бакасаў, шпакоў, але толькі за гэтымі доўгакрылымі істотамі сочаць спецыяльныя самалёты арнітолагаў, газеты друкуюць зводкі аб пераадоленых імі кіламетрах, а сібіракі з трывогай гадаюць: колькі вернецца іх з цёплага краю на гняздоўя. Бо белых жураўлёў надта мала, яны вельмі ранімыя, а без іх сумна на свеце.

Па афіцыйнаму даведніку, у СССР пісьменнікаў больш дзевяці тысяч, але сярод такой армады аўтараў ёсць таксама белыя жураўлі. Майстры гэтыя — апантаныя незвычайнай страсцю да мастацкай праўды і даюць людзям гаючы сродак, якога не прапіша ні адзін доктар. Бо толькі аўтар здольны пераадолець клопаты і намаганні, выліваючы сваю душу на паперу, апісваючы свой горкі вопыт, пераўтвараючы яго ў незвычайныя вобразы.

Вялікі талент рэдка прыносіць аўтару радасць. Часцей за ўсё непадкупнае сумленне абуджае ў яго незадаволенасць дасягнутым, піхае лезці раней бацькі ў пекла, кідаючы ў новыя канфлікты з асяроддзем, як здарылася і з Быкавым. Асабліва ўспамінаю таго, танкашыяга Васіля, што яшчэ хадзіў без арэолу, быў самім сабой, жывучы ў Гродне на вуліцы Кашавога ў двух пакойчыках з агульнай кухняй, а людзі вакол яго яшчэ не пачыналі іграць з пісьменнікам, бы тыя артысты на сцэне, не стараліся выкарыстаць і яго імя часамі для рэкламы сваёй ваксы-гуталіны ці проста — завалачы да сябе «свадебным генералом». Дзе большасць сёння так актыўных рэцэнзентаў, дакладчыкаў, выступальшчыкаў была пятнаццаць гадоў таму, калі Юбіляр выдаў ужо большасць сваіх твораў?

Поспех і слава той ці іншай літаратуры вызначаецца менавіта па такіх магутных душой аўтарах, што стаяць у самай гушчы люду, глядзяць на з'явы са звычайнага пункту гледжання ды пішуць аголенымі жыламі, не паддаючыся ніякім спакусам ці націску. Я сам не раз бачыў, як такі націск на аўтара адбываўся — тактоўна, людзьмі вельмі аўтарытэтнымі, разумнымі і тымі, хто валодаў здольнасцю дыпламата, меў багаты вопыт пераконвання ды акцёрскую прывабнасць.

Гэткія пісьменнікі звычайна не думаюць пра буру, што выкліча чарговы твор. Яму білі шыбы, іншы дэмагог-крыкун аўтара аб'яўляў на ўтрыманні варожай прапаганды, а чэсныя ды адважныя ў мінулым партызаны пасылалі ў рэдакцыі калектыўныя скаргі з катэгарычнымі заявамі: пісьменнік усё нахлусіў, бо на вайне было іначай! Зрэшты, калі мы чаго ў жыцці і дасягаем, то не толькі дзякуючы тым, хто нас падтрымлівае, а і — пінае ў спіну, тым больш што да быкаўскага ўзроўню грамадства ў свой час не было падрыхтавана, падняліся да яго толькі перадавыя адзінкі.

Цяпер нас 350 членаў СП СССР, аднак свет ведае нямногіх. Таму такіх трэба берагчы менавіта тады, покуль яны жывыя, бо гэта — белыя жураўлі! Хай яны ніколі не пакідаюць нашых шэрагаў!

Нізкі паклон цётцы Ганне і дзядзьку Уладзіміру з вёскі Бычкі на Ушаччыне, якія далі Беларусі такога сына!

Васіль, у дзень Юбілею дай па-мужчынску паціснуць Тваю мужную руку!!!

Карпюк А.

Хатні архіў А. Карпюка.

Усе аповесці і апавяданні Васіля Быкава я ведаю, здаецца, ад першай да апошняй надрукаванай старонкі. Люблю яго творчасць аддана, закахана і яшчэ неяк па-іншаму, па-брацку. Зноў толькі што перачытаў яго чатыры тамы. І «Знак бяды».

Дык чаму ж, перачытваючы такія родныя творы Васіля Быкава, часам ізноў сціскаецца сэрца ад хвалявання і макрэюць вочы? Хочацца пазваць блізкага чалавека і сказаць: «Паслухай, як гэта хораша!»

Так супала, што нядаўна я перачытваў раманы пра вайну Эрнеста Хемінгуэя і яго публіцыстыку. Я гэта пішу не для параўнання ці супрацьпастаўлення. Барані божа! Гэта людзі розных эпох, пакаленняў, сацыяльных і жыццёвых абставін. Адзінае, што яднае нашага выдатнага беларуса з вялікім амерыканцам, — гэта нянавісць да фашызму, да вайны. І яшчэ: амаль аднолькавае разуменне задачы пісьменніка.

Хемінгуэй пісаў: «Пісаць добра — значыць пісаць праўдзіва. А праўдзівасць расказу будзе залежаць ад таго, наколькі аўтар ведае жыццё і наколькі добрасумленна працуе, каб, нават калі ён выдумляе, гэта было як на самой справе». І яшчэ: «Для сапраўднага пісьменніка кожная кніга павінна быць новым пачаткам, новай спробай дасягнуць недасяжнага. Ён заўсёды імкнецца зрабіць тое, што да яго ніхто не рабіў ці што іншыя спрабавалі зрабіць і не здолелі».

Васілю Уладзіміравічу Быкаву — 60 год. Шэсць дзесяткаў гадоў жыцця — гэта ўжо сур'ёзна. І якога жыцця! [...]

Прайсці вайну (тым больш сапраўдным актыўным удзельнікам), пабачыць усе пакуты роднай зямлі, пакуты чалавечага цела, убачыць высокія ўзлёты чалавечага духу, салдацкую адвагу і мужнасць, вялікі патрыятызм і самаахвярнасць, убачыць здрадніцтва і праявы страху і баязлівасці — значыць даведацца пра жыццё, пра чалавека — амаль усё. А напісаць пра гэта праўдзіва, таленавіта — гэта значыць зрабіць свой вопыт часткаю вопыту ўсяго чалавецтва. Гэта сапраўдны чалавечы і пісьменніцкі подзвіг.

Сёння мы сардэчна віншuem Васіля Быкава не толькі з днём нараджэння, але і з 35-годдзем літаратурнай дзейнасці. Гэта былі гады нястомнай, часамі пакутлівай, цяжкай, але ўрэшце пераможнай творчай працы.

Жыццё ў Быкава было складанае і нялёгкае. Круціліся пад нагамі нядобразычліўцы і зайздраснікі, крытыканы і крыкуны, якія гарлалі: «Ізноў пра вайну? Трэба пісаць больш аптымістычна, пісаць пра мірнае будаўніцтва». Былі і такія, што абвінавачвалі сумленнага савецкага пісьменніка чорт ведае ў чым.

Цяпер, можа, каму-небудзь і смешна, і не паверыць: «Няўжо такое магло быць?» Але як сказаў А. Твардоўскі, «все это было на земле». (Дарэчы, Аляксандр Трыфанавіч заўсёды ставіўся да Васіля Быкава чуйна і добразычліва, высока цаніў яго талент.)

А народ адразу прыняў Быкава сэрцам, душой і розумам. Франтавікі казалі: «Гэта праўда». Былыя партызаны і падпольшчыкі, прачытаўшы «Воўчую зграю», «Пайсці і не вярнуцца», «Абеліск», «Круглянскі мост», таксама сцвердзілі: «Гэта праўда».

Моладзь і цяпер зачитваецца «Альпійскай баладай» — гэтым светлым гімнам каханню, які прагучаў у такі трагічны час.

Цяпер Васіль Уладзіміравіч Быкаў — сусветна вядомы пісьменнік. Яго аповесці друкаваліся на дзесятках моў у краінах Еўропы, Амерыкі, Азіі, Афрыкі. У яго дзесяткі мільёнаў чытачоў і прыхільнікаў на ўсёй планеце. Сёння Быкаў — гордасць беларускага народа і ўсёй савецкай літаратуры.

Пра Айчынную вайну пісалі многія савецкія пісьменнікі [...]. Але толькі 4—5 непасрэдных удзельнікаў вайны, і перш за ўсё былых лейтэнантаў (Сіманаў, Бондараў, Бакланаў, Астаф'еў), напісалі самыя праўдзівыя, глыбокія кнігі пра апошнюю вайну. Васілю Быкаву ў гэтым спісе належыць адно з першых месцаў. А для мяне асабіста — ён першы. Быкаў і некалькі пісьменнікаў з яго пакалення пайшлі далей тых, хто пісаў пра вайну да іх.

Панчанка П. Подзвіг Васіля Быкава // Літаратура і мастацтва. 1984. 15 чэрв.

Сёння таму-сяму гэта здасца дзіўным, але ўсяго дзесяць гадоў назад, калі адзначалася пяцідзесяцігоддзе Васіля Быкава, не так проста было знайсці дакладчыка для яго юбілейнага вечара. Знакамітыя прэзідэнты і салідныя крытыкі з мудра наморшчанымі лабамі, спалохана азіраючыся на забранзавелых літаратурных мэтраў, усё яшчэ тады не маглі знайсці неабходнага дакладнага азначэння яго творчасці, канчаткова ўзважыць і ўраўнаважыць плюсы і мінусы, якія на сходах і ў друку яны панастаўлялі быкаўскім аповесцям. Час дапамог ім не толькі ўмела забыць свае былыя апаскі, а і стаць куды смялейшымі і мудрэйшымі ў ацэнках відавочнага і агульнапрызнанага. Цяпер ужо можна не сумнявацца ў іх гатоўнасці да шырокага аналізу, грунтоўных абагульненняў і прачулых лірычных прызнанняў...

І дзіўнага тут, уласна кажучы, нічога і няма — не варта шукаць парадоксаў, не трэба выяўляць «зламысликаў». Як паказвае агромністы і няпросты во-

пыт сусветнай літаратуры, далёка не ўсе сапраўдныя таленты адразу ж і аднадушна знаходзілі разуменне і падтрымку сучаснікаў і калег. Тым больш калі прыходзіў пісьменнік з адметным бачаннем ужо знаёмых падзей, з неўтаймоўным тэмпераментам байца.

Адкрыццё заўсёды звязана з выяўленнем новага, раней нікім не заўважанага або недаацэненага ці няправільна ацэненага, з неабходнасцю перамен у настройах, а часам і ў «табелі рангаў», з непазбежнасцю палемікі. Шчасліўчыкаў, што ішлі да прызнання і вядомасці па ўсыпанных духмянымі і мяккімі кветкамі сцежках, ва ўсе часы было зусім небагата.

Вось і хлопцу з неўрадлівай, пясчанай Ушаччыны, лейтэнанту Вялікай Айчыннай вайны Васілю Быкаву лёс таксама наліў не толькі хмельнага мёду сустрэч з удзячным чытачом, чаканай ухвалы крытыкаў, а і горкага чэмеру расчараванняў і крыўд. Была поўнай мерай падтрымка аднадумцаў, але хапіла і дробязных прыдзірак, грозных вокрыкаў, а то і абразлівай лаянкі нядобразычліўцаў. Спакойны, цягавіты характар селяніна дапамог яму не разгубіцца, а ўпартая салдацкая ўпэўненасць у выбранай справе правяла з годнасцю праз усе выпрабаванні і трывогі. Васіль Быкаў не адступіўся ад сваёй галоўнай тэмы — чалавек на вайне, ад сваіх герояў-пабрацімаў, жывых і мёртвых, ад праўды жыцця, якую зведаў уласным вайсковым вопытам і якой вырашыў да канца служыць родным мастацкім словам. Сёння з радасцю і гонарам можна сказаць, што ён даў прыклад паводзін мастака і грамадзяніна, не паддаўшыся ў нялёгкія хвіліны парывам раздражнення, не пайшоўшы бяздумна за гарластымі літаратурнымі спекулянтамі. Ён мужна і цвяроза разабраўся ў крытыцы, пасля спакойнага роздуму ўзяў з яе рацыянальнае і шчырае і рашуча адкінуў кан'юнктурныя пераборы і нядобрасумленныя абвінавачанні. [...]

У трывожным, а часам і напалоханым сённяшнім свеце, пастаўленым звар'яцелымі стратэгамі ядзернай бойні на край пагібелі, слова такіх талентаў, як Васіль Быкаў, асабліва важнае. Не салодкімі снамі дабрадушных фантазій палітычных немаўлят, не ачмурэлымі апакаліптычнымі прароцтвамі фаталістаў, а бязлітаснай і суровай праўдай трэба напамінаць чалавецтву аб цане міру, аб непераможнасці жыцця, аб неўміручасці добра і справядлівасці. За светлыя ідэалы варта пакласці сваю галаву, за бессмяротнасць Чалавека трэба змагацца — зноў і зноў кліча, паўтарае, як рэдка хто ва ўсёй нашай літаратуры, Васіль Быкаў. І чакае ў адказ не ўдзячнасці і пахвалы, а разумення і падтрымкі...

Свет Васіля Быкава — вялізны і яркі, без яго ўжо немагчыма ўявіць духоўнага жыцця рэспублікі, а магчыма, і ўсёй краіны. Па ім ужо мяркуюць у свеце пра беларуса, пра савецкага чалавека. [...] ...Я не ставіў задачу расхінуць яго ва ўсёй шматграннасці [...]. Я проста хацеў яшчэ раз, маючы слаўную юбілейную нагоду, пакланіцца зробленаму Васілём Быкавым у імя славы і духоўнага здароўя роднага краю і ўголас парадавацца, што на нашай

зямлі, у нашай літаратуры, у маім лёсе ёсць ён — народны пісьменнік, надзейны чалавек, мужны салдат Праўды.

Бураўкін Г. Салдат праўды // Беларусь. 1984. № 6. С. 17, 18.

Наступает время, когда о писателе, которого ты читаешь годы и годы, каждую книгу которого воспринимаешь и как явление общественное, и как совершенно необходимое для тебя откровение, воспринимаешь не только с житейским, но как бы еще и с наджитейским вниманием — наступает тот срок, когда об этом писателе ты хочешь сказать все, чем он тебе дорог. [...]

И вот я начну с того, как Василий Быков начинает каждую свою вещь.

А начинает он ее удивительно просто, чуть ли не упрощенно, такое впечатление, как будто бы и сам-то автор размышляет и сомневается — а должен ли он писать? А сумеет ли? [...]

Так начинает этот писатель каждую встречу с читателем, как бы обращаясь к нему за поддержкой и соучастием, а потом вы уже и не заметите, когда и где автор этот овладеет вами совершенно, до конца, до самой глубины души вашей.

И это — не литературный прием, нет, нет, этого не выдумаешь и не изобретешь при всем желании — это сам автор и его собственное первое прикосновение к материалу, к литературе и к ее предмету, то есть к жизни. К той жизни, о которой он вот сейчас, сию минуту, решился нам поведать.

Всякий раз это будет рассказ о войне, то есть о той жизни, о которой действительно нельзя говорить бестрепетно, с непоколебимой уверенностью в самом себе, в своих силах и своих возможностях.

Вот так-то мы, читатели, уже и задеты за живое, уже чувствуем, что событие назревает грозное, трагическое и мирового значения, но возложено-то оно на плечи человека обыкновенного. И вот уже у нас перехватывает дыхание, уже мучает нас предчувствие: «Что-то теперь будет? Как это будет?»

А это всегда будет правда.

Суровая, трагическая, но никогда не малодушная. Если вдруг и явится на страницах Василя Быкова человек малодушный, так именно он-то и вызывает в нас чувство страха: неужели среди нас, людей, защитников родной земли, могут быть и еще такие же?!

Это — правда, которую Василий Быков ищет и находит не только в своих героях, но даже и в нас, его читателях.

Без такого поиска этот писатель писать не может, без него он — не он, и мы понимаем это и позволяем ему ежеминутно поверять на правоту и правду нас самих. Конечно, он и в этом, быть может, самом глубоком смысле искусства, не единственный.

Но — редкостный.

Очень немногих писателей с таким же даром души и таланта я знаю, очень немногим читатель позволяет судить себя, ставить на место того или

другого літаратурнага героя. И, кажется, даже допрашивать по высшей совести — а как бы поступил на этом месте ты? [...]

Кроме того, лично для себя я не нахожу никакой возможности, как принято выражаться у нас в критике и литературоведении, «разбирать» произведения Быкова, расчленяя их на общепринятые составляющие, такие, как «фабула», «сюжет», «достоверность», «главная мысль произведения», «эстетическое чувство», «эмоциональность» и т. д. — нет, здесь другое, здесь души его героев, они-то и составляют цельную душу произведения, которому нужно верить до конца (не верить, кажется мне, нельзя, невозможно).

И так же, как нельзя разложить человеческую душу по полочкам, так же не нахожу я этих полочек и для творчества Быкова. Все у него едино и единственно.

Залыгин С. Правда о войне и человеке // Правда. 1984. 18 июня.

Ёсць добры спосаб прымусіць сябе лепш зразумець цану нечаму ці некаму: уявіце сабе, што гэтага няма, раптам знікла! [...]

Няма, не было быкаўскіх аповесцей у беларускай літаратуры... І наколькі адразу слабейшым стаў бы голас яе ў свеце, яе імя, аўтарытэт.

На творах пісьменнікаў такога маштабу, значэння трымаецца сусветны аўтарытэт усёй сучаснай савецкай літаратуры.

Ну а калі не «цэлы свет» мець на ўвазе, а самога сябе, сваю душу, асабісты свой свет? Самога сябе можаце ўявіць без нечага вельмі важнага, істотнага, што ўвайшло ў вас і засталася пасля таго, як «сустрэліся» з Сотнікавым і Рыбаком, Петраком і Сцепанідай, Глечыкам, Васілевічам — разам з героямі Васіля Быкава прайшлі пакутніцкі шлях пазнання і самапазнання. Без усяго таго, што даў нам Быкаў, што ўзялі мы ў яго, што ў сабе адкрылі, знайшлі пры святле яго думкі, пачуцця, мы, кожны з яго чытачоў, былі б трохі іншыя, інакш зарыентаваны былі б у гэтым свеце, павернутым да праўды і няпраўды, добра і зла ў жыцці і літаратуры.

Гэта мы пра тое, што Быкаў нам даў, што мы ўзялі, бяром у яго.

Ну а мы, яго чытачы, прыхільнікі таленту яго — мы яму што-небудзь далі, даём? Пытанне законнае, бо для кожнага талента вельмі важна, у якім ён асяроддзі працуе, спрыяльным ці не вельмі, у якой грамадскай атмасферы.

Можна і так сказаць: у вас такая літаратура, якую заслугоўваеце! Г. зн. якую вы здольны і падтрымаць і вытрымаць. І тое, што ў нас вырас і паспяхова развіўся такі талент, як быкаўскі, гаворыць вельмі моцна на нашу карысць. Хочацца так думаць. [...]

Як яму можна і што яму можна «даць»? Толькі адным спосабам — узяўшы. Прыняўшы з удзячнасцю яго памяць і працу, а калі казаць гучней — усё яго жыццё.

Адамовіч А. Талент — аддае // Літаратура і мастацтва. 1984. 15 чэрв.

14 чэрвеня [1984 г.]

Сёння стала вядома, што Палітбюро ЦК КПСС прыняло пастанову аб прысваенні Васілю Быкаву звання Героя Сацыялістычнай Працы і зацвердзіла адпаведны Указ Прэзідыума Вярхоўнага Савета СССР. [...]

Ура! Наша ўзяла! Можа, цяпер будзе хоць крыху лягчэй адбівацца ад цемрашалаў?

Дубянецкі М. «Трэба рызыкаваць...» // Палымя. 2001. № 12. С. 193.

Правление Союза писателей Подлежит опубликованию в «Ведомостях»,
Белорусской ССР газетах «Правда», «Известия», «Советская
культура», «Литературная газета»,
«Литературная Россия» и республиканской
печати Белорусской ССР

УКАЗ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О присвоении звания Героя Социалистического Труда
писателю Быкову В. В.

За большие заслуги в развитии советской литературы, плодотворную общественную деятельность и в связи с шестидесятилетием со дня рождения присвоить писателю БЫКОВУ Василию Владимировичу звание ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА с вручением ему ордена ЛЕНИНА и золотой медали «СЕРП и МОЛОТ».

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР

К. ЧЕРНЕНКО.

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР

Т. МЕНТЕШАШВИЛИ.

Москва. Кремль.

18 июня 1984 г.

№ 408-ХІ.

Асабістая справа пісьменніка Быкава В. У. Захоўваецца ў СБП.

Юбилей мой отшумел и ушел в прошлое, не скажу, что дался он мне легко, — пришлось попотеть и поволноваться, другого такого не хотелось бы. Теперь вот помалу выхожу из его состояния, уже съездил в Италию (7 дней), поработал там среди итальянских трудящихся ради белорусской культуры. Хоть погрелся на тамошнем солнце, а то тут — холода и дожди, t — 16—19°.

Работать в такую погоду не хочется, выехать некуда. Астма моя донимает с особым остервенением, прежние средства против нее малоэффективны.

З ліста да В. Аскоцкага ад 20 ліп. 1984 г. Галоўнае архіўнае ўпраўленне г. Масквы, ЦМАМАЗ.

Як вядома, у апошнія даперабудовачныя гады кіраўнікі беларускай ідэалогіі, мабыць адчуўшы марнасць пэўных метадаў у адносінах да Быкава, змянілі тактыку, надзялілі яго пэўнымі званнямі, дазволілі прысудзіць літаратурныя прэміі. (А маглі б і не дазволіць. У. Караткевічу, напрыклад, не дазволілі, і ягоную прэмію аддалі іншаму пісьменніку, будучаму члену ЦК КПБ.) Здаецца, аднак, яны спазніліся. Пад гэты свой узрост я ўжо меў нейкі жыццёвы вопыт і разумеў сапраўдны кошт тае «славы», якую з вялікай лёгкасцю маніпулявалі ўсё тыя ж ідэалагічныя наглядчыкі. [...] ...Паскудна было падладжвацца, як гэта было заведзена сярод шматлікіх маіх калегаў, што з дапамогай таленту найперш займалі «хлебныя» пасады, якія, зрэшты, няблага кормяць іх і па сёння.

З інтэрв'ю В. Быкава. Васіль Быкаў: Баюся, што Беларусі пагражае вялае перараджэнне ў звыклы «суб'ект канфедэрацыі» або «федэрацыі» / Інт. В. Жданко // Звязда. 1993. 5 студз.

— Васіль Уладзіміравіч, як Вы адносіцеся да Вашай славы? Яна грэе ці наадварот, перашкаджае?

— Ведаеце, яна, я сказаў бы, грэе тады, калі і без таго гарача. Вось калі б хацелася сагрэцца — скажам, як зімой, у холад, — тады яго якраз няма, гэтага цяпла. А калі ўжо, так сказаць, сонейка прыгрэла, і ліпень на двары, і засуха стаіць, вось тады яшчэ і слава грэе. Ну але навошта яна ўжо тады?

З адказаў В. Быкава на пытанні чытачоў. Дашук В. Васіль Быков. Восхождение. «Беларусьфільм». Творческое объединение «Летаніс». 1985. Стэнаграма.

В 1974 году за повести «Обелиск» и «Дожить до рассвета» Быков был удостоен государственной премии. В 1980 году ему было присвоено звание Народного писателя Белоруссии, в 1984-м — Героя Социалистического Труда. Конечно, во всем этом свою роль сыграло изменившееся к нему отношение в Белоруссии. Я пишу об этих званиях и наградах Быкова без малейшего смущения. Мы прекрасно знали и не забыли, как часто высокие звания и награды получали бездари и ловкачи, верно служившие правителям. Но тем радостнее было, когда званий и наград достаивался, как в случае с Быковым, действительно яркий талант, к тому же до этого немало потерпевший от правящего в стране режима. И для большого числа его читателей это было торжество справедливости.

Я мог убедиться в этом, побывав на шестидесятилетии Быкова. Большой зал театра имени Янки Купалы был битком набит — яблоку некуда упасть.

[...] Потом были два пышных приема — властей и писательский. После чего по предложению тогда еще молодого писателя Виктора Козько большой компанией [...] отправились на Припять в фантастической красоты места [...]. Меня тогда поразило, сколько людей, с которыми мы в этой поездке сталкивались, смотрели транслировавшийся по республиканскому телевидению юбилейный вечер, а главное, читали Быкова. И это были не только разные районные культурные работники — что в порядке вещей, но и, скажем, рыбаки из местного рыбсовхоза, приготовившие для нас какую-то особую уху, мы с ними выпивали, беседовали. Все они знали Быкова, гордились им.

Вот, казалось мне, Быков достиг самой высокой точки писательской славы и может пожинать ее плоды.

Я оказался неправ.

Лазарев Л. Правда останется: О Василе Быкове // Знамя. 2003. № 12. С. 121—122.

Не было дня, чтобы я не звонил на Танковую. В течение трех лет! Ежедневно! Благодаря этим звонкам я стал другим человеком.

— Помните, Миша, — часто повторял Быков, — вы должны решить для себя: кому служите.

— Я понимаю...

— Часто бывает: талантливый писатель, талантливый художник, талантливый режиссер, а характера нет! Его легко сломать! С годами сам ломается! И нет художника, а подавал надежды... Помните — это самое трудное в нашем деле! Я буду постоянно вам об этом говорить!

— Говорите!

— Вокруг так много примеров несостоявшихся художников... И не только в нашей стране. Характер не имеет границ. Вы это поймете, но я вам об этом говорю сразу. Вы столкнетесь с чиновниками! Вас будут обхаживать, даже платить, чтобы вы сделали так, как им нужно. Вот тут и необходим характер! Это составляющая искусства!

[...] Может, единственный фильм, в котором я прикоснулся к струнам своей души, — это «Знак беды». [...] Этот фильм «вывез» меня в Европу, где я никогда не был. И первой страной, куда я поехал, была Югославия. Там проходил знаменитый кинематографический «фэст» — лучшие фильмы мира принимали участие в конкурсе. Лучшие режиссеры, операторы, актеры, продюсеры. Вручались только три главные премии: за лучший фильм, за лучшую женскую роль и за лучшую мужскую роль. И все главные премии получил «Знак беды». Известная русская актриса Нина Русланова — за лучшую женскую роль, народный артист Белоруссии артист Национального театра им. Янки Купалы Г. Гарбук — за лучшую мужскую роль. [...]

Я вернулся в Минск, и через три дня меня вызвали в ЦК КПБ. Иван Иванович Антонович, заведующий Отделом культуры ЦК КПБ, сказал:

— Премии премиями, но есть мнение секретаря ЦК КПСС о вашем фильме! Он в целом хорошо оценил картину, но у него есть предложение, которое он высказал первому секретарю ЦК республики.

— Кто это? — спросил я.

— Егор Кузьмич Лигачев.

— Какие предложения?

— Надо сократить в фильме сцены раскулачивания!

[...]

— А что Слюньков?

— Он предложил сделать необходимые доработки в фильме, доложить ему, а он доложит в ЦК КПСС. Поэтому переговорите с Быковым и покажите сделанное.

— Быков не пойдет на это!

— Значит, пойдете вы. Вы режиссер.

— И я не пойду!

Иван Иванович долго и пристально смотрел на меня:

— Значит, сделают это другие!

— Это ваше право! Вы можете устранить меня от картины, но резать фильм я не буду.

Иван Иванович опять долго и пристально смотрел на меня.

— Вы сделаете это!

— Я вам ответил! Можете пригласить другого режиссера, который сделает вам все, что нужно, но я гробить свой фильм не буду!

— Михаил Николаевич! — Иван Иванович сделал паузу, переложил на столе книги с бумажными закладками. — Вы же понимаете, что если мы пригласим другого режиссера, это будет конец вашей карьеры. Мы не хотели бы вас терять. Вы талантливый человек, вы сделали талантливый фильм, но на этом фильме ваша жизнь не кончается! Кроме того, вы мой земляк, и я хотел бы, чтобы ваша творческая судьба сложилась удачно!

[...] Он вызывал меня несколько раз одного, потом вместе с Быковым. Но ничего не добился.

— Василь Владимирович! — обратился он к Быкову. — Он еще молодой и не понимает, что мы хотим ему помочь.

— Его право художника решать, — сказал Быков. — Как он скажет, так и будет!

— Я не могу уродовать картину! Это уже живой организм, и он живет по своим законам!

— Тогда пусть уродует ЦК, — предложил Антоновичу Быков, — сам Лигачев со Слюньковым вместе!

Антоновичу было трудно говорить с Быковым, на него не попрешь, хотя всю сознательную жизнь его душили. Вешали на лацканы пиджака звезды, ордена и медали и тут же закрывали для печати книгу.

— Вы подумайте, еще раз посмотрите картину, возможно, вы сами найдете, что сделать, — сказал Иван Иванович.

Быков поднялся и вышел.

Пташук М. «И жизнь, и слезы...»: Исповедь кинорежиссера // Народная воля. 2003. 28 студз.

А я маюсь с фильмом Пташука, который хотят кастрировать, а режиссер не дает. На днях просидели 3 часа у И[вана] И[вановича], едва он нас самих не кастрировал, но Миша устоял. Не знаю, надолго ли хватит его упорства.

З ліста да А. Адамовіча ад 1 снеж. 1986 г. Хатні архіў А. Адамовіча.

На следующий день мне позвонил Элем Климов, председатель Союза кинематографистов СССР, и сказал, что меня вызывают в ЦК КПСС.

— Кто вызывает? — спросил я.

— Камшалов, завсектором кино ЦК, велел передать, чтобы ты приехал. Надо завтра быть в Москве. [...]

На следующий день я был в Москве. С Белорусского вокзала поплелся в Союз кинематографистов. Элем Климов сообщил, что на меня заказан пропуск в ЦК КПСС и меня ждет секретарь ЦК по идеологии Егор Кузьмич Лигачев. [...]

— Василь Быков написал прекрасное произведение. Комитет по Ленинским премиям в области литературы и искусства присудил ему самую высокую премию в нашей стране — Ленинскую премию! Но это произведение, как и любое, можно по-разному истолковать! Вы согласны со мной?

— Конечно.

— Так почему вы считаете, что правильно поняли Быкова?

— Это мое понимание...

— У нас понимание должно быть одно, — перебил Егор Кузьмич. — Правда истории должна соответствовать нашему пониманию. Вы согласны?

— Конечно! Правда искусства должна соответствовать правде жизни, а Василь Владимирович Быков, с моей точки зрения, написал правду!

— Но ваша правда не соответствует, повторяю, нашему пониманию истории. Да, были перегибы, но партия оценила это, наказала виновных.

Он говорил цитатами одного из быковских героев.

— Центральный Комитет считает, что вам, еще молодому режиссеру, необходимо внести коррективы в сцены коллективизации... [...] Центральный Комитет также считает, что в нынешнем виде фильм нельзя показывать широкой аудитории нашей страны. Госкино СССР совершило ошибку, рекомендовав фильм для участия в международном кинофестивале. Эту ошибку вы должны исправить.

— Как?

— Я не призываю вас к радикальным мерам. Фильм замечательный! Его нельзя уродовать, но некоторые слова, и особенно монолог героини о представителях Советской власти необходимо сократить. Нас неправильно поймет наш народ. Я не призываю вас это делать сразу по приезде в Минск, подумайте, посоветуйтесь у себя в ЦК, в Институте партии. Вы еще молодой, вы талантливый режиссер, и нам хотелось бы, чтобы вы активно работали в будущем.

[...] Я вернулся в Минск. Картину закрыли. Мне никого не хотелось видеть. [...]

...Лето 1986 года подходило к концу. Раскрывалась в стране перестройка, с экранов телевизоров не сходил ее «отец» Михаил Сергеевич Горбачев. В августе 1986-го он отдыхал в Крыму, и Госкино СССР подготовило для него программу зарубежных фильмов, куда были включены и новые советские картины. Так вот, в эту программу попал мой «Знак беды». Это был отчаянный шаг Госкино СССР, ведь фильм был закрыт вторым человеком в стране — Е. К. Лигачевым. Не знаю, какие еще советские фильмы были в программе Горбачева, но в конце августа, рано утром, раздался звонок из Госкино СССР, звонил председатель Комитета по кинематографии СМ СССР Александр Иванович Камшалов. [...]

— Я вас, Миша, поздравляю, — раздался в трубке голос Александра Ивановича. — Мне только что звонила из Крыма Раиса Максимовна!

— Какая Раиса Максимовна? — не сразу сообразил я.

— Раиса Максимовна Горбачева!

— Она смотрела «Знак беды»?

— Они смотрели всей семьей, как она мне сказала, и остались под большим впечатлением от вашего фильма. Так что я вас поздравляю!

— Когда они смотрели? — задал я глупый вопрос.

— Вчера вечером, а сегодня утром она позвонила и поблагодарила за фильм. Сказала, что Михаил Сергеевич остался очень доволен, просил передать, что сегодня, когда перестраивается вся страна, народу необходимо говорить правду.

— Они знают об отношении к фильму Лигачева? — задал я второй глупый вопрос председателю Госкино СССР.

— Вы должны понимать, Миша... Это мнение Генерального секретаря ЦК КПСС... — Кто-кто, а Александр Иванович знал иерархию ЦК КПСС, отработав много лет в аппарате отдела культуры ЦК, заведовав сектором кино. [...]

Я тут же перезвонил Василию Владимировичу Быкову.

— Не радуйтесь, Миша! — сказал Быков. — Сегодня они говорят одно, а завтра скажут другое! Выходила моя повесть, звонили, поздравляли, а потом звонили в издательство, — и набор книги рассыпался! Им нельзя верить! Мать родную за кресло продадут!

Через день позвонил Иван Иванович Антонович и передал по телефону слово в слово сказанное мне Камшаловым, только у него информация была не от Раисы Максимовны, а от Слюнькова.

— Ну вот, ты отпирался от наших замечаний, а сделал, и видишь, как всем хорошо... И наверху, и нам...

Я не сказал тогда Антоновичу, что никаких поправок в фильме не делал, сцен коллективизации не сокращал и вообще к фильму не прикасался уже по той причине, что картина была закрыта и меня к фильму никто не допускал.

— Что будешь дальше снимать? — спросил Антонович.

— Не знаю...

— Мой тебе совет: не связывайся с Быковым. Он, с моей точки зрения, как писатель — гений! Он останется в истории, но зачем такие затраты? Хорошо, что фильм посмотрел Сам, а если бы Сам не посмотрел, что тогда? Ты обрекал себя на безработицу! Тебе никто не дал бы больше снимать!

— А как же «национальные кадры»?

— Национальные кадры должны снимать то, что не противоречит линии партии! Это старая ленинская установка, но сегодня она как никогда современна!

— А Мележ? «Люди на болоте»...

— А что Мележ? Мележ в своем романе четко отразил линию партии тридцатых годов! Потом, не забывай, что все это было сделано Шолоховым в «Поднятой целине»! Мележ повторил все это на белорусской почве! У него нет расхождения с линией партии!

— А у Быкова есть?

— Я скажу тебе прямо: Быков — желчный писатель! Гениальный, но желчный! Я не пророк, но он с любой властью не сработался бы!

— Зачем ему власть, он — художник!

— Вы все в этом вопросе заблуждаетесь! Художник не живет в абстрактном обществе! Он выражает идеи того общества, которое его окружает! Поэтому мой тебе совет — не связывайся больше с Быковым! Снимай комедии! Народ их любит! Тебя все на руках носить будут: и народ, и власть. Учись у Макаенка! Он делал все, что нужно было власти! И все «первые» его любили! Или Иван...

— Какой Иван? — не понял я.

— Шамякин! Писатель-то никакой!.. Это тебе не Быков! Его «вверху» никто не читал! Но депутат, Председатель Верховного Совета БССР.. Всю жизнь писал вагонное чтиво... Думаешь, «они» этого не понимали? Все понимали! И понимают! Но он всегда отражал линию партии!

— Вы к чему меня призываете, Иван Иванович?

— Ставь комедии... Власть любит комедии! Все вроде про них и не про них! Про дядю Васю! Вот и ставь про дядю Васю! А ты с Быковым якшаешься! [...]

Мы вернулись домой [з Прагі. — *С. Ш.*] и скоро получили приглашение Союза кинематографистов Чехословакии посетить их страну с премьерой «Знака беды» по всей Чехословакии. Но здесь, на родине, в поездке нам отказали. И когда пришло известие из Лондона, что «Знак беды» признан лучшим неанглийским фильмом ВВС (Би-Би-Си) и мне надо было ехать в Лондон получать европейскую награду, тоже не пустили! Единственным утешением явилось выдвижение Союзом кинематографистов СССР «Знака беды» на «Нику», который и получила Нина Русланова за лучшую женскую роль. На родине фильм был отмечен премией профсоюзов БССР и — все! После фильма «Про Витю, про Машу и морскую пехоту», за который я получил много призов и наград, «Знак беды» был вторым моим фильмом, отмеченным призами и наградами в Европе. Этот фильм принес мне известность, он стал моей визитной карточкой для въезда в Европу. Моя фамилия благодаря этому фильму была занесена в европейские каталоги режиссеров, отмеченных наградами в Европе. Было написано много статей, но ничего не было написано на родине! В Белоруссии мой фильм остался незамеченным, его никто не анализировал, на ежегодных конкурсах, проводимых Госкино БССР и Союзом кинематографистов БССР, ему дали «диплом за раскрытие темы Великой Отечественной войны!» Разве это не позор? Разве это не унижение для творца? Ни один из критиков Института искусствоведения Академии наук не уделил ни одной строки фильму в белорусской прессе, в то время как в западной и московской прессе фильму были посвящены газетные статьи! Все всё знали, все всё понимали, но никто не решился сказать [...].

Пташук М. «И жизнь, и слезы...»: Исповедь кинорежиссера // Народная воля. 2003. 28, 29, 30 студз.

«Ён заўсёды быў, каб падаць руку...»

«В 1988 году создан Белорусский народный фронт, поставивший три главные задачи: 1) Освобождение Беларуси от коммунизма; 2) возрождение белорусов как нации; 3) строительство независимого национального государства. БНФ — детище интеллигентов-гуманитариев, отпрыск Духа. Один из учредителей Фронта — Василь Быков. Его фигура настолько значительнее прочих, что Быкова называют лидером БНФ. Если по-партийному — идеологом (формальным лидером Фронта до 1999 года был археолог и искусствовед Зенон Позняк).

Компартия начала бешеную борьбу с БНФ прямо при его рождении — на учредительном собрании»¹.

Сапраўды, імя Васіля Быкава звязанае з Беларускай народнай фронтам ад самага моманту яго ўзнікнення, яно становіцца яго сімвалам і штандарам. Калі ў кастрычніку 1988 г. ствараецца Беларускі народны фронт «За перабудову», Быкаў — сябра аргкамітэта, а затым і сойма БНФ. У гэты ж час «ЛіМ» друкуе ліст наваполацкіх студэнтаў, якія называюць пісьменніка сумленнем нацыі (пад лістом значыцца: «Пугач, Грынёў, Аксёнаў, Гаўрыльчык, Сцепанюк і іншыя, усяго 31 подпіс»)².

Па вялікім рахунку, усё пачынаецца менавіта ў 1988 г. з курапацкай гісторыі. Васіль Уладзіміравіч прыгадваў: «Галоўным рэдактарам «ЛіМа» тады быў Анатоль Вярцінскі, ён намагаўся рабіць газету пісьменьнікаў актыўным барацьбітом за перабудову, надрукаваў шэраг смелых і глыбокіх артыкулаў пра палітыку і асабліва пра стан беларускай мовы. Адноўчы ён пазваніў мне і папрасіў пра адну паслугу. Рэч была ў тым, што два аўтары — Зянон Пазьняк і Леанід Шмыгалёў — прынеслі яму артыкул пра знойдзеныя пад Менскам пахаваньні ахвяраў НКВД 30-х гадоў. Каб надрукаваць артыкул, трэба «паплавак» — кароценькая прадмова кагось з аўтарытэтных аўтараў, якога ён бачыць у асобе Быкава. Зь Зянонам Пазьняком я ня быў знаёмы, ведаў толькі, што ён піша кніжкі па краязнаўстве і ёсьць аўтарам вельмі добрага артыкулу пра мову, надрукаванага ў эстонскім часопісе «Радуга». У той жа дзень Пазьняк пазваніў, і мы спаткаліся [...]. Пазьняк выглядаў старэйшым за свае няпоўныя пяцьдзят гадоў, быў стрыманы і ветлівы, перадаў мне рукапіс артыкулу, які

¹ Козлович А. Василь Быков. Четвертый белфронт разбит // Свободные новости. 2000. 18—25 февр.

² Літаратура і мастацтва. 1988. 4 лістап.

я прачытаў дома і напісаў кароценькую ўрэзку. Прадбачачы, вядома, які вэр-хал паднімецца пасля публікацыі.

Так яно і сталася. Але ў адрозьненне ад мінулых часоў цяпер і другі бок мог пастаяць за ўласныя прынцыпы. А прынцыпы гэтыя былі наскрозь выкрывальніцкія ў адносінах да нядаўняга чэкіскага мінулага. Публікацыю «ЛіМа» падхапілі некаторыя расейскія СМІ, польская «Газэта выборча», а за-тым іншыя замежныя газеты. Урад Беларусі быў змушаны неяк рэагаваць і стварыў камісію па расьследаваньні, маючы надзею неяк усё ўтаіць»³. Да-рэчы, у склад той камісіі ўваходзіць і Быкаў. З таго часу і пачынаецца яго знаёмства з Пазьняком. Наколькі яно было важным для апошняга? З. Пазь-няк пісаў: «Я пазнаёміўся з Быкавым у траўні 1988 года, калі спаткаўся з ім і папрасіў напісаць прадмову да артыкула пра Курапаты. Гэта была бомба пад Савецкі Саюз. Агітаваць Быкава не было патрэбы. Гэта выглядала б смешна. Тут павінен быў стацца выбар. Таму знаёмства было стрыманым і нешматслоўным.

Быкаў прачытаў артыкул і напісаў прадмову. Гэта была моцная падтрым-ка, бо развязала рукі рэдакцыі газеты, дала падпорку»⁴.

У гэты ж час пісьменнік неаднойчы выступае з артыкуламі і інтэрв'ю аб катастрофічным стане беларускай мовы, прычым нярэдка робіць гэта — што немалаважна для прыцягнення ўвагі да праблемы — і ва ўсесаюзным друку...

Але надышоў кастрычнік 1988 г., Дзяды. Менавіта быкаўскі артыкул «Дубінкі против гласности?» у «Огоньке» (1988. № 47) зноў нарабіць няма-ла вэрхалу. З. Пазьняк прыгадвае: «Быкава ўсе ведалі, ягонаму слову верылі. Тым, хто мог чытаць «Огонек», артыкул расплюшчваў вочы. Хаця потым напісаныя былі таксама іншыя праўдзівыя артыкулы пра тыя падзеі, але ў высвятленьні праўды артыкул Быкава адыграў першую ролю». «Скандал атрымаўся магутны. ЦК Беларусі на чале з Сакаловым раз'юшана прымаў меры. Кіраўнікі найперш узяліся ўсяляк абвяргаць факт паліцэйскай распра-вы над мірнай дэманстрацыяй»⁵. Пісьменніка выклікае першы сакратар ЦК КПБ Я. Сакалоў, які, спасылаючыся на заключэнне камісіі, сцвярджае, быц-цам фактаў гвалту з боку праваахоўных органаў няма. Быкаў піша ліст Гене-ральному сакратару ЦК КПСС М. Гарбачову, у якім «распавёў пра варварскую гісторыю ў Беларусі і прасіў справядлівасці»⁶. Але адказу не атрымлівае, затое прыходзіць выклік на нараду творчай інтэлігенцыі, якая мусіла прайсці на Старой плошчы. Пра тое, што там адбылося, Васіль Уладзіміравіч успамінаў: «І тады раптам чую — Гарбачоў зьвяртаецца да мяне: «Васіль

³ Быкаў В. Доўгая дарога дадому. Мн.: ГА БТ «Кніга», 2003. С. 479—480.

⁴ Пазьняк З. Ён заўсёды быў, каб падаць руку... // Народная воля. 2003. 21 жн.

⁵ Доўгая дарога дадому. С. 487.

⁶ Тамсама. С. 488.

Быкаў, як так здарылася, што беларусы выйшлі супраць савецкай улады? Спакойны, дысцыплінаваны народ... Не зразумела».

Я пачаў штось тлумачыць, сказаў пра жорсткасць міліцыі, якая зьбівала і труціла жанок і дзяцей, што ішлі на могількі, дзе пахаваны славутыя людзі, у тым ліку і Машэраў. Гарбачоў недаўменна паціскаў плячыма. Насупраць у першым радзе сядзеў галоўны арганізатар таго Я. Сакалоў і маўчаў. Пачалі выступаць гаваркія артысты і пісьменьнікі, гаварыць пра перабудову. Напрыканцы, стоячы ў праходзе, загаварыў Віктар Астаф'еў, які вельмі рэзка асудзіў беларускіх камуністаў за «зверства да самага, можа, спакойнага са славянскіх народаў» і запатрабаваў расьсьледаваць злачынства, учыненае на Дзяды. [...]

...Той канфлікт меў працяг. Як у Крамлі адбылося паседжаньне савету старэйшынаў (пасля выбараў народных дэпутатаў СССР), на перапынку Гарбачоў падышоў да мяне і папытаўся, як цяпер у Беларусі? Ці пацішэла кіраўніцтва? Я пачаў апавядаць пра дэталі, але тут да нас падскочылі іншыя з шырокімі вушамі, і Гарбачоў прыпыніў размову. Сказаў, пасля... Але *пасля* ўжо не настала»⁷.

На ўстаноўчым з'ездзе Беларускага народнага фронту «За перабудову», які адбываецца 24—25 чэрвеня 1989 г. у «эміграцыі» — у Вільнюсе, Быкаў не прысутнічае, але дасылае прамову. Да таго ж будзе абраны ў сойм БНФ. Ён нібыта зноў апынуўся на вайне. Яго імя па-ранейшаму часта з'яўляецца ў прэсе — беларускай і ўсесаюзнай, прычым размовы аб літаратуры з ім цяпер практычна не вядуцца — толькі аб тым, што адбываецца ў краіне. Было вельмі важна, што *так* і аб гэтым гаворыць ці піша *сам* Васіль Быкаў. Напэўна, ён разумее гэта, і таму цяпер галоўны жанр для яго — публіцыстыка. Быкаў у грамадскай свядомасці — напэўна, незаўважна для самога сябе — ператвараецца з пісьменніцкай у фігуру перш за ўсё грамадскую, і застаецца адначасова і літаратарам, і грамадскім дзеячам ужо практычна да апошніх дзён. Недарэмна ў Біябібліяграфічным слоўніку ён будзе названы «дзяржаўным дзеячам»⁸. І сам ён прызнаецца ў 1991 г.: «...в настоящий момент я все-таки задействован во многие связи с различными общественными силами. Ну и, кроме того, масса людей замыкается на моей грешной персоне. Поэтому как-либо уйти от этого просто невозможно. Да и в определенные моменты я осознаю, что мое участие необходимо.

Я не могу в это напряженное для страны и народа время отрешиться от каких-либо обязательств общественного порядка. И в итоге, хотя много раз давал себе зарок, поскольку по характеру я вовсе не общественный деятель, а скорее отшельник, но тем не менее приходится участвовать во многих делах. И получается, что время принадлежит не мне. Хотя вся моя жизнь, по сути, борьба за личную маленькую свободу. Но распорядиться временем

⁷ Доўгая дарога дадому. С. 488—489.

⁸ Беларускія пісьменнікі: Біябібліягр. слоўн.: У 6 т. Т. 1. Мн.: БелЭн, 1992. С. 426.

не удастся и, видимо, так и не удастся»⁹. Невыпадко́ва Л. Баршчэўскі прыгадае: «Уражвала мяне ў гэты час і іншае. Ня будучы ад прыроды чалавекам, схільным да таго, каб займацца актыўнай палітыкай, Быкаў ніколі не адмаўляў, калі трэба было выступіць на важным мітынгу, на сойме альбо зьездзе БНФ. Хоць — як я разумею — рабіў ён гэта выключна з пачуцьця абавязку, усьведамляючы, што менавіта яго аўтарытэт здольны змабілізаваць сяброў і змусіць прыціхнуць ворагаў дэмакратычнай незалежнай Беларусі»¹⁰. Дарэчы, калі ў маі 1996 г. Баршчэўскі прымае на сябе абавязкі старшыні БНФ, Быкаў скажа: «Я ведаю, Вам будзе неймаверна цяжка. І спачуваю Вам. Але разьлічвайце на мяне — я дапамагу ўсім, чым змагу». І сапраўды дапамагаў: напрыклад, у 1997 г. «без ваганьняў ахвяраваў толькі што прысуджаную прэмію Беларускага ПЭН-Цэнтру імя Францішка Багушэвіча на патрэбу новай «гарачай палітычнай вясны», хаця Баршчэўскі і спрабуе адгаварыць Быкава, ведаючы, што матэрыяльнае становішча яго сям'і «было ці не найгоршае за дзясяткі апошніх гадоў» (у той час фронтаўцы нават прывозяць пісьменніку некалькі мяхоў бульбы ды іншай гародніны)¹¹.

У 1991 г., падчас трохгадзіннай сустрэчы ў клубе «Спадчына», Быкаў пачне выступленне так: «Сёння такая сустрэча не можа абысціся без гаворкі на палітычныя тэмы. І на рабоце, і дома — усюды палітыка. Гадоў 10 назад мне давялося быць на Кубе, і я там звярнуў увагу на тое, што пасля працы кубінцы амаль кожны дзень стаялі на мітынгх. Выступалі розныя людзі, але найперш начальства. Кубінцы цяропліва стаялі і слухалі з адной мэтай, каб даведацца, як ім жыць далей [...]. Цяпер тое ж самае адбываецца і ў нас». Адказваючы ж на пытанне: «Які, на вашу думку, ваш самы лепшы твор?» — Быкаў нечакана скажа: «...цяпер літаратурная творчасць не самае цікавае, пра што можна гаварыць»¹². Ці іншым разам: «Прозу сейчас не пишу. На рабочым stole бесконечная публіцыстыка, якая отнімае усялякіх не менш, чым художественное произведение, и которая представляет для писателя, конечно, неблагодарный труд, но в настоящее время весьма необходимый. Такое это время, требующее участия каждого из нас, если мы не хотим, чтобы страна окончательно вверглась в экономический и политический хаос. Особенно когда с такой настойчивостью на нашем горизонте встает диктатура, грозящая покончить с жалкими достижениями перестройки»¹³. Або: «Самая вострая пакута цяпер — палітычная, і творчасць адмысловая — публіцыстычная, чым у асноўным і займаюся. Гэта, безумоўна, не

⁹ «В моей памяти много печали» / Инт. С. Шапрана с В. Быковым // Знамя юности. 1991. 4 июля.

¹⁰ Баршчэўскі Л. Колькі штрыхоў да легенды // Наш Быкаў: Кніга ўспамінаў / Уклад. Г. Бурайкін. Мн.: ГА БТ «Кніга», 2004. С. 352.

¹¹ Тамсама. С. 352.

¹² Васіль Быкаў: Час імперыі мінуў / [Адказы В. Быкава на пытанні чытачоў]. Зап. В. Шніп // Наша слова. 1991. № 36.

¹³ Что пишу? Что читаю? / Инт. с В. Быковым // Литературная газета. 1991. 9 янв.

літаратура, хоць палітыка і літаратура моцна звязаны. Што датычыць беларускай культуры і літаратуры апошніх дзесяцігоддзяў, дык палітыка ў іх была вызначальнай...»¹⁴ І таму абсалютна невыпадкова ў 1992 г. выходзіць кніга выступленняў, артыкулаў, інтэрв'ю Быкава «На крыжах» (Мн.: Беларусь), а ў хуткім часе Г. Бураўкін напіша: «Думаю, што менавіта ад любові да свайго народа, ад трылогі за ягоны гістарычны лёс прыйшла да Васіля Быкава ў так званыя «перабудовачныя» гады патрэба актыўна ўключыцца ў палітычныя баталіі, усур'ёз заняцца публіцыстыкай. Ён і тут застаўся самім сабой — адкрытым, высокамаральным, бескампрамісным»¹⁵.

У тым жа 1992 г. у выдавецтве «Мастацкая літаратура» пачынаецца выданне шасцітомнага Збору твораў, а яшчэ раней, у 1990-м, з'яўляецца дапоўненае перавыданне кнігі І. Дзядкова «Василь Быков: Повесть о человеке, который выстоял» (М.: Советский писатель), ва ўступным слове да якой аўтар сведчыў: «Книга написана десять лет назад. Я не стал в ней ничего трогать и менять. Но все эти годы я как бы продолжал ее дописывать. Выходили в свет новые повести Василя Быкова и по-прежнему многое значили для современников. И для меня в том числе. Так образовалась вторая часть книги, ее продолжение. Там — о «Знаке беды» и других повестях последнего времени, но там же — о старой, незабываемой повести «Мертвым не больно». Ее мало кто читал, потому что двадцать лет ее боялись и не переиздавали. И писали о ней, разумеется, мало: не велено было писать. То есть, конечно, пишите, если хотите, но печатать — запрещено.

Постыден страх перед книгами, но краска стыда не для государственных щек»¹⁶.

І некалькі словаў пра дэпутацтва Быкава, якім пасля пісьменніка неаднойчы папракалі. «Паводле новых, перабудовачных законаў пачалося вылучэнне кандыдатаў у народныя дэпутаты СССР. З Масквы былі спушчаны квоты, у тым ліку і ў СП БССР. У Доме літаратара сабралі сход, вёў Ніл Гілевіч, які быў прызначаны кіраўніком тутэйшай выбарчай камісіі. А гэта азначала, што ён ня мае права на вылучэнне кандыдатам у дэпутаты. Тое засмуціла ня толькі яго, але і мяне, бо я адчуў, каго будуць вылучаць, і ня ведаў, як з таго выкруціцца. [...]

На сходзе некалькі чалавек усталі і прапанавалі — Быкава! Я ў сваю чаргу выступіў з самаадводам. Тады пачалі галасаваць, і мой самаадвод не прынялі. Я зноў не пагадзіўся. Зноў выступілі, угаворвалі мяне. Адзін толькі Дамашэвіч, мабыць, зразумеўшы мяне, сказаў: «Ну што вы прычапіліся? Чалавек ня хоча, ужо немалады, нездаровы...» [...]

¹⁴ Залоска Ю. Дыялогі з Васілём Быкавым. Мн.: Мастацкая літаратура, 1995. С. 6.

¹⁵ Бураўкін Г. Гонар і сумленне // Звязда. 1994. 18 чэрв.

¹⁶ Дедков И. Василь Быков: Повесть о человеке, который выстоял. М.: Советский писатель, 1990. С. 3.

На другі дзень рана пазваніў Анатоль Вярцінскі, які тады рэдагаваў «ЛіМ». Ён ці ня з распаччу сказаў, што ня ведае, як быць. У газэту трэба даваць паведамленьне пра вынікі вылучэньня, а ты не пагаджаешся. У пратаколе, які ляжыць перада мной, запісана: вылучыць Быкава. Дык што рабіць?

Я паважаў Вярцінскага, быў зь ім у сяброўскіх адносінах і, сьцяўшы душу, змушаны быў пагадзіцца. Дзеля рэдактара, дзеля «ЛіМа», а ня дзеля сходу, які гвалтоўна вылучыў мяне на пакуты.

Вынікі таго вылучэньня пайшлі ў Маскву. І паколькі выбары павінны былі адбыцца ў Саюзе пісьменьнікаў, дзейнічала ўсесаюзная квота — 10 дэпутатаў ад СП. Там належала зноў выбіраць з усіх, вылучаных ад рэспублікаў і аўтаномных абласцей. Я думаў-спадзяваўся, што, можа, там не прайду, пройдуць іншыя. Ды так ня здарылася — абралі і там»¹⁷.

Але, здаецца, была яшчэ адна важкая прычына, чаму Быкаў усё-такі згаджаецца стаць народным дэпутатам СССР. У Някляеў прыгадваў: «Ён вагаўся перад выбарамі... Прыехаў з Масквы Алесь Адамовіч, які таксама абіраўся ў дэпутаты, і я быў у яго ў гасцях, калі са сваімі сумненнямі яму пазваніў Быкаў. Паклаўшы трубку, Адамовіч зазбіраўся: «Паехалі талкаваць, а то яшчэ сапраўды заўпарціцца...»

Талкавалі пра тое, Адамовіч талкаваў, што час на злome, што сёння вызначаецца, у якім накірунку ўсё заўтра пойдзе, і вырашацца гэта будзе людзьмі, якія будуць мець магчымасьць вырашаць, а Быкаў слухаў яго з выглядам: «Дык ты ў Маскве, ты і вырашай...» — пакуль Адамовіч не спытаўся: «Ці ты згодны, каб намі і далей кіраваў г.нюк Сяўрук і твае подпісы ставіліся пад лістамі, табой не падпісанымі?..»

Ён так і прамовіў прозвішча галоўнага савецкага цэнзара, не Сеўрук, а Сяўрук, зрыфмаваўшы яго з адпаведным вызначэннем. А подпіс пад лістом, маючы на ўвазе ліст супроць Салжаніцына, згадаў, падключыўшы ў запале цяжкую артылерыю: для Васіля Уладзіміравіча гэта было найбалючае. Як ён ні даказваў, што той ліст не падпісваў, у адказ толькі хмыкалі. [...]

«Добра, — панурыўся Быкаў, — толькі што я там рабіць буду?..» — і Адамовіч адказаў, што пакуль трэба думаць, што тут рабіць»¹⁸.

Урэшце, Быкаў становіцца дэпутатам (1989—1991). Да таго ж ён — прэзідэнт Згуртавання беларусаў свету «Бацькаўшчына» (з 1990 г.), а калі ў снежні 1992 г. адбываецца першы сход беларусаў блізкага замежжа і, нарэшце, у ліпені 1993 г. Першы З'езд беларусаў свету, сустаршыняй яго абраны зноў жа Быкаў.

Да тых жа часоў адносіцца і падтрымка Васілём Уладзіміравічам Святланы Алексіевіч, якая толькі што выдала кнігу «Цинковые мальчишки»: Быкаў сумесна з Р. Барадуліным і М. Тычынам ад імя Беларускага ПЭН-Цэнтра вы-

¹⁷ Доўгая дарога дадому. С. 502, 503.

¹⁸ Някляеў У. Стрэмкі // Наш Быкаў. С. 450.

ступае ў друку з лістом «Зноў гучыць баявая труба»¹⁹ — водпаведдзю выступленню супраць С. Алексіевіч у часопісе «Политический собеседник», а пазней з вялікім артыкулам «Афганская карта: Как ее используют национал-коммунистические круги Беларуси»²⁰.

У кастрычніку 1993 г., адразу пасля трагічных падзей каля Белага дома ў Маскве, ён разам з іншымі літаратарамі падпіша ліст, адным з патрабаванням якога будзе роспуск і забарона камуністычных і нацыяналістычных партый. Праз шэсць гадоў Сеўрук нагадае: «Вот под какими строками он подписался в «Известиях» 6 октября 1993 года²¹: «Хватит говорить... Пора научиться действовать. Эти тупые негодяи уважают только силу. Так не пора ли ее продемонстрировать... нашей юной, но... достаточно окрепшей демократии?»

Сотни обезумевших матерей еще метались по московским моргам в поисках останков своих детей, а ваш «апостол» требовал снова «продемонстрировать силу»²². Крытык М. Лобанаў, маючы на ўвазе зноў жа Быкава, напіша: «...все лезет туда же, подписывает в московских изданиях подстрекательские письма совместно со своими здешними сионистскими друзьями-покровителями, радуется расстрелу 3 октября 1993 года, провоцирует ельцинистов на новые боины [...]»²³.

Партыйная ж прэса, пакуль яшчэ была, таксама лае Быкава, але ўжо не за літаратуру — за яго погляды і выступленні ў друку. Недарэмна адным з пунктаў «Плана мероприятий ЦК КПБ по работе с молодежными самодеятельными объединениями», датаванага 18 кастрычнікам 1988 г., значылася палажэнне: «13. Разработать систему общения с В. Быковым...» І гэта побач з пунктамі: «17. Разобраться с кадрами АН БССР, БГУ, пединститута М. Горького... имеющими шаткое мировоззрение... 22. Выяснить идейных наставников, консультантов, неформальных лидеров экстремистских молодежных групп... 33. Проработать запасной вариант по «НФ» (как создать, какие организации в него войдут, кто возглавит)»²⁴.

Пазіцыю і ўчынкi народнага пісьменніка, мякка кажучы, не ўхваляе не толькі ўлада — яго не разумеюць і шмат якія калегі. Сам ён, неяк адказваючы на пытанне, чаму такія пасіўныя літаратары, гаварыў: «Каб толькі пісьменнікі не хадзілі на мітынгі, дык гэта яшчэ паўбяды, але ж многія з іх выступалі супраць мітынгаў, супраць забастовак, падтрымоўвалі палітыку кампартыі, змагаліся з Беларускай народным фронтам. Усе гады пісьменнікі былі рычагамі партыі, у іх было кіраўніцтва, якое ставілася са згоды ЦК

¹⁹ Літаратура і мастацтва. 1990. 27 ліп.

²⁰ Литературная газета. 1994. 26 янв.

²¹ Насамрэч 5 кастрычніка.

²² Севрук В. Доносы не горят! // Рэспубліка. 1999. 7 крас.

²³ Лобанов М. Великая победа и великое поражение // Молодая гвардия. 1995. № 9. С. 91.

²⁴ «...Разработать систему общения с В. Быковым» // Народная газета. 1993. 27 студз.

партыі, у іх была вялікая партыйная арганізацыя... І калі вы думаеце, што папулярныя пісьменнікі — гэта галоўнае начальства, то вы памыляецеся. На самой справе таленавітыя пісьменнікі ў Саюзе пісьменнікаў заўсёды сядзяць на задніх лаўках, а балем правяць зусім іншыя людзі, якіх вы не ведаеце і, можа, ніколі не будзеце пра іх ведаць... Я ўжо не кажу пра дзесяткі іншых актыўных камуністычных рычагоў. Адных толькі сексотаў там па меншай меры палавіна. І вы хочаце, каб яны хадзілі на мітынгі?»²⁵ І яшчэ раней у іншым артыкуле пісаў пра кіраўніцтва СП, якое «вело затяжную войну с Народным фронтом, доказывая ему, себе и в первую очередь, конечно же, начальству пагубность его программы, устремленной к воле и независимости»²⁶.

«Я гутарыў зь некаторымі пісьменьнікамі, у бальшыні маімі сябрамі, на конт іх прыцягнення ў БНФ. Але тое давала невялікі плён, — пісьменьнікі былі іншае думкі пра Пазьняка. І наогул мелі намер трымацца ад палітыкі далей. Толькі Барадулін ды Вольскі згодна і рэгулярна працавалі ў сойме. Гілевіч адасобіўся ў створанае ім ТБМ, Бураўкіна неўзабаве зьнялі з тэлебачання (калі ён дапусціў да прамога эфіру Пазьняка) і адправілі амбасадарам у Амэрыку. Для мяне гэта было адчувальнай стратай на доўгія тры гады»²⁷. Да слова, калі ў 1994 г. Генадзь Бураўкін вернецца з камандзіроўкі з-за акіяна, ён атрымае адну вельмі цікавую прапанову — сам ён прыгадвае: «Мне праз майго добрага знаёмага па камсамольскім юнацтве была зроблена адна хітрая прапанова: мне, маўляў, будзе прапанавана вельмі высокая пасада, калі я прынародна адмоўлюся ад сяброўства з Быкавым. Я тады адказаў: «Перадайце вашаму ўсёмагутнаму патрону, што на свеце няма і не будзе такіх пасадаў, за якія я мог бы прадаць сяброўства з Васілём». Заўсёды ганарыўся і ганаруся гэтым сяброўствам. І Васіль ставіўся да мяне па-сяброўску. Гэта для мяне адна з самых высокіх адзнак, пра якія я толькі мог марыць».

Але з некаторымі са сваіх старых сяброў Быкаў у той час разыходзіцца, у прыватнасці, з Навумам Кіслікам, які, калі разваліўся СССР, успрыняў гэта «як страту Радзімы, пра што сказаў у адным з апошніх сваіх вершаў»²⁸. Прычыну ж разыходжанняў з Нілам Гілевічам добра пасля прыкмеціць Сяргей Навумчык: «Ды што казаць: Барадулін, як і Быкаў, адразу і катэгарычна падтрымалі Народны фронт. Гілевіч — не. Пасля ўтварэння аргкамітэту БНФ (куды яго прапаноўвалі ўключыць) ён імкнуўся «раіцца» ў ЦК КПБ. Пазьней, на сесіях, Гілевіч вельмі рэдка калі публічна падтрымліваў БНФ, затое часта рабіў рэвэрансы ў бок пракамуністычнай большасці. Нарэшце,

²⁵ Васіль Быкаў: Час імперыі мінуў // Наша слова. 1991. №36.

²⁶ Быков В. Хлеб и достоинство // Литературная газета. 1990. 27 июня.

²⁷ Доўгая дарога дадому. С. 522.

²⁸ Тарас Вал. Дарога да Васіля // Наш Быкаў. С. 69.

у жніўні 1991 года апазыцыя БНФ была вымушаная патрабаваць адстаўкі Гілевіча з пасады старшыні камісіі і члена прэзыдыюму ВС за «бязьдзейнасьць і безадказнасьць у справе абароны Канстытуцыі і сувэрэнітэту» ў час маскоўскага пракамуністычнага путчу.

Была, як падаецца, яшчэ адна прычына такіх паводзінаў — амбіцыйнасьць. Гэтая якасьць, абсалютна натуральная (і магчыма, неабходная) для творцы, у палітыцы часам перашкаджае. У Вярхоўным Савеце Ніл Сымонавіч паводзіў сабе як патрыцый. Было цікава назіраць, як ён павольна ўстае, як павольна і годна ідзе да мікрафону, як павольна прамаўляе... Мне ён здаваўся забранзавелым (вызначэньне, якое ніяк не магу прыкласьці да Быкава). [...] Калісьці я пачуў ад Гілевіча вызначэньне нас, дэпутатаў БНФ, як «хлопчыкаў» — без сымпатыяў. А гэтыя «хлопчыкі» здзяйснялі тое, пра што Гілевіч пісаў у сваіх артыкулах ды вершах яшчэ ў 1960-я гады, нічога дзеля напісанага ня робячы ў палітыцы»²⁹.

Што тычыцца самога Васіля Уладзіміравіча, дык належнае ў гэты час яму аддае літаратуразнаўства — да прыкладу, Міхась Тычына напіша: «Намаганні В. Быкава як пісьменніка і грамадзяніна, поруч з намаганнямі ўсёй нашай літаратуры, вярнуць нашу краіну ва ўлонне еўрапейскай цывілізацыі, аднавіць даўнія сувязі нашай культуры з скарбамі агульначалавечай культуры, здаецца, не былі марнымі. Перабудова ўсяго жыцця грамадства, якая разгортваецца на нашых вачах і з нашым пасільным удзелам, сам ход жыцця засведчылі, што ён не памыляўся ў сваіх смелых прагнозах і вёў творчы пошук у напрамку, што супадае з лініяй эвалюцыі чалавецтва — ад рэгрэсу да прагрэсу, ад варварства да эпохі гуманізму, ад таталітарызму да дэмакратыі. У яго творах значна пашырыўся сектар свабоды пісьменніцкай думкі. В. Быкаў ад самага пачатку добра ведаў, што літаратура ствараецца не на адзін дзень, што яе жыццё вымяраецца самае малое дзесяцігоддзямі і што кожны творчыве тым даўжэй, чым глыбей выяўлена ў ім праўда часу. Пісьменнік вывеў беларускую літаратуру на еўрапейскую арэну, аб чым заўсёды марылі яе класікі — ад М. Багдановіча да І. Мележа. Нарэшце ён унутрана злучыў сучасную літаратуру з «залатым векам» Л. Талстога і Ф. Дастаеўскага і з векам наступным, прыход якога няўхільна блізіцца [...]»³⁰.

У 1994 г. выканаўчы камітэт Садружнасці саюзаў пісьменнікаў звяртаецца ў расійскае Міністэрства замежных справаў з просьбай аб узнагароджанні Быкава ордэнам Дружбы. Сакратар выканаўчага камітэта Садружнасці В. Аскоцкі напіша ў гэтай сувязі: «Нет надобности объяснять, почему именно такое решение мы приняли... Естественно, потому, что творчество белорусского пи-

²⁹ Навумчык С. Сем гадоў Адраджэньня, альбо Фрагмэнты найноўшай беларускай гісторыі (1988—1995). Варшава: Беларускія ведамасы; Прага: Člověk v tísni, 2006. С. 43.

³⁰ Тычына М. Адна праўда застаецца // Быкаў В. Зб. тв.: У 6 т. Т. 1. Мн.: Мастацкая літаратура, 1992. С. 22.

сателя Василя Быкова глубинными корнями связано с русской литературой, с русской культурой. Его военная проза неотделима от военной русской прозы, представленной именами и покойного Виктора Некрасова, и Григория Бакланова, и многих других писателей.

Надо сказать, что это желание — наградить Василя Быкова орденом Дружбы народов — было очень активно поддержано российским МИДом. Но, к сожалению, спустя две недели, а именно 17 июня, нам стало официально известно, что поскольку Василь Быков является гражданином независимого государства, то, естественно, российский МИД запросил белорусский МИД, и нам официально сообщили, что белорусский МИД высказался против награждения Василя Быкова. В этой ситуации российский МИД тоже ничего не смог сделать.

Вот такая нелепая ситуация. Россия хочет наградить Василя Быкова орденом Дружбы народов, а его соотечественники в Беларуси, иностранное ведомство господина Кебича, высказываются против и срывают это награждение.

Очень, по-моему, неприглядная история, выдающая неуважение определенных чиновников иностранного ведомства господина Кебича к Василю Быкову.

Я понимаю, что это не есть отношение белорусского народа к своему любимому писателю, который не случайно является народным писателем Беларуси. Это, конечно же, отношение ведомственное, отношение чиновное. И комментируя эту неприглядную, некрасивую историю, мне только остается еще раз поздравить Василя Быкова с его 70-летием и пожелать ему новых книг, которые будут вызывать такую же ярость со стороны людей, которые рвутся к осуществлению коммунистического реванша». «А вот что сказал по этому поводу заместитель министра иностранных дел Петр Беляев: «...Озадачен. В первый раз слышу. Не могу претендовать, что все знаю, я два дня отсутствовал, уточню, сообщу дополнительно». После выяснения: «В наш МИД из российского МИДа ничего не поступало. В наше посольство в Москве — тоже»³¹. Праўда, расійскі прэзідэнт Барыс Ельцын усё-такі падпіша ўказ аб узнгароджанні беларускага пісьменніка ордэнам, але той яму ўручаць толькі праз тры гады...

Улада не магла, безумоўна, пакінуць без увагі быкаўскія выказванні, прыняць яго пазіцыю. І калі ў 1994 г. Васілю Уладзіміравічу спаўняецца 70 гадоў, «в юбилейный день рождения народного писателя Василя Быкова, 19 июня, белорусское телевидение, находящееся под неусыпным контролем Совмина, побоялось показывать народу его духовного лидера.

³¹ Нет награды — нет проблем? // Свободные новости. 1994. № 13. На гэтую ж тэму таксама: Оскоцкий В. Кому в Белоруссии негоден писатель Василь Быков // Известия. 1994. 23 июня.

Сотрудниками творческого объединения литературно-драматических передач БТ была подготовлена одночасовая программа [...]. Половину ее занимало интервью писателя, записанное у него дома, а половину — прямой эфир, собравший по этому случаю видных литераторов, общественных деятелей, читателей. Планировалось, что телезрители будут звонить в студию, чтобы сказать писателю свое слово.

Руководство Гостелерадио показывать эту программу 19 июня запретило, лаконично пояснив: только после выборов президента! [...]

Госаппарат, усердствующий в продвижении в президенты премьера Кебича, осведомлен о демократических воззрениях народного писателя и опасался, что тот может внести диссонанс в предвыборную телевакханалию. Накануне дня рождения Быкова в газете «Советская Белоруссия» аппарат вместо поздравлений бессовестно унижил Василя Быкова заодно с лидером БНФ Зеноном Позняком, кандидатом в президенты. Два известных в стране человека представлены в карикатурном виде. В сочинении сего заказа потрудился некто Владимир Глушаков, фамилия которого значится в писательском справочнике. Аппарат убежден, что все писатели равны, но не все писатели нужны»³². А калі ў Музеі гісторыі беларускай літаратуры адкрылася выстава, прысвечаная 70-годдзю пісьменніка, з афіцыйных асобаў прыйшоў толькі старшыня Мінгарвыканкама А. Герасіменка, старшыня парламенцкай камісіі ды намеснік міністра культуры і друку Г. Бураўкін. Але апошні прыйшоў не столькі як службовая асоба, колькі як сябра Быкава. Ён, у прыватнасці, сказаў: «Многае можна адмяніць, але святочнага дня нядзелі 19 чэрвеня адмяніць ніяк не змаглі — ні Вярхоўны Савет, ні іншыя структуры, якія так шумна зараз уладараць у нашай рэспубліцы. Гэта свята перш за ўсё наша...»³³

«Удзельнікаў урачыстасцяў, што адбыліся ў менскім сквэры Янкі Купалы і ў сядзібе БНФ, непрыемна ўразіла, што сярод сотняў віншавальных тэлеграмаў не было прывітаньняў ад старшыні парлямэнту і кіраўніка ўраду. Гэта можа даволі аб'ектыўна характарызаваць цяперашняе кіраўніцтва Беларусі, пра якое праз сотню гадоў будуць згадаваць хіба ў кантэксьце біяграфіі геніяльнага пісьменьніка»³⁴. Сам жа Васіль Уладзіміравіч гаварыў падчас урачыстасцяў у парку імя Я. Купалы: «Мне Бог даў, Бог наканаваў — не ведаю, на шчасце ці на гора, — вось усё ж такі дабрацца да гэтых лічбаў, да 70-х угодкаў. І ў мяне, канешне, ёсць жаданне, ёсць воля яшчэ пажыць, не за тым, канешне, каб пракапіць неба, як кажуць, а каб дачакацца пэўных з'яў... Усё ж такі гэты вялікі момант... — адзначыць тут, не ў якіх дварцах... мае шчаслівыя ці нешчаслівыя ўгодкі!» І распавёў аб сваіх жаданнях: «...чтобы

³² Козлович А. В Минске стреляют // Литературная газета. 1994. 22 июня.

³³ Айзенштадт Г. Беларусь поднимется с колен, белорусы ощутят себя народом! // Свободные новости. 1994. № 13.

³⁴ Навумчык С. Васілю Быкаву споўнілася 70 гадоў / Радыё «Свабода». 1994. 22 чэрв. // Быкаў на Свабодзе. Выд. 2-е. [Б. м.]: Радыё Свабодная Эўропа / Радыё Свабода, 2005. С. 28.

наш беларускі народ падняўся з коленаў, каб ён адчуў сябе як народ, як нацыя, бо пераможны шанс — апошні, і калі народ яго проспіт, то ён проспіт не толькі сябе, ён проспіт будучыя будучыя пакаленняў; каб нацыянальная інтэлігенцыя стала нарэшце нацыянальнай, а не лакейскай прыслугой; каб народ адчуўся «ад камуністычнага ачмурэння»; каб Беларусь «набыла сапраўдную дзяржаўнасць»; каб «хутчэй запанавала наша беларуская мова»; «каб нашым нацыянальным гімнам стаў... гімн, створаны без камісіяў, без Вярхоўных Саветаў, без нашай бюракратыі, — гэты гімн «Магутны Божа», ён асвеціць Беларусь у XXI стагоддзі». І, нарэшце, апошняе жаданне: «Я вельмі хачу, каб першым прэзідэнтам Беларусі стаў яе самы найлепшы сын — Зянон Пазьняк»³⁵. (Дарэчы, у 1994 г. Быкаў — давераная асоба кандыдата на прэзідэнта З. Пазьняка.)

У пачатку 1994 г. бюро прэзідыума Акадэміі навук Беларусі вырашае абраць ганаровых і замежных членаў акадэміі; сярод гуманітарных першым кандыдатам названы Быкаў, і калі акадэмік Радзів Гарэцкі робіць такую прапанову пісьменніку, той катэгарычна адмаўляецца: «Не хачу ніякай ласкі ад сучасных улад, у тым ліку і ад акадэміі. Я ў такой акадэміі нават ганаровым быць не хачу, бо яна поўна савецкая, і вы вымушаны будзеце хутка выбіраць такіх камуністаў, як Іван Антановіч, а я побач з ім сядзець ня буду. Я б з прыемнасцю адмовіўся і ад мінулых узнагарод — у той час гэты зрабіць было нельга. Яны мне перашкаджаюць жыць. Я вас паважаю і ўдзячны за прапанову, але павінен адмовіцца»³⁶.

Быкаў і тады, і раней ні на што не прэтэндуе. Яшчэ ў 1991 г., адказваючы на пытанне: «Як вы ставіцеся да таго, каб ваша кандыдатура была вылучана на пост прэзідэнта Беларусі?» — ён гаворыў: «Я стаўлюся да гэтага абсалютна адмоўна, бо ў бліжэйшы час наогул канчаю з палітыкай і буду ўхіляцца ад розных інтэрв'ю, гутарак і г. д. Я хачу спакойна папрацаваць і закончыць тыя рэчы, якія ляжаць у мяне на стала. У нас ёсць вартыя кандыдатуры на высокія пасады, і народ іх выбера, калі захоча сабе добрай долі. А калі не, дык тады будзе Малафееў і яго каманда»³⁷. Больш за тое — падводзячы ў «Доўгай дарозе...» вынікі свайго жыцця і, у прыватнасці, успамінаючы першую палову 1990-х, Быкаў жорстка-крытычна ў адносінах да самога сябе напіша: «Мяне па-ранейшаму тузала мэдзі, з Масквы і тутэйшыя, быццам болей ня ведалі, да каго звярнуцца. Дзе-колі паявіліся невыразныя намёкі пра мяне як магчымага лідэра нацыі, — тое належала прыпыніць. У «Народнай газеце» надрукаваў артыкул, у якім выразна і недвухсэнсоўна паказаў, хто ў Беларусі ёсць сапраўдны лідэр. Тым таксама вызначыў маё стаўленне да Пазьняка

³⁵ Айзенштадт Г. Беларусь паднімецца з коленаў, беларусы адчуць сябе народам! // Свободные новости. 1994. №13.

³⁶ Гарэцкі Р. Для Радзімы і яе славы // Наш Быкаў. С. 321—322.

³⁷ Васіль Быкаў: Час імперыі мінуў // Наша слова. 1991. №36.

і спыніў пэўныя закіды ў бок Быкава. Я ня лідэр і не «сумленьне нацыі», я просты, стомлены жыццём беларус, які мае толькі адну мэту — застацца сумленным. Хацелася яшчэ дажыць да свабоды, ды тое, відаць, марнае памкненьне. Майму пакаленьню, як і шмат якім папярэднікам, свабоды ня бачыць. Хіба — наступным...»³⁸

У пачатку 1990-х Быкаў нярэдка выязджае за мяжу: у Рым, на канфэрэнцыю пісьменнікаў, грамадскіх дзеячаў з СССР і рускага замежжа; у Францыю, дзе ён сустракаецца з В. Някрасавым («Віктар Платонавіч выглядаў кепска, жыць яму засталася няшмат», — прыгадваў Быкаў), Андрэем Сіняўскім і Марыяй Васільеўнай Розанавай («Сіняўскі пачуваўся даволі бадзёра і, як калісьці Камю, на ўсё і ўсім казаў «не», што трохі мяне здзівіла»³⁹). У чэрвені 1992 г. у складзе беларускай дзяржаўнай дэлегацыі (на чале са старшынёй Вярхоўнага Савета Беларусі С. Шушкевічам і міністрам замежных справаў П. Краўчанкам) наведвае Беласточчыну. У Балгарыі ж, у Плоўдзіве, з ім здараецца першы сардэчны завал. «Добра, што побач былі сябры. Ратаваў мяне мой аднагодак, славуты паэт Косьця Ваншэнкін, духоўна суцяшала Бэла Ахмадуліна. Зь іх дапамогай неяк выкараскаўся, хоць і давялося паляжаць у балгарскім шпіталі»⁴⁰.

Аднак, як пасля высветлілася, гэта быў яшчэ не самы кепскі час, — жахлівае як у жыцці краіны, так і ў жыцці пісьменніка было наперадзе. І Быкаў, сказаўшы ў 1991 г.: «Толькі каб быў хлеб у крамах... Хлеба яшчэ трохі ёсць — не хапае дыктатара... Але ён будзе»⁴¹, — гэта нібы прадбачыў.

Нацыянальная ідэя змарнела і напрыканцы XX стагоддзя ледзьве ліпела ў палітычнай атмасферы краіны. Менавіта таму свядомыя нацыянальныя сілы і спахапіліся, каб яна не памерла зусім. Найперш належала пераканаць беларусаў, што яны беларусы — не горшыя і не лепшыя за астатнія народы — іншыя. Далей або разам з тым трэба было адраджаць занябаную нацыянальную мову. Бо мова ў такіх варунках заўжды першае і апошняе з праяў нацыянальнай адметнасці. Мы блізенька падышлі да гэтай апошняй стадыі, за якой паўстала рэальная рызыка паўтарыць гістарычны лёс ятвягаў. Мабыць, першыя зразумелі тое нашыя інтэлектуалы, што стварылі Беларускі народны фронт «Адраджэнне», і яны ж тады прынялі на сябе ашалелы напад камуністаў. Надта гэта было нязвыкла і нечувана, каб беларусы заступіліся за сваю нацыянальную існасць. Ды і з рупліўцаў моўнага адраджэння не ўсе зразумелі вялікую справядлівасць мэт БНФ і меркавалі абысціся вузкай за-

³⁸ Доўгая дарога дадому. С. 526—527.

³⁹ Тамсама. С. 460.

⁴⁰ Тамсама. С. 461.

⁴¹ Навумчык С. Васіль Быкаў: За нас вырашаюць іншыя... // Літаратура і мастацтва. 1991. 1 сак.

дачай: прылашчыць партнаменклатуру да беларускае мовы. Але мова — не мэта, мова, па сутнасці, — сродак у барацьбе нацыі за дзяржаўнасць, усё тое дужа звязана між сабой. Будзе дзяржаўнасць — будзе жыць мова, не будзе дзяржаўнасці — не будзе і мовы.

З інтэрв'ю В. Быкава. «Самая плённая — ідэя нацыянальнага адраджэння» / Інт. М. Тычыны // Беларусь. 1994. № 1. С. 24.

Я пазнаёміўся з Васілём Уладзімеравічам Быкавым у траўні 1988 года. Гэта быў актыўны год у маім жыцці: Курапаты, «Мартыралёг Беларусі», Народны фронт. У траўні я зрабіў першыя археалагічныя раскопкі ў Курапатах, запісаў разам зь Яўгенам Шмыгалёвым сьведкаў расстрэлаў і, абагуліўшы матэрыял, выклаў яго ў вялікім артыкуле «Курапаты — дарога сьмерці», які аднёс у газэту «Літаратура і мастацтва». [...]

Матэр'ял прынялі добра, але параілі заручыцца ўступным словам Васіля Быкава, каб мець больш сілы для змаганьня. [...]

Я пазваніў Васілю Уладзімеравічу, мы спаткаліся і пазнаёміліся. Гаварылі мала. Я коротка абмаляваў сітуацыю і выклаў сваю просьбу. Мне здалося, што Быкаў быў крыху насыцарожаны. «Апінію» ў афіцыйных колах я меў нядобрую, мяне ўважалі за нацыяналіста і антысавецчыка, з-за чаго савецкая ўлада пастаянна мяне ўчым-небудзь перасьледавала. Быкаў моўчкі кідаў на мяне ўважлівыя позіркi і, відаць, хацеў зразумець, ці сур'ёзны я ёсьць чалавек, ці варта са мной займацца. Артыкул ён узяў і хутка напісаў вельмі добрую і прыхільную прадмову. Яна сыграла станоўчую ролю, выбівала ў партыйных цэнзурыстаў аргумент тыпу «да хто он такой» (гэта пра мяне), бо побач быў Быкаў.

З гэтага часу неяк так здарылася, што Быкаў заўсёды быў побач. [...]

6 ліпеня нараніцы я прыехаў у Курапаты разам з калегамі-археолягамі на паўгадзіны раней. Там ужо былі Васіль Быкаў, Алесь Адамовіч і мноства людзей, гэбістаў, журналістаў. [...] Потым Васіль Быкаў адвёў мяне ўбок і завёў гаворку пра тое, што можа здарыцца, пра тое, што трэба, каб усе ведалі, што робіцца, што трэба ўсё правільна паставіць і г. д. Быкаў гаварыў нязвыкла энэргічна, і я зразумеў, што ён унутрана хвалюецца.

— Васіль Уладзімеравіч, — сказаў я, — ім канец. Яны думаюць закапаць мяне і ня ведаюць, што ўжо сваімі рукамі выкапалі сабе гроб — ім магіла. Даказаць адваротнае ў іх ня хопіць сьліны, а мазгоў яны й так ня маюць. — Я гаварыў рашуча і ляпідарна, каб ня доўжыць быкаўскія сумненьні. — Ужо сёньня ў іх настрой пагоршыцца, вось пабачыце.

— Тое, што вы ім дакажаце, я не сумняваюся, — кажа Быкаў. — Але ўлічыце, што яны будуць казаць адваротнае, а ў іх — сіла і магчымасьці.

— Я думаю гэтаксама, — кажу я, — што трэба задзейнічаць у інфармацыі пабольш людзей. Каб усюды ўсё ведалі. Тады хай хлусяць.

Пазьняк З. Дарагі Васіль Уладзімеравіч... // Наш Быкаў: Кніга ўспамінаў / Уклад. Г. Бураўкін. Мн.: ГА БТ «Кніга», 2004. С. 160, 161, 162.

Ужо летам 1988 г., пасля таго, як прагрымелі Курапаты, я зразумеў, што калі мы ў гэтым жа годзе ня створым Народны фронт (па ўзору балтыйскіх), мы страцім свой народны шанс на свабоду. На Беларусі, дзе ўсё нацыянальнае было моцна разбурана саветамі, стварыць Фронт было няпроста. Напачатку група энтузіястаў, якіх аб'ядноўвала адкрыццё Курапатаў, узялася за арганізацыю Камітэта-58 — Таварыства памяці ахвяраў сталінскіх рэпрэсіяў (потым — «Мартыралёг Беларусі»).

У гэты час у мяне адбылася гаворка зь Міхалам Хведаравічам Дубянецкім аб спосабе стварэння Народнага фронту. Мы меркавалі, што ў беларускіх умовах адной ідэі будзе замала, каб узяць грамадства, прывыклае глядзець пад ногі. Патрэбна вядомая асоба, якую паважаюць і якой могуць паверыць. Такой асобай даверу быў Васіль Быкаў. Але нам было таксама зразумела, што Быкаў ня пойдзе ў палітыку. Гэта супярэчыла ягонай натуре. Акрамя таго, гэта абазначала б для яго — ахвяравацца літаратурай. А гэтага якраз (нават калі б было рэальна магчыма) нельга было рабіць Быкаву. Таму мы вырашылі прапанаваць яму толькі ўзяць на сябе ініцыятыву пачатку (запачаткаваньня) руху. Так бы мовячы, узяць сьцяг. А потым усё пойдзе сваёй дарогай.

Быкаў адмовіўся. Але паабяцаў, што сваім спосабам будзе падтрымліваць усё тое, што мы станем рабіць.

Я ўспрыняў ягонае абяцаньне станоўча, бо, шчыра кажучы, у той час крыху сумняваўся, што Быкаў зойме актыўную пазыцыю, прыме ўдзел у Фронце. Да гэтага, як я назіраў, ён неяк унікаў адкрытай барацьбы з чужымі ўладамі, хоць тыя вярнулі на яго поўнай сапай. Але тым ня менш (можа, дзякуючы якраз быкаўскай стрыманасьці і вытрымцы) ён часта выходзіў пераможцам у канфлікце з камуністычнымі ўладамі. Ва ўсялякім разе, адстойваў свой статус-кво.

Другі момант, які вымушаў мяне напачатку трымаць пэўную дыстанцыю, — гэта розьніца ва ўзросьце ў дваццаць гадоў. Быкаў належаў да іншага пакаленьня. Акрамя таго, ён вельмі сябраваў з Алесем Адамовічам, зь якім я быў знаёмы раней, але адносіўся да яго з пэўным недаверам і трымаўся наводдаль. Мяне бянтэжыла ягоная арыентацыя на Маскву, пісаньне па-руску і ўсялякія супярэчлівыя пасажы. Імпанавала, аднак, сьмелае змаганьне з партыйнай бюракратыяй і з савецкім тупізмам.

Але пасля адкрыцця Курапатаў і знаёмства з Быкавым пачалося збліжэньне і з Адамовічам. Адамовіч спэцыяльна прыяжджаў з Быкавым на пачатак афіцыйных раскопак у Курапаты, падтрымліваў Народны фронт, нашыя мерапрыемствы і пазыцыю.

Памятаецца, 30 верасьня 1989 г., калі Беларускае народнае фронтовае праводзіў першы «Чарнобыльскі шлях», Алесь Адамовіч спэцыяльна прыехаў з Масквы разам з акадэмікам Веліхавым на фронтовае мерапрыемства, удзельнічаў у шэсьці, у шматтысячным мітынгу пад асеньнім дажджом, у вялікай прэсвай канфэрэнцыі пасля шэсьця.

Я зь цікавасьцю прыглядаўся да добрых зрухаў, але разумеў, што рашучы выбар у Адамовіча наперадзе. І гэта ня стане нават выбарам паміж ідэаламі 25 Сакавіка і нечым неакрэсьленым, бо я бачыў, што Адамовіч (як і Быкаў) быў на дарозе да Сакавіка. Выбар для Адамовіча мог стаць цяжкім і нечаканым для яго самога, да якога ён быў не гатовы — выбар за Беларусь супраць Расеі. Гэты выбар чакаў кожнага беларуса.

Так потым і пакіравалася, і пацякло ўсё беларуска-рускае палітычнае жыццё — менавіта да гэтага выбару. Такі шлях быў накіраваны для нас Расеяй, яе вялікадзяржаўнай палітыкай. Але Алеся Адамовіча ўжо не было. Здарылася горшае. Яшчэ ў сіле гадоў ён цяжка захварэў, і хвароба даканала яго — ён памёр.

Цяпер, гледзячы з далечыні часу, не сумняваюся, што Алесь Адамовіч зрабіў бы выбар за вольную беларускую Беларусь, хоць бы гэта й каштавала яму асабістай драмы.

Вяртаючыся ў 1988 г., да знаёмства з Васілём Быкавым, хачу падкрэсьліць, наколькі важна, каб былі ў нацыянальнай культуры вялікія людзі, высокія аўтарытэты. Без аўтарытэта не разьвіваецца культура. Бадай жа, нічыё слова не магло тут (у справе надрукаваньня артыкула пра Курапаты) гэтак падтрымаць, як слова Васіля Быкава. І ён стаўся на вышыні свайго сьветлага аўтарытэту. Дапамог Беларусі.

А колькі было асобаў, вядомых, паважаных людзей, якія ў рашучыя рызыкоўныя моманты адводзілі вочы ў кут, хавалі магчымасьці пад сукно, зьберагалі веліч сваю перад начальствам, і ў выніку — трацілі яе па пустому. Як добра, што Быкаў не саступіў і да канца ішоў дарогай Бацькаўшчыны. Гэта для мяне найважнейшае. Бо ня шмат беларускіх пісьменьнікаў савецкай пары зрабілі такія паваротны і моцны выбар для Беларусі, як Быкаў, і годна прайшлі гэты шлях.

З пісьмовых адказаў З. Пазьняка на пытанні аўтара кнігі. 2004 г.

Чыноўнік з ЦК КПБ⁴², які апынуўся на ўстаноўчай канферэнцыі і нечакана даведаўся, што тут будзе арганізаваны Народны фронт, літаральна кідаўся на выступоўцаў, на мікрафон і не даваў гаварыць. Гэта цягнулася доўгі час.

Чыноўнік, вядома, ашалеў ад страху і стараўся выслужыцца перад начальствам як умеў. Але нам было зразумела, што ён хоча справакаваць, каб яго вывелі пад рукі і потым сімуляваць, што яго пабілі, выклікаць міліцыю і сарваць сход. Таму мы цярпелі, а зала аж віравала, патрабуючы яго выставіць.

Колькі я назіраў за Быкавым, ён нават у вельмі вострых дачыненнях у час грамадскіх сутыкненняў, спрэчак, канфліктаў маўчаў, як камень. Пазіцыю ён меў, але ніколі не кідаўся з ёй у пеўневы бой.

І тут раптам не вытрымаў Быкаў. Ён устаў у гневе, хутка і рашуча. Выгляд яго быў пагрозлівы (няўжо дасць, — мільганула ў мяне бязглуздая думка).

⁴² Намеснік загадчыка аддзела культуры ЦК КПБ Р. Бузук.

Быкаў рэзка крутнуў да сябе мікрафон з-пад рота цэкіста і сказаў тое, што трэба, у поўнай цішыні, якая сталася пры ягоным устанаванні.

Пасля кароткага выступу Быкава цэкіст яшчэ лез, але неяк звяў і неўзабаве здаўся. Сход увайшоў у сваё нармальнае рэвалюцыйнае рэчышча.

Пазьняк З. Ён заўсёды быў, каб падаць руку... // Народная воля. 2003. 21 жн.

Міхасю Дубянецкаму, які веў той устаноўчы сход «Мартыралога Беларусі» ў Чырвоным касцёле, я прызнаўся па сходзе, што не бачыў раней, каб Быкаў быў такі апантаны, бескампрамісны, жорсткі, — і Дубянецкі, з-пад акуляраў весела глянуўшы на мяне, бо ўсё ж прайшло, як мае быць, кінуў: «Так, не анёл...»

Някляеў У. Стрэмкі // Наш Быкаў. С. 437.

На працягу стагодзьдзяў наш народ моўчкі цяпеў прыгнёт. Ліў сваю кроў, ахвяраваў мільёнамі жыцьцяў і — маўчаў. Маўчаў, бо ягоныя гісторыкі пазбавілі яго праўдзівай гістарыяграфіі, яго філёзафы ўнушалі яму фальшывую ідэю аб мудрай правільнасьці ягонага бязьмежнага цярпеньня. Ягоныя рыцары прыгожага пісьменства спаборнічалі між сабой у тым, хто найлепш апяе тое, што варта было выбуху гневу і абурэньня. Ягоныя палітыкі і дзяржаўныя дзеячы былі пазбаўленыя ўласнай палітыкі, магчымасьці дзейнічаць на карысьць народу, а шмат хто зь іх сам стаў ахвяраю тэрору, уласнае сьлепаты і аблуды.

Але мы болей ня хочам жыць так, каб ня памятаць як аб нашым гонары, так і аб нашых ахвярах, нашых пакутніках. Урэшце прыйшоў час сказаць людзям праўду і зрабіць зь яе пэўныя высновы. Найперш праўду трэба сказаць пра мільёны безыменных людзей Беларусі, рабочых, калгаснікаў, інтэлігентаў з народу, беларусаў, расейцаў, палякаў, габрэяў, людзей іншых нацыянальнасьцяў, панішчаных у гады сталіншчыны безь віны, бяз права, бязь сьледу ў народнай памяці. Сымбалам тых, панішчаных, сёньня сталі ўжо славутыя Курапаты. Але Курапаты — толькі адна кропля ў моры людзкой крыві. Мы павінны таксама назваць імёны катаў нашых ахвяраў. Хто былі гэтыя людзі? Як даўно вядома, кат і ахвяра інфэрнальным чынам зьвязаныя між сабой, і чалавецтва павінна ведаць і памятаць абодвух. Гэта патрэбна ў імя справядлівасьці, у імя дэмакратыі, у імя нашай будучыні. У тым наш сьвяты абавязак перад гісторыяй, маральны абавязак перад наступнымі пакаленьнямі, каб ім не давялося дакараць нас за тое, што мы мелі магчымасьць і згубілі яе.

З выступленьня В. Быкава падчас утварэньня Таварыства памяці ахвяраў сталінскіх рэпрэсіяў «Мартыралог Беларусі» 19 кастр. 1988 г. Навумчык С. «Мы болей ня хочам ня памятаць як нашага гонару, так і нашых ахвяраў» // Быкаў на Свабодзе. Выд. 2-е. [Б. м.]: Радыё Свабодная Эўропа / Радыё Свабода, 2005. С. 119.

Политика знает немало примеров, когда зарождающееся движение, течение или просто появившаяся на арене фигура, имея в виду свои дальние, зачастую весьма сомнительные цели, прикрывается, тем не менее, исключительно благородными ширмами.

Метод этот не нов и достаточно захватан, но у иных деятелей пользуется неизменной популярностью. С его помощью удастся ловко манипулировать общественным сознанием, мнением, благополучно создавать ореол почти святого достоинства вокруг главных действующих лиц спектакля [...].

Конечно, всему есть предел, в том числе и нечистой игре. Рано или поздно, но наступает момент, когда даже самый неискушенный последователь, приверженец начинает понимать, что его просто-напросто околпачили. [...]

Сравнение это еще несколько лет назад, пожалуй, непременно ассоциировалось бы с «их», западными, нравами. Сегодня, к великому сожалению, оно уже нет-нет да и служит иллюстрацией деятельности некоторых неформальных объединений и клубов.

Чтобы не быть превратно истолкованной, оговорюсь сразу: среди так называемых «неформалов» очень много честных и дельных людей [...].

Но есть и другие. О них-то и речь — о тех, кто в самое напряженное, ответственное для государства и народа время взялся мутить воду, чтобы выловить пару-другую рыбок. Для себя, конечно.

Все эти поборники всяческой справедливости и борцы за любое правое дело через два слова на третье упоминают перестройку. Послушать их — так только они и радеют, и бьются, не жалея сил, за святое дело на глазах у бесчувственной и равнодушной толпы. Белорусский писатель А. Адамович, повествуя в «Огоньке» (№ 39, 1988 г.) об «антиперестроечном», по его мнению, Минске, так прямо, без экивоков, и написал: «Могу сообщить: еще один барьер против перестройки, возводимый вот уже столько месяцев, о который бился все это время, казалось, один Василь Быков, — затрещал этот барьер...»

Позволительно любопытствовать — что же это за барьер такой, о который в одиночку бился писатель В. Быков? В своей статье А. Адамович больше к этому не возвращается, но читатель (во всяком случае — белорусский) недолго оставался в неведении. Прошло две недели — и «затрещал» [...] Минск под попытками В. Быкова и его ближайших соратников создать «народный» фронт. Разумеется, в поддержку перестройки. Разумеется, исключительно в помощь простому рабочему люду, которого до сих пор никак не заставить понять, что все эти «штатные функционеры» и «наши идеологи» ничему хорошему не научат. В отличие, конечно, от самих В. Быкова, А. Адамовича и наиболее приближенных к ним лиц, у которых в каждом выступлении так и мелькают — «нравственность», «мораль», «долг»...

Вопрос о создании так называемого «народного» фронта — очень серьезный. Опыт наших соседей — прибалтийских республик — убедительно

свидетельствует, что действия фронта, не говоря уж об окопавшихся в нем политических экстремистах националистического толка, не всегда совпадают с задачами перестройки, равно как и с экономической, социальной, политической программами развития нашей страны.

Впрочем, мы не указчики нашим соседям, но что касается Белоруссии, тут мы вправе хорошенько поразмыслить, следует ли доверчиво внимать призывам «новообращенных» адептов «народного фронта» [...].

Чтобы с большей точностью и последовательностью представить себе ход событий, учтем и другую точку зрения, внимательно выслушивая доводы апологетов «учения» о фронте.

В этом плане наиболее показательное выступление в печати В. Быкова — его интервью «Московским новостям» (№ 45 от 6 ноября 1988 г.) под несколько интригующим названием «Белорусская инициатива». В первых же фразах ясно изложена позиция писателя: «Идеологические «штыки», встретившие инициативу «Мартиролога» [...], — тревожный симптом активного торможения перестройки в республике [...]».

Итак, вначале был упомянут «Мартиролог»: «На собрании «Мартиролога», — рассказывает в интервью В. Быков, — был представитель ЦК Компартии Белоруссии Р. Бузук. Когда выбирали правление «Мартиролога», он всеми силами пытался сорвать голосование. И не нашел ничего лучшего, как вытаскивать с трибуны председательствовавшего, требуя себе слова. Когда после голосования Бузуку предоставили трибуну, ему оказалось нечего сказать. Сидевшие в тот вечер в зале, я думаю, многое поняли...»

Многоопытный писатель несколько неверно описал происшедшее. [...] Когда В. Быков предложил председателем «Комитета-58» [...] избрать археолога З. Позняка, представитель ЦК КПБ попросил слова. Его долго «не замечали». Когда он прошел к микрофону и стал говорить, в зале заулюлюкали [...]. ...Два молодца с бело-красно-белыми повязками на рукавах, два «боевика» из «Талакі», приказали ему сойти со сцены. Он отказался. Тогда оратора за руки силой поволокли со сцены. [...]

Он вернулся к микрофону. Говорить действительно было больше не о чем. Но он — вновь под топот и улюлюканье — сказал, что ему стыдно за тех, кто сидит в этом зале и называет себя интеллигентами. И задал вопрос: «Если это у вас называется демократией, то что же тогда анархия?..» [...]

Не знаю, что имел в виду В. Быков, говоря о том, что присутствующие в зале «многое поняли». Может быть, поняли, что когда их — большинство, они могут безнаказанно унижать достоинство оппонентов, не разделяющих их взгляды? Но одно несомненно: в этот вечер люди, присвоившие себе право говорить друг о друге то как о «совести народа», то как о «герое перестройки» и т. д., приоткрыли свое истинное лицо. [...]

...Уже через три дня «инициативная группа народного фронта» [...] приготавлилась провозгласить «народный» фронт в Белоруссии.

Вот как это звучит у В. Быкова:

«Знаете, как организовывалась дискуссия с неформальным клубом «Современник» по поводу самой идеи народного фронта? Парткомы предприятий мобилизовали в Дом политпросвета около 900 человек... дать отпор «врагам перестройки». Врагами назывались известнейший белорусский писатель Адамович и редактор «Огонька» Коротич, якобы специально приезжающие из Москвы сеять смуту. Мне рассказывали, как объясняли людям, кто такой Адамович: наемник Тель-Авива, получающий оттуда доллары, чтобы содержать две квартиры, в Москве и Минске, и подкупать партийные власти...»

Неловко, поверьте, уличать В. Быкова в передергивании фактов. Ведь его читатели привыкли с доверием относиться к фамилии белорусского писателя. Однако придется вновь уточнять.

Никто из выступающих в Доме политпросвета А. Адамовича и В. Коротича «врагами перестройки» не называл. И уж тем более никому и в голову не приходило связывать имя Адамовича с «наемником Тель-Авива» [...].

Другое дело, что многие рабочие в своих выступлениях с горечью спрашивали о том, кто дал право А. Адамовичу оскорблять город Минск, обзывая его «антиперестроечной Вандеей»? И почему журналисты «Огонька» с готовностью предоставляют страницы издания для явно безответственных высказываний. [...]

Что же касается упомянутых В. Быковым 900 человек для «отпора врагам перестройки», то очень любопытно, откуда писатель взял такую цифру и почерпнул такие сведения? [...]

Очевидно, гипербола, уместная на страницах художественных произведений, не должна употребляться там, где речь идет о точном изложении ситуации. [...]

В том, что собравшиеся в Доме политпроса почти единогласно осудили не только программы «фронта», но и самую идею его организации, — В. Быков и его приверженцы видят лишь злой умысел и волю «идеологов», бабланную муштру исполнителей. Считая себя свободными от «психологии застоя», они укоряют всех, кто не поддерживает их идеи, в «несамостоятельности мышления». Знакомые обвинения. Но, может быть, в этом случае больше бы подошла белорусская пословица: «Сама себя жнея бьет, коль неровно жнет»? [...]

Многие рабочие, коммунисты, представители интеллигенции [...] откровенно возмущались, почему, по какому праву фронт называют «народным» [...]? ...Названия следует давать, очевидно, по имени создателей: фронт «Талакі», например, «Современника» или Быковский фронт. Точно и вполне соответствует истинному положению вещей. [...]

Подмена фактов эмоциями — прием, щедро использованный и В. Быковым в интервью. Огульно жалуясь на «клеймение и пригвождение», «наклеивание ярлыков» и «тон» разоблачительных публикаций в печати, сам он не

упускает случая выдавать нелестные характеристики — опять-таки огулом — «идеологам», заведомо ставя их в ложные позиции тупых антиперестроечных сил. Рядом, для сравнения, проводится и светлая параллель. Вот так мягко и вкрадчиво пытается он обелить подмоченную репутацию «Талакі»: «Даже если в программе «Толоки» не обошлось без перегибов...»

Да, можно охарактеризовать нынешнюю деятельность неформального объединения «перегибом», но можно — полным перевоплощением.

Когда-то, в самом начале, программа «Талакі» звучала так: «Изучение и пропаганда ленинских идей сохранения историко-культурного наследия советского народа [...]» и так далее. [...]

Летом нынешнего года в «ЛіМе» выступил со статьей о Куропатах З. Позняк.

Момент призыва к всеобщему раскаянию, провозглашенный З. Позняком, как нельзя более удачно совпал с решающим организационным периодом. Многие «неформалы» из «Талакі», «Тутэйшых», «Современника», «Альтернативы» составляли крепкое ядро для ведения пропагандистской, идеологической работы, для рекламирования и агитации за «народный фронт».

Не хватало только самого народа.

Похоже, эту задачу взялся решать сегодня З. Позняк. [...] Его же, для поддержания авторитета, всеми силами возвеличивают при любой возможности и А. Адамович, и В. Быков. Иногда это делают очень лукаво, как, например, В. Быков, в интервью упомянувший о том, что «люди, опустившись на колени, слушали речь З. Позняка...» (Вновь гипербола, «художественное» преувеличение, — однако, согласитесь, какой создается при этом образ!)

Задним числом пытается оправдать писатель и не всегда законные, мягко говоря, действия «неформалов», и почти постоянные политические перехлесты в речах З. Позняка [...], а заодно, кстати, и выдать наперед индульгенцию. «Все идеи на митингах, — раздумчиво говорит он в интервью, — как и сами митинги, рождены перестройкой, а не чем-нибудь другим...»

Расслабленный плавным течением речей читатель может зевнуть и заглотить крючок. Начни он доверчиво руководствоваться в оценке ситуации высказыванием В. Быкова, то получится, что попытки возродить буржуазные и мелкобуржуазные течения и под шумок направить перестройку в их русло, — родное дитя самой перестройки. [...]

Раз за разом наблюдая попытки всеми путями и несмотря ни на что создать «фронт» (словно кто-то все время в спину подталкивает), остается только сожалеть, что эти усилия, энергия затрачиваются, фактически, на противостояние своему народу.

«Мы должны сделать все, — сказал в заключение интервью В. Быков, — чтобы Белоруссия не стала Вандеей перестройки».

Не знаю, какой смысл вкладывает в слово «перестройка» белорусский писатель. Но знаю точно, что многие жители нашей республики, прочтя эти

строки В. Быкова, подумают, что они тоже должны сделать все, чтобы Белоруссия не стала игрушкой в нечестных руках.

Р. С. Когда материал был подготовлен к печати, В. Быков выступил в «Огоньке» со статьей «Дубинки против гласности». Что можно о ней сказать? Все те же передергивания фактов, шельмование. Все та же позиция.

Бумажкова Т. Барьер политической слепоты // Политический собеседник. 1989. № 1. С. 34—35, 36, 37.

Под видом спора с двумя писателями, Василем Быковым и Алесем Адамовичем, о неформальной молодежи она [Т. Бумажкова. — С. Ш.], допуская, мягко говоря, некорректные выражения, настойчиво доказывает общественности их нравственную несостоятельность. Убедимся в этом по выдержкам из ее статьи:

[...] «...Мягко и вкрадчиво пытается он обелить подмоченную репутацию «Талакі», «...Белоруссия не стала игрушкой в нечестных руках», — это, как я поняла, о В. Быкове. [...] Или же: «Расслабленный плавным течением речей читатель может зевнуть и проглотить крючок. Начни он доверчиво руководствоваться в оценке ситуации высказываниями В. Быкова, то получается, что попытки возродить буржуазные и мелкобуржуазные течения и под шумок направить перестройку в их русло — родное дитя перестройки».

Авторы подобной «публицистики» любят говорить, что они выражают плюрализм мнений. Но, извините, это не плюрализм...

Гульянц С. Это не плюрализм // Советская Белоруссия. 1989. 31 янв.

В. Быкаў адзін з тых, хто сэрцам адгукнуўся на перабудову, хто падтрымаў яе і пяром, і словам, і сваёй увагай да таго, хто выйшаў разам з партыяй на барыкады рэвалюцыйнага павароту, на адкрытую барацьбу з пасрэднасцямі, што вылучыліся і прыстасаваліся ў застойныя гады — з прадстаўнікамі магутнага пласта бюракратыі. І тут вось пачалося... Прытым тыя ж прыёмы, што і шмат гадоў назад... [...]

Нагадаю паасобныя выказванні Т. Бумажковай. Яе абвінавачванні накіраваны супраць апошніх выступленняў у друку В. Быкава і А. Адамовіча, супраць іх грамадскай дзейнасці. [...]

«Муціць ваду, каб спаймаць пару-другую рыбак. Для сябе, вядома». Пра якія рыбкі, дазвольце спытаць Т. Бумажкову, ідзе гаворка? Дзеля чаго В. Быкава і А. Адамовічу гэтыя «рыбкі»? Дзеля набыцця імя? Яно ў іх ёсць, ды яшчэ якое! Дзеля славы? Яе больш чым дастаткова ў абодвух і не толькі ў нашай краіне, але і далёка за яе межамі. [...]

Далей — болей. «Людзі прысвойваюць сабе права гаварыць адзін пра аднаго то як пра «сумленне народа», то як «пра героя перабудовы» і г. д., прыадкрылі сваё сапраўднае аблічча». Дазвольце, Т. Бумажкова, зрабіць адступленне. Пра «аблічча»...

Вам, пэўна, невядома, што ў гады вайны лейтэнант В. Быкаў пасля заканчэння ў 1943 годзе Саратаўскага артылерыйскага вучылішча быў накіраваны на «перадок» — у першы рад акупаў, туды, дзе забіваюць ці не кожную хвіліну. [...] Можа, вам невядома і тое, што на перадавой баец заставаўся жывым, не параненым і не забітым два-тры дні, камандзір узвода — тры-чатыры, камандзір роты — тыдзень-другі. В. Быкаў камандаваў узводам. Вы, пэўна, не чулі, што імя лейтэнанта Быкава высечана на брацкай магіле пад Кіраваградам [...].

Лёс збярог нам Быкава, і мы ўдзячны лёсу не толькі за яшчэ адно зберажонае жыццё, а і за тое, што падараваў народу сапраўдны талент. На жаль, сёйтой не даражыць гэтым і гатовы падкінуць абярэмца ламачча ў вогнішча, на якім у даўнія часы спальвалі ўсіх пакутнікаў, нязгодных з агульнапрынятымі поглядамі. Напэўна, гэтым «вогнераспальшчыкам» мала цкавання В. Быкава ў шасцідзесятых гады. А, можа, патрэбна новае «вогнішча»? [...]

Чалавек з сусветным імем, гонар і сумленне нацыі, чалавек, які любіць свой народ і сваю зямлю, Васіль Быкаў падвяргаецца астракізму. І дзе? На бацькаўшчыне!... [...]

...Вельмі хацелася б перасцерагчы ўсіх, хто піша і гаворыць, наконт аднаго — ёсць святыя мясціны, ёсць слаўныя імёны, ёсць высокія аўтарытэты.

І кім мы будзем, да чаго дойдзем, калі не будзем з імі лічыцца, не будзем іх паважаць?

Сульянаў А. Не інтэлігентна ўсё гэта! // Літаратура і мастацтва. 1989. 24 лют.

Обидевшись на статью «Барьер политической слепоты», автор [С. Гульянц. — С. Ш.] две трети своего выступления посвятила... защите «Альпийской баллады» В. Быкова и литературных трудов А. Адамовича. Только к концу она вспоминает собственно о теме разговора. [...]

Подвела под монастырь своих духовных учителей и С. Алексиевич. Пожалуй, с большим блеском провалить своих подзащитных еще не удавалось никому. С любезной подачи «Беларускай маладзёжнай» (от 14 января с. г.) на всю республику прозвучало ее высказывание о том, что «Адамович, оказывается, не воевал, а Быков чуть ли не наркоман». Сплетня, если верить С. Алексиевич на слово, привезена ею из Любанского района. [...]

В этой же радиопередаче два московских писателя — А. Анфиногенов и Ю. Черниченко также «осудили» автора неугодной им статьи. [...]

«Мы должны закрыть рептильной публицистике путь и прилагать все силы к тому, чтобы на страницы печати и в сердца наших читателей шла правда!» — горячо ратовал А. Анфиногенов. [...]

...В передаче Белорусского телевидения «Для вас» (от 22 января с. г.) Р. Бородулин долго и искренно сокрушался о том, что «Татьяна Бумажкова — однофамилица национального героя Белоруссии». Впрочем, нет худа

без добра. Потому что поэт, наверное, расстроился еще больше, узнай, что не только — однофамилица.

Свое сокрушенное сердце Р. Бородулин «сорвал» на следующем подвернувшемся под руку «обидчике» — кандидате философских наук В. Бегуне. Обозвав его для начала «антисемитом», поэт тут же доказал зрителям, что свое имя В. Бегун «набыў», критикуя тех же В. Быкова и А. Адамовича. [...] Если принять во внимание тот известный факт, что многие работы В. Бегуна посвящены рассмотрению, разбору сионизма, то что же хотел сказать Р. Бородулин, принародно ставя знак равенства между критикой сионизма и критикой А. Адамовича и В. Быкова? [...]

Р. С. Когда этот материал был подготовлен к печати, увидела свет статья А. Сульянова «Не інтэлігентна ўсё гэта!» [...]. ...Автор умудрился замолчать суть разговора, зато продемонстрировал неплохое владение техникой наветов, передергиваний и даже — откровенного хамства, столь неожиданного у офицера, отставного генерала. Неужели и на пятом году перестройки все еще не пришло время для А. Сульянова и «иже с ним» от подтасовок обратиться к конструктивному диалогу?

Бумажкова Т. Укротители иных точек зрения // Политический собеседник. 1989. № 4. С. 14, 15.

В. Быков: Мне думается, в наше время отношение к культуре другой нации является одним из основных показателей нравственной зрелости общества. [Тэкст прыводзіцца паводле газеты з хатняга архіва В. Быкава; тут і далей падкрэсліванне (курсіў) пісьменніка. — С. Ш.] Нельзя строить гуманное общество, тем более общество многонациональное, без уважительного отношения к языкам всех, даже самых малочисленных наций. Несмотря на известные успехи футурологии, будущее все-таки скрыто за пеленой неизвестности, и вполне может быть, что даже самая незначительная культура, развившись, станет способной обогатить великую человеческую культуру. Не всем нациям везло в истории. Некоторые исчезали, почти не оставив следов, и каждый раз для человечества это было невосполнимой утратой. Замечательный ученый и гражданин нашего времени академик Д. С. Лихачев с полным основанием ратует за сохранение остатков исчезнувших культур, призывает всеми силами беречь культуры уходящие. Так не в том ли задача ныне живущих, чтобы XXI век стал веком гуманистическим?

Проблема национальных языков в том виде, в каком она предстала сегодня, вовсе не лингвистическая проблема, как это иным кажется, а гуманистическая и уж наверняка насущнейшая для нашей демократизации. Если бы не было того, что мы пережили в сталинское и «застойное» время, и наша культура развивалась в нормальных демократических условиях, не встала бы и эта во многих отношениях неожиданная проблема. Нации бы сумели безболезненно, естественным путем разрешить ее в процессе демократиче-

ского саморазвития. Увы, естественного развития не было, и мы уперлись в нее, словно в бетонную стену. [...]

Язык — это самое ценное богатство нации.

Хотя издавна в жизни существуют, я бы сказал, два полярных взгляда на язык. Одни видят в нем средство общения, другие — душу народа, выражение его характера, самобытности. Можно сказать даже, что это своеобразный генофонд национальной культуры. Так, например, известно, что белорусы на протяжении столетий были лишены собственной государственности, существовали в условиях жестокого социального угнетения. Мы были лишены многого. Но всегда с нами оставался родной язык, существовал фольклор, и это давало надежду на возрождение национального самосознания, культуры и государственности. Лишившись языка, мы бы исчезли с лица земли, как некогда исчезли летописные ятвяги, населявшие северо-западную Белоруссию.

Есть национальный язык — следовательно, есть и национальность.

Проблема национального языка продолжает существовать в атмосфере неготовности нашего сознания к ее радикальному разрешению, хотя последнее так просто и естественно в условиях демократизации. И это разрешение мне видится вовсе не за счет языка межнационального общения или какого-либо другого. Межнациональные противоречия лишь тогда сколько-нибудь успешно разрешаются, когда это не ущемляет интересы других наций. В случае же с языком возникает недоумение: кого может ущемить его знание? Или общение на основе этого знания? В жизни должны найти мирное сосуществование многие языки народов СССР, безусловно, при наличии одного общего для всех языка межнационального общения, каковым общепризнанно является русский. Какому быть главнее? Я думаю, что этот вопрос в данном случае не правомерен: родной — это родной (как мать, отец, Родина), а приобретенный — для дела, для жизни, для общения с людьми других национальностей.

Однако следует признать, что такая схема хороша лишь в идеале. На практике получается иначе. Наша школа в национальных республиках давно и уверенно выдвинула русский язык в качестве альтернативного родному, и миллионы учащихся пренебрегают языком предков. Но, лишённые той основы, какой является родной язык, они обрекают себя на языковую безграмотность.

М. Шиманский: Проблема двуязычия легче разрешима, скажем, в Латвии и Армении, а как быть уйгуру или дунганину в Киргизии? Непременно изучать и русский, и киргизский, и родной языки?

В. Б.: Языковая проблема в различных регионах страны неодинакова. Если для эстонцев главная ее трудность — приобщение к русской языковой стихии, то для белорусов — возвращение к коренному языку, едва ли не напроць выведенному из употребления. Сейчас невозможно обойтись без знания русского языка ни в одной из республик, ни в одной из сфер человеческой

деятельности. Но и безболезненно пренебречь национальным языком в национальной республике — точно такой же жизненный алогизм. Этническое многоязычие, о котором пишет доцент В. Шелике, — вовсе не оправдание для языковой унификации. [...]

В двадцатых и частично в тридцатых годах в Белоруссии, кроме белорусских, существовали также русско-польско-еврейскоязычные школы, которые со временем упразднили якобы для укрепления белорусских школ. Но такая нетерпимость к иноязычным школам обернулась в результате ликвидацией и белорусских школ тоже. [...]

Унизительно и нетерпимо в наше время чувство национальной ущемленности, возникающее, когда люди коренной национальности стесняются общаться принародно на языке предков. В конечном счете именно это в первую очередь и приводит к национальному нигилизму, к отказу от национальных корней. А с другой стороны, порождает экстремистские выпады нетерпеливцев, подогретые уязвленным национальным самолюбием.

М. Ш.: Василий Владимирович, а как вы все-таки видите решение этих проблем?

В. Б.: Проблемы такого рода принято решать внутри демократического общества, не вынося их на межнациональную арену. Очень жаль, что у нас так не получается. Но ведь мы учимся демократии, хотя, судя по всему, только постигаем ее азы. И в этой обстановке, по-видимому, не обойтись без всесоюзного форума, без подлинной гласности, без понимания и поддержки всех наций, в первую очередь русского народа. Русская интеллигенция — вот та общественная сила, которая должна первой понять всю сложность этой проблемы, понять, что стремление народов к языковому самоопределению — не извращение досужих умов, не замена знанию русского языка, а необходимость.

Зачастую под покровом интернационалистской фразеологии выступают самая замшелая косность, консерватизм, идейная нетерпимость прежних застойных лет. Интернационализм такого рода не что иное, как слегка замуфлированный шовинизм. Однако в наше время это явление научилось искусно маскироваться и редко выступает в чистом виде. Наиболее отчетливо это проявляется по отношению к инородцам, что откровенно и с завидной последовательностью демонстрирует нам общеизвестная «Память». [...]

М. Ш.: Но при основательном изучении русского языка в республиках, а это безусловно необходимо, наверное, и переводить придется меньше. Языки будут нормально сосуществовать в обиходе каждого человека. И очень важно избежать перекосов, шараханья от одной полярной позиции к другой. Но вот Л. Львов из Барановичей категоричен в своей позиции: «Никак не могу понять крикливую суету вокруг искусственно созданного вопроса о языке у нас в Белоруссии. От обязательности обучения на том или ином языке попахивает национализмом».

В. Б.: Я бы отмел зачастую вздорные обвинения в национализме людей, выступающих против языковой дискриминации. В большинстве своем это честная молодежь, а также глубоко чувствующие *интеллигенты*, озабоченные тем, что, может быть, еще не для всех стало самоочевидностью. Их явная, а во многих случаях и кажущаяся нетерпеливость в этом вопросе — это, безусловно, реакция (пусть не всегда адекватная и оправданная) *на те проявления несправедливости, которые в течение десятилетий формировали языковую проблему*. В Минске я знаю случаи, когда в защиту исчезающего национального языка встали молодежные, так называемые неформальные объединения («Тутэйшыя», «Талака», «Паходня» и некоторые другие), *сразу же получившие отпор со стороны части руководства, немало повинного в том положении, которое создалось*. Но запретители, очевидно, полагают, что всякая инициатива, исходящая *не сверху*, противозаконна.

Василь Быков: *Язык — душа народа / Инт. М. Шиманского // Известия. 1988. 8 окт.*

Яны [Я. Кулік, М. Купава ды іншыя. — С. Ш.] мне паведамілі, што мастакі падрыхтавалі ліст у Маскву з нагоды бядотнага стану беларускай мовы і цяпер збіраюць подпісы. [...]

Я падпісаў ліст, які празь дзень-другі, папоўнены іншымі подпісамі, мастакі адправілі ў Маскву — Гарбачову.

Асабіста я прычыніўся да моўнай справы не ўпершыню. Год таму надрукаваў у «Известиях» артыкул менавіта ў абарону мовы, нядаўна з тым жа выступіў па маскоўскім тэлебачанні ў прамым эфіры. Тады маім калегам у студыі НТВ быў выдатны ўкраінскі пісьменьнік Уладзімер Яварыўскі, і мы ўдвух зьвярталіся да расейскай інтэлігенцыі дапамагчы нам абараніць нацыянальныя сьвятыні. Водгуку, на жаль, нікага ня мелі. Зянон Пазьняк надрукаваў у эстонскім часопісе «Радуга» выдатны артыкул, прысьвечаны лінгвацыду нашае мовы. Нямала выступалі ў абарону мовы Ніл Гілевіч, Рыгор Барадулін, Анатоль Вярцінскі ды іншыя пісьменьнікі. Цяпер мы ўпершыню зьвярталіся непасрэдна да генэральнага сакратара ЦК КПСС. [...]

Між тым адказу падпісантам з ЦК КПСС доўга не было, хаця ніхто яго дужа і не чакаў. І раптам навіна — прыехала камісія разьбірацца з праблемай мовы ў Беларусі. Пачалі выклікаць, як і належала — сакрэтна, па адным, у асобны кабінэт будынку ЦК. Мяне паклікалі ці не адным зь першых. У кабінэце сядзелі два надзьмутыя чыноўнікі са Старой плошчы, тут жа прыткнуўся Іван Антановіч. Гутарка скіроўвала такім чынам, што падпісаны не разабраліся, прыватныя факты («факцікі») выдалі за тыповыя і ў выніку напісалі няпраўду, што кладзе пляму на партыйную палітыку ў Беларусі. Мова беларусаў нармалёва функцыянуе, пасьпяхова разьвіваецца, агульныя тыражы беларускамоўных газэтаў у параўнаньні зь мінулай пяцігодкай узраслі на ... працэнтаў. 80 працэнтаў усіх школаў

у Беларусі беларускамоўныя. «Ды няма ніводнай беларускай школы!» — не ўстрымаўся я. Чыноўнік адразу змоўк. Ён не прывык, каб яму прэрэчылі ці нават яго перапынялі. Памаўчаўшы, сказаў, што заўтра яны паедуць па абласьцях і на мейсцы пазнаёмяцца з моўнай абстаноўкай.

Праз колькі дзён паклікалі зноў. Другі раз Антановіча не было, у кабінэце сядзелі толькі масквічы. Яны бадзёра паведамлілі, што ездзілі на Гродзеншчыну, асабіста зайшлі ў выпадковую на іхнім шляху школу, і тая школа аказалася цалкам беларускай. «Якая гэта школа? — запытаўся я. — Напэўна, у Гудзевічах?» Чыноўнік зьбянтэжана ўстаў і сказаў: «А вы адкуль ведаеце? Хто вам сказаў?» — «Каму ж не вядома, дзе ў нас беларуская школа напакказ? У Гудзевічах. Там і настаўнік такі — беларускі энтузіяст Белакоз». Тыя два зазірнулі ў паперку — так, Белакоз, ага... [...]

Як і трэба было чакаць, карысьці з нашага ліста было няшмат, нічога ў моўнай праблеме не змянілася. Змаганьне за яе даўно набыло хранічны характар, то разгаралася, то затухала безь якіх-небудзь вынікаў.

Быкаў В. *Доўгая дарога дадому*. Мн.: ГА БТ «Кніга», 2003. С. 447, 448—449, 450—452.

Э. Аграновская: Как вы полагаете, Василь Владимирович, это нормальное, естественное развитие процесса, именуемого перестройкой, когда самый высокий градус напряжения связан с межнациональными отношениями?

В. Быков: Вы имеете в виду национальные республики?

Э. А.: Да, конечно.

В. Б.: Это, очевидно, неизбежно. Хотя по большому счету быть не должно. Ибо все-таки в национальной республике главное должно определяться волей коренного населения. И это совершенно естественно. Это элементарно. Ведь никому не придет в голову, скажем, во Франции, хотя там тоже много выходцев из других стран, требовать от французов перестроить свои традиции в угоду национальным меньшинствам. А вот у нас это возможно. Конечно, это не что иное, как рецидивы антидемократических времен, пережитки сталинизма. Хотя лично я полагаю, что национальные меньшинства в республиках имеют право на свое национальное развитие, развитие своей культуры сообразно собственной воле. Это тоже совершенно естественно. И если коренное население не обеспечивает им этой возможности, это очень плохо, это также антидемократично.

Э. А.: Но насколько я успела понять, в Белоруссии сегодня со всей очевидностью просматривается не столько межнациональное, сколько политическое противостояние?

В. Б.: Да, скорее политическое. Потому что мы просто еще не вышли из состояния, навязанного сталинскими тенденциями. Внедренные в двадцатые, тридцатые, сороковые годы, они глубоко проникли во все части насе-

ления, и белорусского, и небелорусского. Вот поэтому пока противостояние проходит именно на этом рубеже — сталинизма и антисталинизма. Но уже кое-что просматривается и в смысле национального размежевания. И хотя национальное самосознание белорусов, резко ослабленное в прежние годы, еще только-только пробуждается, оно уже, тем не менее, встречает противодействие небелорусского, в основном, русского населения, которое усматривает в этом угрозу своих интересов.

Э. А.: И она действительно существует, эта угроза?

В. Б.: Откровенно признаться, никакого ущемления не только нет, но еще долгое время и быть не может. Если вообще не исключено. Ведь вся культура в Белоруссии, в общем-то, прорусская. И если сейчас мы, деятели белорусской культуры, забили тревогу, то потому, что исчезает последний оплот национальной культуры — язык. Появилась угроза исчезновения белорусского языка. Хотя сейчас и идут разговоры и требования насчет придания ему статуса государственного, состояние, когда белорусский язык стал бы доминирующим, весьма проблематично. И если здраво поразмыслить об этом, то русскому населению нечего тревожиться. По крайней мере, в ближайшие годы русский язык и все, что касается русской культуры, будет обеспечено совершенно. [...]

Э. А.: Василь Владимирович, раньше вы тоже так много занимались общественной деятельностью, или это перестройка вас вовлекла?

В. Б.: Да вы знаете, я не общественник, я не люблю эту деятельность.

Э. А.: Вот и мне так припоминается. Жили вы не в столице, а в Гродно, и довольно замкнуто...

Э. А.: Конечно! И это понятно: писатель — это кустарь-одиночка. Это единоличник и индивидуалист. Иначе и быть не может. А сейчас просто... знаете, по-другому и нельзя. Вот мы говорим: развернулась перестройка. Но перестройка вызвала к жизни дремавшие доселе народные силы, народную энергию. Это понятно и это уже общепризнано. У молодежи она проявилась в самой популярной ныне форме — неформальных объединений. Эти неформальные движения, например, в Прибалтике привели к каким-то значительным сдвигам в общественно-политической жизни. У нас они пока что не привели. Потому что с самого начала встретили колоссальное противодействие партийной бюрократии, которая, по сути, поставила их деятельность в условия полной невозможности. [...]

Э. А.: Откровенно говоря, мне совершенно непонятно, кто выигрывает от этого противостояния, в котором искусственность столь очевидна. И действительно, почему бы не разрешить им пройти по площади своей колонной, с бело-красно-белыми национальными флагами? Кому от этого был бы вред?

В. Б.: Видите ли, все дело в том, что наше руководство консервативно, и этот консерватизм опять же унаследовало от тех прошлых времен. Поэтому оно и не идет ни на какие уступки, ни на какие признания массовых движе-

ний. В печати проведена не одна кампания шельмования неформалов. И ни одна строчка из программ и деклараций неформальных объединений не напечатана. Наоборот, печатают только комментарии и критику, где позиция неформальных объединений и Народного фронта всячески извращается. А что касается знамен, о которых вы упомянули, то год назад наша партийная пресса напечатала материалы, которые доказывают, что эти знамена дискредитированы националистами в годы войны, что под ними расстреливали неповинных людей и так далее.

Э. А.: Интересно, эти критики не боялись некоторых сопоставлений?

В. Б.: Очевидно, нет, если их логика не шла дальше названных утверждений. А далее Верховный Совет принял указы, по которым национальная символика фактически была запрещена в уголовном порядке. Это возмутительно, поскольку белорусским национальным символам более пяти веков. И еще в Грюнвальдской битве наши полки воевали под ними против немецких рыцарей. А сейчас их не признают. Смешно, конечно, не признавать то, что освящено временем, кровью, пролитой за правое дело, и все это, по меньшей мере, несерьезно. Тем не менее мы сейчас говорим, что ратуем за правовое государство. И вот пока молодежь на митингах ведет по этому поводу дискуссии, правительство принимает указы и, так сказать, укрепляет Уголовный кодекс в этом направлении. При этом никто ведь не добивается подмены государственного флага национальным — речь идет о том, чтобы наряду с государственным допустить употребление исторического. Ведь существует же у нас масса спортивных флагов, да и в государстве наряду с красным флагом с серпом и молотом и со звездой есть же еще, скажем, флаг авиации, есть флаг Военно-Морского Флота, который, по сути, представляет собой Андреевский флаг. [...] Но у нас метод запрета стал самой популярной формой взаимоотношений властей и неформалов. [...]

Э. А.: Василь Владимирович, как вы лично ощущаете себя в этой ситуации? Вы писатель с мировым именем, чей высокий нравственный авторитет признан всеми, кроме, кажется, властей в вашем родном отечестве?

В. Б.: Я пытался и писать, и обращаться в государственные органы, но... На сессии Верховного Совета республики меня очень критиковали.

Э. А.: За что? За то, что в мире благодаря вашему творчеству узнали, что есть такая Белоруссия и что в Советском Союзе, слава богу, есть писатели?

В. Б.: Боже мой! Когда-то, в прежние времена, была в ходу такая пословица: был бы человек, а статья найдется. Была бы антипатия к какому-то человеку, а причины для критики найдутся всегда. Конечно, прежде всего, за мою общественную позицию по отношению к противникам перестройки. Это уже звучит затерто, но по сути своей — верно. Например, Алесь Адамович уже давно, указывая на конкретные имена нескольких руководителей, написал, что Минск — это белорусская Вандея. После этого у нас произошли события 30 октября [...]. Я написал об этих событиях в «Огоньке» — это вы-

звало здесь бурю негодования среди руководства. Ну и в белорусской партийной прессе была напечатана масса статей против меня и Адамовича.

Аграновская Э. Смешно не признавать то, что освящено временем / Инт. с В. Быковым // Молодежь Эстонии. 1989. 13 мая.

Пад пагрозай вымірання наша культура, наша старажытная мова. Дамагчыся іх аднаўлення старымі бюракратычнымі мерамі, мерамі пастаноў і камісій — мусіць, марная справа, для таго патрэбны высілки ўсёй грамады. Але каб намагчыся на тыя высілки, перш трэба ўсвядоміць, што нам пагражае. І хоць як-небудзь арганізавацца. Патомкі нам не даруюць, калі на жыцці нашых пакаленняў перапыніцца гістарычны шлях нацыі і на яе касцях народзіцца бяспмятнае племя манкуртаў. Ужо відаць пэўна, што эканоміка рэспублікі напярэдадні краху, і калі не будуць прыняты радыкальныя меры, у хуткім часе нас чакае галеча, картачная сістэма, усеагульная беднасць, пакутны лёс заняпалай краіны. Дзіўна, што тыя, ад каго мы гэтак залежым, зачараваныя магіяй планавання і планавыканання, не хочуць усвядоміць, якая бяда насоўваецца на рэспубліку.

Наш рух не дамагаецца ні багацця, ні ўлады. Але мы не хочам усенароднай галечы і прагнем справядлівасці. Здаецца, што беларускі народ за сваю надта драматычную гісторыю заслужыў лепшай долі, чым тая, якой яго адарыла шматгадовае панаванне бюракратычнай сістэмы. Урэшце, толькі сляпы не бачыць, што гэтая сістэма аджыла сваё і не можа даць народу нічога. Цяпер яна занепакоена адным: праблемаю сваёй улады. Як, зрэшты, і заўсёды.

Шматпакутны народ Беларусі не баіцца цяжкасцей, не цураецца працы. Ён толькі хоча, каб гэтая праца не была марнай і ішла на карысць хоць каму-небудзь, калі не яму самому. Нядаўнія дзесяцігоддзі, аднак, засведчылі, што гэта элементарнае спадзяванне — самае праблематычнае. Напружаная праца мільёнаў, шматгадовае абмежаванне імі сваіх элементарных патрэб замест належнага плёну неслі гора ды расчараванні. Варта прыпамятаць, што нам даў Афганістан, Афрыка, Блізкі Усход, Цэнтральная Амерыка. Колькі яны нам каштавалі і чым адплацілі. Усё тое — несумненны вынік непамерных амбіцый, бескантрольнасці ды імперскай прагнасці нядаўняга палітычнага кіраўніцтва дзяржавы. Нацыянальныя і эканамічныя катаклізмы сацыялістычных краін — таксама вынік іхняй нецярпімасці, паліцэйскай, па сутнасці, знешняй палітыкі. Увесь свет сацыялізму ўстрыжаны крызісам, у які яго ўвялі, і шукае выйсця. Сотні разоў ашуканыя, мы сваё выйсце павінны знайсці самі.

Наш рух за перабудову з'яўляецца нацыянальным па форме і дэмакратычным па зместу. У ім знойдзецца месца ўсім нацыям, з якіх складаецца народ Беларусі. [...]

Мы ступілі на цяжкую дарогу дэмакратычнага пераўтварэння жыцця, і на гэтай дарозе нас, мусіць, чакае рознае. Але мы маем упэўненасць: зорка нашага лёсу свеціць нам спераду.

Ззаду галеча, змрок, сталінскі таталітарызм.

Таму з вялікім клопатам і не меншай надзеяй адгорнем новую старонку нашай шматпакутнай гісторыі.

Тэкст выступлення В. Быкава, дасланы на I з'езд БНФ. Быкаў В. Крыжовы шлях. Мн.: Гронка, 1998. С. 74—75, 76.

Расказваў ён і пра свае рахункі з ГБ. Казаў, што ў Менску рукапісы ў яго кралі ня толькі на дачы, але і дома, на Танкавай. Калі я спытаўся пра зьніклых за мяжой арыгіналы рукапісаў, Васіль Уладзімеравіч расказаў, што дзеля той справы не паехаў на першы зьезд БНФ. Парыскае выдавецтва прапанавала Быкаву выдаць Поўны збор яго твораў, адзіная ўмова — даслаць тэксты з арыгіналамі рукапісаў. У Васіля Ўладзімеравіча якраз надарылася паездка ў Гішпанію, якую ён вырашыў скарыстаць для перадачы рукапісаў у Парыж, бо на савецкую пошту з-за ГБ не спадзяваўся. У Гішпаніі нейкі былы савецкі гішпанец дапамог яму запакаваць усё, і яны адправілі рукапісы на ўказаны парыскі адрас. Як вядома, усё зьнікла бязь сьледу. У пачатку 1990-х гадоў Быкаў сам прыехаў у Парыж і стаў шукаць тое выдавецтва. Аказалася, што такога няма і не было. Васіль Уладзімеравіч казаў, што яму асабліва шкада першага варыянту «Мёртвым не баліць», бо ён з-за бясконцых пераробак страціў адчуваньне «явы» — без арыгіналу ён сам ужо ня мог сказаць, які варыянт першасны, сапраўдны. А я думаў пра маштаб гэтай страты для беларускай культуры... Каму было важна, каб творы Быкава ніколі не былі выдадзеныя ў нязьмененым цэнзурай выглядзе? Таму, хто гэтую цэнзуру і дапільноўваў.

Абламейка С. Вясна з Быкавым // Быкаў на Свабодзе. С. 583.

С. Навумчык: Вярхоўны Савет БССР прыняў Дэкларацыю аб дзяржаўным суверэнітэце рэспублікі. Як вы, Васіль Уладзімеравіч, успрынялі гэты дакумент? [...]

В. Быкаў: [...] Я адношуся да гэтай дэкларацыі спакойна. Прыняцце яе (або непрыняцце), па сутнасці, нічога не можа змяніць у жыцці рэспублікі, так што значэнне дэкларацыі чыста тэарэтычнае. Добра, канешне, што наш парламент намогся на такі крок, напэўна, архірадыкальны ў ягоных вачах. Але, мабыць, не трэба асаблівай палітычнай праніклівасці, каб вызначыць рэальную цану таго кроку.

Дэкларацыя мае нямала сваіх аналагаў-папярэднікаў, выдатных ва ўсіх адносінах, складзеных з самых пафасных фраз, а часам і з найлепшых пажаданняў. У нашай Канстытуцыі са сталінскіх часоў красаваліся бліскучыя артыкулы аб правах грамадзян «на труд, на отдых, на образование», абвяшчалася свабода мітынгаў і дэманстрацый, права выбіраць і быць выбранымі... Але на працягу дзесяцігоддзяў мы гэтую Канстытуцыю ўспаміналі толькі тады, калі ў ёй нешта мянялі, каб, змяніўшы, тут жа і забыцца аб ёй. Жылі

не па Канстытуцыі — жылі па параграфам чарговых пастаноў, дырэктыў, па званках начальства. Менавіта яно, начальства ўсіх рангаў, вызначала палітыку, эканоміку, быт і нават мараль грамадства.

Мабыць, для таго, каб дакументы такога роду адпавядалі свайму наміналу, патрэбны адпаведны палітычны ўзровень народнай свядомасці, выразна дэмакратычная воля яго кіраўніцтва. А тут якая воля, калі ў зале Вярхоўнага Савета, які прымаў дэкларацыю, панаваў амаль хаўтурны настрой, бо ўсё гэта рабілася супроць волі большасці, пры крайняй раздражнёнасці некаторых дэпутатаў з партгрупы. [...]

С. Н.: Нядаўна вы прымалі ўдзел у канферэнцыі БНФ «Адраджэнне», якая ўзяла курс на незалежнасць Беларусі, выказала адносіны да КПБ і да Вярхоўнага Савета рэспублікі. Ужо сам па сабе ваш удзел у канферэнцыі — сведчанне палітычных і чалавечых прыхільнасцей Васіля Быкава. Між тым, сёння лідэры БНФ досыць самакрытычна ацэньваюць дзейнасць руху. Што, на вашу думку, трэба, каб ён шырыўся, набываў новых прыхільнікаў?

В. Б.: Я лічу, што ў сучасных умовах у Беларусі манапольнасць КПБ застаецца рэальнасцю, якую яна (КПБ) не збіраецца ўсур'ёз парушаць. Наадварот, як сказаў у сваім інтэрв'ю газеце «Правда» Я. Я. Сакалоў, партыя «ізбрала свой путь и идет по нему, не сворачивая». Які гэта «путь», мы добра ведаем, і куды ён прывёў, адчуваем на сабе штодня. Дык што ж можа падправіць гэтую яе хаду «не сворачивая»? Як сказаў той жа Сакалоў у тэлеінтэрв'ю, у нас зараз няма іншай палітычнай сілы, якая б магла замяніць КПБ.

Увогуле гэтае сцвярджэнне недалёка ад ісціны, бо менавіта КПСС за гады свайго панавання мэтанакіравана і няўхільна вытручвала ў грамадстве ўсё палітычна жывое, колькі-небудзь нацыянальна-свядомае, пакідаючы ззаду і наўкола ідэйную пустэчу, тлен і магілы. Не дзіва, што цяпер і не будзе каму з ёй параўнацца. Але ганарыцца тут няма чым. У той таталітарнай нецярпімасці і яе выніках — не заслуга, а вялікая бяда і самой партыі. Вельмі можа так стацца, што, канчаткова абанкруціўшыся, яна сама выпусціць з рук уладу, якой ужо не ў стане будзе карыстацца, але, на бяду нацыі, тую ўладу не знойдзецца вартага ўзяць. На чарнобыльскім могільніку можа не аказацца ніякай палітычнай сілы. Тыя новыя партыі, якія цяпер «для прыліку» ствараюцца са згоды КПБ, будуць залежныя ад яе ласкі і не прычыняць ёй вялікага клопату. А вось БНФ з першага дня свайго існавання чыніць ёй немалы клопат. І яна адказвае яму адпаведна. Па-першае, валадарачы ў Саветах, праваахоўных і карных органах, яна яго не прызнае дэ-юрэ. Па розных прычэпках — важных, дробязных, смешных — вопыт такога роду кручкатворства ў яе самы багаты. Але і не прызнаючы, праследуючы па суду яго кіраўнікоў, учыняючы гвалт і беззаконне над яго актывістамі, яна не можа цалкам ігнараваць ягоныя «крамольныя» ідэі, бо гэта сапраўды народныя ідэі, што ідуць з глыбіні свядомасці нацыі.

Звычайна, як паказала практыка, тыя ідэі праходзяць тры стадыі. Спярша за іх б'юць гумовымі палкамі на мітынгам і шэсцях, затым нейкі час на

іх не звяртаюць увагі. А пасля ў перакладзе на рускую мову іх прымаюць у якасці артыкулаў новых законаў, зрабіўшы выгляд, што яны толькі што вынайдзены партапаратам. Так было з многімі палажэннямі эканамічнай рэформы, з законам аб дзяржаўнасці беларускай мовы, так сталася і з Дэкларацыяй аб суверэнітэце, аб якім яшчэ месяц назад ніхто не мог заікнуцца ў Вярхоўным Савеце БССР. На чарзе афіцыйнае прызнанне гістарычнай беларускай сімволікі. Пра старшыню сойма БНФ дэпутата З. Пазняка многія месяцы распаўсюджвалі самыя брыдкія чуткі (аж да недарэчнае сувязі з фашызмам), яму затыкалі рот на ўсіх форумах, не друкавалі ягоных твораў. Але ўсё ж ягоная праўда прабіла свой шлях да народа, і той убачыў, які гэта разумны, адукаваны, а галоўнае — да ахвярнасці самаадданы палітык, сапраўдны лідэр нацыі, якіх у нас заўжды бракавала. І ўжо на апошняй сесіі ВС сярод дэпутатаў пачулася: «Во хто прэзідэнт!»

І сапраўды, чым не прэзідэнт. Але такая людзі, як З. Пазняк, прэзідэнтамі становяцца там, дзе ў наш час Дэкларацыю аб суверэнітэце прымаць не трэба, дзе яна ўжо даўно ажыццёўлена.

Васіль Быкаў: Будучыня Беларусі залежыць ад адзінства і згуртаванасці левых сіл / Інт. С. Навумчыка // Літаратура і мастацтва. 1990. 3 жн.

З вялізнаю скрухай і клопатам мушу сказаць, што ніводная еўрапейская нацыя не трапляла ў такое катастрофічнае становішча, у якім апынулася наша беларуская нацыя. У нас знікае не толькі гістарычная, культурна-нацыянальная, але і элементарна-біялагічная перспектыва. Чарнобыльская бяда накрыла нашу зямлю саванам пагібелі, з-пад якога невядома як выбрацца. Яшчэ раней шмат год і дзесяцігоддзяў нашыя пакаленні старанна і паслядоўна вытручваліся ідэалагічнай атрутай, нас упарта адчужалі ад нашай нацыянальнай існасці, разбуралі нашу духоўнасць, пры жыцці ператварылі ў бязмоўных, пакорлівых, бяспраўных істот. І шмат у тым дамагліся. Мы апынуліся на краі, на самым беражку прорвы небыцця. І хто нас уратуе?

Уратаваць сябе можам толькі мы самі [...]. Але каб хоць чаго-колечы дамагчыся, мы павінны выразна бачыць нашыя мэты і разумець перашкоды, што непазбежна паўстануць на нашым шляху. Мы павінны бачыць ворагаў нашага выратавання, разумець, хто яны. Па чыёй міласці мы страцілі нашу гісторыю, нашу духоўнасць, нашу дзяржаўнасць, наша апошняе нацыянальнае прыпірышча — мову. І зразумець, як тое адбылося. [...]

Вядома, у тым, што з намі сталася, ёсць вінаватая, ёсць прычыны, да канца, пэўна, яшчэ не ўсвядомленыя чалавецтвам. Але вялізная віна ў тым падае на нас, нацыянальную беларускую інтэлігенцыю. Мы капітулянты! Узяўшы ад свайго народа ягоны глыбінны талент, ягоныя зберажоныя ў вяках творчыя здольнасці, мы не здолелі выхаваць у сабе характар, патрэбны ў такіх жорсткіх гістарычных варунках; гнуткі, цвярозы і хітры розум. Пасля самых

першых, безумоўна, жахлівых сталінскіх урокаў наша інтэлігенцыя, падобна, спалохалася на ўсё жыццё. Яна дружна саступіла на шлях самавыратоўчага эгаізму, непрыкметнага канфармізму. У той меры такога не здарылася з рускай інтэлігенцыяй, не здарылася з украінскай, я ўжо не кажу пра інтэлігенцыю Закаўказзя ці Балтыі. А з нашаю, на няшчасце, здарылася. Нейтралізаваўшы інтэлігенцыю, з нацыяй можна было рабіць усё, што хочацца. І рабілася. І робіцца па сёння. Хіба што сёння спосабы ўздзеяння на інтэлігенцыю ў чым-коlechы змяніліся, характар жа інтэлігенцыі не спяшаецца мяняцца. Тое відаць хоць бы па адносінах яе да БНФ, па паводзінах творчых саюзаў. Дзіўна, але факт: мы не толькі не супраціўляемся гвалту і прыгнёту — мы іх быццам бы прагнем. Як тыя мазахісты, мы выхавалі ў сабе пэўную здольнасць да асалоды ад прынукаў, несправядлівасці і ганьбы. Ашуквайце нас, падманвайце — нам тое нават прыемна! Чым ашуквайце? Абы-чым, мы з радасцю паверым. [...]

А дзе нашыя ідэі? Калі ўжо не ўласна нацыянальныя, дык хоць бы спрадвечна-чалавечыя, несумненныя, хрысціянскія? З вялікай лянотай мы ставімся да таго, што ідзе ад сучаснага апостала Беларусі Зянона Пазняка, таксама як і ад самога Ісуса Хрыста. Памкненні таго і другога мы зняважліва тапталі гадамі і цяпер не спяшаемся падбіраць з долу.

Але, відаць, без тых ідэй не абыдземся, мусім да іх вярнуцца. Найперш, каб адрадыць нашу нацыянальную самасвядомасць, старадаўнюю народную культуру, канчаткова адцурацца ад рэшт бальшавізму, выкінуць з галавы пачварны камуністычны прывід і рашуча павярнуць нацыю да еўрапейскай цывілізацыі. Не для таго, каб забагацець, — каб не ўмерці.

З выступлення В. Быкава на ўстаноўчай канферэнцыі Згуртавання беларусаў свету «Бацькаўшчына» 10 верас. 1990 г. Бацькаўшчына кліча! // Літаратура і мастацтва. 1990. 12 кастр.

Ён і адкрыў уступным словам з'езд, што было вельмі сімвалічна: Янка Купала марыў аб такім з'ездзе і за восемдзесят год да таго кінуў кліч: «На вялікі сход! Па Бацькаўшчыну!» А цяпер менавіта Васіль Быкаў ажыццяўляў тую мару і кліч. [...]

В. Быкаў у сваім слове падкрэсліў: «...І на Радзіме, як і ў эміграцыі — ідэйна-палітычны вэрхал, што настаў пасля дзесяцігоддзяў таталітарызму. І тут нацыя, роднасная па крыві, расколота, разладжана, разбэшчана, размыта палітычна, а цяпер і ў сацыяльным, маральным, моўным і культурным сэнсе. [...] Але гэтая славутая талерантнасць, здаецца, робіцца нашым злым ліхам. Пасіянарнасці не стае нашай нацыі, палітычнае волі нашаму грамадству, як і нацыянальнай выразнасці таго ж грамадства. [...]

Мы не маем права забываць злачынства нямецкага фашызму, як і камуністычных НК, НКУС, КДБ, рукамі якіх загублена не меней, чым загінула ў гады вайны. Магілы іх ахвяр скрозь на беларускай зямлі... [...]

Распалася савецкая імперыя, але ў нас у галоўным мала што змянілася ад гэтага. Нават тыя малыя рэшткі дэмакратыі і свабоды, якія вялізарнымі высылкамі дэмакратычных сілаў, найперш іх авангарду — Беларускага народнага фронту, — адваяваны ў камуны, рызыкуюць быць адабранымі назад.

Радзіма патрэбна дыяспары, але і дыяспара патрэбна Радзіме. Аптымальны сацыяльна-палітычны лад можа быць збудаваны толькі агульнымі намаганнямі, толькі высылкамі ўсёй нацыі як метраполіі, так і дыяспары. [...] Патрэбна аб'яднанне, калі толькі мы хочам вылезці з прорвы, з гэтай ваўчынае пасткі, у якой апынуліся напрыканцы XX стагоддзя».

Гарэцкі Р. Для Радзімы і яе славы // Наш Быкаў. С. 320—321.

Перестроечные перемены последних лет пробудили не только чувство справедливости — очнулись от первого испуга и другие силы. Из разных уголков страны и особенно с верхних этажей руководящих пирамид слышались слезные крики: сокрушаются высокие идеалы, расшатываются устои, смотрите, рухнет так тщательно возведенный «дворец народов» и настанет конец!

Но кому конец?

Когда со страниц белорусского «Политического собеседника» несутся бесконечные вопли относительно гибели основ, то трудно отказаться от мысли, что кому-то, видимо, есть что терять вместе с этими многолетними устоями. Иначе бы так не кричали. И правда, есть. Среди этих потерь наипервейшей, естественно, является ее величество власть над всем и вся — чудодейственная отмычка для всего вождя в жизни. Да, власть! Это некогда, в прошлом, люди стремились достигнуть традиционных благ — земли, денег, имущества, того, что зачастую достигалось лишь каторжным трудом нескольких поколений. Сейчас же, чтобы заполучить желанное, нужно совсем другое, а прежде всего — покорность. Разум? Деловитость? Совесть? Не только не обязательны, но чаще всего и помеха. Значит, остается покорность. Без этой самой распространенной заразы века не может обойтись никто — ни чиновник, ни ученый, ни художник. Талант, искренность, доброта, ум — все побеждают могучий молох власти и те, кто имеет ее, кто на полдороге к ней или же обладает потенциальными способностями для ее достижения. Перед властью не может устоять никто. И если среди нас все же находятся те, кто сегодня может сказать, что они убереглись от ее смертельно-притягательных соблазнов и живут свободными людьми, то мы должны снять шапку перед этими немногими.

Должны! Но разве мы снимаем? Разве этому нас учит жизнь? Скорее всего, мы их возненавидим за то, что они не такие как мы. Не такие мелкие трусы, как многие, и могут сказать, что думают. И даже выйти на площадь. Но тем они словно бы оскорбляют наше и без того униженное собственное достоинство. И причиняют беспокойство. А если еще к этому добавить их несо-

мненный талант, так вообще наша неприязнь становится безграничной. Тут уж мы не позволим им возвыситься хотя бы из принципа, мы постараемся их унижить, поставить в наш обычный ряд.

Сейчас нередко слышишь, что Союз писателей не отвечает потребностям времени, что устарела его структура, что необходимо обновление руководства. Правильно, устарела и не соответствует. Но Союз писателей — это прежде всего мы сами, и руководство наше такое, какого мы заслуживаем. [...] И чего ждать от народа, если его интеллигенцию, творцов и мастеров прекрасного столько лет превращали в робкую, вымуштрованную детсадовскую группу, требования к которой сводились к одному: сидеть тихо? И сидели, десятилетиями молчали. Безнаказанно позволяя попирать себя своре идеологических надсмотрщиков, среди которых один Павлов чего стоит! А он даже стал нашим коллегой. Все же он человек скромный, ведь мог бы стать и классиком, и влезть во все хрестоматии, и получить премии и звания. Кто бы ему помешал? Те, кто сейчас выступает против признания таланта Р. Бородулина, распинались в свое время про «необыкновенный талант» Савелия Ефимовича. А другие молчали. Как молчали, когда расправлялись с А. Карпюком, когда в упор не замечали В. Короткевича. Когда в Троицком предместье, там, где сейчас собираются поставить памятник жертвам афганской авантюры, brave парни с боевой выправкой лупили девочек из художественного училища за их крамольное желание провести праздник «Гуканне вясны». Когда самодеятельные костры на Ивана Купалу на протяжении многих лет постоянно тушили из шлангов «пожарных машин» МВД. Апогеем унижения и неприкрытого террора в отношении к белорусскому народу стало, конечно же, достопамятное 30 октября, когда надругались над народной верой, традицией, культурой, когда новоявленный отечественный фашизм показал во всей красе свое носорожье обличье. К большому стыду, нашлись среди нас и интеллигенты, которые постарались оправдать и одобрить это злодейство. Впрочем, разве в первый раз?! Ради своей родной партии чего не сделаешь! [...]

Люди могут быть разными — беспринципными и беспамятными, история же живет по своим законам и прилежно ведет свой беспристрастный реестр. От ее пристального глаза ничто не ускользнет. И тут нельзя отделяться от мысли, что мы, белорусы, несем на себе каинову печать проклятия за неизвестно какие грехи — в прошлом и в будущем. Я уже не говорю про Чернобыль, этот гигантский геноцид, который, кажется, все же доконает нацию при такой экономике и такой политике! И таком руководстве! Незабвенный Короткевич рассказывал когда-то притчу, как Бог, создавая землю, делил ее между народами. Нерасторопные белорусы, естественно, опоздали, все было разделено, кроме одного райского уголка с мягким климатом, лесами-борами, реками, полными рыбы, урожайными полями. И этот уголок Бог отдал белорусам. Но чтобы те не очень возгордились, приставил к

ним никудышное начальство. За многие столетия, которые протекли с тех библейских времен, поредели леса, испаскудились реки, изменился климат, но сущность нашего руководства остается неизменной. [...]

Народ без лидера сирота. Но его будущее небезнадежно, если он имеет собственную интеллигенцию. Интеллигенция генерирует животворные идеи, является возбудителем политических процессов в обществе. Антинародные, антинациональные силы это прекрасно понимают, и потому именно Народный фронт, опирающийся главным образом на интеллигенцию, при поддержке наиболее сознательных слоев народа, встречает их яростное сопротивление. На борьбу с ним брошены все средства с полным пренебрежением к элементарной терпимости, этике и морали. Но и официально не признанный, он действует под руководством выдающегося сына Беларуси Зенона Позняка, и это внушает надежду.

Быков В. Хлеб и достоинство // Литературная газета. 1990. 27 июня.

Вас не чытаюць. А вось гэта ўжо другая справа. Трэба разабрацца, чаму. Чаму чыталі Коласа, Купалу, Максіма Танка і іншых, калі сапраўды не было беларускай школы? [...] Письменнікі жылі разам з народам, яго думкамі, імкнуліся «з цэлым народам гутарку весці, сэрцы мільёнаў паслухаць біцця» (Янка Купала). Ці могуць многія письменнікі сёння сказаць, што яны живуць думкамі народа? Пагаварыце з людзьмі. Людзі живуць ідэямі перабудовы. Гэта сёння галоўнае. Аднавіць краіну, умацаваць яе эканоміку на новай аснове. І на гэтай аснове развіваць і культуру, і мову. Ці дапаможа ў гэтым канфрантацыя, імкненне дэстабілізаваць абстаноўку, да чаго заве БНФ?

У запале сваёй крыўды («нас не чытаюць») і амбіцыі («не выбралі») письменнікі не разгледзеліся, што селі на фурманку, у якой «колы хістаюцца і атосы зваліліся» (Зуёнак — Барадулін). Гэта фурманка змайстравана майстрамі БНФ.

«Мова памірае», «літаратура думае аб сваёй уласнай смерці» — лямантуе дакладчык. Супакойцеся, шаноўныя! Жылі, живуць і будуць жыць беларускі народ, яго мова, а значыць, і літаратура. [...] «Мы пішам, крычым, галосім», — скардзіцца Зуёнак. Не галасіце, будзьце ласкавы. Дайце людзям спакойна працаваць, весці перабудову.

Я ўпэўнены, што ні Васіль Зуёнак, ні тыя, хто яму падпяваў на гэту тэму, не вераць у свае прароцтвы. Усё гэта фальшывая дэмагогія. Усе бачаць, што перабудова накіравана разам з эканамічным і на сацыяльнае, і нацыянальнае станаўленне. Відаць, слаба засвоіў палітэканомію Генадзь Бураўкін, бо перш, чым займацца навукай, мастацтвам, трэба накарміць людзей.

Чаго ж хочуць плакальшчыкі ад літаратуры? Яны хочуць падштурхнуць працэс у сваім кірунку. І тут іх погляды на 90 працэнтаў разыходзяцца з поглядамі народа, аб якім яны так «клапоцяцца». [...]

«Пісьменнік... сама ісціна». Добра сказаў Зуёнак і пра прарока Іаана, і пра пакаянне яшчэ лепш. Добра было б аднесці гэта і да сябе. Бо народ вечна працівіўся і насільнай паланізацыі, і русіфікацыі. А цяпер катэгарычна супраць насільнай беларусізацыі. Усякае насілле выклікае супраціўленне. Працэс далейшага развіцця беларускай мовы да статусу поўнай дзяржаўнасці павінен быць эвалюцыйным, паступовым, тактоўным. [...]

Сумна чытаць істэрычную прамову Вольгі Іпатавай. Добрая паэтэса. А ў выступленні што ні слова, то фальш, кракадзілавы слёзы з-за таго, што не хочуць людзі верыць экстрэмістам, канфрантатарам і нацыяналістам. А ва ўсім яна бачыць вінаватымі апаратчыкаў. [...]

Няшчырая яна, калі кажа, што толькі «на Украіне пісьменнікі ўзялі Рух пад крыло». Надзейна пестуюць БНФ і пісьменнікі Беларусі. Ды не толькі Беларусі. Амаль ва ўсіх рэспубліках, дзе не «Вандэя перабудовы», дзе льецца кроў ахвяр нацыяналізму, прылажылі сваё іудзіна слова «майстры культуры». [...]

Відаць, вялікі недахоп аргументаў у прыхільнікаў БНФ. Гэта вельмі наглядна відаць з выступлення і артыкула ў «Літаратурнай газете» за 27.V. г. г. Васіля Быкава. Ва ўсім свеце дэмакратыі недазволеныя мітынгі ў недазволеным месцы не ў пашане і часцей за ўсё разганяюцца, а іх арганізатары караюцца па закону. А вось Васіль Быкаў расейванне такога мітынга з экстрэмісцкімі лозунгамі называе «отечественным фашизмом». Няўжо Быкаў не бачыў сапраўднага фашызму? Як у яго язык паварочваецца сказаць такое? Колькі разоў можна перажоўваць адзін і той жа факт і крычаць аб ім на ўвесь свет? Відаць, слаба з аргументамі ў Васіля Быкава. Трагедыю Чарнобыля ён называе «гигантским геноцидом». Калі не хапае аргументаў, то можна і ў слоўнік не глядзець. Можа, людзі не разбіраюцца. Я амаль равеснік Васіля Быкава, і, колькі памятаю, кожны год гарэлі купальскія агні [...], і ніхто не гасіў кастроў з брандспойта. І не чуў, каб дзе-небудзь было такое. Дзе такі факт выкапаў Быкаў? Зрэшты, не буду сцвярджаць, можа, дзе такі дурань і знайшоўся. Але ўзводзіць гэта ў абсалют, паказваць перад усім светам як тыповую з'яву («Літаратурную газету» чытаюць ва ўсім свеце) — гэта ні ў якія вароты не лезе. Дзеля чаго? Можа, людзі не разбіраюцца...

Васіль Быкаў лічыць, што ў Беларусі не было і няма добрых кіраўнікоў, лідэраў, і сам сабе супярэчыць, канстатуе, што «впервые за столько лет в республике появился председатель Совмина — специалист и реформатор». У каторы раз імкнецца Быкаў, і не толькі ён, прадставіць беларускі народ і яго кіраўнікоў гэткай безабароннай, пакорнай скацінкай: «по понуканию» наша рэспубліка, безусловно, самая передовая в Союзе». Вельмі яму падабаюцца словы Адамовіча «Вандэя перабудовы», і ён паўтарае іх часта ў сваіх выступленнях. А між іншым, Беларусь, беларускі народ былі і цяпер у вялікай пашане ва ўсіх рэгіёнах Саюза іменна за тое, што яны маюць свой адметны стыль, сваю размераную хаду ў перабудове. І фашысты не сумелі намі панукаць, за што Беларусь праславілася ва ўсім свеце.

Ды і кіраўнікі нашы (успомніце Мазурава) не вельмі ішлі на павадку. Усё гэта вельмі добра ведае Васіль Быкаў. Ведае, а гаворыць другое. Задумайцеся, добрыя людзі, для чаго гэта робіцца.

Не хоча народ, каб ім панукалі такія, як Васіль Быкаў, Пазняк — факт. І, мабыць, гэта выводзіць з сябе Васіля Быкава і ўсю народафронтаўскую кампанію.

Пілатовіч Л. Слова да вас, пісьменнікі! // Политический собеседник. 1990. № 11. С. 15—16.

Заява Саюза пісьменнікаў Беларусі

25—26 красавіка г. г. у Мінску праходзіў чарговы, X з'езд пісьменнікаў Савецкай Беларусі. [...]

Была выказана незадаволенасць сродкамі масавай інфармацыі, многія з якіх у апошні час страцілі цікавасць да літаратуры і культуры, не займаюцца прапагандай іх, і нават больш — асобныя выданні нібы ставяць на мэце дыскрэдытаваць пісьменнікаў, іх працу. У якасці прыкладу прыводзіўся часопіс «Политический собеседник», які з нумара ў нумар вядзе нападкі на многіх самых вядомых і аўтарытэтных у рэспубліцы і краіне дзеячаў літаратуры, бессаромна, нярэдка ў абразлівай, зневажальнай форме спрабуе іх паметарску павучаць, навязваць свае, абвергнутыя жыццём і часам думкі і погляды, метадычна настройвае сваіх чытачоў супраць беларускай літаратуры і мовы. Па гэтым часопісе прынята спецыяльная рэзалюцыя з'езда, у якой змешчана просьба да партыйных органаў звярнуць на гэта ўвагу.

На з'ездзе быў выключаны з Саюза пісьменнікаў былы загадчык ідэалагічнага аддзела ЦК КПБ [С. Паўлаў. — С. Ш.]. Ці не гэта і выклікала ў пэўных колах гнеў і жаданне зноў паправіць пісьменнікаў, адпомсціць ім? Бо чым яшчэ можна растлумачыць з'яўленне на старонках «Политического собеседника» (№ 11) не артыкула, а хутчэй бруднага, малапісьменнага, тэндэнцыйнага і зламыснага пасквіля пад шматзначнаю назвай «Слова да вас, пісьменнікі!»

...Аўтар бяздоказна, з прэтэнзіямі, якія варты іншага прымянення, не толькі аблівае брудам вядомых і папулярных пісьменнікаў Беларусі, актыўных працаўнікоў, творы якіх выдаюцца і чытаюцца ва ўсім свеце, вывучаюцца ў школах і інстытутах — народнага пісьменніка, лаўрэата Ленінскай прэміі, Дзяржаўных прэмій СССР і БССР, Героя Сацыялістычнай Працы В. Быкава, лаўрэатаў Дзяржаўнай прэміі БССР А. Адамовіча, Г. Бураўкіна, Р. Барадуліна, Н. Гілевіча, А. Вярцінскага, В. Зуёнка, А. Мальдзіса, Б. Сачанку, І. Чыгрынава, пісьменнікаў У. Дамашэвіча, В. Іпатаву, Г. Каржанеўскую, В. Рагойшу, прыпісвае ім усё, што ўзбрыдзе ў галаву, па-свойму вытлумачвае зусім ясныя, бясспрэчныя думкі, але і здэкуюецца з самой пісьменніцкай арганізацыі, беларускай літаратуры, нашай мовы, той справы, якой мы служылі і служым, і нават з народа. [...]

У пасквілі робіцца няўключная спроба паяднаць Саюз пісьменнікаў і Беларускай народнай фронт, быццам гэта адно і тое ж, адна арганізацыя, толькі хіба назвы розныя, хоць многія і многія з нас падзяляюць погляды Камуністычнай партыі, з'яўляюцца перакананымі яе членамі. Штотыднёвік Міністэрства культуры і Саюза пісьменнікаў БССР «Літаратура і мастацтва», каб, мабыць, увесці чытачоў у зман, даказаць сваё, ужо інакш і не называецца, як «орган БНФ» («Там усё ясна — гэта іх орган»).

Якія для такога сцвярджэння падставы, факты? Ніякіх. Аўтар проціпастаўляе нас нашым славутым папярэднікам і настаўнікам — Янку Купалу, Якубу Коласу, Максіму Багдановічу. Ён вучыць, як нам трэба жыць, пісаць, думаць і нават што перакладаць на беларускую мову, а што не, якія словы ўжываць, а якія даўно пара забыць, выкінуць як устарэлыя. «Трэба паважаць і мову народа (не блытайце з мовай некаторых пісьменнікаў)», — нахабна павучае аўтар. [...]

У час валюнтарызму і застою — сталінскія, хрушчоўскія, брэжнеўскія гады — друк неаднаразова выступаў супраць многіх з нас, пісьменнікаў, накладваў самыя розныя абражальныя ярлыкі. Часта толькі за тое, што мы не маўчалі, імкнуліся гаварыць свайму народу праўду. Здавалася б, хопіць! [...]

Каму гэта патрэбна? // Звязда. 1990. 4 снеж.

С. Навумчык: Вы сказалі, што пра дыктатуру трызніць не адно толькі чыноўніцтва. Сапраўды, ад простых людзей часам чуеш: хопіць гэтага вэрхалу, патрэбна моцная рука. Людзі, здаецца, згодныя на любога Сталіна — толькі б хлеб у крамах быў. Нездарма ж кажуць — кожны дыктатар прыходзіць у абліччы выратавальніка. Як вы лічыце, цяперашні эканамічны развал — заканамерны вынік сацыялістычнай сістэмы, следства нейкіх першапачатковых памылак 1985 года, альбо — правакацыя з мэтай укараніць у псіхалогію чалавека неабходнасць «жорсткай рукі»? Ці — усё разам?

В. Быкаў: Толькі каб быў хлеб у крамах... Хлеба яшчэ трохі ёсць — не хапае дыктатара... Але ён будзе.

Мне думаецца, што цяпер, у святле ўсяго, што адбываецца, толькі дурныя ці зламыснікі можа сцвярджаць, што сацыялізм яшчэ не вычарпаў сябе, што недзе ёсць добрыя, лагодныя, з чалавечым тварам сацыялізм, да якога трэба імкнуцца. Яно, можа, дзе і ёсць, але ўжо ў нас ніякага быць не можа. У нас не атрымліваецца інакшы, чым той, які мы мэнчылі сем дзесяткаў гадоў, і на тым выдахліся дашчэнту.

На добры розум, дык, пасля ўсяго перажытага, нам трэба б абвясціць паза законам усё сацыялістычнае словаблудства, таксама як і тых ідэолагаў, якія зрабілі з яго сабе пажыццёвую прафесію — каб яны сваёй ідэйнай парнаграфіяй не разбэшчвалі людскія душы. Нават і ў выпадках, калі тое разбэшчванне мае «не вельмі высокі інтэлектуальны ўзровень».

Звычайна палітычныя партыі ладзяць жыццё калі не на карысць усяго народа, дык хоць бы дзеля ўласных інтарэсаў, дзеля дабрабыту сваіх членаў.

Камуністы ж — ні для сябе, ні для народа. У лепшым выпадку дзеля вузкага кола кіраўнічай эліты. А так — дзеля мёртвых утапічных ідэй, дзеля бясконцага множання ракет і танкаў, касмічнай прапаганды, дзеля Кубы, Анголы, Афганістана. Зноў жа, не ў інтарэсах жабрацкіх народаў гэтых краін, а дзеля ўладных амбіцый мясцовых імператараў-авантурыстаў, якія за БМП і аўтаматы Калашнікава гатовы часова прыняць камуністычную фразеалогію. У той жа час уласны народ працягвае гібець у голадзе і нэндзе. І пасля ўсяго сказанага ў некаторых з нашых кіраўнічых камуністаў хапае наіўнасці пытацца: завошта народ так ненавідзіць сваю кампартыю, якая першай пачала перабудову?

Перабудову-то пачала, ды ў які кірунак яе павярнула?

Увогуле, можна зразумець нязрушную прыхільнасць камуністаў да «сацыялістычнага выбару» (калі толькі можна «выбарам» назваць узброены захоп улады). Іх уяўны, фантазмагарычны сацыялізм, арганічнае непрыняцце прыватнай уласнасці — гэта тое адзіна магчымае асяроддзе, пры якім і можа існаваць кампартыя; без таго яна не можа знайсці ніякай жыццёвай асновы ў грамадстве. Гэта партыя ўяўнага, «бібліятэчнага» сацыялізму, з адменай ці пагібеллю якога рассыпаецца ўшчэнт яе няўключны прагматызм і яе змярцвелая ідэалогія [...]. Таму, пакуль яна будзе пры ўладзе, яна не пацерпіць побач ніякую іншую ідэалогію, іншы грамадскі лад. Яна будзе ўпарта будаваць усё той жа сацыялізм, бо нічога іншага будаваць не хоча і не ўмее. Але ўся справа ў тым, што і з гэтым будаўніцтвам у яе нічога не атрымліваецца. У тым і бяда нашай гісторыі, трагедыя нашага народа. Краіна апынулася ў вузкай цеснай нары, з якой няма ходу ні ўзад, ні ўперад.

С. Н.: Але вось некалькі цытат з выступленняў на апошнім пленуме ЦК КПБ: «...даць жорсткі адпор прыхільнікам так званага Балтыйска-Чарнаморскага саюза і іншым сепаратыстам», «напомню словы Івана Кузьміча Палазкова, сказаныя на Пленуме ЦК КПСС, — аб тым, што палітыку нельга рабіць дрыжачымі рукамі і дрыжачым голасам. Вось арыенцір усім нам — ад радавога камуніста да Генеральнага сакратара». І, нарэшце, — «Кампартыі Беларусі няма ў чым каяцца перад сваім народам»...

В. Б.: Каяцца трэба ўсім перад усімі. Вядома, апроч камуністаў. Тыя не пакаюцца, бо дужа разлічваюць на палітычны рэванш, які яны маюць намер ажыццявіць без дрыжыкаў у руках і без сумненняў у пачуццях. Як гэта ўжо было неаднойчы. А іншым... Народу? Не пашкодзіла б і народу. Ужо хоць бы перад гісторыяй і наступнымі пакаленнямі — за тое, што на стагоддзе затрымалі прагрэс, на крывавых недарэчнасцях зацыклілі нашу гісторыю, што менавіта па нашай віне нашыя нашчадкі і ў XXI стагоддзі будуць жабракамі, прынамсі, самымі беднымі ў Еўропе. І гэта пры такіх рэсурсах і такіх геапалітычных магчымасцях...

С. Н.: Ужо багата сказана і пра юрыдычную некарэктнасць фармулёўкі пытання будучага рэферэндуму, і пра палітычную сумніцельнасць гэтай акцыі. І ўсё ж — ці будзе вынік рэферэндуму мець нейкі істотны ўплыў на далейшыя

працэсы ў рэспубліцы і ў СССР? Дарэчы, група дэмакратычных дэпутатаў у Вярхоўным Савеце Беларусі прапанавала наступную, дадатковую фармулёўку пытання ў бюлетэні: «Ці лічыце Вы, што СССР павінен быць ператвораны ў Саюз Суверэнных Рэспублік шляхам заключэння прамых міждзяржаўных пагадненняў паміж Беларуссю і іншымі суверэннымі дзяржавамі?»

В. Б.: Навошта ўсенародны рэферэндум, калі Вярхоўны Савет Беларусі прыняў ужо пастанову: «Прызнаць мэтазгодным уваходжанне Беларускай ССР у склад Саюза ССР». Такім чынам, усё ўжо вырашана за месяц да ўсенароднага рэферэндуму.

Канцэпцыя гэтага рэферэндуму лішні раз сведчыць, што мы ніколі не вырашаем свой лёс — за нас тое робяць іншыя. Ставяць свае ўмовы, фармулююць наша рашэнне, маніпулююць народнай воляй. Мы зноў і каторы раз трапілі ў зачараванае кола: каб вольна і па справядлівасці вырашыць пытанне дзяржаўнага суверэнітэту, трэба быць суверэнным народам. А каб быць суверэнным народам, трэба мець дзяржаўны суверэнітэт. Каторы раз успомніш славуце: «так» альбо «не», а ўсё астатняе — ад нячысціка.

Баюся, тут усё — ад нячысціка.

С. Н.: Каторы раз пераконваешся, што палітычная наша бездапаможнасць — кроўнае дзіця нацыянальнага нігілізму, знявагі культуры і мовы...

В. Б.: Нашы слёзныя скаргі на агонію нацыянальнай мовы даўно сталі агульнай рытарычнай мясцінай. Цяпер ужо пэўна відаць, што папярковыя законы ды імітацыя бюракратычнай актыўнасці апошніх гадоў маюць на мэце замаскіраваць ад народа тую агонію, выдаць яе за культурную рэанімацыю. У гэтай сувязі нічым іншым, як непрыхаваным крывадушшам, нельга растлумачыць «хітравумную» пазіцыю тых беларускіх літаратараў, якія так гучна крычаць у абарону нацыянальнай мовы, а самі навыперадкі кідаюцца да супрацоўніцтва з КПБ — гэтым зацятым магільшчыкам нацыянальнай культуры. У той час як сумленныя людзі тысячамі здаюць партбілеты, гэтыя дамагліся членства ў яе кіруючых органах. Кінуты, так сказаць, на іх інтэлектуальнае ўмацаванне. Ці яны думаюць, што з цэкоўскіх вяршынь ім будзе зручней давяршыць тое, што не ўдалося давяршыць з колішніх шматгадовых пасад сакратароў СП Беларусі? Калі так, то яны маюць рацыю: болей беларусканенавіснай сілы, чым тая, якой яны служаць, на Беларусі, мабыць, не будзе. Што ж, тады застаецца пажадаць ім поспеху. З гэткамі тэмпамі напрыканцы стагоддзя пастаўленая перад імі задача будзе выканана поўнасцю.

Навумчык С. Васіль Быкаў: За нас вырашаюць іншыя... // Літаратура і мастацтва. 1991. 1 сак.

Не будзем прыдзірацца да не зусім інтэлігенцкіх, сказаных, мабыць, у запале выказаў, нахшталт «ідэйная парнаграфія», «сацыялістычнае словаблудства», ацэньваць, наколькі гэта адпавядае «высокаму інтэлектуальнаму ўзроўню», на што, безумоўна, прэтэндуе шырока вядомы прадстаўнік творчай інтэлігенцыі. [...]

Не хацелася б спыняцца і на злосных выпадках Васіля Быкава супраць камуністаў, якіх, дарэчы, у нашай краіне 16—17 мільёнаў — ледзь не ў два разы больш, чым насельніцтва ва ўсёй Беларусі, паказе іх якімісь недарэкамі (успомнім — «ні для сябе, ні для народа»).

Не будзем удакладняць, дзе і калі Васілю Уладзіміравічу нехта з кіраўнічых работнікаў выказваў (і ці выказваў?) скаргу наконт нянавісці народа да кампартыі. Мне часта даводзіцца выступаць у працоўных калектывах [...], але назіраць непавагу да кампартыі не даводзілася. [...]

Нядаўна ў Магілёве на старэйшым і буйнейшым прадпрыемстве «Строммашына» прайшоў «рэферэндум»: таму-сяму з сяброў «дэмакратаў» карцела дабіцца «дэпартызацыі». Аднак большасць з строммашаўцаў выказалася за захаванне партарганізацыі, бо камуністам тут давяраюць. Ды і ці толькі тут! У мінулым годзе на Магілёўшчыне ўступілі ў КПСС 237 працаўнікоў, у асноўным — моладзь.

Можна пагадзіцца з Васілём Уладзіміравічам з думкай аб «нязрушнай прыхільнасці камуністаў да «сацыялістычнага выбару». Дык жа інакш і быць не можа! Што ж гэта за камуніст, які зрабіў бы капіталістычны выбар? [...]

Але скіруем увагу на пытанне: якога ж выбару — сацыялізм ці капіталізм — прытрымліваецца Васіль Быкаў. Хоць слова «капіталізм» у інтэрв'ю абыходзіцца, аднак Васіль Уладзіміравіч, не шкадуючы слоў, так бэсціць, нішчыць сацыялізм, нават прапануе паставіць сацыялістычную ідэалогію і яе ідэолагаў па-за законам, што гадаць не даводзіцца — трэцяга ж пакуль не дадзена. [...]

Той, хто стараецца сёння паставіць сацыялістычную ідэалогію па-за законам, упадабляецца вядомаму герою Салтыкова-Шчадрына, які патрабаваў закрыць Амерыку. Дарэчы, паставіць па-за законам, знішчыць — гэта ўжо было, гэта мы праходзілі. Знішчаліся лепшыя людзі краіны, рабочыя, вучоныя, пісьменнікі, старыя бальшавікі. Гэта дазволіла тырану і ягоным памагатым апошліць самую сацыялістычную ідэю (усім вядома, што сацыялізм павінен будавацца не на прыватнай, не на дзяржаўнай, а пераважна на грамадскай уласнасці на сродкі вытворчасці [...]), ператварыць узводзімы сацыялізм у казарменны. [...]

Наша агульная справа — ажыццявіць справядлівасць, назаўжды пакончыць са сталінізмам і, вядома ж, з фашызмам, сіянізмам, любым праяўленнем таталітарызму. Павярнуць жа кола гісторыі, закрэсліць сацыялізм нікому не ўдасца.

Іван Аношкін,

сакратар Магілёўскага абласнога аддзялення

Саюза пісьменнікаў БССР.

Дык быць альбо не быць сацыялізму?: Водгук на адно інтэрв'ю Васіля Быкава // Политический собеседник. 1991. № 8. С. 13—14, 15.

...Людзі павінны ведаць і разумець элементарныя рэчы [...]. Першае: Савецкі Саюз як дзяржава распаўся не таму, што на яго падзейнічалі нейкія злыя сілы або асобы. Саюз распаўся таму, што ён існаваць далей не мог, бо вычарпаў усе свае магчымасці. І тым не менш тут няма ніякай заслугі ні камуністычнай партыі, ні Гарбачова, ні народа, ні дэмакратыі — у гэтым гістарычная заканамернасць. [...] Час імперыі мінуў. Суверэнітызацыя, якая стала папулярнай апошнім часам, — неабходнасць, гэта спроба паратунку. Шэсць гадоў перабудовы нас пераканалі: уратавацца ўсім разам, як нам абяцалі партыйныя агітатары, немагчыма. Стан эканомікі, палітыкі такі, што ўратавацца можна толькі паасобку, і кожная нацыя пачала ратавацца па свайму разуменню.

Беларусь да разумення ратавацца дайшла вельмі няхутка, далёка не першая, магчыма, нават апошняя. Наша кіраўніцтва, і ў першую чаргу партыйнае, усяляк супраціўлялася. Аднак жа гэтае супраціўленне аказалася безвыніковым, бо ўсё-такі трэба было набыць незалежнасць. [...]

Кожная нацыя павінна жыць сваёй сям'ёй. [...] Нацыянальная ідэя існуе і працвітае. Для гэтага не трэба быць вялікім народам, як, напрыклад, расійскі народ, нямецкі або французскі. Можна быць і маленькім, як бельгійскі, галандскі, нарвежскі. [...]

Паколькі наша беларуская нацыя страціла шмат часу, каб прыйсці да элементарных высноў, напрыканцы дваццатага стагоддзя ладзіць сваю суверэннасць будзе вельмі і вельмі цяжка. Таму не трэба думаць, што суверэннасць адразу прынясе нам шчаслівае жыццё, высокі эканамічны ўзровень. [...]

Мы будзем доўга залежаць ад эканомікі суседзяў. Таму нам неабходна зразумець, што трэба пайсці на пэўныя ахвяры, але баюся, што мы зноў не хутка гэта ўсвядомім. Мы павінны зразумець, што апрача эканамічнай мэтазгоднасці суверэннасць мае яшчэ і духоўны сэнс. Наш дабрабыт, наш заўтрашні дзень залежыць ад меры ўсведамлення і гатоўнасці да пэўных ахвяр. Мы ведаем, што, напрыклад, прыбалты гатовы на ахвяры [...]. Не ведаю, ці гатовы на ахвяры беларусы. [...]

У першыя гады нас чакае вельмі зацятая барацьба ўсё з той жа ідэалогіяй, псіхалогіяй і палітыкай спыненай партыі. Трэба ведаць, што гэтая партыя не здасца, і яна цяпер выпрацоўвае новыя метады далейшай сваёй працы.

Васіль Быкаў: Час імперыі мінуў / [Адказы В. Быкава на пытанні чытачоў]. Зап. В. Шніп // Наша слова. 1991. № 36.

Рэдакцыя часопіса «Политический собеседник» (1990. № 7) парадавала нас новай формай працы з аўтарамі, апублікаваўшы ў рубрыцы чытацкіх пісем артыкул кандыдата філалагічных навук В. Юдзіна «Пафас безгрунтоўнага адмаўлення». Даруем ёй гэту маленькую выдавецкую хітрасць: ёсць «проста чытач» і ёсць «просвещенный читатель», а менавіта да яго звяртаецца аўтар артыкула.

Што ж, «проста чытач» можа і не ведаць, а «просвещенный читатель» то пэўна ведае, што свабодны друк — найвялікшае дасягненне нашага часу — не толькі дазваляе выказацца кожнаму, але і вымагае ад кожнага пунктуальнага выканання агульнапрынятых у цывілізаваным грамадстве правіл паводзін! Што сказаў бы навуковец В. Юдзін, калі б апаненты адверглі яго дысертацыю, грунтуючыся адно на асобных яе фрагментах! Ці прызнаў бы за імі права рабіць такія гучныя, больш падобныя на палітычныя абвінавачванні, вывады, якія робіць сам у дачыненні да ўрыўкаў з дакументальнай кнігі С. Алексіевіч «Цынкавая хлопчыкі» (Комсомольская правда. 1990. 15 лют.): «Налицо не документальная, а воображаемая проза, замешанная на пафосе беспочвенного отрицания все и вся, лишь имитирующая документализм. В истерическом хоре злонамеренных нападок на Советскую Армию, резко участвовавших за последнее время со стороны наших «прогрессистов», новому произведению С. Алексиевич уготовано, как ни печально, видное место...»

Артыкул В. Юдзіна, як пракурорская прамова з выразным абвінавачным ухілам, літаральна нашпігаваны апрабаванымі ў добра памятных часы рытарычнымі прыёмамі і фігурамі.

Усё тое ж сумнаведомае прыпісванне аўтару думак яе герояў-«афганцаў»: «Рукой-то наших «цинковых мальчиков» водит автор. И не просто «водит», скрупулезно регистрируя «случаи» из жизни, а задает им определенную концепцию».

Усё тыя ж перанесеныя ў наш час з суслаўскай эпохі папрокі ў нежаданні адрозніваць «правду отдельного факта и большую правду искусства».

Усё тое ж наўмыснае супрацьстаўленне сучасных пісьменнікаў класікам: «Опускаясь в глубины человеческой мерзости, нельзя забывать о небе и солнце, способном высветить в человеке прекрасное». Называючы пры гэтым імя М. Шолахава, літаратуразнаўца В. Юдзін забывае, што яго герой пасля ўсяго перажытага ўзняў вочы ў неба і ўбачыў «чорнае сонца».

Усё тое ж імкненне выкачаць у гразі падазрэнняў, хлусні і паклёпу святое імя А. Д. Сахарава, погляд якога на афганскую вайну як на вайну амаральную і злачынную быў афіцыйна пацверджаны на З'езде народных дэпутатаў.

Усё той жа намер зваліць адказнасць за гэту ганебную акцыю на мёртвых дзеячаў «мадрыдскага двара» і абараніць Сістэму, якая трымаецца на дзіўным кангламераце партыйнай бюракратыі з ваенна-прамысловым комплексам.

Усё тое ж нацкоўванне на пісьменнікаў простага людю («отцы нам не лгали») і імкненне выкарыстаць у гэтых мэтах «афганцаў», скіраваўшы зразумелую іх прагу дзейнасці на пошукі новых «ворагаў», разварушваючы ў іх душах нізкія псеўдапатрыятычныя страсці («будто и не солдаты вовсе, а насильно оторванные от груди матери сосунки»).

І ўсё той жа славыты савецкі «новояз», народжаны ў час вострай ідэалагічнай барацьбы з замежнымі «спецслужбамі»: «отцы-изверги», «до-сужие судилища», «подлинные патриоты», «славные советские парни»,

«этакие хлюпики-многострадальцы с их пацифизмом, слащаво-приторной сентиментальностью, брезгливо расторгнувшие всякие духовные связи с Родиной, своим народом».

І зноў са старонак «ПС», як ужо было не раз за гэтыя гады, гучыць баявая труба абаронцаў «імперскіх амбіцый», якія заклікаюць пад свае сцягі «сапраўдных патрыётаў», «верных сыноў Айчыны», «воінаў-інтэрнацыяналістаў». Адно цяжка зразумець, што рабіць пад гэтымі сцягамі «просвещенному читателю»?

Ад імя Беларускага ПЭН-Цэнтра —

Васіль Быкаў, Рыгор Барадулін, Міхась Тычына.

Зноў гучыць баявая труба // Літаратура і мастацтва. 1990. 27 ліп.

Из прочитанного недавно выделю книгу Светланы Алексиевич «Цинковые мальчики» [...].

Ценность новой работы Алексиевич прежде всего в документальной основе [...]. Характер же документализма таков — бескомпромиссная правда, — что многие страницы книги способны вызвать потрясение. Даже в наше время, когда благодаря средствам массовой информации мы весьма много знаем об этой авантюре века, знание наше бледнеет перед вопиющими свидетельствами «афганцев» [...], матерей погибших [...].

Книга С. Алексиевич разоблачает и обличает виновников этого международного разбоя, раскрывает механизм политического и военного произвола в отношении суверенной соседней страны [...].

З інтэрв'ю В. Быкава. Что пишу? Что читаю? // Литературная газета. 1991. 9 янв.

С. Шапран: Много ли значила для Вас поддержка Василя Быкова в начале 90-х, когда не только коммунисты, но и даже герои Вашей новой книги «Цинковые мальчики» ополчились против Вас?

С. Алексиевич: Да, Быков и Адамович снова тогда обеспечили мне большую поддержку. Тем более когда тебе звонят по телефону неизвестные и рассказывают, где ты сегодня была, как была одета... одним словом, всячески запугивали. И некоторые мои коллеги даже предлагали установить дежурство возле меня. Но это было смешно — убить человека ничего не стоит. Поэтому надо было быть абсолютным фаталистом. Этому, кстати говоря, я тоже научилась у Быкова и Адамовича — научилась достоинству принимать удары. Просто надо уметь спокойно делать свою работу, надо уметь не суетиться. Это главное.

З гутаркі з С. Алексіевіч. Сакавік 2004 г.

Нет ни желания, ни необходимости комментировать то, что случилось в Москве 3 октября. Произошло то, что не могло не произойти из-за наших с

вами беспечности и глупости, — фашисты взяли за оружие, пытались захватить власть. Слава Богу, армия и правоохранительные органы оказались с народом, не раскололись, не позволили перерасти кровавой аванюре в гибельную гражданскую войну, ну а если бы вдруг?.. Нам некого было бы винить, кроме самих себя. Мы «жалостливо» умоляли после августовского путча не «мстить», не «наказывать», не «запрещать», не «закрывать», не «заниматься поисками ведьм». Нам очень хотелось быть добрыми, великодушными, терпимыми. Добрыми... К кому? К убийцам? Терпимыми... К чему? К фашизму?

И «ведьмы», а вернее — красно-коричневые оборотни, нагледя от безнаказанности, оклеивали на глазах милиции стены своими ядовитыми листками, грязно оскорбляя народ, государство, его законных руководителей, сладострастно объясняя, как именно они будут всех нас вешать... Что тут говорить? Хватит говорить... Пора научиться действовать. Эти тупые негодяи уважают только силу. Так не пора ли ее продемонстрировать нашей юной, но уже, как мы вновь с радостным удивлением убедились, достаточно окрепшей демократии?

Мы не призываем ни к мести, ни к жестокости, хотя скорбь о новых невинных жертвах и гнев к хладнокровным их палачам переполняет наши (как, наверное, и ваши) сердца. Но... хватит! Мы не можем позволить, чтобы судьба народа, судьба демократии и дальше зависела от воли кучки идеологических пройдох и политических авантюристов.

Мы должны на этот раз жестко потребовать от правительства и президента то, что они должны были (вместе с нами) сделать давно, но не сделали:

1. Все виды коммунистических и националистических партий, фронтов и объединений должны быть распущены и запрещены указом президента.

2. Все незаконные военизированные, а тем более вооруженные объединения и группы должны быть выявлены и разогнаны (с привлечением к уголовной ответственности, когда к этому обязывает закон).

3. Законодательство, предусматривающее жесткие санкции за пропаганду фашизма, шовинизма, расовой ненависти, за призывы к насилию и жестокости, должно наконец заработать. [...]

4. Органы печати, изо дня в день возбуждавшие ненависть, призывавшие к насилию и являющиеся, на наш взгляд, одним из главных организаторов и виновников происшедшей трагедии (и потенциальными виновниками множества будущих), такие, как «День», «Правда», «Советская Россия», «Литературная Россия» (а также телепрограмма «600 секунд»), и ряд других должны быть впредь до судебного разбирательства закрыты. [...]

Алесь Адамович, Анатолий Ананьев, Артем Анфиногенов, Белла Ахмадулина, Григорий Бакланов, Зорий Балаян, Татьяна Бек, Александр Борщаговский, Василь Быков, Борис Васильев, Александр Гельман, Даниил Гранин, Юрий Давыдов, Даниил Данин, Андрей Дементьев, Михаил Дудин, Александр Иванов, Эд-

мунд Иодковский, Римма Казакова, Сергей Каледин, Юрий Карякин, Яков Костюковский, Татьяна Кузовлева, Александр Кушнер, Юрий Левитанский, академик Д. С. Лихачев, Юрий Нагибин, Андрей Нуйкин, Булат Окуджава, Валентин Оскоцкий, Григорий Поженян, Анатолий Приставкин, Лев Разгон, Александр Рекемчук, Роберт Рождественский, Владимир Савельев, Василий Селюнин, Юрий Черненко, Андрей Чернов, Мариэтта Чудакова, Михаил Чулаки, Виктор Астафьев.

Писатели требуют от правительства решительных действий // Известия. 1993. 5 окт.

Власти Беларуси не поддержали сентябрьский указ Ельцина о роспуске Верховного Совета. Лишь когда стало очевидно, что мятеж ликвидирован, появилось обтекаемое заявление по этому вопросу председателя Совмина Беларуси В. Кебича. Думается, это не случайно.

И даже после того, как стало ясно, кто есть кто, в совминовской печати публиковались статьи, содержавшие немало открытых выпадов против президента России. «Можно поздравить Ельцина с тем, что ему, наконец, удалось сломать последний барьер на пути установления своей диктатуры, пролив кровь нескольких сотен людей». «Путч в августе и мятеж в октябре были спровоцированы действиями теперешнего президента России. Тогда он ликвидировал партию, а теперь уничтожает Советы...» (Газета «Советская Белоруссия»).

В противовес правительству и парламенту белорусский Народный фронт заявил, что «считает полностью оправданными и полномочными действия президента России Ельцина по роспуску Верховного Совета России и назначению внеочередных выборов в новый, профессионально действующий парламент России».

Многочисленные факты свидетельствуют, что лишь демократические силы Беларуси явились настоящими союзниками демократической России. Тем не менее приходится слышать, что демократы у нас выступают за национальную обособленность, негативно относятся к сотрудничеству с Россией. Это совершенно не соответствует действительности. В Беларуси нет сил, выступающих против России. [...]

На белорусской земле всегда дружно жили русские, белорусы, поляки, евреи... Здесь никто не интересуется национальностью человека. Но в условиях обретения суверенности особую роль приобретает неосуществленная в свое время национальная идея, которая в наше время способна сплотить нацию в ее борьбе с наследием коммунизма. Сплотить на принципах демократии, не в ущерб, а для пользы всех других наций. Мы стремимся возродить свой исчезавший в советское время язык, восстановить истинную ценность фактов истории. В этом году белорусы впервые отметили исторические победы своих предков под Оршей, разгром татаро-монголов у Синих вод, где было предотвращено их нашествие на Европу. Почему мы не должны знать свою историю, оставаться вечно беспамятными к судьбоносным событиям прошлого?

Не так давно «благополучная» в общем республика стала стремительно скатываться в экономическую пропасть. Причины такого падения на поверхности — в Беларуси практически не начаты реформы. Нынешние власти, оказавшись приверженцами командно-административной системы, обнаружили полную неспособность проводить их. У нас продолжает функционировать парламент того типа, от которого столь драматически отказалась Россия. Состоящее из недавней коммунистической номенклатуры, парламентское большинство откровенно занято реставрацией коммунистического прошлого. Именно этот парламент запретил в прошлом году проведение референдума о доверии ему, тем самым грубо поправ собственный закон о референдуме. Он же, похоже, похоронил и второй референдум, идею которого недавно выдвинул С. Шушкевич. С требованием досрочных выборов выступают профсоюзы, собравшие восемьсот тысяч подписей в его поддержку. Такое же требование выдвигают десятки партий и общественных движений [...]. Но парламентское большинство, как и подобает «настоящим большевикам», не хочет и слушать о досрочных выборах.

Большевики, как известно, не умеют уходить в отставку, опыт всех бывших стран социализма красноречиво доказывает это. Они способны подчиниться лишь силе. В Беларуси же, похоже, такой силы недостает.

Не в этом ли кроется главная причина нынешнего кризиса власти?

Плачевная экономическая ситуация в Беларуси усугубляется массовой «прихватизацией» со стороны властей. На нынешней сессии парламента о «прихватизации» говорил председатель Верховного Совета С. Шушкевич, о коррупции — председатель Комитета госбезопасности.

Выстрелы по Белому дому сменили политический климат России — коммунистические советы почти повсеместно распущены, широким фронтом пошли экономические реформы. Многие из идейных друзей белорусских коммунистов оказались за тюремной решеткой. Ясно, что в рыночной экономике их «дикому социализму» места не будет. В мире у них не остается союзников. Разве что Куба да Северная Корея. В этом куцем коммунистическом перечне Беларусь рискует оказаться последней...

Василь Быков, народный писатель Беларуси, Рыгор Бородулин, народный поэт Беларуси, Сергей Законников, член Центральной рады Белорусской социал-демократической партии (Громады), лауреат Государственной премии Беларуси, Иван Макалович, директор программы национального Центра стратегических исследований, Иван Никитченко, член-корреспондент Академии наук Беларуси, профессор, доктор сельскохозяйственных наук, заместитель председателя Белорусской крестьянской партии.

Белорусские власти заодно с противниками реформ в России // Известия. 1993. 10 дек.

Никакая это не скрытая, а всем известная правда войны — дезертирство из Красной Армии уроженцев Западной Украины, Западной Белоруссии, Прибалтики... [...] Нынешний разгул националистов этих областей (получивших «свободу» благодаря предательству подлой клики московских «перестройщиков»), нынешнее злобное преследование ими живущих там русских — только подтверждают, насколько эти националисты были вредоносны в войну и как справедлива была послевоенная высылка их (очистительная для их народов). Конечно же, те же дезертиры не представляли белорусский народ, в котором каждый четвертый был партизаном. [...] И теперь в той же Белоруссии орудуют русофобы типа некоего Поздняка, Василя Быкова, раздутого московской либерально-интеллигентской критикой «военного писателя», писавшего на русском языке, нахватавшего все, что можно было нахватать (от Героя Соцтруда до множества премий, многомиллионных тиражей), а ныне угрожающе махающего пастушьим кнутом в сторону москалей, обвиняющего их в насилии в военное время над белорусами (которые, по Быкову, оказались между двумя наковальнями — немцами и русскими). Казалось бы, радоваться бедолаге, что освободился «из-под гнета Москвы», и подальше от нее — ан нет, все лезет туда же, подписывает в московских изданиях подстрекательские письма совместно со своими здешними сионистскими дружками-покровителями, радуется расстрелу 3 октября 1993 года, провоцирует ельцинистов на новые боины (письмо «сорока двух» в «Известиях» 5 октября 1993 года, когда Дом Советов был завален трупами). Если уж в независимой вроде бы от Василя России он так распоясывается (разумеется, под покровительством тех самых дружков), то можно представить, что выделявает он (вкуче с поздняками) в самой Белоруссии.

Лобанов М. Великая победа и великое поражение // Молодая гвардия. 1995. № 9. С. 90, 91.

Что касается «мишеней», то в кровавые, трагические дни октября 1993 года в Москве живыми мишенями стали сотни ни в чем не повинных людей, и В. Быков морально был на стороне тех, кто расстреливал эти «мишени». [...]

Замечу, что ни один деятель культуры из стран СНГ не согласился подписывать этот расстрельный призыв. Кроме одного-единственного — В. Быкова. Но этого ему показалось мало. 10 декабря 1993 года «Известия» публикуют его, а также Рыгора Бородулина, Сергея Законникова, Ивана Макаловича, Ивана Никитченко донос на «Советскую Белоруссию», белорусских парламентариев, белорусское правительство и погибших (!) при защите законно избранного российского парламента наших земляков. Вот что они, в частности, писали: «...после мятежа начали всплывать некоторые любопытные факты. При защите Белого дома погибли и белорусы: один полковник пал во время прорыва из Белого дома. Некоторые были убиты возле Останкина. В Минске им были организованы пышные похороны, на которых полной ме-

рой досталось «ельцинским убийцам». А дальше шла речь о тогдашних белорусских парламенте и правительстве: «Они способны подчиниться лишь силе. В Беларуси же, похоже, такой силы недостает».

Севрук В. Доносы не горят! // Рэспубліка. 1999. 7 крас.

Охотно отвечая согласием на предложения одобрить своей подписью то или иное коллективное письмо, обращение, заявление общественности, в том числе и литературной, доверил мне ставить его фамилию под теми, какие подписываю сам, без предварительных перезвонов-согласований. Но в поворотную ночь с 3 на 4 октября 1993 года я этим разрешением не воспользовался. Собирая подписи под коллективным писательским заявлением, обличавшим коммуно-фашистский, как тогда его верно именовали, мятеж, я, сознавая историческую ответственность и момента, и документа, позвонил Василию из затемненного — опасались обстрела — юшенковского кабинета. Зачитал текст, который он, как и многие другие в ту ночь, подписал без словопрений. И, в отличие от нескольких коллег, не отрекся от подписи и потом, под напором остервенелой хулы, какую не замедлили обрушить на нас злобные ненавистники не рухнувшей, на пределе сил устоявшей тогда демократии...

Оскоцкий В. Через годы — через жизнь: Из воспоминаний о Василе Быкове. 2003. Рукопись.

«Пена на волне перестройки» — так титулованные историки называли статью о деятелях Фронта, имея в виду и Быкова. «Они едят наш хлеб», — так упрекали рабселькоры писателей, в том числе Быкова. «Фашист» — такая кличка была присвоена зомбированным народом Зенону Позняку.

«Лжец» — такой «народной» клички удостоился Василь Быков.

После перестройки Быков открыл свой писательский фронт — Четвертый Белорусский. Первый, Второй и Третий, как известно, образованы в Великой Отечественной войне, но эта война, по Быкову, началась не в 1941-м, а раньше, в 1920-м (ноябрь-декабрь), когда против большевистской оккупации вспыхнуло Слуцкое восстание. Окруженные красными, зная об их зверствах, повстанцы решили не сдаваться живыми. Выкопали в лесу яму, по очереди влезли туда, каждый застрелил себя. Самому молодому, Володьке, командир приказал: «Закопать, заровнять. Чтоб следа не осталось. И — живи!»

Не ясно, остался ли жив паренек, удалось ли ему скрыться от карателей. Мы видим нового Быкова. Исследующего двуединое чудовище двадцатого века — коммуно-фашизм, окрашенный в «красно-коричневое» (название одной из его статей). Чем глобальнее Быков, тем яростнее ненависть к нему белорусских властителей, продолжающих строить то, чему воспротивились слуцкие повстанцы и здравомыслящий мир. Писатель вновь оказался на войне.

Козлович А. Василь Быков. Четвертый белфронт разбит // Свободные новости. 2000. 18—25 февр.

31 декабря 1992 г.

Новогодний разговор с Быковым, он о том, что уж очень тоскливо [...]. ...Что там, в Гродно, было лучше, тише, спокойнее, хоть его клеймили, но он знал, где враги, а теперь все не так.

Симанович Д. Витебский вокзал, или Вечерние прогулки через годы: Дневники. Мн.: Асобны, 2006. С. 396.

14 чэрвеня 1994 г.

Дарагі Васіль Уладзіміравіч!

Ад усяго сэрца віншую Вас са светлай у Вашым жыцці датай: сямідзесяцігоддзем з дня Вашага нараджэння!

Вас віншуюць мая жонка Зоя Кірылаўна, мае дзеці і ўнукі.

Дзень Вашага нараджэння — гэта свята ўсяго беларускага народа. Вы не толькі таленавіта стварылі вобразы ўдзельнікаў Айчыннай вайны, але і ярка напісалі кавалкі нашага жыцця, вобразы калгаснікаў і калгасніц, моладзі, нашых сучаснікаў.

Перад чытачамі Вашых аповесцяў і раманаў узнікаюць праўдзівыя характары людзей нашага часу.

У Вашых публіцыстычных артыкулах ярка выступае сапраўдны баец, змагар за дэмакратыю, суверэнітэт, незалежнасць і адраджэнне Беларусі. Вы заўсёды рэзка выступаеце супраць маны, ілжы бюракратызму і партакратаў.

Прыемна адзначыць, што Ваш дзень нараджэння шчасліва прыйшоўся на Сёмуху (Тройцу).

Жадаю Вам добрага здароўя, запасу творчых сіл на доўгія гады. Шчасця і радасці Вам, дарагі Васіль Уладзіміравіч!

Нізкі паклон Ірыне Міхайлаўне.

Абдымаю,

Ваш Пімен Панчанка.

Хатні архіў В. Быкава.

Але дома Быкава працягваюць ляць. Ужо за высокую грамадзянскую пазіцыю, за прыклад служэння свайму народу, за змаганне за сапраўднае адраджэнне роднай і святой для пісьменніка шматпакутнай Беларусі...

Відаць, і сапраўды няма прарока ў сваёй Айчыне, а вялікае бачыцца здаля. Дома цяжка прызнаць тое, што прызнана ў свеце і пра што сказана як пра само сабой зразумелае. «Великий писатель и страдалец за свой народ Василь Быков», — натуральна і спакойна гаворыць цудоўны рускі пісьменнік, франтавік, чэсны і сумленны чалавек Віктар Астаф'еў. Дык давайце хоць запомнім і паўторам яго шчырыя і дакладныя словы...

З узростам пачынаеш даражыць, здавалася, самым звычайным у жыцці. І сёння я думаю, як гэта добра, што неспадзявана можна ўбачыць дзе-небудзь

у горадзе добра знаёмую постаць у несамавітай, па-хлапчукоўску лёгкай куртачцы, убачыць глыбокія блакітныя вочы, добрую ўсмешку і пачуць спагаднае: «Як жывеш, Алеська?»

Жук А. Годнасць мастака // Беларусь. 1994. № 6. С. 3.

Ёсць на свеце парадаксальная, нікім не разгаданая загадка. Чаму людзей, якіх прырода надзяліла дарам прадчуваць, чым адгукнецца ў будучым зробленае сёння, ніколі не слухаюць тыя, хто прымае рашэнні? Гісторыя сотні і тысячы разоў даказвала, на чым баку праўда ў рэшце рэшт. Тыя, хто нясе на сваім гарбе Крыж Праўды, заўсёды папярэджваюць пра ўсё. У 1828 годзе вялікі Пушкін напісаў:

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

[...] Мне няма з чым павіншаваць Вас, Васіль Уладзіміравіч... Дай Вам Бог здароўя!

Дудараў А. Крыж // Беларусь. 1994. № 6. С. 2.

Чытаць нашча, каб прычасціцца да бязлітаснай праўды, няўтульнай і мулкай, цвярозай і незалежнай, нішчымнай і раздзетай.

Думаць нашча, каб ачысціцца ад похапкавасці й мітусні, ад ліслівай хлусні й марнай мітрэнгі, ад нікчэмнага гневу й самазжэрнай зайздрасці.

Хінуцца нашча душой, каб святло слова існага смагу прагнала й дух угрунтавала смуткам Быкава, верай Быкава, нясхібнасцю Быкава.

Марны й наіўны занятак — падбіраць эпітэты да Быкава. Два словы ўвабралі ў сябе ўсё, пра ўсё казалі, усё акрэслілі. Словы гэтыя на ўсіх развітых мовах свету гучаць аднолькава шаноўна й удзячна: Васіль Быкаў. Гэта пароль сумлення й мужнасці, чуласці й рашучасці, гэта пароль нашае шматпакутнай Беларусі.

Цяжка прайсці агні й воды. І прайшоў іх Быкаў. Прайшоў цярпліва й нязбочна, прайшоў, не сагнуўшыся, не прынізіўшыся.

Але найцяжэй яшчэ прайсці медныя трубы. Талент на годнасць правяраецца й пазнаецца па тым, як ён нясе славу, як пераносіць, трымае яе.

Дык вось якраз славу нясе Быкаў лёгка й натуральна, як высокае неба аблогі, як упэўненая рака воды, як чалавек імя сваё.

Быкаў не раз казаў пра чорны хлеб праўды. І гэты хлеб быкаўскае прозы, быкаўскае эсэістыкі й публіцыстыкі, быкаўскае роздумнасці. Гэта самы трывалы хлеб. [...]

У Быкава няма пустых словаў, словаў на аздобу, на скорам. Творы ягоныя маюць магнетычнае поле прывабнасці, пасля іх на свет хочацца глядзець вачыма Быкава, да людзей ставіцца па-быкаўску.

Да здзіву арганічна спалучаецца ў Быкава канкрэтнае й абстрактнае, спадчыннае й набытнае, боскае й тляватае. Гэта ж трэба валодаць такою ўладаю, гэта ж трэба ўмець: узяць косці й так іх абрасціць мясам, што косці гэтыя пойдучь. І зажыве чалавек. Пабагацее людства яшчэ на аднаго чалавека. Гэта — дар вялікі й непаўторны.

І яшчэ ў Быкава талент мужнасці. Хто з нас сёння можа сказаць, што ён, як той млынар, малоў і не запыліўся. [...] А Васіль Быкаў, як і Уладзімір Караткевіч, быў і застаецца духоўным арыенцірам на ўсіх, хто хоча аблічча сваё, запыленае дарогамі ў так званае светлае заўтра, абмыць крынічнай вадой праўды, беларушчыны, веры ў беларускае заўтра. Бо ён, як ніхто, — Беларус. [...]

З Васіля Быкава пачалася сучасная сталасць нашае літаратуры. З фальклорна-побытнае яна вырасла ў глыбінна-духоўную, у еўрапейскую літаратуру. Дарэчы, колькі размоў і парадаў, як нам увайсці ў еўрапейскую сям'ю, у Еўропу. Незразумела, адкуль гэта праблема, ад недалёкасці ці ад хітрасці. Геаграфічна й менталітэтна беларусы — еўрапейцы чыстае вады, ці чыстае пробы. І гаворка пра тое, як увайсці, нагадвае клопат чалавека, што стаіць у рацэ й пытаецца, як увайсці ў раку.

А ў літаратуру трэба ўваходзіць так, як Васіль Быкаў. Спакойна, але ўпэўнена, з пачуццём свае годнасці. Маштабнасць мыслення й выключна беларуская адметнасць. Усё гэта й шмат чаго невытлумачна-няўлоўнага, што робіць аўру, — Васіль Быкаў. Гэтым ён свой Еўропе, гэтым ён цікавы й загадкава прывабны свету.

Васіль Быкаў — светлы апостал нацыі. Светлы, бо чысты ў думках сваіх, у памкненнях сваіх, у клопатах сваіх пра хлеб духоўны, пра Адраджэнне, пра трыванне на зямлі ўвогуле. У ім лепшыя рысы народа.

Бог, відаць, за грахі нашыя карае Беларусь, якую большавікі хацелі як хутчэй зрабіць бязбожніцай. [...] Але й час ад часу пасылае Усявышні Беларусі такіх людзей, як Скарыну, Каліноўскага, Купалу, Быкава. Ім дазваляе гаварыць пра Беларусь, ад імя Беларусі, бо голас іхні шчыры.

Барадулін Р. Апостал нацыі // Маладосць. 1994. № 6. С. 235, 236—237.

Общение с Василием Быковым повернуло меня к самому себе. Не было в моей жизни другого человека, который бы воздействовал на меня так сильно. Именно под его влиянием я окончательно понял, что своему народу надо говорить (несмотря ни на что!) только правду, что призвание художника в том, чтобы изображать мир так, как он его видит. Можно и нужно учиться у жизни видеть по-новому, но нельзя писать то, что не увидел твой глаз художника, нельзя смотреть на мир глазами соседа...

Именно за это убеждение его как раз и изничтожали. Его всегда хотели распять, и все было готово к этому — сбит тяжелый крест, натянуты веревки, подготовлены гвозди. Споткнись он хоть один раз, ему бы не дали подняться. Рядом с ним всегда наготове стояли безжалостные исполнители.

Мне трудно представить, какие мы все были бы, если бы рядом с нами не было Быкова. Он все-таки сдерживал этих гонителей в нашей республике. Они вынуждены были оглядываться на него. Они так и не решились повторить 37-й год. Все-таки магия искусства велика.

Мне и тогда и теперь трудно понять, как можно было столько лет измываться над большим художником, над уникальной личностью? [...]

...Измерять длительность жизни художника годами, все равно что книгу — страницами, живописное полотно — квадратными метрами, скульптуру — килограммами. Не потому ли нам кажется, что Пушкин и Лермонтов, чья жизнь была лишь мгновением, прожили с человечеством 500 лет (а проживут еще больше!). А Ф. Булгарин, прожив большую жизнь и написавший гораздо больше Пушкина, пожалуй, известен лишь тем, что Пушкин написал на него эпиграмму.

Так и про многих из нас скажут, что «они были современниками Василя Быкова»...

Пташук М. Мой «Знак беды» // Рэспубліка. 1994. 18 чэрв.

Жизнь у нас скверная, как и везде, впрочем, во всех отношениях. И ухудшается с каждым месяцем. Хуже всего то, что с ухудшением жизни сужается круг друзей. Уже почти никого не осталось. И — не пишется. Не хочется. Чертовски влияет еще погода — такой скверной не упомяну. С конца июня — дожди почти каждый день. На даче зябко, неуютно. Как и на душе.

3 ліста да В. Аскоцкага ад 1 кастр. 1990 г. Галоўнае архіўнае ўпраўленне г. Масквы, ЦМАМАЗ.

18 лістапада 1991 г.

Мілыя і дарагія Юлечка і Генадзь!

Амаль кожны дзень думаю пра вас, успамінаю нашыя апошнія сустрэчы і размовы. І спадзяванні. Бо сфера спадзяванак тут штодзень вузее; хутка, здаецца, спадзявацца не будзе на што. І на каго. І во гэта самае жахлівае ва ўсіх сэнсах. Смярдзючы труп тае партыі ўсё не выносяць, усё ён ляжыць і труціць жывых, некаторыя ўжо пачалі паглядаць на яго, чакаючы поўнай рэанімацыі. І ён робіць выгляд, што і сапраўды ўстане. І тады задасць чоху. Усім. І гэтым так званым дэмакратам. Мо і праўда ўстане. 1) Ва ўсякім разе самыя разумныя з нашых сяброў (самы разумны таксама) паводзяць сябе менавіта такім чынам. А ўжо яны ведаюць. А дэмакраты... Я ўжо пераканаўся, што з такім народам, як наш, дэмакратам няма чаго рабіць. Дэмакратыя не для яго. Для яго — дэспатыя з бізуном, во ён (народ) будзе яе слухацца і

любіць яе. Што значыць стагоддзі ў прыгнёце! Лакейская псіхалогія! Я ўжо не кажу пра інтэлігенцыю. Пра пісьменнікаў. Брыдка глядзець!

А трэба не толькі глядзець, а і нешта рабіць. І сустракацца, і вітацца. Такого кіраўніцтва ў тым жа СП яшчэ не было нават у самыя чорныя часіны. Заключаюць дагавор з бондараўскім СП РСФСР! І столькі пыху, столькі нянавісці да расейскай дэмакратыі... І ў той жа час скрыпяць зубамі супраць БНФ, гарой за ГКЧП, чакаюць новага (удалага) путчу. І не саромеюцца адкрыта гаварыць пра тое. [...] Грышка [Барадулін] перастаў хадзіць на вул. Фрунзе⁴³. 2) Я таксама, мабыць, перастану зусім. На апошній радзе з поваду адносін да новага сакратарыату СП СССР застаўся ў ізаляцыі. Падтрымаў мяне адзін В. Тарас. Астатнія ўсе супраць. На баку Бондарава, Распуціна, Бялова. Во гэта саюзік!

На днях адзначылі юбілей Толі Вярц[інскага]. Той толькі з Парыжа. На сесіях ВС апазіцыі, вядома, трудна, аж шкада хлопцаў. Змагаюцца, як ільвы. Ды што толку? Галаснуць — і $\frac{4}{5}$ супраць. Канчаецца год, а галоўныя і найважнейшыя законы не прыняты. Тым часам галеча ўсё бліжэй, бліжэй і крах нацыянальнай культуры. Мабыць, у наступным годзе збанкрутуе «Мастацкая літаратура» і ўсе беларускія часопісы.

У «Полымі» выйшла твая, Генадзь, падборка. Хорошая падборка, добрыя вершы. І мне падумалася: хай бы ты там, наводшыбе, болей пісаў. Калі толькі дазваляе настрой! Бо служба — гэта марнатраўства жыцця, ты гэта ведаеш. Я цяпер прозы не пішу, не той настрой. Шкада, вядома...

Шчасця і ўдачы вам!

Са шчырасцю абдымаю —

Васіль.

Ірына далучаецца.

1) Ва ўсякім разе партыйныя газеты вядуць ранейшую лінію, тэлебачанне таксама. Чыкін стварае новую (старую!) партыю, а С[авет] М[іністраў] — стаў засіллем былых цэкоўцаў, якія дружна кінуліся прыватызаваць, што ляжыць бліжэй.

2) Мая спроба дамагчыся прысваення яму^{**44} *народнага* скончылася фіяска. Сказалі: не трэба цяпер нам ніякіх званняў, ніякіх узнагарод. Але тут жа ўзнагародзілі Шамякіна, Лужаніна. А званне, аказваецца, прыпасалі для іншага.

Ліст да Ю. і Г. Бураўкіных. Хатні архіў Г. Бураўкіна.

6 снежня 1991 г.

Мілыя і дарагія нашы Генадзь і Юля!

Ну вось зноў, здаецца, пара вітаць з Новым годам, а Юлю з яе народзінамі. Здароўя і шчасця вам у такой далечы. Далёкай далечы. Некалі гэткай па-

⁴³ Дом літаратара.

⁴⁴ Р. Барадуліну.

рой я быў у Нью-Йорку, пад час Крыстасу, калі горад — у срэбным убраньні-зьяньні, цуд, канешне. У нас таксама трохі выпала сьняжку, прысыпала нашы худародныя палеткі, пыл і сьмецьце на вуліцах. Жах тым часам набліжаецца. Ужо ў Маскве і СПб няма чаго есьці, СПб па бартэру будзе карміць Фінляндыя, а Масква ўсёй сваёй інтэлектуальнай магутнасьцю накінулася на сепаратыстаў — ад Закаўказья да Прыбалтыкі, якія не вязуць ёй прадукты. Асабліва дастаецца Украіне, якая ўсё разбурыла. Загнала апошні кол на магіле бальшавіцкай імперыі. Малайцы ўкраінцы! Калі б толькі не іх сумніцельны прэзідэнт... Але, можа, і нічога.

Ну а што ў нас?

У нас усё тое ж. Самая вялізная праблема-клопат грамадскасьці — прымусіць сабрацца В[ярхоўны] С[авет], каб хоць што-небудзь вырашыць. Не хочуць зьбірацца. А калі і зьбяруцца, дык паразьбягаюцца — няма кворуму. Сваю справу пэўныя сілы, аднак, робяць: легалізавалі ЛКСМБ, цяпер зьбіраюць зьезд КПБ. Відаць, праз тыдзень будзе. Камуністы надта стараюцца, а беспартыйныя ўспамінаюць дні, калі тыя гаспадарылі і была каўбаса. Цяпер кажуць: і камунізм і каўбаса — на адну літару. Новы год нам прынясе такое, што страшна і падумаць: і ў эканоміцы, і ў культуры... Адзіны паратунак — поўная самастойнасьць, як Украіна. Але ж мы — не Украіна. Дый нават Краўчука ў нас няма. З кім мы пойдзем у той акіян самастойнасьці?.. Таварны рынак ужо сканаў, а неўзабаве будзе капут фінансавы. Як толькі Расея адпусьціць цэны, дык праз дні 2—3. Пра гэта ўсе гавораць, толькі ніхто не можа нічога зрабіць. Ды ўжо і позна што-небудзь рабіць. Хіба што новы путч, на гэты раз удалы і пасьпяховы. Армія, КГБ, МУС даўно гатовы і чакаюць, ужо не тоячыся. Адкрыта абмяркоўваючы ўсе яго асьпекты. Дый прэзідэнт пра тое гаворыць (гл. «ЛГ» за пачатак сьнежня). Толькі ён, як заўжды, не туды арыентаваны, думае, што путчысты прыедуць з Каўказа ці з Украіны пад сепаратысцкімі сыцягамі. Наіўнасьці гэтага Чалавека ўжо няма сілы зьдзіўляцца.

Вось так мы і жывем. Кола сяброў, вузкае для мяне заўжды, і яшчэ болей вузее. У саюз [пісьменьнікаў] не хаджу, ад палітыкі стараюся адляпіцца, хаця не атрымліваецца. Цягнуць — ірвуць з розных бакоў. Часам пазвоніць Мікола [Матукоўскі]. Часам Алесь [Адамовіч] з Масквы. Часам пазваню Грышку [Барадуліну]. [...]

Абдымаю ўсіх Бураўкіных.

Васіль.

Ірына аберуч далучаецца.

Ліст да Г. і Ю. Бураўкіных. Хатні архіў Г. Бураўкіна.

У нас, Валя, стагнация працягваецца. На смену партруководству СП прыйшлі людзі і яшчэ похуже, кажацца, — новая волна неакомуністаў, якія цяпер сплёшь і ўвак бросіліся к корыту асабістага абагажэньня, в

чем не знают никаких норм, никакой меры. Каждый, кто сколько может на своем месте, — впрочем, по примеру своей родной партии. Честные замкнулись в личной скорлупе, сидят, выжидают. Очень недостает нам Адамовича, сраженного инфарктом... У меня со здоровьем тоже проблемы, часто обостряется астма, к ней прибавляется сердце. А тут еще холодная, ненастная весна... Работать не хочется, апатия и хандра — как и погода.

З ліста да В. Аскоцкага ад 30 крас. 1992 г. Галоўнае архіўнае ўпраўленне г. Масквы, ЦМАМАЗ.

21 чэрвеня 1992 г.

Дарагія нашы блізкія-далёкія Генадзь і Юля!

[...] Шмат што хочацца выказаць, не аднойчы ў думках меў да вас маналог — так, словы, думкі-жалбы. Менавіта жалбы, бо іншае не ідзе ў галаву, а сэрца поўніцца тугой-болею. Жыццё ідзе на скрут, і добра б маё, скажам, жыццё, а то жыццё наогул. Усіх! Усяе краіны. Народу... І нідзе нікога паратунку. І ніхто не ратуе. Разумнейшыя кінуліся ратаваць сябе, і каб ратаваць толькі... А то і ўладкоўваць сваё я, сваіх родзічаў. Што толькі робіцца! Такого не толькі не было ніколі — ні за царом, ні за Сталіным, ні за Брэжневым. Толькі цяпер. Пад флагом дэмакратыі. Але чаму б і не! Народ у паняверцы, усім усё абрыдла, нікому не верыць. Настваралі партый — сацыялістычных, аб'яднаных, дэмакратычных, ліберальных, сялянскіх... І што ж партыі? Дзеляць свае партыйныя пасады, праводзяць мерапрыемствы (пленумы на адной канапе) і пачынаюць барацьбу з БНФ — празмерна радыкальны, ці бачыце. Яны ж — за народную згоду. Але найперш за згоду з ПКБ, з Сямёнавым і Чыкіным, якія, як я разумею, хутка сядуць у прэзідыум В[ярхоўнага] С[авета] і ў кабінеты былога ЦК. Ужо зусім трошкі засталася. Але тое не выклікае ніякай трывогі ў сацыялістаў — яны ж за плюралізм і многапартыйнасць. Адзін Пазняк са жменькай апазіцыянераў б'ецца як рыба аб лёд у ВС, выпрацоўвае законы і пастановы, якія аўтаматычна адхіляе бальшавіцкая большасць. Цяпер хочуць скруціць рэферэндум. І скруцяць, у тым няма сумнення. Як вам вядома, нашы пісьменнікі кіраўнікі не марна валадарылі — мудра і доўга, яны выхавалі пісьменніцкую браніну. Ніхто — нідзе — нічога! Як іх і не было ніколі. Ні на мітынг, ні ў друку. Поўны нейтралітэт. Кажуць, пісьменнік павінен пісаць. Геніяльныя, эпахальныя творы. [...] Вельмі глыбакадумна даводзяць, што ад рэферэндуму — адна шкода. Патрэбна аб'яднанне і паразуменне дэмакратычных сіл. Як у Расеі. Сёння тэлебачанне перадало, што ў Маскве дэмакраты аб'ядналіся ў блок, і ў тым блоку поруч партыя Траўкіна і партыя Жырыноўскага. Во дажыліся!

Ну але хай яны дажываюцца да чаго хочуць — мы не хочам таго. Даўно ўжо вядома, што такое расейскі шавінізм, дэмакратызм, лібералізм. Дайце нам наша, на наш розум...

Але дзе ён у нас, той розум?

Во насланне, во пракляцце! Народ па ранейшаму сляпы і дурны, нібы крот, а кіраўнікі... Хапаюць і чакаюць ГКЧП. Як я пагляджу, усё робіцца ў святле падрыхтоўкі да новага ГКЧП: рыхтуюцца КГБ, МУС, армія. А галоўнае — урад і партыя камуністаў. Ужо створаны ўсе нізавыя органы яе, цэнтральныя; органы друку на $\frac{3}{4}$ пракамуністычныя. Усе чакаюць. Чакаюць сігналу: над усёй Расеяй бязвоблачнае неба. Во тады пачнецца...

Так што добра, што вы там, хоць тут вельмі не хапае Генадзя. Тэлебачанне ніколі не было такім прабальшавіцкім, як зараз. Кожны тыдзень выступае Чыкін, агітуе за партыю камуністаў. Пазняку ў той жа час два месяцы не даюць слова сказаць...

Ну а нашы сябры... Валянцін [Болтач] з Сяргеем [Законнікавым] рыхтуюцца да закрыцця часопісаў — няма грошай на другое паўгоддзе. Мікола [Матукоўскі] нешта дужа захварэў, здаецца, запаленне лёгкіх, а ў дактароў няма антыбіётыкаў. [...] У Доме літаратара на Фрунзе ва ўсю гаспадараць нейкія мітуслівыя людзі — кааператары. [...] Я туды не хадок. Часам тэлефануем з Грышкам [Барадуліным], здаецца, той адзіны, хто застаўся самім сабой. А найбольш — чалавекам.

А за вакном буе лета. Цёпла, нават гарача. Зелена. Красуе збажына... Ды надта нявесела на душы. Я ўжо не кажу пра здароўе, якое... Але што здароўе, калі няма жыцця...

Мы вельмі любім вас, і абдымаем вас!

Будзьце здаровыя і шчаслівыя.

Васіль і Ірына Быкавы.

Ліст да Г. і Ю. Бураўкіных. Хатні архіў Г. Бураўкіна.

Среди интеллигенции царит уныние. Впрочем, как и среди народа. Цены растут (кг картошки 20 р.), пенсии ничтожны (в сравнении с ценами), лит[ературных] заработков почти нет. Как жить дальше?

Одна радость-надежда, что уже не много осталось...

З ліста да В. Аскоцкага ад 30 жн. 1992 г. Галоўнае архіўнае ўпраўленне г. Масквы, ЦМАМАЗ.

3 лістапада 1992 г.

Дарагія нашы Генадзь і Юля!

У нас сёння хмарны, слотны дзень, сыпле восеньскі дождж. Але на сэрцы некаторых нашых сяброў буе вясна: урэшце парламент РБ прыдушыў рэферэндум, здань якога страшыдлам вісела аж цэлы год. Рэферэндуму не будзе, значыцца, сытнае жыццё з пэўнымі магчымасцямі забяспечана яшчэ аж на 3 гады. За той час народу абяцана «паскорыць, павялічыць, забяспечыць...». Як і раней, як і 70 год назад...

Гэтыя два дні, што былі адведзены ў ВС пад рэферэндум, выглядалі як незвычайны спектакль, грэцкая трагедыя — такая палымянасьць прамой, такое адзінадушша, такі розум! Раць камуністаў расла, а рады апазыцыі ўвачавідкі таялі. Пабеглі туды і некаторыя нашы сябры і знаёмыя. Зрэшты, было ад чаго ўцякаць, было як ратавацца. Прывід нацыянальнага фашызму робіцца ўсё выразнейшы, перад ім былы камунізм ужо пачынае выглядаць як сьветлае мінулае. Варта было паслухаць Булахава! Куды да яго ўсе тыя Пячэльнікавы, Паўлавы і нават Чыкін разам узятых. І, здаецца, неўзабаве ён узьлезе на самы верх. У гэтым сэнсе шкада робіцца нашага сьпікера⁴⁵ з яго памяркоўным прагматызмам...

У грамадскім жыцці РБ новая палітычная кампанія, якую вы, мабыць, заўважылі: арганізаваны і раз'юшаны наступ на мову. Усе расейцы, як па камандзе, узяліся абараняць «пагарджаную мову вялікага расейскага народа», неўзабаве трэба чакаць дэмаршу Масквы з паваду «абароны правоў чалавека» рускамоўнага насельніцтва Беларусі. Знаёмая да банальнасьці схема. А тым часам 100 млрд руб. расейскага доўгу Беларусі ляснула за «дазвол прапускаць нафту па тэрыторыі Беларусі» (??).

Во гэта эканоміка! Во гэта палітыка!

Нядаўна быў сход у С[аюзе] П[ісьменьнікаў]. Выступалі — горача і бязглузда. Прасіць, слаць тэлеграмы, доўга і прыдзірліва рэдагаваць рэзалюцыі — больш нашыя пісьменьнікі ні на што не здольны. Апатыя і маразм. Зрэшты, тое ж самае і ў Маскве, і ў Кіеве, і ў Вільнюсе. У нас хоць яшчэ пакуль што не страляюць адзін у аднаго. Але, здаецца, неўзабаве будучь. Да таго ідзе. Толькі ў нас пачнецца са спазьненьнем. Як у іншых месцах скончыцца. Мы ж — тугадумы. [...]

А наогул жывем!

Да чаго дажывем толькі (бач, нават і напрыканцы не ўдаецца ўзьбіцца на аптымізм).

Са шчырасьцю абдымаю вас!

Ірына далучаецца.

Ваш Васіль Б.

Р. С. Во эканоміка! Дырэктар Нацыян[альнага] банка Багданкевіч парадаваў дэпутатаў: Расея нам вінавата 100 мільярдаў, якія ніколі не выплаціць. Ён сказаў літаральна наступнае: «Лепш бы тое мяса бясплатна раздалі насельніцтву, а трактары — арандатарам, сялянам, чым было іх пастаўляць Расеі».

Пахавалі Міхася Ткачова. Ныркi. Шкада бязьмерна! І за якія грахі такія пакараньні Беларусі? Як толькі добры чалавек, дык — у магілу....

В.

Ліст да Г. і Ю. Бураўкіных. Хатні архіў Г. Бураўкіна.

⁴⁵ Маецца на ўвазе С. Шушкевіч.

10 февраля 1993 г.

Виктор, дорогой дружище!

Давно прочитал твой роман, намерился написать, но отложил, решил, что поговорим в поездке, в которую мы собирались. Но вот оказалось, что поехать в Париж я не смогу, не то здоровье и вообще... Стало проблемой поехать в недалекий город, даже послать письмо, где уж тут думать о Париже. Становится невозможно жить. Впрочем, нам уже пора привыкать к другой мысли...

А роман твой прекрасен, как сама правда — жестокая, отвратительная правда о человеке и человечестве, без которой он, человек, никогда им не станет, всю свою историю пробудет скотиной. Наше поколение, конечно, на своей шкуре познало это скотство, но из всех нас, пишущих, ты один нашел в себе силы и мужество полною мерой таланта сказать об этом. Героизма хватит с избытком в нашей военной литературе, мы его заездили, этот героизм, исписали до дыр, в то время как было и еще что-то на войне — не менее важное для человеческого существования. Я был в 42-м два месяца в таком запасном полку в Татищеве, под Саратовом, и до сих пор помню тогдашние ощущения. Помню еще, когда читал «Один день...» Солженицына, не мог отрешиться от мысли: у нас было хуже. Спасибо тебе, дружище, за то, что ты взялся за эту неблагодарную тему и воскресил муки поколения, к которому мы принадлежим. С этого мы начинали, этим, пожалуй, и закончим. Потому что то, что переживаем ныне, очень напоминает то наше военное и первое послевоенное время. Проклятое время, проклятая судьба. Единственное наше утешение в том, что уже немного осталось... Слабое утешение еще в том, что нам (тебе и мне в частности) удалось не опаскудить свое имя членством в этой бандитской партии, погубившей и Россию и еще пол-Европы. И угроза ее все еще реальна. У нас, в Беларуси, и вовсе висит над народом, правит свой бал. После недолгого периода замешательства эта партия решительно набирает силы. Я уверен, через год будет официально править. Особенно в условиях, когда демократия обнаружила полную свою сопливость...

В этих условиях что уж говорить о своем душевном состоянии, скверном совершенно. Хуже всего, однако, что многие из прежних друзей отпали — одни ушли в собственную скорлупу, другие открыто побежали к кормушке. Третьи — почти открыли истинное лицо и возгордились, что сотрудничали с КГБ. Теперь, оказывается, это почетно!

Будь здоров, дружище, держись как-нибудь. Сердечный привет твоей Марье.

Любящий тебя —

Василь Быков.

Ліст да В. Астаф'ева. Хатні архіў В. Астаф'ева.

22 сакавіка 1993 г.

Мілыя нашы Юлечка і Генадзь!

Як вы там жывяце, у каменных джунглях, сярод міязмаў капіталізму? Як трываеце ўсё, што выпадае трываць? Мы дык тут ужо загартаваліся і нічым не здзіўляемся, бо ўсё ў нас ідзе, як і ішло — дзесяць, дваццаць і пяцьдзесят год таму. Нічога не мяняецца. А калі што і мяняецца, дык толькі ў горшы бок. Таму мы баімся навін — што ні навіна, то ўдар пад дых. Учора, аднак, выдалася нямая радасць — шэсце і мітынг з нагоды 75 год БНР. Гранды-ёзная справа, нічога не скажаш. Я нават не думаў, што пасля ўсяго столькі збярэцца — ад плошчы Незалежнасці да цырка — на ўвесь праспект. І мора сцягоў, штандараў... Мастакі папрацавалі. А з пісьменнікаў толькі я ды Грышка [Барадулін]. Пасля падышоў Ніл [Гілевіч], пастаяў на трыбуне. І то дзякуй. Астатнія... Пазіралі з тратуараў. І то некаторыя. Во выхаваліся! Толькі б да-пяцца да карыта, як тая сотня, што найўна паспадзяваліся на бондараўскае карыта. Але для бондараўцаў для саміх не хапае, ідзе такая калатнеча ў Маскве... Ну вось. А тэлебачанне наша паказала толькі некалькі буйных планаў, каб не ўбачылі людзі гэтага людскога мора з сотнямі бел-чырвона-белых сцягоў. Дзякуй масквічам-астанкінцам, яны ўвечары паказалі праспект, дзе з канца ў канец, як воку кінуць, калона. 25[-га] урачыстасць увечары. Павінна быць у оперным, але оперны напярэдадні падпалілі (сцэну), каб сарваць тое, цяпер невядома дзе будзе сабрацца.

Вось такія нашыя справы.

Мы тут усё гаворым з Мікалаем [Матукоўскім] пра вас, так хочацца бачыць-мець вас бліжэй, але... Дужа пагана ў нас ва ўсіх сэнсах, камуністы пасля рэанімацыі КПБ-ПКБ шалеюць, ужо адкрыта дзеляць уладу, пасады. Шушкевіча і нават Кебіча ўжо не прызнаюць, ладзяць сваіх правадыроў. Цяпер у іх найпершы клопат — рэабілітацыя КГБ. Для гэтай мэты паднялі з архіваў справу аб Курапатах і нам[еснік] генеральнага пракурора Кандрацьеў узбудзіў крымінальную справу. Тужацца давесці, што Курапаты — справа бел[арускіх] нацыяналістаў, якія ўлетку 1941 г. (пасля акупацыі Менска) расстралялі там нямецкіх яўрэяў. А НКВД, трыццатыя гады тут, аказваецца, ні пры чым. Чыкінцы ў сваю чаргу даказваюць, што Хатынь была разгромлена беларускімі паліцаямі пад бел-чырвона-белым сцягам. З гэтай мэтай дамагаюцца адмены пастановы ВС аб дзяржаўным гербе і сцягу. І іх падтрымліваюць. У ВС ужо некаторыя дэпутаты памянлі значкі на ранейшыя.

З'езд беларусаў замежжа вісіць у паветры, там ідзе барацьба за лідэрства... [...] Я плюнуў на ўсё і пайшоў у адстаўку. Хай робяць, што хочуць.

Настрой адпаведна паганы, працаваць не хочацца. Надвор'е таксама сё-лета не самае радаснае. Зіма была мяккая, але вясна мокрая і сцюдзёная. Хутчэй бы зазелянела траўка... Толькі зноў праблема — білет на аўтобус да Ждановіч (на дачу) 35 руб. Бензіну ж на сваю машыну няма. Заправіцца не-

магчыма. Хаця 1 л ужо 120 руб. І таго няма. А Шушкевіч усё не перастае вяшчаць, як выгодна мець добрыя адносіны з Масквой.

Пасылаю вам старонку з «Мы и время». Для таго, каб мелі ўяўленне пра друк «Советской Белоруссии». Такіх старонак у нас безліч. Кожны тыдзень выдаюць. І не толькі чыкінцы. І на цябе, Генадзь (Мікола абяцаў даслаць), і на мяне. І нават на Ніла — нядаўна надрукавалі яго сталінскія вершы. Каб запэкаць. А Грышка нядаўна выдаў на «Свабодзе» выдатнае інтэрв'ю. Выдаў усім! Малайчына.

Ну дык — як-небудзь. Трывайце і глядзіце. Усё ж, насуперак усяму, мы чакаем. Можа, яшчэ і пабачымся, мілыя нашы...

Я і Ірына абдымаем вас! Памажы вам Бог!

Ліст да Ю. і Г. Бураўкіных. Хатні архіў Г. Бураўкіна.

11 ліпеня 1993 г.

Дарагі Генадзь, мілая Юля,

[...] Краўчанка сказаў, што ты, Генадзь, падаў заяву, і ён цябе трымаць не стане, на пачатку восені вы вернецца на радзіму. Увогуле гэта добра, але... Мы тут з Грышкам меркавалі: лепш бы вам пакуль што не вяртацца. І не толькі таму, што жыццё ў нас свалачное, але і па іншых прычынах. Найперш, вас тут напаткае вялізнае расчараванне ў сябрах, якія мяняюцца не ў лепшы бок, і працэс гэты мае характар абвальны. Я ўжо не кажу пра нашага галоўнага сябра... Але і шмат якія іншыя. Горш за ўсё, што Генадзь змушаны будзе стаць на пэўны бок, зрабіць выбар. Але каб займець кавалак хлеба, выбар той далёка не заўжды будзе справядлівы. Трэба будзе перасягнуць цераз сябе, цераз сяброў. Інакш... Сам ведаеш — няма ла паслужыў на сваім вяку. Тэлебачанне яны табе не дадуць, там у іх ідэальныя служкі, а што іншае... Наўрад ці яны цябе прымуць у зграю Кебіча, а да Шушкевіча няма чаго і імкнуцца. [...] Можна сказаць, што ягоны лёс у руках ягоных ворагаў, і пратрымацца ён можа толькі цаной здрады. Або — калі мякчэй — здачы пазіцый. Што ён і робіць. Хоць ён добры чалавек, разумны і сумленны. Але надта беларус. У тым яго хіба.

З'езд прайшоў увогуле ціха і сумна. Было некалькі разумных выступленняў, але большасць — гэта прынясенне падзякі за дабрыню ўрада, які даў магчымасць прыехаць на родныя абсягі. Што ж, можна зразумець гэтых абкатаных жыццём пенсіянераў, уражаных апроч таго здзяйсненнем даўняе мары: суверэннасцю Беларусі, бел-чырвона-белым сцягам, Пагоняй. Іншага яны не ведалі і, мабыць, не ўведалі. Прымалі іх добра, кармілі, вазілі на аўтобусах, засядалі яны ў оперным. Словам, адносна неблагі тур у суверэнную Рэспубліку Беларусь. Ну а што датычыць урада, дык ён свайго дасяг: паставіў эміграцыю калі не на службу сабе, дык па-за шэрагі ворагаў. Словам — прыручыў. Твой міністр⁴⁶ задаволены. Зрэшты, яно, можа, і до-

⁴⁶ П. Краўчанка, міністр замежных справаў.

бра. Як сказаў з трыбуны Ніл, мінуў час раскідваць камяні, прыйшоў час іх збіраць, будаваць сваю дзяржаву, ладкаваць нацыянальную згоду. Сам ён ужо пагадзіўся з усімі. Апроч, вядома, БНФ. А Мікола, бедны, пакутуе: ныркі. І «хуткая» не можа памагчы — няма чым. Во дажыліся... [...]

Сардэчна абдымаю —

Васіль.

Ірына кланяецца.

Дарагі Генадзь, тваю тэлеграму ў падтрымку Шушкевіча Вярцінскі абнародаваў на прэсканферэнцыі. Цяпер увесь Менск будзе ведаць, да якога лагера з двух ты належыш. Во як!

В.

Ліст да Г. і Ю. Бураўкіных. Хатні архіў Г. Бураўкіна.

Хуже всего то, что народ нем, апатичен, поражен безверием. Интеллигенция — тоже. Единственная сила у нас, противостоящая коммунякам, это националы. Конечно, это не те националисты, что у вас в России, и даже не те, что на Украине. В сущности, это демократы, ограничивающие свою демократию пределами Беларуси. Но увы! Их поддерживает лидер общества, которое все больше проникается убеждением, что при коммунистах было гораздо лучше, а демократы все развалили. Я думаю, что при таком уровне политической зрелости это общество и не заслуживает больше того, что имеет. Если даже божеский урок ему не впрок.

А то, что мы переживаем, иначе чем божеским наказанием назвать нельзя. И нельзя ничем объяснить. Поэтому придется это наказание снести до конца. Как бы мы ни трепыхались, какие бы меры ни принимали. Ни мудрые советы, ни ваучеры, ни кредиты, ни конституции и десятки соглашений ничего здесь не изменят. Это общество (особенно его экономика) должно умереть. А потом народится что-то, не имеющее ни одного общего гена с социализмом.

К сожалению (или к счастью), это уже будет без нас.

З ліста да В. Кандрат'ева ад 12 ліп. 1993 г. Кондрат'ев В. Из переписки // Вопросы литературы. 1995. № 1. С. 303.

28 лістапада 1993 г.

Добры дзень, дарагія нашы Валечка і Саша!

Даўно ўжо атрымалі тваё, Валя, пісьмо, дзякуй табе за падрабязнасці. У нас усё як заўжды; цяпер жыццё ўсюды аднолькавае. Пакуль, аднак, не галадаем, ёсць усё. Толькі што дорага, і Ірыне прыходзіцца пабегаць па горадзе, пастаяць у чэргах. Як і ўсім жанчынам. Я ўжо сяджу дома, чакаю, калі яна выстаіць у чарзе і прынясе мне хлеба «Нарачанскага» па 540 руб. буханка. Так што з харчамі праблемы пакуль невялікія, трохі горш з цяплом. Халаднавата ў кватэры, я хаджу ў куртцы. Але каб не было горш. А яно, здаецца, менавіта так будзе. Так што ў гэтую зіму прыйдзецца памерзнуць.

Здароўе так сабе, трохі пахварэў, мусіць, на грып. [...]

Ты, Валечка, прыезджай, як будзе магчымасьць, толькі нічога не вязі, няма такой патрэбы. Для нас двух ужо не шмат трэба. Я ем куды менш, чым раней, а Ірына наогул... Як птушка.

І пішы нам.

А пакуль — будзьце здаровы.

Абдымаем вас,

вашы Васіль і Ірына.

Хатні архіў В. Быкавай.

7 сьнежня 1993 г.

Генадзь, дарагі дружа!

Дзякуй табе за клопат і ўвагу — лекі Алёша перадаў, усе вельмі добрыя, якраз тое, што трэба. Хаця ўжо, відаць, хутка нічога не будзе трэба... Жыцьцё нашае горшае з кожным тыднем — ва ўсіх адносінах, здаецца, неўзабаве мы перастанем цікавіцца палітыкай — адвучаць. Жабраку не да палітыкі, яму абы здабыць кавалак хлеба. Палітыкай тады непадзельна будуць займацца ўлады, бесьперашкодна рабіць, што захочуць. Аддаваць маскоўскім тарбахватам не толькі нафтаперапрацоўчыя заводы, але і ўсе астатнія. Бо апроч пагашанага імі доўгу за нафту, застаўся 150 млрд доўг за газ, на аплату якога чакаюць свае чаргі БелАЗ і Трактарны. Так што можаш сабе ўявіць, што чакае Беларусь — нават і пасля выбараў, калі, можа, прыйдуць да ўлады нацыяналісты, якімі «высакародныя» інтэрнацыяналісты так пасьпяхова запалохалі беларусаў. І не толькі іх. А і ўвесь сьвет. У гэтым сэнсе вы шчасьлівыя там ужо хоць бы таму, што не бачыце паводзін некаторых нашых сяброў-патрыётаў, якія яны робяцца прадбачлівыя і разумныя. Тым болей што (магчыма!) ідуць апошнія месяцы іх уладараньня, а ў той, новай уладзе ім месца не знойдзеца. Ужо цяпер яны варушацца, назапашваюць капітал — і літаральны, і фігуральны. Натуральна, што ў такой сітуацыі ім не да лёсу далёкага сябра. Асабліва калі яго на дыстанцыі расьпінаюць у Вярхоўным Савеце — няважна, за што — ленінізм ці нацыяналізм. Адно суцэнае табе, што не адзін, у кампаніі з Быкавым, Барадуліным, Адамовічам і Блакітам (так!). І нейкім чынам у якасьці антытэзы з Гілевічам, які «праўдалюб ад Бога». («Мы и время», паэма А. Бажко).

Ну але што — С. Алексіевіч горш — якая кожны тыдзень ходзіць на суд, куды кожны раз прывозяць на аўтобусах па дзесяткі 2—3 маці забітых «афганцаў». Ужо тамяны даюць ёй! Пасля іхняй праборкі ёй любы прысудзасца малінай. Будзе ведаць, як абражаць гонар воінаў-«інтэрнацыяналістаў»...

Пра Саюз пісьменьнікаў лепш табе не напамінаць. Тон (палітычны) у ім задаюць «марыністы-баталісты», а на зьмену пастарэламу, хоць і па-ранейшаму актыўнаму Івану Пятровічу [Шамякіну] упарта ідзе Іван Гаўрылавіч [Чыгрынаў]. На днях Саўмін прадставіў яго да народнага; трэба думаць, прэзідыум ВС не затрымае (як гэта было з Грышкам [Барадуліным]). [...]

Вось так мы жывем!

Вельмі хочацца, аднак, каб ты быў тут. Каб хоць пагаварыць. Бо без цябе зусім разбрылося-рассыпалася наша брацтва. Хаця наўрад ці яго цяпер можна ўжо склеіць... Вядома, важнай палітычнай пасады яны табе не дадуць, хіба — кіраваць самадзейнасьцю. Але ўсё ж.

Абдымаю —

Васіль. [...]

Ліст да Г. Бураўкіна. Хатні архіў Г. Бураўкіна.

15 лютага [1994 г.]

Мілыя і дарагія нашы Юлечка і Генадзь!

Пішу на авось, на як-небудзь. Можа, калі і дойдзе. Хаця нашыя навіны пакуль дойдучь, дык састарацца. Слухалі тут днямі тваё, Гена, інтэрв'ю па «Свабодзе», добра, што ў нас ёсць хоць «Свабода». У Мюнхене. У Менску ж такой, як «Свабода», няма — ні радыё, ні газеты. А што тэлебачанне... Цяпер хоць пачалі выходзіць «Навіны БНФ», а то не было сродкаў. Затое іншыя выданні, афіцыйныя... Паглядзелі б вы, як яны ажывіліся, як замітусіліся «в предвкушении»... Гэта прыватызацыя два гады ішла, як мокрае гарыць, а рэанімацыя — абвальная. Ужо створаны ўсе гаркамы, райкамы, Камай — не вылязае з тэлевізара, расказвае, якая слаўная будзе партыя. Нічога агульнага з ранейшай КПБ. Спрэс — клопаты аб інтарэсах працоўных і нічога болей. І яму падпываюць усе выданні. Тут, канешне, калі каго пашкадаваць, дык гэта нашага спікера⁴⁷. Трагічная фігура. Камікадзе, які хацеў узарваць самалёт і сам уратавацца. Як быццам гэта магчыма. На наступнай сесіі ВС трэба чакаць пытання аб маёмасці, і тады ўжо ўсё будзе о'кэй. Так што вы прыедзеце ў абноўленую РБ. [...]

Ну а беларуская інтэлігенцыя грывіць у свеце. На гэты раз шум ад Заявы-100. Тых, што засумавалі ў суверэннасці і просяцца ў бондараўскі саюз. Як быццам Масква ім дазволіць дапяцца да карыта — самім цесна. Затое якія аўтарытэты, нацыянальныя сімвалы: Танк, Шамякін, Чыгрынаў і куча літаратурнай шантрапы. А для абароны С. Алексіевіч, якую зацягалі няшчасныя афганцы, не знайшлося нікога. Наш сябра-генерал напусціў на яе ўсю зграю: будзе ведаць, як абражаць гонар інтэрнацыяналіста. Нікому не дазволім!

А вы, аднак, не дужа спяшаіцеся з вяртаннем. Вяртанне на радзіму — вядома, пажаданая справа, але... Хто гаспадарыць у гэтай радзіме, во ў чым справа. Пакуль што гаспадараць не тыя, хто б абрадаваўся твайму, Генадзь, вяртання. Вернешся — яны цябе памкнуцца заслаць у Буркіна-Фасо, тым болей што ты з дыпламатычным рангам. У сферу культуры ці прапаганды (што ў іхніх вачах адно і тое ж) яны цябе не пусцяць. Таксама як і ў іх манапольную камерцыю. У камерцыі (парт[ыйнай], вядома) вунь гаспадарыць

⁴⁷ С. Шушкевіча.

Пячэльнікаў, кажуць, варочае мільярдамі. На гэтай падставе робяцца вывады, што партыя яму не патрэбна. Думаю, што памыляюцца. Чаму б не сумясціць партыю і мільярды? У нас выдатна сумяшчаюцца. Палова бізнесменаў (новаяўленых) гойсаюць па свеце з дып[ламатычнымі] пашпартамі, а калі я заікнуўся прадоўжыць тэрмін майго, дык не. Не паложана. Добра, што я ўжо і нікуды не збіраюся.

Вось такія справы, мілыя нашы людзі.

А ўвогуле — хутка вясна. І гэта абнадзейвае. Здароўе — трэба б лепшае, ды дзе возьмеш. Трохі працую, і то добра. Хаця як паглядзець. Ірына кажа, што мая публіцыстыка, якая мяне дапякае, да добрага не давядзе. Што праўда, то праўда...

Вельмі, вельмі абдымаю вас абодвух. Ірына далучаецца.

Васіль.

Толькі што па тэлевізару перадалі тваю, Генадзь, гутарку з Іпатавай. Паглядзеў на цябе — як жывы! Як побач. Толькі нельга пагутарыць...

Мне, зрэшты, зразумелы твае перажыванні — усё ж 15 год я таксама не жыў на Беларусі, ды сніў, марыў, імкнуўся... І тут, канешне, дабрабыт не мае ніякага значэння. Гэта — геннае, прыроджанае, ад Бога. Толькі ў каго яго болей, у каго меней. У каго зусім няма.

Але факт: палымяны патрыятызм развіваецца ўдалечы ад радзімы. Гэта, можа, парадокс, але гэта так. [...]

Абдымаю.

В.

Лісты да Ю. і Г. Бураўкіных. Хатні архіў Г. Бураўкіна.

Артыкул Васіля Быкава «Каб захаваць уладу, яны здольныя аб'яднацца хоць з самім д'яблам» займаў больш як паўпаласы і быў рэакцыяй на інтэрвію дэпутата А. Лукашэнкі маскоўскай газэце «Правда», у якім той заклікаў да аднаўленьня СССР.

[...] ...Несумненна, у словах Лукашэнкі ён адчуў вялізную небяспеку, пра якую палічыў неабходным папярэдзіць нацыю.

«Народы былога Савецкага Саюза мелі нядаўна шчаслівую магчымасць пазнаёміцца ў «Правде» з адметным сваёй незвычайнасьцю матэрыялам, — пісаў Быкаў. — [...] Канешне, у свой час у гэтай газэце даводзілася чытаць і не такія матэрыялы [...], але каб з гэткай ашаламляльнай адкрытасцю паставіцца да кволай незалежнасці краіны, дзе нарадзіўся і жывеш, дзе будуць жыць твае дзеці, — такое трэба пашукаць у наш час сярод самай чырвона-карычневай прэсы».

Ужо ў першых радках артыкулу Быкаў даў маральную ацэнку праціўнікам беларускай незалежнасці, а далей выкрыў сапраўдныя інтарэсы старой і новай пракаmunістычнай намэнклятуры: «Глядзіш, народ раптам паразумнее, забярэ зямлю і пачне ладзіць жыццё на свой лад, як спрадвеку ладзілі

яго продкі і ладзяць цяпер па ўсім сьвеце — на аснове здаровага сэнсу і прыватнай уласнасьці. Значыць, спадзяванка адна: звыклы камуністычны рэжым, дзе так салодка жылося вялізнай зграі партыйна-гаспадарчых захрыбетнікаў. І цяпер, спахапіўшыся, яны пачалі адмаўляць у сувэрэннасьці краіне, у якой звыкла валадарыць. [...]»

...Акрамя сьцьверджаньняў прыярытэту нацыянальнай незалежнасьці як бясспрэчнай каштоўнасьці, Быкаў адзначыў неабходнасьць палітычных пераўтварэньняў, зьмены ўлады, але пры гэтым — усім сваім артыкулам — паказаў, што Лукашэнка служыць інтарэсам той самай намэнклятуры, якая ўладарыць.

Ніхто з каманды так званых «маладых ваўкоў» (некаторыя потым будуць клясьціся на творах Быкава) не пажадаў тады прыслухацца да быкаўскіх слоў ні пра сьвятасьць сувэрэнітэту і лёсу Беларусі, ні пра самога Лукашэнку, якога яны жадалі скарыстаць як таран для таго, каб «зваліць Кебіча» і задаволіць уласныя палітычныя амбіцыі. Лёсу Беларусі ў гэтых разьліках месца не было.

Навумчык С. Сем гадоў Адраджэньня, альбо Фрагмэнты найноўшай беларускай гісторыі (1988—1995). Варшава: Беларускія ведамасьці; Прага: Člověk v tisni, 2006. С. 91, 92.

С. Навумчык: Пачынаецца прэзідэнцкая кампанія. Ці дае яна нашаму грамадству нейкія спадзяванкі, ці мо гэта — чарговы «фінт» наменклятуры, накіраваны на замацаваньне ўлады?

В. Быкаў: Я лічу, што фігура прэзідэнта, як яна задумана і сфармулявана Вярхоўным Саветам, не болей чым бутафорская, цалкам марыянэтная ў руках таго ж Вярхоўнага Савета, які будзе ім маніпуляваць і ў любы момант можа зрабіць з ім тое, што нядаўна зрабіў з С. Шушкевічам. Скажаце, не: тое не прадугледжана Канстытуцыяй? А Вярхоўны Савет унясе адпаведную папраўку ў сваю Канстытуцыю, якую ён, як вядома, мае звычай разглядаць зусім не як сьвяшчэнныя скрыжалі, а хутчэй — як рабочы чарнавік, які можна краіць-крэсліць амаль на кожнай сесіі. (А цяпер яшчэ і з дапамогай Канстытуцыйнага суда.) Цяжка зразумець таксама логіку ідэі прэзідэнцкіх выбараў у святле зменлівай (калі не сказаць здрадлівай) расійскай палітыкі, маючы на ўвазе нядаўна аб'яўлены Жырыноўскім план ператварыць Беларусь у Мінскую губерню: наўрад ці «першы прэзідэнт» Беларусі стане яе губернатарам. Мабыць, будучы фюрэр Расіі прызначыць губернатара з ліку сваіх уласных «маладых ваўкоў», аб якіх ён нядаўна аб'явіў у «Известиях». Навошта ж тады гэтыя шматмільярдыны выбарчыя выдаткі? [...]

С. Н.: Некаторыя палітолагі гавораць пра так званы феномен Лукашэнкі і нават прадракаюць яму поспех на выбарах. Чым можна растлумачыць, што даволі значная частка людзей усё ж такі бачыць у ім свайго куміра? І

калі ўявіць, што падобная асоба заняла б месца прэзідэнта — ці можна спрагназіраваць далейшае развіццё падзей?

В. Б.: Разгадка «феномена Лукашэнкі» вельмі простая: ягоны зычны, абураны голас. Голас цалкам мітынгавы, гэта значыць звернуты болей да эмоцый слухачоў, чым да іхняй логікі. А эмоцыі слухача народа ў наш час вядома, чым захоплены, — абурэннем на ўладу, якая не служыць, а крадзе. І няма на яе ніякай управы. Лукашэнка выступіў у якасці абаронцы народнае праўды, месіі, якога людзі чакалі, і выказаў усё так проста, зразумела ды з такім напалам, што людзі гатовы былі схапіцца за колле, каб тут жа рушыць за праведнікам. Толькі вось праведнік нікога нікуды не павёў. Ягоная задача, здаецца, была не ў тым, каб павесці, а, мабыць, у тым, каб выпусціць эмацыянальную пару, якой накіпілася занадта шмат і якая пагражала спантанным выбухам. Цяпер выбуху не адбудзецца, і ўлады аказаліся задаволеныя. Лукашэнка таксама не прайграў — набыў зіхоткі німб над галавой і паверыў у сваю выключнасць. Усё тое дало яму права запрэтэндаваць на беларускае прэзідэнцтва, з якім ён наўрад ці ведае, што рабіць. Хіба паехаць у Маскву на дамову аб парадку здачы Беларусі на больш-менш ганаровых умовах. [...]

С. Н.: Часта можна пачуць думку, што сярод беларускіх палітыкаў няма лідэра, здольнага аб'яднаць грамадства. Ці можаце вы з гэтым пагадзіцца?

В. Б.: Такія лідэры ёсць, нацыя даўно б загінула, знікла з твару зямлі, калі б такія людзі ў яе перавяліся. Іх, канешне, не шмат (іх і не патрэбна шмат), але цяпер яны з'явіліся з народных нетраў — самаахвярныя, разумныя, адукаваныя і культурныя. І сярод іх я даўно бачу стромкую, гатычную фігуру Зянона Пазьняка, які ў поўнай меры валодае ўсімі дадзенымі, неабходнымі для незаўраднага лідэра нацыі. Так ці інакш, ён гатовы служыць ёй у любой ролі, нічога не патрабуючы ўзамен. Але ад народа Беларусі залежыць, каб чалавек такога гатунку заняў адпаведны ягонай сутнасці пасада ў дзяржаве. І тут уступае ў дзеянне не толькі фактар асобы Пазьняка, але таксама і мера палітычнай сталасці грамадства. Колькі ўжо на Беларусі здаралася выпадкаў, калі самыя вартыя яе сыны не знаходзілі прызнання на роднай зямлі і былі ўшанаваны на чужых, дзе тамтэйшыя народы зведалі ім сапраўдны кшталт і надалі ім адпаведны гонар.

Кажуць, палітыцы і паводзінам Пазьняка бракуе патрэбнага для сучасных палітыка папулізму. Але, на мой погляд, тое адбываецца з прычыны спробаў Пазьняка разбурыць традыцыйны погляд на палітыку як на амаральную, брудную справу. Сваю палітыку Пазьняк імкнецца рабіць чыстымі рукамі, цалкам маральнымі сродкамі, што, будучы неаспрэчным наогул, не заўжды дае канкрэтны палітычны выйгрыш. Напрыклад, у сваіх публікацыях апошняга часу ён мог бы не выказвацца пра планы БНФ накіраваць люстрацыі — недапушчэння былых камуністычных функцыянераў да кіраўнічых пасадаў. Але ён не хацеў нічога ўтойваць і нікога ашукваць: ні ўласны электарат, ні тых самых функцыянераў, і адкрыта выклаў усе свае карты. Вядома, тое было

даволі рызыкава ў наскрозь камунізаваным грамадстве, дзе гэткае мноства падлягае пад тую самую люстрацыю. Але ў тым мне бачыцца сумленны ўчынак палітыка, які адкрыта сведчыць пра свае намеры і не баіцца прысуду сучаснікаў і гісторыі. Ён упэўнены ў тым прысудзе, і гэта дадае яму мужнасці.

Навумчык С. Беларусь не знікне, калі не скарыцца чужой сіле / Інт. з В. Быкавым // Народная газета. 1994. 13 мая.

У сваім блізкім да вар'яцтва паталагічным жаданні ўтрымаць уладу наўрад ці яны разумеюць, што твораць. Сапраўды, калі Бог хоча каго пакараць, таго ён пазбаўляе розуму. Яны ўжо пэўна страчваюць розум. Усё гэтае святкаванне юбілейнае перамогі ў Беларусі нагадвае класічны бал у часе чумы. У закрытых, ачэпленых аховай загарадных рэзідэнцыях паднімаюць чаркі — паўлітровыя кварталы з віном, жадна паядаюць далікатэсы, іграюць музыкі — і ўсё тое напаказ у галоднай краіне, дзе 90 працэнтаў насельніцтва — жабракі. І ля ўсяго — тоўпішча да непрыстойнасці ўвешаных узнагародамі генералаў, якіх у нас стала ці не болей, чым у дыктатарскіх рэжымах Лацінскай Амерыкі. Але яны патрэбны — яны забяспечваюць уладу беларускае хунты, якая ніяк не можа наўладарыцца, хоць і разваліла ўсё да ручкі. Але за гэты кароткі час нахапала — як мае быць, пакарысталася сваёй незалежнасцю — незалежнасцю ад народа. І сфармавала апірышча: падручны генералітэт, ушчэнт мілітарызаваны Саўмін і ВС, дзе чыны і званні раздаваліся па прынцыпу ўзаемнасці: генералы ўрадоўцам — палкоўнікаў, а тыя вайскоўцам — генерал-палкоўнікаў. Чэлядзь таксама не крыўдзіла: дзесяткі «вучоных» і не вельмі паслугачоў зрабілі акадэмікамі, дактарамі навук, прафесарамі і кандыдатамі, дырэктарамі шматлікіх «незалежных інстытутаў» самых стратэгічных даследаванняў. Салодкагалосыя песняры, што ўлагоджваюць слых па радыё, тэле, а таксама на банкетах ды загарадных гулянках, атрымалі званні народных, заслужаных, медаліаносных лаўрэатаў.

Добра пакарыстаўшыся тае суверэннасцю, цяпер яе можна і здаць. Усе тыя мізэрныя рэшткі, што засталіся ад эканомікі і фінансаў, можна аддаць іншым, болей дужым драпежнікам з лагера ўсходняга суседа. Ці не для іх і наладжан гэты дорагакаштоўны фэст з рэкамі віна, падхаліміскімі прамовамі і агнянымі феерверкамі. Галодны ж народ зноў кормяць абяцанкамі: хутка, хутка...

Але што хутка? Хіба што смерць. Ужо падпісваем, ужо падпісалі... Ужо ў жніўні! Толькі паспейце выбраць Кебіча прэзідэнтам. Састарэлым, нямоглым, знявераным ветэранам традыцыйна кідаюць чарговы медаль — большага ім і не трэба, абы на грудзях бразгацела. А да пустога жывата яны прывыклі — за 70 год быў для таго час. Яны не здолелі, аднак, прывыкнуць да незвычайнага відовішча — нацыянальнага, бел-чырвона-белага сцяга, які з першых жа дзён выклікае прыступ нянавісці ў кіраўнічае хунты. Таксама, як на гэтым пераможным фэсце — сцягі нашых саюзнікаў па мінулай

вайне: ЗША, Англіі, Францыі, Польшчы, супраць сцяганосцаў якіх улады і кінулі міліцыянтаў, АМОН, унутраныя войскі. За спінамі дужых, адкормленых малайцоў ва уніформе ў рэзерве на плошчы Перамогі тоўпілася пятая калона дзяржавы — Саюз афіцэраў, Славянскі сабор і некаторых іншых камуністычных згуртаванняў, развяваліся штандары ДСПС. Здаецца, яны ўжо прыватызуюць і нашу агульную перамогу над нямецкім фашызмам. А ў абрыдлай для іх гульні ў дэмакратыю народу кінулі сваю бітую карту — безальтэрнатыўнага Лукашэнку.

Знявераныя людзі гатовыя ў чарговы раз падмануцца: маўляў, хай прыйдзе Лукашэнка. Можа, ён разгоніць гэтую хеўру.

Каб жа разagnaў, дык ужо за адно гэта, можа, і варта было б галасаваць. Але ж не намі і не цяпер заўважана: воран ворану вока не выкляе. Дык што ж нам рабіць? Што рабіць беларусам? Што рабіць дэмакратам? Што рабіць антыкамуністам? Якія ў нас сродкі барацьбы з адроджаным таталітарызмам?

Быкаў В. Баль у часе чумы // Звязда. 1994. 5 ліп.

Г. Ковальская: Какие политические силы в Белоруссии вам ближе всего? За кого вы будете голосовать на выборах?

В. Быков: Партий у нас множество. Однако реально весь политический спектр черно-белый или, если хотите, красно-белый. С одной стороны, силы коммунистические, имперские, антинациональные, с другой — национальные. Среди тех, кто отстаивает идеалы национальной и государственной независимости, настоящим влиянием обладает Белорусский народный фронт. К сожалению, в руководстве страны он представлен мало — его фракция в Верховном Совете очень малочисленна, а в исполнительной власти вообще нет его сторонников. [...]

Г. К.: А на президентских выборах?

В. Б.: За Позняка, если он будет баллотироваться.

Г. К.: Но ведь Позняк в своих антироссийских и антирусских высказываниях не справедлив и просто оскорбителен. И, насколько я могла заметить, очень многие в руководстве Народного фронта не только не разделяют этих взглядов, но даже их стесняются...

В. Б.: Однако именно Позняк создал Народный фронт и удержал его от раскола. Да, многие его установки просто шокируют. Но ведь и спорить с ним трудно: за ним опыт, и исторический, и просто человеческий. Свою известную статью о российском имперском сознании и имперской политике он написал еще до нового года. Прошло совсем немного времени, и она оказалась прямо-таки пророческой: последовали известные высказывания Козырева насчет «сферы жизненных интересов России в ближнем зарубежье», его утверждения, что не надо выводить оттуда войска... все это встревожило и нас, и Запад.

Агрессивный национализм в республиках подобными имперскими рассуждениями подстегивается, а иногда и просто является их порождением. Это многие понимают, но большинство старается не говорить об этом вслух. Но Позняк не такой человек. Он еще до распада СССР, когда еще ЦК КПСС всем распоряжался, силой занял со своими товарищами телеэфир и на всю Белоруссию сказал, что компартия — преступная организация. Он не молчал, когда все молчали, вот он какой человек.

Он, конечно, радикал, но в нашей нынешней жизни нет места центризму: фактически любой политик вынужденно смещается или к одному, коммунистическому, или к другому, национальному, краю.

Г. К.: А Шушкевич?

В. Б.: Шушкевич — фигура трагическая. Как раз его попытки быть «центристом» сыграли с ним скверную шутку и привели к политическому краху. Он честный, умный, интеллигентный человек, преданный демократическим идеалам, но, видимо, не для нашего времени. Наше время требует Позняка.

Ковальская Г. Василь Быков: Наше время требует Позняка // Новое время. 1994. № 7. С. 16, 17.

С. Шапран: Станіслаў Станіслававіч, на Ваш погляд, ці шмат зрабіў Васіль Быкаў дзеля беларускага адраджэння?

С. Шушкевіч: Так, я думаю, што многа. І ў першую чаргу дзеля ўзнiкнення і станаўлення Беларускага народнага фронту, для якога Быкаў быў яго сцягам. Але і Фронт застаўся верным Быкаву, як і Быкаў заўсёды быў верны Фронту.

С. Шапран: Якім чынам будаваліся Вашыя адносіны з Васілём Уладзіміравічам у той час, калі Вы былі старшынёй Вярхоўнага Савета? Дзмітро Паўлычка ў сваіх успамінах напісаў пра адзін цікавы эпізод: «Мы з Драчом вырашылі пагаварыць са старшынём Вярхоўнага Савета Станіславам Шушкевічам пра стан культуры ў новай беларускай дзяржаве. Запрасілі і Быкава як найбольш аўтарытэтнага і шанаванага намі беларуса. [...]

Калі ад спраў оstarбайтэраў мы перайшлі да пытанняў культуры, Быкаў «наехаў» на Станіслава Станіслававіча з празьмернай, можа, нават несправядлівай гняўлівасьцю. «Вось ён, — Быкаў махнуў рукой у бок Шушкевіча, — нічога ня робіць, каб уратаваць нашу мову ад сьмерці, наш народ ад татальнай русіфікацыі, нашу культуру ад заняпаду, нашу дзяржаву ад расейскіх замахай!» Станіслаў Шушкевіч пачырванеў, быў пакрыўджаны. Ён з горкай усмешкай звярнуўся да нас: «Бачыце, як цяжка гаварыць з сумленьнем народа?»

Мы маўчалі. Мы не былі да Шушкевіча крытычна настроеныя. Мы памяталі, што гэты чалавек адыграў выключную ролю ў канчатковым развале ненавіснай імпэрыі. Магчыма, Быкаў зразумеў нашае маўчаньне як падтрымку Шушкевіча, таму ён дадаў: «Гэты чалавек зрабіў вельмі шмат добра,

але цяпер яму бракуе рашучасьці. Наступае час невукаў і пярэваратняў, Беларусь трэба абараняць моцнаю рукою!»

Мы выйшлі ад старшыні парлямэнту, яшчэ да канца не асэнсоўваючы, што Васіль Быкаў ужо прадчуваў новую і вельмі цяжкую паласу ў гісторыі роднага народа. Мы разьвіталіся з нашым сябрам. Цяпер я разумею: мы тады ў апошні раз бачыліся і размаўлялі з прарокам, які, адчуваючы блізкае ліха, усё ж верыў, што яно мінецца, што Беларусь застанецца незалежнаю дзяржаваю»⁴⁸.

С. Шушкевіч: Не памятаю такога. Хоць размовы з Васілём Быкавым на гэтыя тэмы і былі, але, па-першае, не памятаю, каб гэта адбывалася ў прысутнасці Дз. Паўлычкі; па-другое, Быкаў ніколі не даваў парад, як гэта рабіць. Ён наадварот... гэта хутчэй я гаварыў, што ёсць шанс адрадзіць мову, ёсць шанс пайсці па шляху беларускасці і гэтак далей.

С. Шапран: І канфліктаў паміж вамі не было?

С. Шушкевіч: Ніколі ў жыцці! Нават намёку на канфлікт.

С. Шапран: Магчыма, Васіль Уладзіміравіч гаварыў Вам нешта пра мяккасць Вашага характару?

С. Шушкевіч: Таксама ніколі. Якраз мне здаецца, што гэта Быкаў быў больш талерантным, чым я... Дарэчы, калі ён з'ехаў за мяжу, ён метадычна даваў інтэрв'ю радыё «Свабода», і думаю, што калі б ён меў нейкія заўвагі ў мой адрас, ён бы сказаў пра гэта. Быкаў быў шчырым чалавекам.

С. Шапран: Гэта Вы гаворыце пра цытату з успамінаў Дз. Паўлычкі? Так яна Вас закранула?

С. Шушкевіч: Так, закранула...

С. Шапран: Станіслаў Станіслававіч, а наогул якім чалавекам застаўся ў Вашай памяці Быкаў?

С. Шушкевіч: Сціплым. Гэта тычылася і яго паводзін, і той абстаноўкі, што я ўбачыў у яго дома — гэта быў быт відавочна сціплага чалавека і ў значнай ступені рамантыка. Такім жа ён і ў жыцці быў. Ён ніколі не надуваў шчокі. А ў нас часта не падысці да людзей са значна меншымі здольнасцямі. Да Быкава ж мог падысці хто хочаш.

С. Шапран: Той факт, што па пытаннях дэмакратыі і мовы Вы з Васілём Уладзіміравічам прытрымліваліся аднолькавых пазіцый...

С. Шушкевіч: Я думаю, што так. У нас ніколі не было разыходжанняў.

С. Шапран: Вось гэта нейкім чынам падтрымлівала Вас?

С. Шушкевіч: Канешне. Гэта не магло быць інакш. Больш за тое, калі ў 1996 годзе раскалолася «Грамада»⁴⁹, і вельмі прыстойныя людзі, пэўныя інтэлігенты звярнуліся да мяне, каб адрадзіць тую «Грамаду», якую яшчэ стваралі браты Луцкевічы і пасля Міхась Ткачоў, мы склалі адпаведны зва-

⁴⁸ Паўлычка Дз. «Твае сябры — мае сябры» // Наш Быкаў. С. 18

⁴⁹ Беларуская сацыял-дэмакратычная партыя, кіраўніком якой быў М. Статкевіч.

рот. І вось з гэтым зваротам я падышоў да Васіля Быкава — спытаў: «Як Вы ставіцеся да гэтага?» І ён адказаў: «З вялікім задавальненнем пастаўлю подпіс». Я не падымаў пытання, каб Васіль Быкаў уступаў у «Грамаду», таму што лічыў, што відавочна Быкаву гэта не трэба, Быкаў — сам «Грамада» і значна болей, чым «Грамада». Але, падкрэслію, ён падтрымаў нас. І цяпер я захоўваю гэты экзэмпляр адозвы, падпісаны ім асабіста. Адраджаць жа «Грамаду», калі з такой прапановай звяртаецца Васіль Быкаў, было значна лягчэй — яго імя мела вялікае ўздзеянне.

С. Шапран: Пасля сыходу Васіля Уладзіміравіча асабіста для Вас ці з'явілася нейкая пустата?

С. Шушкевіч: Яна значна раней з'явілася — яшчэ тады, калі яго фактычна прымусілі з'ехаць у Фінляндыю, а пасля — у Германію. Ад гэтага рабілася сумна. Мне здаецца, ён быў зломлены гэтай несправядлівасцю, страшнай несправядлівасцю.

З гутаркі з С. Шушкевічам. Кастрычнік 2006 г.

«*М*ак паступалі ў гады гітлерызму вялікія нямецкія пісьменнікі»

На пачатку 1998 г. стала вядома: Васіль Быкаў збіраецца ў Фінляндыю, магчыма — на год. Як успамінаў Міхась Тычына, пісьменнік у той час гаварыў, што «знакаў магчымай бяды, якая кружыла вакол яго і яго блізкіх, было занадта шмат, каб не рэагаваць адэкватна сітуацыі»¹. Наўрад ці Васіль Уладзіміравіч перабольшваў. Ён заўсёды вельмі добра адчуваў час. Зразумела, ён не мог прадбачыць увесь жах наступных падзей кшталту турэмных тэрмінаў «інакомыслящим» і раптоўных смерцяў ці знікненняў (хутчэй, падобных на тую ж смерць) палітычных апанентаў прэзідэнта: Г. Карпенкі, Ю. Захаранкі, В. Ганчара, — аднак прадчуваць, што страшнейшае яшчэ наперадзе, Быкаў мог.

Улада Беларусі імкнецца не дапусціць яго ад'езду. Ва ўсялякім разе, пра тое гаворыць старшыні Саюза пісьменнікаў намеснік старшыні Вярхоўнага Савета У. Канаплёў. Аднак далей размоў справа не ідзе і ніхто не робіць ніякіх крокаў, каб Быкаў застаўся. Ад'езд пісьменніка за мяжу быў, па сутнасці, хай часовай, аднак эміграцыяй. І сам ён прызнае, што гэта «своего рода краткосрочная эмиграция, которую время от времени можно продлевать»².

З боку Васіля Уладзіміравіча гэта быў учынак, на які ён, дарэчы, не пайшоў трыццаць год таму. Але не пра тое ён гаварыў падчас інтэрв'ю, не пра тое размаўляў напярэдадні свайго ад'езду, напрыклад, з Сакратам Яновічам: «Ён збіраўся, здаецца, у Фінляндыю. І як гэта ў менскіх гутарках — гаварылі загадкамі, намёкамі, якія я не заўсёды разумеў, не жывучы пад саветаў. Вынес з таго вечара адну важную тэзу: беларуская мова і культура шкодзіць расейскім інтарэсам у Беларусі, таму так заядла зніштажаюць усенька беларускае. Ідэал палітыкі ў РБ — давесці да таго, каб сам народ не хацеў быць беларускім. «Мы, белорусы, ведь те же русские!»

Калі Рэспубліка Беларусь ёсць дзяржаваю рускіх, дык не мае яна сэнсу існавання, акрамя як адміністрацыйнае акругі.

Васіль Быкаў паспачуваў маёй сітуацыі беларускага пісьменніка ў Польшчы. [...] Паспачуваў па-свойму лагічна: думаеш — Беларусь нам тут маткаю? Яна ж не нацыянальная, рэштавіна СССР. Тут надалей будуць «светлае заўтра», замест салідна ўзяцця за працу. Абавязвае камуністычнае

¹ Тычына М. Пасьляслоўе да аповесці «Афганец» // Дзеяслоў. 2003. № 7. С. 49.

² Икстена Н. Мы не врачи, мы — боль / Инт. с В. Быковым // Ригас Балсс (Рига, Латвия). 1998. 1 окт.

«чудо», як «самые, самые» ва ўсіх адносінах, нават «самые умные в мире». Гэта ж каб хоць дурнота. Ды не! Можна сказаць: невылечная хвароба. Што чакае беларусаў? Доўгі застой, пасля якога яшчэ даўжэйшае выходжанне ў людзі. Поўная рэалізацыя прароцтва Янкі Купалы. Які народ, такая і ягоная ўлада. Рэдка здараецца ў гісторыі, каб улада рабіла больш, чымсьці вымушана. Пакуль існуе сякая-такая беларуская нацыя, ёсць надзея на лепшы лёс, няхай і праз пакаленне. Але калі прападзе беларуская нацыя, а Беларусь пераўтварыцца ў расейскую правінцыю, дык яе лёс будзе лёсам правінцыі, заглухлай адміністрацыйнай акругі, высмактанай маскоўскім цэнтрам. Баюся, што так менавіта і збудзецца, Сакраце...»³

Быкаў з'язджае з Беларусі разам з жонкай 5 чэрвеня 1998 г. (напярэдадні яны месяц пражылі ў Швецыі). Эдуард Паляноўскі пазней напіша: «Формальна нікто не изгонял Василя из Белоруссии. И Лукашенко никаких видимых акций не устраивал. Просто всем, и не только в Белоруссии, была известна крайняя неприязнь, если хотите — враждебность президента к писателю. Разве этого мало для прислуги? Как сказал когда-то с иронией мой коллега: «То, что Главный не любит, мы ненави́дим».

— Мои телефоны прослушиваются, мои письма прочитываются. Меня окружили. Снова пошла оголтелая газетная травля.

Спрашиваю о московских друзьях, есть ли они. Да, конечно. Сразу же называет человека, самого близкого, — Лазаря Лазарева, главного редактора журнала «Вопросы литературы». Тоже фронтовик, тоже был тяжело ранен.

— А как же вы переписываетесь с московскими друзьями, ведь они тоже подставляются?

— Нет. Я оставляю им другие, условленные адреса, через которые идет взаимная переписка.

Нет, никто не изгонял Быкова. Он уехал сам»⁴.

«С приходом новой власти дома словно изменился состав воздуха — и новым воздухом Быков дышать не мог. А власть не могла ему простить откровенной поддержки оппозиционных политиков.

Быков, однако, был не мальчик, чтобы спрашивать у дяди президента, с кем ему дружить, а с кем не дружить. Исторически всегда выигрывает тот политик, на стороне которого больше талантов — их глазами будут оценивать тебя потомки. Так что, потеряв Быкова, Лукашенко проиграл многое»⁵.

«Совсем не говорун, он почти замолчал, когда над Беларусью опустилась длящаяся уже почти десятилетие ночь, беспросветность. Нет, он писал, иногда давал нелюбимые интервью. Но прежде всего это было молчание. Трагическое молчание.

³ Яновіч С. Знаёмства ў тую эпоху // Наш Быкаў: Кніга ўспамінаў / Уклад. Г. Бураўкін. Мн.: ГА БТ «Кніга», 2004. С. 135—136.

⁴ Поляновский Э. Кто устоял в сей жизни трудной // Известия. 2003. 30 июня.

⁵ Нехамкин С. «Я хочу только одного — остаться честным» // Известия. 2004. 19 июня.

Что он мог еще дать своему народу? Как мог показать свое презрение режиму? Он уехал из страны. Так поступали в годы гитлеризма большие немецкие писатели. Начался последний акт его драмы — жизнь на чужбине»⁶.

Аб ад'ездзе Быкава паведамляе не толькі беларуская, але і расійская прэса. Аднак трэба аддаць належнае — проста ці ўскосна тады і пазней Быкава падтрымлівае не адна толькі недзяржаўная беларуская прэса, расійскія ці заходнія СМІ. Сярод беларускіх дзяржвыданняў застаецца адна газета (праўда, адзіная), якая, па магчымасці, піша пра пісьменніка добразычліва — гэта газета «Звязда». Так, ужо пасля яго ад'езду, менавіта яна друкуе артыкул «Маленькі зялёны вусень», які прынцыпова разыходзіцца з негалосна праводжанай адносна В. Быкава дзяржаўнай палітыкай...

Напярэдадні газета «Белоруссия» выказвае меркаванне, што пісьменнік ад'язджае таму, што ў плане творчасці ў яго «в последние годы возникли кое-какие проблемы»; па-другое, таму што не выступае «за интеграцию с Россией и единение славянских народов»⁷. Гэтыя абвінавачанні — што Быкаў «переродился», «примкнул к лагерю Позняка», «забросив писательское ремесло, стал откровенно пробээнэфовским горланом, главной целью своей сделавшим борьбу против объединения с Россией», што, нарэшце, «демократизация, как и следовало ожидать, привела Быкова к стойкой и, сейчас уже вне всякого сомнения, необратимой творческой импотенции», — будучь цяпер гучаць увесь час. Нічога дзіўнага ў тым, здаецца, не будзе, — ворагаў, як вядома, няма толькі ў бездараў. Дзіўна будзе, бадай, толькі адно — як хутка ўсе гэтыя «борзописцы» прыгадаюць, што слова «Бог» пішацца з вялікай літары... Васіль Уладзіміравіч не будзе адказваць на гэтыя недарэчныя абвінавачанні — помнячы, вядома, што сабака брэша, а караван ідзе...

У Хельсінкі Быкавы жывуць у аднапакаёвай кватэры, якую ім дае ў часовае карыстанне гарадскі дэпартамент культуры, і на пісьменніцкую стыпендыю, прызначаную Фінскім ПЭН-Цэнтрам. Але ніякіх патрабаванняў да жылля ў Васіля Быкава не было — віцэ-прэзідэнт Фінскага ПЭН-Цэнтра Юка Малінен пасля сведчыў: «...он был не только очень скромным человеком, но и был буквально переполнен внутренним достоинством. Ему было достаточно того, что было. К тому же он приехал в Хельсинки исключительно для того, чтобы иметь возможность спокойно работать. Здесь не было того нервного стресса, который ему приходилось переживать дома»⁸.

У верасні В. Быкаў бярэ ўдзел у працы 65-га Сусветнага кангрэса Міжнароднага ПЭН-клуба, дзе выступае з прамовай на тэму «Мастак і ўлада».

⁶ Букчин С. К кончине Василя Быкова / Радио «Рацыя». 2003. 24 июня // Электронный ресурс: www.rambler.ru.

⁷ Юрьев А. А был ли мальчик? // Белоруссия. 1998. 5—8 июня.

⁸ Шапран С. Черный хлеб современной литературы / Инт. с Ю. Маллинемом // Белорусская деловая газета. 2004. 9 июля.

Тэма была абраная невыпадкова — для Васіля Уладзіміравіча яна была актуальнай па-ранейшаму. Мабыць, больш актуальнай, чым калі-небудзь да сюль. Дарэчы, падчас кангрэса адбываецца сустрэча Быкава са Святланай Алексіевіч, якая прыгадвае: «Было заметно, что Василию Владимировичу трудно жить там. Не в материальном смысле — с этим в Хельсинки как раз все было нормально. Трудно было без прежней среды общения, без друзей, без родного языка, трудно было ощущать разрыв с родной землей, — для художника это не пустой звук. Я видела многих больших и маленьких художников, живших в отдалении от дома, и что бы кто ни говорил, но нити действительно рвутся. Быкова это очень мучило. Мучило и то, что происходило в Беларуси, и страх был, все было. В конце концов, он был уже немолодым человеком и имел право просто устать. Он же отдавался борьбе идей всецело, он еще с войны, более пятидесяти лет, находился, по сути, на баррикадах. Кто не устанет за это время?»

Сам жа пісьменнік распавядзе ў лісце да галоўнага рэдактара часопіса «Полымя» С. Законнікава пра сваё фінскае жыццё: «У першыя дні апантана накінуўся на пісанне. Для гэтага там усе ўмовы. Ніхто не турбуе, не турбае. Зрэдку толькі запрашаюць на нейкія сустрэчы. Было, праўда, і некалькі паездак за межы Хельсінкі. Але мне і самому цікава паглядзець, што там, у фінскай глыбінцы, робіцца. Гэта не абцяжарвае. А таму тыднямі не выходзіў з-за стала. Ты ж ведаеш, калі пішацца, дык і настрой лепшае, і неяк веселей жыць. Прадукцыю маю хутка атрымаеш для «Полымя». Можна, і не ўсё ўдалае, але нешта атрымалася. А калі ўволю напрацаваўся, то потым ужо стаў рабіць сабе перадых. Выходзіў у белы свет»⁹. В. Аскоцкаму ж Быкаў напіша ў жніўні 1998 г.: «Уже минуло 2 месяца, как я в другом (кап[италистическом]) мире, другой обстановке. Недавние опасения минулись — жить можно. Главное — можно работать, никто не отвлекает, за весь день, бывает, ни одного звонка. Телевидения тоже нет. Но есть радио — так что я в курсе всех событий, в т[ом] ч[исле] и на родине.

Платят не так много, но на пропитание хватает. А что касается выбора, то И[рина] М[ихайловна] до сих пор не может прийти в себя — никогда в жизни ей не приходилось видеть такого изобилия. Она ведь впервые на Западе»¹⁰.

На радзіме ўсё яшчэ спадзяюцца — Быкаў хутка вернецца. Ніхто тады не мог прадбачыць, што народны пісьменнік Беларусі правядзе на чужыне пяць доўгіх гадоў. Не думаў пра тое і ён сам. Так, у снежні 1998 г., адказваючы на пытанне, як яму жывецца ў Хельсінкі, ён скажа: «Пишется хорошо — никто не мешает, не пристаёт с расспросами, с интервью, не набивается в гости. Можно сказать, мне создали идеальные условия для творчества. Написал повесть, несколько рассказов, отдал их в «Полымя». Что же каса-

⁹ Законнікаў С. «Дома лепей...» // Наш Быкаў. С. 343.

¹⁰ Галоўнае архіўнае ўпраўленне г. Масквы, ЦМАМАЗ.

ется «как живется»... Никаких бытовых проблем нет, обеспечен всем, в том числе и лечением. Но не хватает нашей белорусской атмосферы, родного воздуха, дружеского общения, без чего не может быть полного душевного комфорта. Но скоро эта «болдинская осень» закончится, и я вернусь в Минск»¹¹. І ўжо ў чэрвені 1999-га: «Думаю, может быть, в конце года я и вернусь»¹². У лісце ж да В. Аскоцкага напіша: «Я здесь, по-видимому, еще задержусь, хотя не знаю, на какое время. Даже не знаю, что лучше — задержаться или уехать? Если разобраться — все не то. Но что теперь то? Лучше всего было бы зависнуть между небом и землей, если бы это было возможно. [...] Хотя Ирине нравится, мне же не очень. Хочется тепла в природе и отношениях. Но — ни там его, ни там. Одно слово — старость. Финита ля комедия — вот что»¹³. Між тым пісьменнік не стамляецца паўтараць: «Я полагаю, что надо жить дома. Это моя категорически императивная установка. Но что делать, когда не все имеют такие возможности — жить дома? Более того, человек, не имеющий такой возможности, счастлив никогда не будет. Ну, что делать?.. Это очень трудно — быть дома»¹⁴. У лістах жа да Р. Барадуліна неаднойчы з горыччу прызнаецца: «Мы тут живем некак. Тых клопатаў, што былі на радзіме, тут няма. Затое іх месца заступілі іншыя. Зь іх у каторы раз я раблю высновы (старыя, дарэчы, як сьвет): трэба жыць дома. Іншая справа, што тое некак. Што тое трудна. І ўсё роўна — трэба дома»¹⁵; «І тым не менш — трэба жыць дома. Нават у голадзе, у холадзе. Нават не магу доказна абгрунтаваць — чаму? Але нутром, падкоркай адчуваю — *трэба жыць дома*. Ужо не кажу — паміраць дома, тое само сабою вядома.

Адзінае, што суцяшае — гэта магчымасьць прыехаць...

А калі прападзе такая магчымасьць? Тое было б жахліва. Разумею Зянонаў [З. Пазыняка. — С. Ш.] жах...»¹⁶

5 жніўня 1998 г. адбываецца сустрэча прэзідэнта з членамі рады Саюза пісьменнікаў, падчас якой размова, зразумела, заходзіць і пра Быкава, — яе ініцыятарам стаў Генадзь Бураўкін. Але прэзідэнт, як заўжды, быў красамоўны: «Это действительно талантливый человек. Это великий человек. И к Быкову мы относимся не хуже, чем к нему относились коммунисты, награждая его орденами, медалями и так далее. Мы действительно

¹¹ Матуковский Н. Болдинская осень Василя Быкова / Инт. с В. Быковым // Имя. 1998. 3 дек.

¹² Шапран С. Василь Быков: Человек, не имеющий возможности жить дома, счастлив не будет // Имя. 1999. 17 июня.

¹³ 3 ліста ад 1 чэрв. 1999 г. Галоўнае архіўнае ўпраўленне г. Масквы, ЦМАМАЗ.

¹⁴ Шапран С. Василь Быков: Человек, не имеющий возможности жить дома, счастлив не будет // Имя. 1999. 17 июля.

¹⁵ 3 ліста ад 3 верас. 1998 г. Хатні архіў Р. Барадуліна.

¹⁶ 3 ліста ад 9 верас. 1998 г. Хатні архіў Р. Барадуліна.

но по-человечески к нему подходим. Поэтому, Геннадий Николаевич, это явно неудачный пример с Быковым». Між тым трэба адзначыць, што, пачынаючы з 1994 г., Быкаў не толькі ніякімі дзяржаўнымі ўзнагародамі не ганарваўся, яго нават амаль перасталі друкаваць у дзяржвыдавецтвах. Кіраўнік жа дзяржавы сцвярджаў: «Даже перед его отъездом я попросил: свяжитесь от моего имени с Быковым, спросите, что ему надо, какая поддержка. Не хочет, чтобы Президент его поддерживал, я найду возможность сделать это другими путями. Но, к сожалению, его окружению больше, чем ему, нужна была акция»¹⁷. Гаворачы ж: «Я же о нем нигде плохо не сказал», напэўна, «забыўся», што сказаў хаця б нямногім болей года таму ў праграме РТР «Зеркало», калі абвінаваціў Быкава ў тым, што той «претендует, допустим, на Смоленскую, Брянскую и Псковскую области. Что это наши белорусские области. Надо их присоединить к Беларуси. Он о Белостоке ставит вопрос»¹⁸. Цікава, што падобныя пытанні ставіў не Быкаў, а Прэзідыум Вярхоўнага Савета БССР яшчэ ў 1990 г. Васіль жа Уладзіміравіч, адказваючы на пытанне: «Ці разглядаюцца цяпер такія справы як зьмена межаў?» — гаварыў: «Цяпер не разглядаюцца. І не павінны цяпер разглядацца, таму што мы ня вырашылі кардынальных пытанняў. Праблемы межаў будуць вырашацца ў апошнюю чаргу, тады, калі ўжо паміж намі нічога ня будзе стаяць, таксама, як і над намі нічога ня будзе вісець. А пакуль што над намі вісіць небяспека вялікая, імперская небяспека. І яшчэ не хапала нам улезці ў гэтыя канфлікты нашага памежжа. Гэта вельмі небяспечная праблема»¹⁹.

На працягу 1998—1999 гг. імя Васіля Быкава пастаянна скланяюць у адыёзным выданні Камароўскага рынку — газеце «Славянский набат», дзе знаходзяць сабе трыбуну мінскія скобелевы і росцікавы, дзе даюць слова А. Праханаву, В. Распуціну ды іншым абаронцам былой камуністычнай імперыі, і дзе два гады запар друкуецца цыкл «Бесы над Белой Русью (або Письменники з ПЭН-клуба)», у якім Быкава далучаюць да «соросовского (читай, цереушно-моссадовского) списка» пад першым нумарам²⁰. Тут жа знойдзе трыбуну і кіраўнік партыі патрыётаў А. Баранкевіч, які пасля з'яўлення

¹⁷ Президент — писатели: диалог во имя Беларуси: Стенограмма встречи А. Лукашенко с членами Рады Союза белорусских писателей 5 августа 1998 г. // Советская Белоруссия. 1998. 16 сент.

¹⁸ Макаловіч І. Прэзідэнт не можа наладзіць добрых адносін не толькі з Васілём Быкавым, але і з усім Саюзам пісьменнікаў // Народная воля. 1997. 16 мая.

¹⁹ Ляшчынскі Ю., Ваўранюк М. «Уся наша гісторыя заклінілася на гэтым рэакцыйным бальшавіцкім Вярхоўным Савеце» / Інт. з В. Быкавым на радыё «Свабода». 1991. Сьнеж. // Быкаў на Свабодзе. Выд. 2-е. [Б. м.]: Радыё Свабодная Эўропа / Радыё Свабода, 2005. С. 12.

²⁰ Дашкевич В. Бесы над Белой Русью, або Письменники з ПЭН-клуба // Славянский набат. 1998. 22—28 окт.

ў «БДГ» быкаўскага меркавання адносна вайны НАТО ў Югаславіі²¹ будзе гнеўна заклікаць: «От имени партии патриотов Республики Беларусь требуем от соответствующих органов лишить гражданина В. Быкова звания Народного писателя Беларуси, а также обращаемся к Союзу писателей Республики Беларусь с просьбой исключить из своих рядов человека, порочащего высокое звание члена союза. Обращаюсь лично к вам, «народный писменник»: если у вас остались хоть капли стыда и совести, то немедленно публично откажитесь от высоких званий: лауреата Ленинской премии и Героя Социалистического Труда. Не оскверняйте этих святынь, ибо другие достойные, носящие эти звания, будут чувствовать себя неуютно!»²²

Але Васіля Уладзіміравіча ўсё гэта тычыцца цяпер ускосна — хаця ён і атрымлівае інфармацыю з Беларусі, але, трэба думаць, не ўсю. І таму гаворыць у інтэрв'ю радыё «Свабода», адказваючы на пытанне, якое галоўнае адрозненне ў пачуванні падчас жыцця ў Хельсінкі: «Па-першае, гэта вольны сьвет, гэта дэмакратычны сьвет. Атмасфэра псыхалогічная вельмі спрыяльная майму творчаму стану. Па-другое, я хацеў бы сказаць, што я тут не адзін. Гэтая краіна, таксама як і іншыя скандынаўскія краіны, дае прытулак для шмат якіх уцекачоў, асабліва з таталітарна-дыктатарскіх краінаў, я маю на ўвазе, зь некаторых афрыканскіх, і тут такіх людзей даволі шмат. Усе яны нейкім чынам інтэгруюцца ў свабоднае фінскае грамадства. Я, канечне, такога намеру ня маю — інтэгравацца, я ўжо інтэграваны ў сваю радзіму — Беларусь. Але, па крайняй меры, для мяне важна, што тут я маю магчымасьць пісаць»²³.

Ён не вяртаецца дадому ні напрыканцы 1998-га, ні на пачатку 1999 г. (ненадоўга прыедзе ў ліпені 1999 г. і наведае Ушаччыну і Гродна), але знаходзіцца ў курсе практычна ўсіх галоўных беларускіх навінаў. І таму, напрыклад, калі ў снежні 1999 г. у Крамлі адбываецца падпісанне новай Саюзнай дамовы і каля дваццаці актывістаў БНФ у знак пратэсту перакрываюць у Мінску праспект Ф. Скарыны, Быкаў гаворыць: «Канечне, гэта ня толькі сумная справа, гэта ўвогуле злачынства стагодзьдзя. Гэта, безумоўна, генацыд беларускай нацыі — канец яе гісторыі. Інакш да гэтага паставіцца нельга. Беларусі і так гісторыя крыўдзіла на працягу многіх стагодзьдзяў. З XVII стагодзьдзя як страціла незалежнасьць нашая дзяржава, так яна гэтую дзяржаўнасьць толькі пад канец XX стагодзьдзя набыла, выпадкам. І гэтага шанцу не ўдаецца выкарыстаць»²⁴.

²¹ Шапран С. Союз с Югославией: маленькая победоносная войнушка // Белорусская деловая газета. 1999. 10 мая.

²² Даже мертвым больно: Василь Быков призывает убивать // Славянский набат. 1999. 20—26 мая.

²³ Ціхановіч А. «Я інтэграваны ў Беларусь, але тут я маю магчымасьць пісаць» / Інт. з В. Быкавым на радыё «Свабода». 6 верас. 1998. // Быкаў на Свабодзе. С. 115—116.

²⁴ Навумчык С. «Падпісаньне саюзнай дамовы — гэта генацыд беларускай нацыі» / Інт. з В. Быкавым на радыё «Свабода» 8 сьнеж. 1999 г. // Быкаў на Свабодзе. С. 149—150.

Часам жа раней, у жніўні 1998 г., у газеце «Народная воля» з'яўляецца публікацыя «Злое вогнішча: Да гісторыі выдання аповесці Васіля Быкава «Мёртвым не баліць», у якой згадваецца таксама і сумнаведомы Сеўрук, які больш чым праз паўгода ўсё-такі адкажа на той артыкул — падчас гутаркі з Я. Росцікавым на старонках газеты «Рэспубліка», разважаючы ў тым ліку і пра аповесць «Мёртвым не баліць» і свой артыкул у «Правде» ў 1966 г., а таксама пра ліст супраць А. Сахарава і А. Салжаніцына, былы цэкавец, а цяпер памочнік прэм'ер-міністра будзе ўсё так жа шулерскі тасаваць старую калоду: «...действительно было принято несколько постановлений ЦК КПСС относительно Быкова. Первое — по решению секретариата ЦК КПСС он был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Затем по решениям Политбюро — Золотой Звездой Героя Социалистического труда и орденом Ленина. Наконец, удостоен звания лауреата Ленинской премии. Это в благодарность за то, что он осудил двоих лауреатов Нобелевской премии»²⁵. Каб адчуць абсурднасць гэтай «логікі», дастаткова ўсё расставіць у храналагічным парадку: аповесць «Мёртвым не баліць» у «Новом мире» была надрукаваная ў 1966 г.; ліст супраць А. Сахарава і А. Салжаніцына з'явіўся ў «Правде» ў 1973 г.; ордэнам Працоўнага Чырвонага Сцяга Быкаў узнагароджаны ў 1974-м; Героем Сацыялістычнай Працы стаў у 1984-м; лаўрэатам Ленінскай прэміі — у 1986-м. Зразумела, што «ўдзячнасць» уладаў «за то, што он осудил двоих лауреатов Нобелевской премии», такой працяглай быць не магла... Адразу пасля сеўрукаўска-росцікаўскага «выкрыцця» за Быкава ўступаецца М. Матукоўскі: «Может, действительно, люди со времен Христа не терпят морального превосходства над собой и потому Христу предпочитают Варавву: он ближе и понятнее, он свой. А Христос зовет в недостижимое, высокое небо. Но небо — сказка, а Варавва прочно стоит на реальной земле, рядом с тобой»²⁶.

Быкаў дазнаецца пра гэтыя публікацыі — у маі 1999 г. ён паведаміць А. Лукашуку: «А я, трохі папрацаваўшы ўвосень і ўзімку, відаць, прытаміўся на вясну і цяпер болей чытаю. Зноў жа некаторая няпэўнасць майго тут пражывання трохі гняце. Павінны ўжо быў паехаць дадому, ды тут прапанавалі яшчэ пабыць. Канешне, тая прапанова дужа спакушае, тым болей што дома ў нас Вы ведаеце што і як. А тут яшчэ гэтыя дэмакраты (ды і БНФ таксама) наблыталі так, што немагчыма даўмецца. [У траўні 1999 г., у сувязі са сканчэннем пяцігадовага тэрміну прэзідэнцтва А. Лукашэнкі, была зробленая спроба правесці альтэрнатыўныя прэзідэнцкія выбары сіламі апазыцыі. — А. Л.]

Ці то такая глыбакадумная, хітрая палітыка, ці элементарная шызафрэнія — не магу зразумець адсюль з майго скандынаўскага далёка. Часам думаю: а

²⁵ Ростиков Е. «Элита» и власть, или Еще раз об их взаимоотношениях / Инт. с В. Севруком // Рэспубліка. 1999. 24 лют.

²⁶ Матуковский Н. Почему у нас таланты превращают в мишени? // Рэспубліка. 1999. 24 сак.

можа, і ня варта, марна спрабаваць тое? Але тады таксама не лягчэй, — адчуваеш сябе блазнам. Асабліва пачытаўшы Сеўруковы опусы ў менскіх газетах. Ледзьве ўстрымаўся, каб на прыклад Матукоўскага не пачаць гарачыцца-апраўдвацца. Здаецца, правільна стрымаўся, але ж поўнай задаволенасці ад таго ня маю. Дый то зразумела»²⁷. У лісце ж да В. Аскоцкага напіша: «...посылаю тебе мой очередной опус, может, пригодится для твоей многострадальной газеты. Хотя теперь не знаешь, что лучше: напечататься или наоборот. В Беларуси, по крайней мере, лучше молчать, не высовываться. Иначе сотрут в порошок. Что и делают, Севрук, например. Я-то что, а вот и покойник Саша [Адамович] в гробу бы перевернулся, если бы читал, что о нем нынче пишут»²⁸.

Калі ж Васілю Уладзіміравічу спаўняецца 75 гадоў, пісьменнікі ў Доме літаратара арганізуюць вечарыну, падчас якой «найбольш дакладна ахарактарызаваў стаўленьне ўладаў да Быкава ягоны сябра паэт Генадзь Бураўкін. Паводле ягоных словаў, хамская, неадукаваная і нахабная ўлада можа займацца чым заўгодна — інтэграцыяй, дапамогай праваслаўным сэрбам, спартовымі шоў ды іншымі прапагандовымі акцыямі, але дачакацца ад яе хаця б некалькіх словаў павагі і ўдзячнасці на адрас Быкава ці Янкі Брыля, які нядаўна адзначыў сваё 80-годзьдзе, немагчыма. Быкаў і Брыль — прыхільнікі цывілізаванай, эўрапейскай, дэмакратычнай Беларусі. А ў прэзыдэнта Лукашэнкі і ў ягоных чыноўнікаў зусім іншыя пляны адносна нашай бацькаўшчыны, — дадаў Генадзь Бураўкін»²⁹. Але не было ўжо нічога дзіўнага ў тым, што ўлады праігнаравалі гэты юбілей, — важней тое, што ён быў адзначаны ў адсутнасць самога юбіляра.

[Без даты]

Уважаемый господин Быков!

Я буду рада приветствовать Вас в конце апреля — начале мая 1998 года в рамках Хельсинкской программы «Безопасный город для писателей». Это значит, что город Хельсинки обеспечит Вас квартирой — удобной и современной в Вуассари рядом с природой и морем, а также с удобными маршрутами метро и автобусов (15 минут), идущими в центр Хельсинки. Квартира не очень большая, но в ней есть большая комната, балкон, ванная, маленькая кухня и кровать-альков при комнате. [...]

²⁷ Васіль Быкаў: Лісты цяпер для мяне — манна нябесная...: Перапіска Васіля Быкава з дырэктарам Беларускай службы радыё «Свабода» Аляксандрам Лукашукі // Дзеяслоў. 2005. № 3 (16). С. 181.

²⁸ 3 ліста ад 1 чэрв. 1999 г. Галоўнае архіўнае ўпраўленне г. Масквы, ЦМАМАЗ.

²⁹ Невяроўскі А. Улады Беларусі праігнаравалі 75-гадовы юбілей народнага пісьменьніка Васіля Быкава / Радыё «Свабода». 1999. 24 чэрв. // Быкаў на Свабодзе. С. 145—146.

Все это позволит Вам писать и жить в мире и покое в течение одного года. Мы также надеемся, что Вы посетите некоторые литературные мероприятия, безусловно, конгресс Международного ПЕН-клуба, организованный Финским ПЕН-центром, прочитаете несколько лекций, расскажете о литературе и политической ситуации в Беларуси во время своего пребывания у нас. [...]

С наилучшими пожеланиями,

Элизабет Нордгрен,
президент Финского ПЕН-Центра.

Хатні архіў В. Быкава.

22 мая 1998 г.

Валечка, дарагая сястрыца!

[...] У нас усё добра пакуль што, добра пабылі ў Швэцыі, толькі было халаднавата, усё ж там — раньняя вясна. А цяпер во зноў збіраемся ў дарогу, на гэты раз у Фінляндыю, дзе мяркуем пабыць летнія месяцы, калі дасьць Бог. Адраса я пакуль не ведаю, дык ужо адтуль напішу табе, як прыедзем. А так усё больш-менш. Хаця здароўе слабаватае, не для паездак. Але і тут жыццця няма.

Рады, сястрыца, што ты ўправілася з агародам, на які цяпер уся надзея. А Сашка ўсё ў бальніцы? Цяжка табе з ім, але што зробіш. Шкада і яго, а яшчэ горш, што ён табе не памагае. Усё на табе... [...]

Моцна абдымаем цябе, дарагая мая сястрыца!

Прывет Сашку.

Твае Васіль і Ірына.

Хатні архіў В. Быкавай.

Тыдні за тры перад тым [тэлефоннай размовай з В. Быкавым напярэдадні ягонага ад'езду ў Фінляндыю. — С. Ш.] меў я размову з Уладзімірам Канаплёвым. [...]

Фармальна Канаплёў, як вядома, намеснік старшыні «Вярхоўнага Савета», а нефармальна, што значна важней за пасаду, папечнік і сябар Лукашэнкі. [...]

Канаплёў спытаў, ці праўда, што Васіль Быкаў з'язджае за мяжу? У іх мелася інфармацыя, нібы ён назусім з'язджае, эмігруе. Я не стаў удакладняць, як яно на самай справе. Пацвердзіў толькі, што сапраўды хутка едзе. Канаплёў пацікавіўся, чаму?

Я пачаў прагаворваць агульную версію: са здароўем кепскавата, ён працаваць хоча, а тут і жыць нармальна няма як, — і Канаплёў перапыніў: «Нельга, каб Быкаў з'ехаў. Мы ўсё для яго зробім, самі адправім за мяжу ў найлепшы санаторый, дома створым, якія ён захоча, умовы, толькі...»

Толькі, аказалася, Быкаву, каб займець рай на зямлі, трэба сустрэцца з Лукашэнкам. І я павінен Быкава на гэта ўгаварыць. Уламаць. Такая вось на мяне ўскладваецца місія... [...]

Я сказаў Канаплёву, што таксама не за тое, каб Быкаў з'язджаў. І магу яму перадаць, не ўгаворваючы і не ўломваючы, бо яно без толку, што з ім хацеў бы спаткацца прэзідэнт. Толькі і з гэтага нічога не выйдзе, а калі выйдзе, дык што?.. Быкаў можа ўсё абнародаваць пры выпадку — і атрымаецца, што ён паслаў прэзідэнта на... (ненарматыўная лексіка нармальна ва ўладным лексіконе). А вось калі б Лукашэнка адкрыта сам яго запраسیў, карона б не звалілася — і выйшла б зусім іншае. Калі б нават Быкаў адмовіўся... Тады можна было б публічна развесці рукамі: народны прэзідэнт, не зважаючы на палітыку, паклапаціўся пра народнага пісьменніка, хацеў, як найлепш, а той, заядлы, заўпарціўся, дык што ж... Тады ў Лукашэнкі і па-чалавечы, і палітычна адны плюсы, ніякіх мінусаў. [...]

Канаплёва я плюсамі без мінусаў пераканаў, але Канаплёў — не Лукашэнка... Калі мы спаткаліся наступным разам і я спытаў: «Ну што?..» — ён, не раскажваючы, якая ў яго з Лукашэнкам размова адбылася, толькі крутануў галавой: «Не!..» І па выглядзе ягоным відаць было, што за тое, да чаго я падбіў яго, ён мне не дужа ўдзячны. [...]

Найбольш Лукашэнку раз'юшвала тое, што ад'езд Быкава падаваўся як эміграцыя — і па ягонай віне. У Яраслаўлі, куды я лятаў з ім у складзе афіцыйнай дэлегацыі [...], карэспандэнтка НТБ найпрост спытала, чаму эміграваў з Беларусі Быкаў і як беларускі прэзідэнт такое дапусціў?.. Лукашэнка раздражнёна і агрэсіўна адказаў тымі ж словамі, якія чуў я ад Канаплёва: мы ўсё гатовыя былі для яго зрабіць, а ён...

Някляеў У. Стрэмкі // Наш Быкаў: Кніга ўспамінаў / Уклад. Г. Бураўкін. Мн.: ГА БТ «Кніга», 2004. С. 439, 440—441, 442—443, 457.

С. Шапран: Праз што ўзнікалі, як Вы гаворыце, трэшчыны ў Вашых узаемаадносінах з Быкавым? Праз Вас саміх? Праз некага?.. Якую ролю ў Вашых узаемаадносінах з Васілём Уладзіміравічам сыгралі трэція асобы?

У. Някляеў: Ва ўсім, што б з ім ні адбывалася, чалавек вінаваты найперш сам. Гэта я ведаю даўно — і цяпер ужо назаўсёды. Але і трэція, як ты кажаш, асобы могуць пастарацца. Прычым іншым разам такое прыдумаць, да чаго сам да скону б не дадумаўся.

С. Ш.: Напрыклад? А то з самага пачатку нешта Вы ўсё не дагаворваеце...

У. Н.: Ды яно па часе трухой па кутах выглядае, мышамі нагрызенай... Ну, да прыкладу, у двары паміж нашымі дамамі лазня была, неяк мы каля яе спаткаліся. Выпадкова, я ўжо там не жыў. І Быкаў пахмурна спытаў, чаму я ў тую лазню не хаджу?..

С. Ш.: Васіль Уладзіміравіч у яе хадзіў?

У. Н.: Не. Таму і здзівіла мяне пытанне... Пазней, калі мы абодва ўжо за мяжой былі, высветлілася, што адзін з нашых агульных знаёмых прыдумаў, нібы я кожны чацвер мыюся ў лазні з прэзідэнтам. Пра што знаёмы сам ад мяне чуў. Значыць, не плётка...

Я сапраўды па чацвяргах хадзіў у лазню з прэзідэнтам, але ж не з гэтым. Ці не з тым, як тут сказаць... З дзесяткам сяброў мы стварылі клуб аматараў пары — і выбралі прэзідэнта клуба. Так што прэзідэнт у лазні, у якую я хадзіў, быў. Толькі знаёмы палічыў за лішняя ўдакладніць, які...

Здавалася б, драбязя. Прычым такая, што і на трэшчыну не падобная. Так, трэшчынка... Але давялося затынкоўваць — і нямала цэменту пайшло.

С. Ш.: У Васіля Уладзіміравіча адносіны са многімі рускімі літаратарамі ў апошнія гады наогул распаліся.

У. Н.: Гледзячы з якімі... Адны рускія літаратары, калі Быкаў ужо ў Фінляндыі быў, прысудзілі яму прэмію «Трыумф», а іншыя...

У самым канцы мінулага стагоддзя дэлегацыя рускіх літаратараў прыехала ў Менск. Сябраваць, яднаць славянскія сілы. Пачаўшы з аб'яднання беларускага і расійскага саюзаў пісьменнікаў. Я быў не супраць таго, каб сябраваць, але ж не па закліку Лукашэнкі з падачы Замяталіна, які дэлегацыю запрасіў, каб скарыстаць яе пад сябе. Вялізную, амаль у два дзесяткі чалавек, і прадстаўнічую, трэба сказаць, дэлегацыю. Юрый Кузняцоў, Валянцін Распуцін, Уладзімір Кастроў, Пётр Праскурын — карацей, той расійскі Саюз пісьменнікаў, які лічыць сябе адзіным патрыятычным. Вось тады Валянцін Распуцін і адкрыў для сябе і для ўсіх, што ў Беларусі ідзе не працэс русіфікацыі, а працэс русінізацыі. То бок адбываецца не прымусовае, ад улады, а добраахвотнае, ад народа, пераўтварэнне беларусаў у рускіх. А Уладзімір Карпаў, пісьменнік так сабе, але былы разведчык, Герой Савецкага Саюза, праз што ён і стаў некалі старшынёй Саюза пісьменнікаў СССР, спытаў: «Што з Быкавым? Якія шансы на тое, што ён зменіць сваю пазіцыю?..» І калі я адказаў, што верагоднасць таго, што Быкаў згодзіцца прымаць русіфікацыю за русінізацыю, неверагодная, Карпаў адрэзаў: «Што ж, калі вораг не здаецца, яго знішчаюць».

Я нават разгубіўся... «Уладзімір Васільевіч, як жа так, вы ж даўно ведаеце адзін аднаго, абодва франтавікі...» І пачуў у адказ, што хоць яны і франтавікі, ды салдаты розных армій.

Дзеці свайго часу — жорсткія дзеці.

Няпроста гэта ўсё, балюча... Вось як мне размаўляць было з Юрыем Кузняцовым? З якім мы блізкімі былі, якога я любіў... Спрацацца, сварыцца з ім праз тое, што ён, адзін з самых лепшых, калі не найлепшы сучасны рускі паэт, яшчэ і рускі патрыёт? Ды няхай ён будзе хоць двойчы патрыётам — кім яму, зрэшты, яшчэ быць?.. І мы з ім проста выпівалі ўдвух, трэцяй за стол запрасіўшы не прафурсетку палітыку, а паэзію. Даму высакародную.

Між іншым, што такое патрыёт? Калі не паўтараць вядомую, але з ног на галаву пастаўленую, перакручаную фразу пра патрыятызм як пра апошні прытулак нягодніка?..

Патрыёт — люстэркава — той жа нацыяналіст. А я нацыяналістаў люблю. Хоць бы за тое, што сярод безлічч ўсялякіх -істаў, нацыяналісты — гэта

адзіныя людзі, пра якіх дакладна можна сказаць, хто яны ёсць такія. Вунь Зянон Пазняк нацыяналіст — і ўсё ўсім зразумела. А Лукашэнка і марксіст, і сталініст, і славянiст — і ні чарта не зразумець.

С. Ш.: А ці былі ў Вас застольныя размовы пра Васіля Быкава з Лукашэнкам? Замяталіным? Яшчэ з некiм з улады?

У. Н.: Размовы здараліся... Але не застольныя і не ў прысутнасці высакародных дам.

Для абодвух славянскіх палітработнікаў, Лукашэнкі і Замяталіна, Васіль Быкаў быў найперш ідэалагічным ворагам, а пасля ўжо пісьменнікам. Абодва сцвярджалі, што яго чыталі. Лукашэнка, як вядома, нават прызнаўся, што быкаўскія вершы ў школе вывучаў. Ды я перакананы, што ні адзін, ні другі нічога быкаўскага не чыталі. Апроч вершаў. І яшчэ газетных публікацый, артыкулаў ды інтэрв'ю, праз якія Быкаў і стаў для іх ворагам. Па сутнасці, яны нават не ўяўлялі, з кім змагаліся. Нагадваючы ў нейкім сэнсе тых савецкіх падпісантаў, якія ставілі свае подпісы пад лістамі супраць некага і нечага, не ведаючы, супраць каго і чаго. Лукашэнка з Замяталіным ведалі пра Быкава толькі тое, што ён вораг.

Здзіўляцца з гэтага не давозіцца, бо плоць ад плоці... Як і Герой Савецкага Саюза Карпаў. Але калі Замяталін нацэлены быў выключна на знішчэнне, дык пра Лукашэнку я б такога не сказаў. Нейкі час ён нават меў намеры скарыстаць аўтарытэт Васіля Быкава. Пахітравец з ім, падкупіць. Займець, так бы мовіць, пры двары. Ці хоць бы разам, побач з ім абазначыцца. Рэальных падстаў для такіх спадзяванняў нібы і не было, але мроі блукалі... І даваліся адпаведныя даручэнні, вялася ў гэтым кірунку работа, якую перапыніў ад'езд Быкава за мяжу. Калі стала відавочна, што хоць і ўсё ў свеце можна купіць, ды не ўсё купляецца.

З гутаркі з У. Някляевым. 2004 г.

С. Шапран: Васіль Владимирович, почему вы так долго молчали? Известно, что в последние годы вы давали интервью исключительно для российской прессы. Белорусским же изданиям отказывали. Почему?

В. Быков: Потому что я разуверился во многих белорусских средствах массовой информации, в том числе и в некоторых демократических изданиях. Поскольку они, на мой взгляд, уже не руководствовались критериями объективности и правдивости. И обнаружили беспринципность, а в некоторых случаях даже цинизм, по отношению к довольно сложным явлениям, которые сегодня происходят в нашем обществе. К тому же я не политик и не публицист. Поэтому и высказываюсь очень умеренно — настолько, насколько мне это кажется удобным. И дело в том, что все, что я хотел сказать, я уже высказал в предыдущие годы — в начале перестройки. Теперь мне сложно что-то добавить, чтобы не повториться при этом. А кроме того, за последние годы в журналистике появились очень умные и принципиальные авторы и

публицисты, которые, глубоко понимая и разбираясь в происходящем у нас, регулярно пишут об этом. Зачем же мне создавать какую-то конкуренцию? К тому же эти люди участвуют в политике более активно, чем я. [...]

С. Ш.: В 1991 году вы не согласились с тем, что в Беларуси нет людей-символов, способных повести за собой народ. Вы назвали имена Позняка, Ткачева и Ходыко. Однако Позняк эмигрировал, Ткачева нет в живых, Ходыко (при всем моем огромном уважении к Юрию Викторовичу) таким символом, увы, не стал. Кого вы сегодня назвали бы взамен этих имен?

В. Б.: Думаю, что тут ничего изобретать не надо. Позняк как был, так и остается лидером БНФ. Точно так же, как и Ходыко, и Наумчик. Появились и другие люди. Например, Лявон Борщевский — очень хороший во всех смыслах руководитель, учитывающий опыт и ошибки предыдущего поколения. Другое дело, что этим людям создают невыносимые условия для работы, власти преследуют их. [...]

С. Ш.: ...По-прежнему ли вы считаете Позняка, согласно одному вашему высказыванию, «апостолом современности»?

В. Б.: Я называл его лидером нации. И таковым считаю до сих пор, потому что никто не может быть равным ему в этом деле. Всем известна его преданность делу осуществления национальной идеи. Также надо учесть его ум и глубину понимания им национального характера. Другое дело, что в условиях сопротивления и даже подавления оппозиции со стороны режима Позняк лишен возможности проявить свои способности по этой части. [...]

С. Ш.: Смогли бы вы сегодня дать какой-то прогноз в отношении будущего этой страны?

В. Б.: Делать прогнозы — это самое неблагоприятное дело. Особенно если иметь в виду, что история всегда непредсказуема, поскольку большую роль в ней играет Его Величество Случай. Поэтому я не знаю, что будет дальше. Можно лишь уверенно сказать, что ничего хорошего не предвидится. Поскольку для благополучного существования все-таки нужны материальные условия. А этой материи сейчас и нет. Она не может взяться из воздуха. Она должна перетечь откуда-то. Но где она, наша материя? Ее нет ни у нас, ни поблизости. Поэтому как можно надеяться на какое-то счастливое будущее?

С. Ш.: Однако Лукашенко ведь действительно был избран народом. И он во многом отражает настроения своих избирателей. А каков народ, таков и президент. Разве не так?

В. Б.: Трудно сказать. Не думаю, что это так. Но совершенно ясно, что народ тоже может ошибаться. И нельзя считать, как это принято в демократических обществах, что народ всегда прав. Он может быть правым лишь в какой-то степени. Но это опять же только там, где есть возможность для свободного народного волеизъявления. Можно ли сказать, что у нас при тоталитарном, диктаторском режиме народ имеет свободное волеизъявление? Даже если большинство народа за Лукашенко, это значит только то, что это

большинство получит то, что оно заслуживает, а не то, что хочет. И все дело в том, что при такого рода режимах никакие демократические выборы просто невозможны. Итог всегда будет именно таким, какой нужен режиму. Поэтому что вся избирательная система направлена на сохранение его власти.

С. Ш.: Еще Булат Окуджава мечтал о том, чтобы государством управляла интеллигенция. Как вы думаете, в Беларуси такие мечты абсолютно беспочвенны?

В. Б.: У нас нет интеллигенции в том значении, в каком вообще принято ее понимать. Она вывелась и в российском обществе, и у нас. Вернее сказать — ее выбили. И то, что у нас сегодня иногда называется интеллигенцией, — мутанты. К тому же в постсоветское время ее просто перекупили и перевербовали. И эта так называемая интеллигенция верно служит новому режиму просто за кусок хлеба. Поэтому не имеет никакого значения, откуда будут рекрутироваться руководители государства.

С. Ш.: Василь Владимирович, а вас новая власть пыталась купить? Как она вообще вела себя по отношению к вам все эти годы?

В. Б.: Не проходило и недели, чтобы эта власть руками своих или российских писак не поливала меня грязью, не дискредитировала, не компрометировала, не пыталась меня изничтожить. Поэтому о какой купле может идти речь? Заключение концлагеря не покупают — его истребляют.

С. Ш.: Но вы ожидали, что при вашей всемирной известности такое может случиться?

В. Б.: Думаю, что для таких режимов известность ничего не стоит. Она тогда для них что-то стоит, когда известность служит им, обслуживает их интересы. В других же случаях человека просто передают полицейскому ведомству. И ему уже приходится бороться не за интересы общества или во имя какой-то идеи, а лишь за личные интересы с целью элементарного выживания. [...]

С. Ш.: Общеизвестно, что на первых этапах завоевания суверенитета и воспитания национального самосознания в Латвии, как ни в какой другой союзной республике, большую роль сыграл Союз писателей. В Беларуси же напротив — Союз писателей представляет некое аморфное образование, которое даже не смогло отстоять свой Дом литератора.

В. Б.: Совершенно справедливо — аморфная организация. И в этом огромная вина руководства Союза писателей, сформированного еще коммунистами. Именно это руководство оказалось не только неспособным бороться за корпоративные права союза, но и вообще не смогло воспринять национально-демократическую идею. Поэтому, естественно, оно занялось проблемой личного выживания, проблемой корыта для узкого круга. И кроме того, весь Союз писателей в принципе не оказал никакого противостояния ни коммунистическому, ни диктаторскому режимам. У него для этого не нашлось ни желания, ни возможностей.

С. Ш.: Как вы думаете: удастся ли нынешнему председателю Союза писателей Владимиру Некляеву что-либо изменить?

В. Б.: Он, по-моему, ничего и не намерен менять. По крайней мере, это не следует из его заявлений. Его целиком устраивает данная ситуация.

С. Ш.: Вы встречались с Некляевым в последнее время?

В. Б.: Нет. Он встречается с полковником Заметалиным, с другими идеологами режима. Он — любимый писатель президента. И этим все сказано...

С. Ш.: Есть ли у вас друзья среди российских писателей?

В. Б.: Конечно, есть. Но я не буду называть их имен, потому что после того, как я делаю это, немедленно в Россию снаряжается бригада журналистов, везущая компромат на меня. В ответ они получают другой компромат, который затем публикуется в белорусской прессе. Так, например, два года назад мои однополчане написали статью «С Быковым в разведку не пойдем».

С. Ш.: В самом начале правления Лукашенко все мы надеялись, что долго у власти он не удержится. Но сейчас все более очевидно, что мы ошибались. К тому же печальный опыт некоторых стран подсказывает, что диктаторские режимы, как правило, устанавливаются слишком надолго.

В. Б.: Он потому и является диктаторским, тоталитарным режимом, чтобы править всерьез и целые десятилетия. Экономические же вопросы, как правило, не являются главными для придержания власти. Диктаторский режим делает основной упор на силу — на полицейские, сыскные и охранные службы. [...]

С. Ш.: Однажды, разговаривая с пожилой женщиной, репрессированной еще в сталинские времена, я был поражен тем, что она до сих пор живет в страхе, боится говорить о прошлом, поскольку боится новых репрессий. И ведь она не одна такая.

В. Б.: Боятся не только люди старшего возраста. Страх никогда не исчезал из нашей атмосферы. И надо сказать, что он небезоснователен. Для его поддержания и для его возбуждения наши властные органы и прибегают к определенным репрессивным методам. Поэтому ни один даже верноподданный гражданин не гарантирован от того, что в ближайшее время не окажется за тюремной решеткой.

С. Ш.: Ваш отъезд порождает всевозможные слухи. Может быть, расскажете о нем подробнее?

В. Б.: Сейчас ездят за границу не только писатели. И не только Быков. Люди, долго находясь в состоянии изоляции, наконец начали активно ездить на Запад. Полагаю, что я тоже имею такое право, пока еще не закрылся железный занавес. Раньше у меня не было подобной возможности. Наши же гонорары присваивались государством через систему ВААП, Союз книги и т. д. Мои книги в те годы издавались за рубежом довольно часто — у меня стоит целый шкаф этих книг. Но вместо гонораров я получал какие-то символические деньги на карманные расходы. И то не всегда. Впрочем, в финансовом

отношении сейчас тоже ничего не изменилось. Но я получил, можно сказать, персональную гуманитарную помощь от финского Союза писателей. Мне предложили какое-то время пожить в условиях цивилизованного общества. А поскольку жизнь моя уже на закате и, кроме того, я нуждаюсь в лечении, то решил воспользоваться этим приглашением. Виза открыта сроком на год. И если даст Бог и добрые люди, несколько летних месяцев я проведу в Хельсинки.

Шапран С. Василь Быков: Заключение концлагеря не покупают — его истребляют // Имя. 1998. 4 июня.

Весьма проблематично говорить о случайном совпадении, когда такие разные по своей направленности и, будем откровенны, творческому потенциалу издания как «Известия», «Советская Белоруссия», «Народная воля» и некоторые другие с интервалом в один-два дня посвятили свои страницы очередной «сенсации» — якобы намеченному на самое ближайшее время отъезду замечательного белорусского писателя Василя Быкова за рубеж.

Естественно, каждая из этих газет сей — еще не свершившийся — факт трактовала по-своему. Для «Известий» отъезд В. Быкова из республики — всего лишь повод в очередной раз намекнуть на невозможность для истинного творца оставаться на сегодняшний день в Беларуси, где «режим» А. Лукашенко создал народному писателю условия, в которых он просто не в состоянии нормально работать. «Народная воля» не преминула ернически увязать грядущую поездку писателя за рубеж с фактом присуждения белорусскому президенту Литературной премии им. М. Шолохова — мол, двум «классикам» одновременно в одной маленькой республике явно тесно. А «Советская Белоруссия» с присущей ей в последнее время агрессивной топорностью попыталась дать отпор московским любителям жареного, а заодно посочувствовала тем, у кого «остались силы дочитать эту «сенсацию»...

Но из-за чего же все-таки загорелся весь этот сыр-бор? Начнем с того, что для истинного творца лучшее место работы там, где его меньше всего отвлекают посторонние дела. Это не мои слова, это еще великая Марина Ивановна Цветаева подметила. И лучшие свои произведения, напомним, создала за рубежом, в эмиграции. И, между прочим, не она одна. [...]

Так что дело вовсе не в том, где на сей момент проживает писатель, а в результатах его творческих поисков [...].

Полагаю, что в этом плане у Василя Владимировича в последние годы возникли кое-какие проблемы, которые он — пожалуй, самый выдающийся писатель в истории белорусской литературы — вынужден был не только осмыслить, не только принять как данность, но и попытаться с ними справиться. Речь, конечно же, о том, что автор «Мертвым не больно», «Альпийской баллады» и «Сотникова» в последних своих книгах все больше и больше отдалялся по уровню написанного от самим же себе заданных высот. И

вовсе недаром его роман «Карьер» отнюдь не вызвал всплеска эмоций в обществе. Как не вызвала сенсаций и последняя быковская книга «Стена», о судьбе которой сломано столько копий. С одной стороны, безусловной ошибкой властей является запрещение издавать ее за государственный счет в госсиздательстве, но с другой, даже мгновенно обрета в связи с этим прискорбным фактом статус «мученической книги», «Стена», которую все же издали альтернативным путем, едва собрала тираж в 750 экземпляров... Это ли не свидетельство того, что роль «духовного отца нации», на которую столь усердно и навязчиво сватают сегодняшнего Быкова «адраджэнцы», куда больше соответствовала имиджу Василя Владимировича прошлых лет, когда он создавал сотрясавшие устои общества произведения, но не писал полных ненависти к России и россиянам публицистических статей.

Разумеется, только сам творец вправе определить, чем, когда и где ему следует заниматься. Грустно, что на какое-то время Василь Быков действительно выбывает из общественной жизни республики. Но осмелюсь напомнить, что выбывание это началось не вчера — Быкова не было и на недавнем республиканском писательском съезде, которому он предпочел пребывание в Швеции. Тогда это почему-то не вызвало ни потока публикаций, ни даже публичных упреков коллег по перу... Зато теперь, когда он решил несколько месяцев по приглашению финской писательской организации провести в стране Суоми, из этого стали делать нечто наподобие чрезвычайного происшествия. Впрочем, здесь присутствует одно существенное «но»... Лично у меня вызывает очень сильное сомнение, что сегодня вокруг этого отъезда стали бы создавать проблемы, да и вообще, что писателю последовало бы столь заманчивое предложение, направь он свое стило в другую сторону. Что-то не припомню случая, когда бы «погостить и подлечиться» за границей приглашали кого-то из тех, кто сегодня ратует за интеграцию с Россией и единение славянских народов. На мой взгляд, именно здесь и следует искать разгадку нынешней сенсации. И все-таки безгранично жаль, что Василь Быков уезжает...

Юрьев А. А был ли мальчик? // Белоруссия. 1998. 5—8 июня.

С. Шапран: Г-н Маллинен, помните, как принималось решение о приглашении Василя Быкова в Финляндию?

Ю. Маллинен: Я познакомился с Быковым еще в сентябре 1996 года на Международном форуме ПЕН-клуба, проходившем в Беларуси. У вас тогда как раз произошел конституционный путч. И хотя кампания против Быкова уже разворачивалась, сам он говорил на конгрессе не о себе — о стране. Об ушатах грязи, какие выливали на него, мы узнали от коллег из Российского ПЕН-Центра, находившегося в тесном контакте с Белорусским. Поэтому весной 1998 года и был поднят вопрос о том, что следует что-то предпринять в этой ситуации. У нас была возможность пригласить Василя Владимировича к себе. Дело в том, что

существует такая международная ПЕН-клубовская программа — «Писатель в изгнании», согласно которой мы можем пригласить на год или два любого иностранного писателя, у которого возникли проблемы на его родине. С этой целью Министерство культуры Финляндии выделяет грант, Хельсинки — бесплатную квартиру, а Финский ПЕН-Центр решает остальные вопросы.

С. Ш.: Быков был первым иностранным писателем, кому Хельсинки дал прибежище?

Ю. М.: Нет, еще раньше у нас жил писатель из Узбекистана Альберт Мусин. Сначала он уехал в Москву, где был арестован. Но, слава богу, его не направили обратно в Узбекистан, а позволили уехать в Финляндию. Теперь он получил статус беженца. И еще в 1939 году Хельсинки приютил бежавшего от Гитлера Бертольта Брехта.

С. Ш.: Неплохая параллель...

Ю. М.: Конечно.

Шапран С. Черный хлеб современной литературы / Инт. с Ю. Маллинеом // Белорусская деловая газета. 2004. 9 июля.

[Без даты]

Рыгорка, дарагі мой чалавек!

Пішу табе гэтае пісьмо — першаму з нашага далёкага-далёка, спяшаюся паведаміць, што ўсё пакуль што о'кей: даехалі, уладкаваліся, і я во — дастаў з валізкі машынку, нешта карціць наклапаць. Уладкаваліся небагата, але і не блага: асобная кватэрка (аднапакаёвая), але ў ёй кухонны куточак, спальны куточак, душ і туалет — усё побач і, канешне ж, дасканалы і па-еўрапейску. Ірына дужа давольная, а мне што! Абы ціха! — старадаўні лозунг беларусаў-крывічоў і, здаецца, камуністаў таксама. Пакуль што — ціха. Раён гэты новы, на краі горада, побач лес і марская затока, паветра заўжды свежае. Сустрэлі добра, хоць грошай яшчэ не далі, але днямі павінны даць, галадаць не будзем — у тым я ўпэўнены. Астатняга нам нічога і не трэба, па тэле плакаць не будзем. Па газетах таксама. Аднак землячкоў хапае і тут, пры тым рознага роду-племені, каго ратуе Фінляндыя ад іх гарача любімых дыктатараў. Увогуле гэты няшчасныя людзі, хоць, можа, іхныя няшчасце і інакшай прыроды.

Усё быццам бы добра, толькі вось думы мае не тут, а там, усё ў той старане, дзе... Вядома, што там! Таму і баліць сэрца. Асабліва, калі часу на роздум хапае, а роздум гэты... Ну, але што ж, кожнаму сваё. Хто чаго варты, той тое і мае.

Рыгорка, браток, напішы, як вы там? Хоць тое, што можна. І пра сябе. І пра сяброў. Пра дзяржаўныя справы можаш не пісаць — тут добра чуваць «Свабода», беларуская і расейская, так што браку інфармацыі няма і тут. [...]

На тым абдымаю цябе! Будзь здаровенькі. І вясёлы.

Твой Васіль.

Ірына таксама кланяецца ўсім тваім дзяўчаткам.

На штэмпелі — 9.06.1998 г. Хатні архіў Р. Барадуліна.

9 чэрвеня 1998 г.

Добры дзень, дарагія нашы Валечка і Саша!

Пішу вам гэта з Фінляндыі, з Хельсінкі, куды мы з Ірынай прыехалі на днях. [...]

Ад Міністэрства культуры Фінляндыі мне прызначана невялікая стыпендыя — на харчаванне хопіць. Прадуктаў тут якіх хочаш, магазін недалёка, так што галодныя не будзем. Ірына ўжо гаспадарыць на кухні, а я буду працаваць. Тут, здаецца, будзе спакойней, чым у Менску, — без мітусні і палітыкі, а гэта цяпер для мяне галоўнае. Абы не падвяло здароўе.

Надвор'е трошкі халаднаватае, сёння 17, і дужа ветрана. У нас на Беларусі, канешне, цяплей. Ну але як-небудзь.

Мяркую прабыць тут да восені, а там будзе відаць. Планаваць надоўга цяпер не выпадае...

Валечка, напішы, як вы там? Як здароўе і ўсё іншае. Як Саша? Пасылаю табе 2 канверты з маім адрасам, трэба толькі прыклеіць беларускія маркі. Здаецца на 10 тысяч руб. Дорага, але што зробіш.

На гэтым канчаю. Вельмі жадаем вам добрага здароўечка.

Абдымаем сардэчна,

вашы Васіль і Ірына.

Хатні архіў В. Быкавай.

Я полагал, что здесь будет тишина и покой, что тут до меня никому дела не будет, и я буду работать. Увы! Сразу же пресса, интервью и вопросы типа: что Лукашенко? Он вам позволил уехать? Почему вы избрали для эмиграции Финляндию? И когда я заявляю, что я не эмигрант, у них вытягиваются лица.

3 ліста да Л. Лазарава ад 12 чэрв. 1998 г. Хатні архіў Л. Лазарава.

19 июня классика белорусской литературы Василию Быкову исполнилось 74 года. И, пожалуй, впервые Василий Владимирович отмечает день рождения в столь узком семейном кругу и в таком отдалении от родины. Вот уже три недели супруги Быковы живут в Хельсинки. Их отъезд в Финляндию сопровождался массой кривотолков. С легкой руки доморощенных прогнозистов подавляющее большинство обывателей утвердилось во мнении, что Быков навсегда распрощался с «немытой» Беларусью и отбыл в северные территории на ПМЖ.

А что думают по поводу уже успевшего сформироваться стереотипа люди, занимающие не последние места в общественной иерархии? К слову, отнюдь не все с видимым энтузиазмом отнеслись к идее оценки «поступка» Быкова. Оно и понятно: с некоторых пор засвечиваться в связке с Быковым стало небезопасно.

Иван Шамякин, писатель:

— Быкаў у Фінляндыі? Не чуў. [...]

...Гэта пісьменнік Боскай міласцю, іншая справа, што ў палітычных поглядах мы з ім істотна разыходзімся [...].

Паехаў чалавек лячыцца, хай Бог дае яму здароўя. А застанецца ці прыедзе — гэтыя спекуляцыі ў вышэйшай ступені несур'ёзныя. Я нават не хачу ўлазіць у гэтую мітусню. [...]

Валерій Пономарев [...]:

— Накануне отъезда мы с Василием Владимировичем проговорили больше двух часов, и я почему-то подумал, что если он выдержит пребывание в Финляндии до конца лета — будет хорошо. Быков и Беларусь — понятия неделимые, и его отсутствие может быть только временным. [...] То, что он имел в Беларуси, — это ни в какие ворота... Герой Соцтруда, лауреат Ленинской премии, всемирно известный писатель вынужден жить на одну пенсию. Его искусственно отодвигают на задний план. [...]

Карлос Шерман, президент ПЕН-Центра³⁰:

— Это прекрасно, что наши коллеги из финского ПЕН-центра нашли возможность организовать лечение Василия Быкова. Кроме того, у него прекрасная возможность писать [...], а не читать, не слушать о себе злобные пасквилы [...].

Сергей Посохов, постоянный и полномочный представитель РБ в уставных органах СНГ:

— Совсем недавно был на фестивале в Молодечно, беседовал со многими своими знакомыми, и все мы сошлись на мысли: очень жаль, что на сцене фестиваля не было Нила Гилевича, Рыгора Барадулина, Василия Быкова. Десятимиллионная Беларусь не увидела свою национальную гордость. Мне кажется, все они невольно вычеркнули себя из теперешней культурной жизни, решив ввязаться в политику. Еще древние замечали, что поэту служить цезарям не дано, как и бороться с ними. А вот выражение «поэт в России больше, чем поэт» в применении к Беларуси не имеет столь актуального значения. Ведь каждый должен заниматься своим делом. [...]

Мне тем более горько осознавать поход наших великих писателей в политику, по той причине, что у нас очень малочисленная элита интеллигенции. Та часть общества, которая должна вести свой народ вперед. Быков, на мой взгляд, однажды ошибочно увидев в Позняке отца нации, наверное, выбрал не самый оптимальный путь для реализации своих выдающихся способностей, продолжая заниматься политикой. [...]

Уладзімір Арлоў, пісьменнік:

— Не думаю, што «камандзіроўка» Васіля Быкава расцягнецца больш, чым на некалькі месяцаў. Але змена абстаноўкі была патрэбна. Я, напрыклад, ведаю, што нарэшце Васіль Уладзіміравіч пачаў спаць па начах: бяссонніца, ад якой ён пакутаваў на вуліцы Танкавай, прапала. [...]

³⁰ У сапраўднасці — 1-шы віцэ-прэзідэнт.

Александр Федута, публицист:

— Василь Быков как человек и как художник находится на такой высоте, что смертные не могут обсуждать его поступки. Забудут обо всех нас, сегодняшних, а Быков останется на века. И где бы он ни находился, Василь Владимирович навсегда останется в Беларуси.

Карней И., Коктыш А. Быков финского периода // Столичная газета. 1998. 26 июня — 2 июля.

Что такое гражданин? Это человек, которому «болит» то, что происходит при нем: в государстве, в людях, близких ему. Талант — это, кроме всего прочего, умение видеть больше, чем другие. Вспомните святое, проверенное временем — классику. Или Евтушенко, Рождественского, Ахмадулину, Бородулина, Вертинского, Сипакова, к которым можно присоединить чуть старших по возрасту Нила Гилевича, Владимира Короткевича. Они были очень гражданственны — и не только в поэтическом темпераменте. Они откликались на непростые события своего времени. И народу это было нужно. Люди ждали их откровений. Да, я знаю, что нынче многие говорят: зачем писателю политика, пусть занимается своим делом. Но зачем в таком случае в политику идут ученые, агрономы, историки, учителя? Наверное, чтобы высказать свою точку зрения. Почему же тогда надо запрещать публицистику такому огромному таланту, как Василь Быков? Давайте не будем осуждать его за это, а попробуем вслушаться в то, что он говорит. Современники торопились осуждать Ахматову, поиздеваться над Пастернаком, ругали Кулаковского, критиковали Панченко. Прошло время — и в народной памяти остались они, а не их критики... Я всегда боюсь, когда говорят про литератора: он хороший поэт, но плохой политик. Кто знает, как расставит акценты время! Сегодня судим мы, завтра будут судить нас... [...] Опять же — почему люди верят поэтам и писателям? Потому что благодаря Богом данному таланту писатели тоньше, острее, интуитивнее чувствуют время, видят дальше сегодняшнего дня. И потом — всегда хочется посоветоваться с умным человеком, а не с записными демагогами.

З інтэрв'ю Г. Бураўкіна. «Я работаю... самім собой» / Инт. Л. Селицкой // Советская Белоруссия. 1998. 25 июля.

Яшчэ адна праблема — улада і творцы. Талент — рэдкасць, талент часта нязручны, можа, нават і непрыемны. І так бывае. Але ўлада, у якой няма культуры, у якой няма інтэлігенцыі, гэта ўлада можа быць нейкі час, можа нават даволі моцнай быць, але ў гісторыі яна наўрад ці застанецца і рана ці позна рухне. Гэта зноў жа закон.

Я хачу сказаць, што трэба ўлічваць, калі гэта сапраўды талент і калі гэты талент яркі, патрэбны народу, трэба ўлічваць яго асаблівасці і браць галоўнае, а не накідвацца на яго з радасцю, прытым гэта ж вялікая радасць

для бездараў, што вось таленавітага чалавека ўзялі і збэсцілі, вось узялі Быкава і растапталі. Ай, якая радасць для бяздарных. Значыць, можна яго церці, і я недзе там ледзь не на гэта месца стану.

А вось калі мы гаворым (я гэта на сабе пераканаўся, працуючы за мяжой), калі мы гаворым пра Быкава, — дык пра яго і да цябе павага як да прадстаўніка дзяржавы, як да прадстаўніка гэтай літаратуры і нацыянальнасці. Таму даражыць трэба талентамі, давяраць трэба талентам. Іх небагата, і трэба, каб лепшыя свае творы яны пісалі на радзіме.

З выступлення Г. Бураўкіна. Президент — пісатели: диалог во имя Беларуси: Стенограмма встречи А. Лукашенко с членами рады Союза белорусских писателей 5 августа 1998 г. // Советская Белоруссия. 1998. 16 сент.

Единственным примером Вы меня за живое задели — это с Василем Быковым. Но Вы же знаете мою позицию по отношению к Василию Быкову. На его произведениях рос, я все его книги перечитал. Его позиция по отношению к президенту Беларуси напрочь абсурдна. Я не понимаю, за что он на меня набросился: «фашизм», «дыктатура» и прочее. Ни разу не видел человека и — «такі-сякі». Я же о нем нигде плохо не сказал. Даже будучи кандидатом в президенты, когда в БГУ выступал, а он в это время поддерживал Позняка. И потом, когда меня избрали президентом и я выступал в нашем педуниверситете, мне задали вопрос о моем отношении к Василию Быкову. Я сказал: «Что поделаешь, не сложились у нас отношения с Василем Быковым. Но это талантливый человек!» Вот мой дословный ответ. [...]

Ни один из присутствующих здесь не скажет, что президент создал невозможную обстановку вокруг Быкова. Ни один. И в России, везде я говорил о Быкове в положительном смысле. Но для меня Быков — тот Быков, на котором я вырос. Я часто говорю: «Президент такой, каким вы его сделали». Это относится и к писателям. И анекдот о Сталине подтверждает то, о чем я сказал: какие есть писатели, с такими я работаю и буду работать. Но я вам открыто говорю, что я буду вас поддерживать, когда вы будете придерживаться государственной политики. Не моего курса. Критикуйте его, если вам хочется. Притеснять я никого не собираюсь. Ну что толку, что притесняли вас, некоторых, раньше? От этого они ничего не получили. Я умею делать выводы из истории. Я сам историк и понимаю, что было.

З выступлення А. Лукашэнкі. Президент — пісатели: диалог во имя Беларуси // Советская Белоруссия. 1998. 16 сент.

Сцвярджэнні з вуснаў прэзідэнта Аляксандра Лукашэнкі пра сусветна-вядомага пісьменніка Васіля Быкава, якія прагучалі па тэлебачанні 10 мая, выклікалі ў многіх, мякка кажучы, здзіўленне і неўразуменне. [...]

Н. Сванидзе: ...Поговорим о правах человека. Много претензий и на Западе, и не только на Западе, но и в самой Беларуси. В частности, вот недавно

очередное высказывание одного из крупнейших советских, а сейчас белорусских писателей войны — Василя Быкова, очень резкое и критическое, по поводу соблюдения прав человека в Беларуси. И очень много об этом говорят и российские СМИ. Очень много и, как вы знаете, Александр Григорьевич, очень резко. Ваше мнение?

А. Лукашенко: Николай Карлович, а что Вы имеете в виду под правами человека?

Н. С.: Я имею в виду прежде всего то, как обращаются с людьми на демонстрациях, вернее... речь о том, как обращаются с людьми, которые демонстрируют свою, отличающуюся от официальной, точку зрения в Минске. Речь идет о том, скажем, что в Беларуси не существует избранный парламент. Речь идет о некоторых других вещах.

[...]

Н. С.: Хорошо... Что касается Василя Быкова, человека, который прошел всю войну... Прославленный писатель. Он все время врет?

А. Л.: Николай Карлович, отвечаю на этот вопрос. Простите, что я упустил этот нюанс в Вашем вопросе, я не умышленно это сделал. Это, я уже Вам отвечал на этот вопрос, когда Вы были у меня. Это, наверное, моя беда, что Быков, ну, это страшный антисоветчик, хоть Героем Социалистического Труда стал в советские времена. Был обласкан в свое время коммунистическими властями.

Н. С.: Он великий писатель, Александр Григорьевич.

А. Л.: Я не знаю, почему вот так сохранилась у него эта тенденция борьбы против власти, и Лукашенко попал под этот нож. Я очень переживаю, что я с Быковым до сих пор не нашел добрых отношений. Но Быков сегодня — один из лидеров оппозиционного националистического фронта. У него несколько идеология, отличная от моей. Он, допустим, как и Позняк, который сбежал на Запад, претендует, допустим, на Смоленскую, Брянскую и Псковскую области. Что это наши белорусские области. Надо их присоединить к Беларуси. Он о Белостоке ставит вопрос. А я не хочу об этом и говорить даже. Дай Бог, ну, нам справиться с нашей территорией и тем народом, который проживает. Он категорически против, допустим, интеграции с Россией. То есть это член Белорусского народного фронта, ярый националист. Ну, у нас расходятся с ним точки зрения. Хотя я вырос на его произведениях Отечественной войны, я очень хорошо к нему отношусь как писателю. Думаю — не надо было ему уже под старость ввязываться в эту политику таким образом, как он это делает сейчас...

Зняўшы гэты дыялог з відэаплёнкі, я пагутарыў з самім Васілём Уладзіміравічам Быкавым. Вось што сказаў сусветнавядомы пісьменнік:

— Увогуле, я павінен быць удзячны прэзідэнту Рэспублікі Беларусь за ягоную рэпрэзентацыю маёй асобы на беларуска-расійскай тэлевізіі. Я быў бы ўдзячны яшчэ болей, калі б у словах прэзідэнта пра мяне было болей

праўды. Я не лідэр БНФ, не страшны антысаветчык і нават не яры нацыяналіст. Я ніколі ні вусна, ні пісьмова не патрабаваў далучэння да Беларусі ні Смаленшчыны, ні Браншчыны, ні Беласточчыны, ні якой іншай зямлі, бо перакананы прыхільнік вядомых Хельсінскіх пагадненняў, асабліва ў той частцы, якая дэкларуе непарушнасць дзяржаўных межаў у Еўропе. Наколькі мне вядома, лідэр БНФ З. Пазыняк таксама ніколі не патрабаваў далучэння да Беларусі якіх-небудзь земляў, а ягоныя пяцігадовай даўнасці выказванні на гэты конт насілі хутчэй асветніцкі, культурна-гістарычны характар. А ў гісторыі сапраўды было так, што некалі гэтыя землі належалі да Беларусі. Іншая справа, як да таго аднесціся зараз. Некаторыя сапраўды мараць пра далучэнне тых ці іншых зямель. Не ўпэўнены, што які-небудзь з гэтых варыянтаў правільны. На мой погляд, аптымальны ўсё-такі той, які засведчаны ў Хельсінкі, тым болей што сярод іншых еўрапейскіх лідэраў ад СССР іх падпісаў не які-небудзь антысаветчык, не антыкамуніст, не яры нацыяналіст, а нармальны камуністычны генсек Леанід Брэжнеў. Вельмі шкада, што некаторыя нядаўнія камуністы так хутка на тое забыліся і раз за разам учыняюць крывавыя перадзелы межаў, як гэта было на землях Югаславіі, Малдовы, Чэчні. Страшна падумаць, што такая доля можа напаткаць і нашу Беларусь.

А вось меркаванні сакратара Саюза пісьменнікаў Беларусі Уладзіміра Паўлава:

— Прэзідэнт Рэспублікі Беларусь А. Лукашэнка не можа наладзіць добрых адносін не толькі з Васілём Быкавым, але і з усім Саюзам пісьменнікаў Беларусі. Ён, думаецца, наогул ні з кім не можа паладзіць. Усе яму перашкаджаюць — то БНФ, то сродкі масавай інфармацыі, то прафсаюзы... [...]

У апошнія гады да пісьменнікаў стаўленне такое, як быццам яны ворагі народа. Ад узнагарод, прэмій адціскаюцца найбольш таленавітыя майстры слова, у пашане тыя, хто слова супраць улады не скажа.

Васіль Быкаў — наш гонар і слава. У гады Вялікай Айчыннай вайны, не шкадуючы свайго жыцця, ён бараніў усіх нас ад фашызму. Настаў час, калі ўсім нам трэба бараніць ад аплёўвання наш гонар беларусаў, самога Васіля Быкава.

Макаловіч І. Прэзідэнт не можа наладзіць добрых адносін не толькі з Васілём Быкавым, але і з усім Саюзам пісьменнікаў // Народная воля. 1997. 16 мая.

Президиум Верховного Совета Белоруссии в марте с. г. принял заявление о территориальных требованиях к Литве в случае выхода ее из состава Союза ССР. Какова же позиция по этому вопросу неформальных объединений республики? — с таким вопросом наш корреспондент обратился к председателю сойма Белорусского народного фронта «Адраджэньне» Зенону Позняку.

— Правление сойма БНФ приняло соответствующее заявление, в котором разъяснило свою позицию: сойм считает, что заявление Президиума —

пример грубой политики с элементами шантажа. Кроме того, заявление свидетельствует о несамостоятельности политики белорусского руководства: на протяжении пятидесяти лет оно совершенно не интересовалось судьбой своих соотечественников в Виленском крае и вдруг — вспомнило!

Показательно еще вот что: в заявлении говорится, что земли должны быть возвращены в случае выхода Литвы из Союза. При этом белорусское руководство не учитывает мнения людей. Становится ясно, что заявление было подготовлено по указке Москвы с целью надавить на правительство Ландсбергиса. К тому же, я считаю, что ставить сегодня вопрос о границах — не своевременно и не нужно: будущее народов будет без границ. Самое важное — обеспечить людям достойную жизнь.

Быть ли Балтийско-Черноморскому содружеству? / Инт. С. Шапрана с З. Позняком // Советская молодежь (Рига, Латвия). 1990. 19 июня.

Массовая агитация за новый российско-белорусский союз не содержит ни одного действительно взаимовыгодного, экономически обоснованного момента — сплошь пропагандистские трюизмы, рассчитанные на политический (предвыборный) эффект. [...]

Во-первых, главный белорусский популист-интегратор в своей одержимости все-таки имеет ряд объективных причин стремиться к объединению. Только с изменением статуса государственности Беларуси у него появится возможность благополучно сложить с себя ответственность за тотальный развал страны и откроется головокружительная перспектива — московский Кремль. Во-вторых, российская военщина, с которой он давно и идейно связан, обретет шанс увеличить свой похудевший за последние годы потенциал, что особенно важно с учетом геополитических планов России. Пушечное мясо — всегда ходовой, а нередко и дефицитный материал для генералов всех войск [...].

Как отзовется в мировой истории ликвидация суверенного государства Беларусь? Равно как и ликвидация ее культуры под маркой интеграции с русской культурой? Если это успешно осуществится, историческая судьба белорусского народа пресечется, и на кого ляжет ответственность за это? Этнокультурный геноцид не терпимее этнического геноцида. Все это выглядит как неприкрытая попытка раз и навсегда решить «белорусский вопрос», который не смогли решить в свое время ни польские короли, ни российские императоры, ни Сталин. Под прикрытием вроде бы безобидной и внешне даже позитивной идеи осуществляется грандиозная политическая авантюра.

Что ж, если судьба отношений двух наших действительно братских народов не имеет альтернативы, то — вперед! Вперед — к победе над гуманизмом и разумом. Победителям, как известно, простится все: не только Чечня, но и Беларусь.

З інтэрв'ю В. Быкава. Новыі російска-беларускі саюз — палітычная авантюра // Известия. 1999. 19 нояб.

Н. Икстена: В своем эссе «Художник и власть» на 65-м Международном конгрессе PEN-клуба вы говорили обобщенно, как и подобает эссеисту. Но за каждым вашим словом чувствовался конкретный, лично пережитый опыт. Что для вас означает словосочетание «художник и власть»?

В. Быков: Мой личный опыт в отношении этого словосочетания очень богат. Я думаю, что вся бывшая советская литература жила и существовала в постоянной борьбе и взаимодействии двух сторон — художник и власть. 70 лет тоталитаризма оставили свою печать не только на литературе, но и на обществе и культуре в целом. Только в постсоветском пространстве сейчас уже царят большие различия. Есть страны, в которых ситуация стремительно меняется к лучшему. Например, республики Балтии. В странах СНГ все осталось по-старому, а в Белоруссии, например, после объявления суверенитета дела пошли вниз. К большой моей боли и боли других деятелей белорусской культуры, которые еще стойко пытаются противостоять диктатору Александру Лукашенко. К Белоруссии можно отнести пословицу «из огня да в полымя». Из коммунистического тоталитаризма эта страна попала в сети диктаторского режима. И безжалостнее всего этот режим относится к белорусской культуре.

Н. И.: По этой причине вы сейчас живете в Хельсинки?

В. Б.: Да. Финский PEN-Центр предложил мне стипендию на год. Она предоставляется в рамках программы «Город убежища». Не только Хельсинки, но и другие города Европейского Союза, такие, как Вена, Мюнхен, Берлин, предлагают убежище писателям, условия работы которых в их странах по политическим мотивам стали невыносимыми. Писатели живут на такие стипендии вдали от своих стран долгие годы. Это своего рода принудительная эмиграция, так как невозможно взять с собой свои семьи. Мои дети и внуки тоже остались в Белоруссии. В рамках этой программы трудно получить политическое убежище. [...]

Н. И.: Думали ли вы попросить политическое убежище в Финляндии?

В. Б.: Пока нет. Я надеюсь вернуться. Год — большой срок, у меня будет возможность о многом поразмышлять в спокойной, демократической атмосфере, и главное — много писать. Здесь я никому не должен доказывать, что я писатель. Только что вышли две мои книги на финском языке — «Альпийская баллада» и «Дожить до рассвета».

Н. И.: Чем конкретно режим Лукашенко осложняет вашу жизнь писателя?

В. Б.: В Белоруссии политический диктат буквально душит белорусскую культуру. Приватизация у нас происходит очень своеобразно — главным приватизатором является президент, формальности улаживает так называемая «администрация президента». Приватизируется то, что в данный момент приходит в голову Лукашенко, например, крупнейшие книжные издательства. Вполне понятно, что они публикуют только те книги, которые нравятся частному владельцу, т. е. президенту. Все определяют его прихоти

и капризы. И Лукашенко вопреки своим прихотям не делает ничего — даже в целях пропаганды, как коварно поступали известные советские органы безопасности. Я оказался в числе тех писателей, которые не могут издавать книги в Белоруссии. Еще до прихода Лукашенко к власти я в своих статьях и речах активно выступал против него. Так что подобный исход закономерен. Президент приватизировал также Дом писателей, построенный еще в советское время на средства Литературного фонда. Там хозяйничает назначенная Лукашенко огромная администрация, белорусским писателям в этом просторном уютном доме оставлена одна комната со столом. Должен сказать еще одну неприятную вещь — в этих условиях уничтожения белорусской культуры значительная часть русской интеллигенции в Москве встала на сторону Лукашенко и активно пропагандирует свою позицию. Сейчас Белоруссию часто навещают такие известные современные русские литераторы, как Валентин Распутин, Василий Белов и многие другие, которые защищают политику Лукашенко в Белоруссии. Это не назовешь даже медвежьей услугой. Жалко и очень больно, что наши собраты по перу, используя свою духовную силу, помогают уничтожать и без того слабые ростки белорусской культуры. Эти известные люди в своих статьях открыто нападают на таких, как я, отказавшихся служить Лукашенко. Наши связи с русской интеллигенцией и культурой всегда были крепкими, поэтому такое отношение вызывает двойную боль. До сих пор нас поддерживали русские литературные журналы «Дружба народов», «Знамя», когда-то поддерживал «Новый мир», но сейчас там происходят какие-то непонятные вещи.

Н. И.: Предлагал ли Лукашенко лично вам и другим белорусским писателям место при своем дворе?

В. Б.: Еще до прихода к власти он искал контактов с нами, считая, что писатели слишком пассивны и не хотят участвовать в политических баталиях. Но мы разошлись, так и не встретившись, поскольку Лукашенко открыто выразил свое пренебрежительное отношение к белорусскому языку. Он считает, что такой язык не нужен, что вполне достаточно русского. Значит, писатель может попасть в окружение Лукашенко, если откажется от белорусского языка, то есть от себя. Это означает потерять больше, чем совесть. Поэтому лично я не принял место при дворе Лукашенко и знаю других, которые поступили также. И сейчас мне, седому старику, приходится ездить по границам, а мои книги в Белоруссии не издают. В такой ситуации для нас очень важна поддержка соседних народов. Например, то, что Латвия недавно наградила орденом Трех звезд нашего самого замечательного поэта Рыгора Бородулина за переводы латышской поэзии на белорусский язык. [...]

Н. И.: О чем вы пишете сейчас?

В. Б.: Сейчас меня интересует одна очень обширная и серьезная проблема. Как происходит разрыв связей с коммунистическим прошлым? Какие последствия это приносит? На духовном, этическом уровне. Никто по-

настоящему не признал свою вину, никто не наказан. Покаяния не было. На такой горе мусора невозможно начинать новую прекрасную жизнь и не повторять ошибок. Система КГБ изуродовала общество и мышление людей глубже, чем мы можем себе представить. Я убежден, что многие люди до сих пор не избавились от страха. По крайней мере, в Белоруссии они продолжают жить в атмосфере страха, и в такой засохшей земле всходы не взойдут, не будут расти и зеленеть. Многие бывшие сотрудники ЧК безнаказанно участвуют в «созидании». Можете представить себе, что это за созидание. Я написал об этом несколько рассказов. Два из них были напечатаны в августовском номере журнала «Дружба народов». [...]

Н. И.: В заключение своего эссе «Художник и власть» вы привели цитату Мао, что народ — это лист бумаги, на котором можно написать любой иероглиф. Вы понимаете, что происходит с белорусским народом сегодня, что высекает в его судьбе диктатор Лукашенко. Сейчас это происходит как бы не на ваших глазах, но происходит.

В. Б.: Да, это происходит. Но я убежден, что на родине я никак не могу противостоять. Находясь вдалеке, я по крайней мере могу свидетельствовать, продолжать писать на белорусском языке. Ощущение беспомощности терзает мою старую душу. Ведь я убежден, что художник должен быть гражданином. Должен бороться за свой народ. [...] В своем эссе я упомянул высказывание о писателях: «Мы не врачи, мы — боль». Мне кажется, это о многом говорит.

Икстена Н. Мы не врачи, мы — боль / Инт. с В. Быковым // Ригас Балсс (Рига, Латвия). 1998. 1 окт.

Як тут складваецца маё жыццё?

У асноўным у працы. Тут сябры пазычылі старэнькі кампутар, якім я пачаў авалодваць, часам няўдала, за што празваў яго «Жываглотам». Рэч, канешне, добрая, але патрабуе часу і нерваў, асабліва ў перыяд навучання. Во я і вучуся. Напісаў за лета невялічкую аповесць, пераклаў яе на рускую мову, бо шансы надрукаваць па-беларуску вельмі няпэўныя. І яшчэ напісаў сёе-тое з драбязы — артыкул, казку для дарослых. [...]

Але, можа, найлепшае тут для мяне тое, чаго я не меў ніколі — ні ў Гродні, ні ў Менску — вольная воля. Нікому да мяне нічога, у мяне таксама ні да каго. Жыву ў горадзе, але адчуванье такое, нібы на хутары. Проста здарова! Асабліва калі ўлічыць багацьце прыроды — якія тут дрэвы! Якія камяні! Якое мора! Праўда, надвор'я хацелася б лепшага, проста цяплейшага. Але тут і дождж такі, што пройдзе і — суха.

Уся інфармацыя з Менску і сусвету — толькі па радыё. лепш за ўсё чутна родная Беларусь, і голас яе прэзідэнта — самы гучны ў маёй хатцы. [...]

Ну, а думкі пра радзіму нікуды не прападаюць — яны заўжды з сабой і разламваюць галаву. Ад іх нікуды не ўцячэш, нідзе не схавашся...

З ліста да М. Матукоўскага ад 10 жн. 1998 г. Хатні архіў В. Быкава.

Хорошо, что Вы в Финляндии, не под наглядом батьки усатого. Один голос его чего стоит. [...]

Журналы выходят, печатают муру всякую, эти десять лет настоящей литературы не дали. И как там ни говори, но мы свое дело сделали, что-то, может быть, и останется. А в душах людей живых и ушедших уже осталось.

З ліста Г. Бакланова ад 15 верас. 1998 г. Хатні архіў В. Быкава.

9 сентября 1998 г.

Виктор, дорогой мой дружище!

Много раз собирался написать тебе — то и дело являлась такая потребность, но всякий раз опускались руки при мысли, что прежде твоих глаз все это предстанет перед иными глазами. Но вот подвернулась оказия, и я пишу.

Начну с того, что мы — глубокие старики, как тебе известно и о чем ты уже написал в прекрасной своей прозе, которую я люблю, в которую верую, начиная с твоей первой «Кражи». И теперь чем дальше, тем больше — просто ты Гигант российской словесности, это давно известно. Но я не за этим тебе пишу, а чтобы сказать тебе мои слова любви и дружбы — человеку, солдату, Гражданину. Ведь таких уже не много на российских просторах да и вообще. Тем более из нашего убитого и проклятого поколения. Для меня из него — ты едва ли не последний, вот я и собрался обнять тебя и поцеловать через тысячи верст, нас разделяющих. В Беларуси для меня таких уже нет. Последний был Саша Адамович, он ушел... Хорошие ребята, конечно, есть, но все они гораздо моложе. А ровесников нет. Оставшиеся поносят меня устно и печатно в Москве и Минске — и все за мое противостояние президенту-авантюристу, который для них (в Беларуси, в Москве или в Ленинграде) — Бог и надежда. И даже в моей захолустной деревне, не я — кумир, но Он. И поскольку он то и дело размазывает меня (по телевизору) по стенке, они меня ненавидят. Как и он. При поддержке и активном участии Вальки Распутина, В. Белова, Проскурина и пр., пр., то и дело изгаляющихся в минских газетах на тему о предательстве Быкова. Предательстве политики лидера славянского мира — президента Белоруссии.

Все это мне давно надоело, тем более что дело дошло до мелких бытовых гадостей [...], и в начале лета я уехал в Финляндию. Пока на время с годовой финской визой. Теперь живу в однокомнатной квартирке, в спальном районе на окраине Хельсинки. В общем, хорошо. Главное спокойно. Никакой политики, никаких СМИ. (Правда, несколько интервью все же пришлось наговорить.) Но кожей чувствую каждодневное ко мне внимание определенных лиц, самых неожиданных — соотечественников и не только. И понимаю — руки у таких каудильо, как наш, очень длинные. От них нигде спасу нет. Ни в глуши, ни в столице, ни за морем. Всюду достанут.

Печально мне об этом писать, печально сознавать это перед концом. А может, так и лучше? — иногда думаю. Чтоб жизнь не казалась медом, как

говорили, бывало, ротные старшины. (Только вместо жизнь они говорили служба.) Уход из собачей жизни воспринимается ведь как освобождение — это давно известно. Иное дело — из счастливой.

Всегда с радостью читаю твои любые строчки, к сожалению, в 90-е годы они для меня мало доступны. Малодоступны они были в Минске, здесь — тем более. Но что делать?

Я немного пишу все-таки. В Москве печатаюсь в «Д[ружбе] Н[ародов]». Последняя публикация — 2 рассказа в № 8.

Только что тут, в Хельсинки, состоялся конгресс ПЕН-клуба, наехало много писателей. Разных. Но увы — все чужие. Во-первых, по причине моего безъязычия, а во-вторых... Они из другой цивилизации. Или мы — из третьей. Для многих из них главная забота — вилла на Лазурном берегу, а для нас?.. Как перезимовать без топлива и без картошки? Беларусь — без картошки! Что жрать? Разве пирожные, как советовала некогда королева Мария-Антуанетта... Что ждет внуков?..

Вот я и наплакал, дружище, полную жилетку слез. Или кухвайку слез — так точнее. Но писал не за тем, конечно. Просто — обнять тебя и пожелать — легкого дыхания.

Дышится здесь, впрочем, трудно. Не для наших легких климат — фронты и циклоны все лето.

Обнимаю, мой милый дружище!

Целую солдатские руки твоей Семеновны.

Твой Василь. [...]

Ліст да В. Астаф'ева. Хатні архіў В. Астаф'ева.

24 октября 1998 г., Красноярск

Дорогой мой Василь!

В жизни своей я много получал горьких писем [...].

И письмо, и книги отправлять тебе бесполезно, и ты хорошо сделал, что отправил свое письмо с нарочным. Я получил его во дни проведения очередных «провинциальных чтений»³¹ и пересказал маленько пестрой аудитории, но к твоей беде и доле доброжелательно отнесейся. Красно-коричневым, точнее, их подпевалам-писателям, по моей просьбе каждый раз отправляют приглашения, да они не приезжают, думаю, стыдятся самих себя.

В Финляндии я бывал, почитай, лет двадцать назад. [...] Воспоминания у меня о стране и народе добрые, но жить-то там, на чужбине, каково?

³¹ Тады ж В. Астаф'еў адправіў тэлеграму: «Dorogoi drug uchastniki literaturnyh chtenii prohodiascih Krasnoiorske shliut tebe poklon i pojelaniia dobrego zdorovia derjis my toboiu po porucheniiu sta piatidesiati uchastnikov chtenii Viktor Astafev» (Тэлеграма ад 22 верас. 1998 г. Хатні архіў В. Быкава).

Подумаю о тебе, и сердце кровью обливается, зная, как ты любишь и страдаешь за свою родную Беларусь. Я вот обжился, ко всему притерпелся на родине и радуюсь покою, который все же, пусть и не вовсе покойный, но все же наступил.

В начале лета я тяжело заболел, сдавши в производство последние тома собрания сочинений и напечатав в «Новом мире» свою повесть «Веселый солдат». Кроме постоянных хворей обнаружился у меня диабет, пить чего-либо спиртное и есть чего попало сделалось нельзя, и сразу в доме, в деревне да и в городе тоже сделалось малоллюдно. Трезвый я никому не интересен, да и мне в пьяных дураках интересу мало.

Ничего не пишу, очень много сплю. Устал я, душевно устал, надсадился с литературой, поэтому гоню со двора интервьюеров всяких и газетчиков, и всякий любопытствующий народ. Одиночества и тишины хочется, устал я от гнетущей памяти о войне, от ожидания чего-то вечного, еще более худого. Лениво почитываю газеты, смотрю журналы и у «ящика» много времени просиживаю. Наверное, глухой зимой поеду куда-либо лечиться — плохо ходят ноги, да и зиму нашу с незамерзающим Енисеем маленько сокращу. Длинна она у нас, ох, длинна! Весне и лету радуюсь, как младенец, а они так быстро пролетают, но поеду в том случае, если моя солдатка, как ты хорошо ее зовешь, будет хоть в относительном порядке. 26-го октября будет 53 года, как мы вместе, и тут уж отношения переходят из супружеских в родственные и нет уж никого ближе на земле.

Недавно я отдал в Литературный музей единственную уцелевшую от мамы вещь — сотканное, вышитое на концах и с кружевами полотенце, и вспомнил, что маме было бы уже 97 лет, а погибла она (погубили ее) двадцати девяти лет, и первой дочке, не прожившей и года, названной в честь бабушки, моей мамы, было бы уже за пятьдесят. Давно мы с Марьей живем, многих пережили, а горечь и жалость к умершим, особенно к маме и дочерям — вторая дочь, Ирина, умерла десять лет назад в возрасте тридцати девяти лет — не утихает, наоборот, с годами становится острее. Может, и оттого это, что перестал писать, башка ничем не забита, и сердцу вольно в себя пускать боль и жалость.

И еще я с годами ощутил греховность литературного труда, не блудословие ли это, не обман ли людей с помощью печатного слова?

Как ты ощущаешь себя в этом плане? Или это уже старческая блажь и чем-то, откуда-то принесенная мнительность. Может, подступает вплотную сознание бесполезности сделанного? Ведь вон сколько прекрасных книг, умных трудов существует на свете, а человечешко-то, гляжу я вокруг, не сделался лучше, даже и наоборот — в конце века и тысячелетия, кажется, он сделался даже зверее и хуже, чему доказательством могут служить и полковники с генералами, окопавшиеся в Белоруссии, и их возглавляющий президент, этакое дикошарое мурло, которому в умном государстве трех свиней не доверили бы пасти.

Василь, милый, крепись, брат, что поделаешь, не первая тебе невзгода выпала, не первая и, увы, не последняя участь тебя постигла. Вспомни, что было с лучшими умами и гениями у нас, на Руси, горькой и окаянной. Придут времена, когда Родина воздаст тебе по заслугам и сдует со своей памяти горсть вонючей пыли нынешнего царя иль царюющего прохвоста и дурачка...

Будем радоваться солнышку, все еще нас греющему, будем ждать весны, цветов. У меня в огороде вырос лес, самый настоящий, который я насадил по приезду в Сибирь, один кедр уже заплодоносил, и всплакнул я, увидев первые шишки, — семена на мною посаженном дереве, и вообще на слезу я стал слаб, часто глядя на народ, на военные прошлые дела иль слушая песни и разговоры крестьян, вытираю слезы с глаз, и жалко всех, и себя тоже...

Родной мой! Обнимаю тебя, целую, радуюсь тому, что ты есть в жизни и судьбе моей. Пусть хвори меньше мучают тебя и тоска не задавливает. Держись! Обнимаю и еще раз целую — твой брат-окопник

Виктор Астафьев.

Хатні архіў В. Быкава.

Написал и перевел повесть³², портативную весьма. Когда меня спрашивают: о чем? — я отвечаю: о Чернобыле. Может, и так. Но мне кажется, что Чернобыль там — лишь предлог, речь о другом. [...] А «Трубу» уже напечатали в № 8, за что, в общем, спасибо им³³. Жаль только, что по этой причине из номера вылетел другой мой рассказ. Говорят — националистический. М[ожет] б[ыть]. Не возражаю... Смешно теперь возражать, когда не только публикация, но и каждый номер может оказаться последним. И в Москве, и в Минске. [...]

Из Минска приходят, в общем-то, маловеселые, хотя и занятные вести. Как известно, все национальные творческие организации там разгромлены. Но оставался ПЕН-Центр, и я ждал, когда же подойдет к нему очередь. Карлос [Шерман] все утешал нас тем, что мы — вне политики, и меня это смешило. Так вот, очередь подошла и к ПЕНу. Президентская газета³⁴ в серии номеров разоблачает подрывную его работу, связь с ЦРУ и теперь уже с масонством и МОСАДом, описывают различные методы подрывной деятельности. И что важно — всех называют поименно, дают подробную характеристику. В этой их «разработке» почти все, начиная, разумеется, с Быкова — Бородулин, Буравкин, Законников, Тычина, Алексиевич, Будинас, Некляев. Теперь следует ждать оргвыводы. [...]

И еще — о здешней нашей жизни... Для меня не стало откровением, что мы здесь (и там тоже), в общем, никому не нужны. Мы всем надоели с наши-

³² «Ваўчыная яма».

³³ Размова ідзе пра часопіс «Дружба народів».

³⁴ «Славянский набат».

ми дураками и бандитами. Как и с нашими нескончаемыми бедами. Запад не чаёт, как от нас отделаться. Откупиться не получилось, теперь он готов положиться на диктатуру. Диктатура ведь всегда самодостаточна, ни хлеба, ни места в тюрьмах не просит, сама все устраивает. Так что — да здравствует диктатура. А если кому такой строй не нравится, то пусть заткнется и не визжит. Запад его поддерживать не будет.

З ліста да Л. Лазарава ад 16 верас. 1998 г. Хатні архіў Л. Лазарава.

Н. Матуковский: Как ты думаешь, Василий Владимирович, почему белорусы оказались «святее Римского Папы»? Почему именно у нас, в Беларуси, больше, чем где-нибудь, сторонников воссоздания СССР — начиная с президента? Неужели белорусы жили в СССР лучше всех других народов?.. Прибалты и украинцы поняли, что национальный суверенитет — величайшее благо, а мы — нет, не поняли. И, мне кажется, не хотим понимать!

В. Быков: Это наша национальная трагедия, которая объясняется исторически. На протяжении многих столетий Беларусь держали в состоянии национальной темноты, преграждали путь к свету, что существенно сказалось (не могло не сказаться!) на менталитете нации. Чрезмерная доверчивость, так называемая «рахманасць» сыграли с белорусами злую штуку. В ситуациях, когда надо было проявлять естественное недоверие, национальную, а за ней и политическую волю, как это сделали те же прибалты, белорусы целиком полагались на то, что им навязывали извне.

Особенно это стало заметно, когда нам насильственно навязывались бесовские, коммунистические идеи. В то время, когда другие народы нашли в себе силы пересмотреть и античеловеческие, коммунистические догмы, и собственную историю, мы продолжали и продолжаем верить в доброго дедушку Ленина, в его мудрость и человечность, хотя весь мир уже давно знает, что именно Ленин, а не Гитлер, породил идею концентрационных лагерей... Представляю, как набросятся на меня за это «кошунство» ветераны. Ну как же! Василий Быков приписал такой страшный грех святому вождю! Я им посоветую почитать двухтомник Дмитрия Волкогонова «Ленин», целиком построенный на достоверных исторических документах, которые десятилетиями прятались от нас в спецхранах. [...]

Н. М.: Несколько раз Александр Лукашенко, выступая публично, говорил о тебе примерно так: «Я уважаю Василя Быкова за его большой литературный талант. Он замечательный писатель, я воспитывался на его произведениях. Но зачем он лезет в политику? Его дело — литература, а не политика. Политик он никудышный...»

В. Б.: В том-то и дело, что я не лезу в политику, меня туда тянут насильно! Те же журналисты. Большею частью — российские. Белорусские в последнее время меня обходят стороной. Видимо, кто-то сильно их припугнул. Они требуют от меня высказываний по самым острым проблемам современности. Как всякий

гражданин, я, естественно, имею собственное суждение, собственные принципы. Так что выходит? Мне надо скрывать свои убеждения, потому что они кому-то не нравятся? Смешно и нелепо, не правда ли? Да, мои убеждения, мои принципы расходятся с убеждениями и принципами Александра Григорьевича. Но тут я уже ничего не могу поделать с собой. Менять убеждения как перчатки я не могу, никогда этого не делал. Льва Толстого в свое время предавали анафеме, но он своих убеждений не поменял. Нет, я ни в коей мере не сравниваю себя с этим гигантом в литературе, но почему бы и не следовать его примеру? А потом... Я не могу представить себе писателя аполитичной личностью. Это невозможно, потому что вся наша жизнь замешана на политике. Куда от этого скроешься?

Матуковский Н. Болдинская осень Василя Быкова / Инт. с В. Быковым // Имя. 1998. 3 дек.

У мяне моцнае ўражанне, што беларуская літаратура перажывае сёння комплекс Быкава. Дакладней, сіндром Быкава. Калі б гэтага чалавека не было, многія, мне чамусьці здаецца, адчулі б палёжку. Калі б яго не было ў тым выглядзе, з тымі сваімі прынцыпамі, сістэмай сваіх ідэй, характарам, светапоглядам, — многія б знайшлі абгрунтаванне свайго існавання, сваіх кніжак, сваіх выказванняў і сваіх паводзінаў.

Гэта тым больш дзіўна, што Быкаў не мараліст. Ён не вучыць, як жыць, што характэрна, скажам, для Салжаніцына. Быкаў выконвае сваю ролю — і толькі. Часам гэта нагадвае паводзіны разумнага бацькі ў адносінах да сына: не вучыць, а жыве ў маральным сэнсе чыста.

Быкаў проста піша аповесці. Даследуе паводзіны людзей з пункту погляду агульначалавечай маралі. Гэтым ён нязручны. Бо яго не абвергнеш. Ён дакладна ведае, што такое дрэнна, што такое добра.

А многія ў гэтым сэнсе зараз заблыталіся. Асаблівае майстэрства — заблытацца ў трох соснах...

Шаўцоў С. Маленькі зялёны вусень // Звязда. 1998. 3 лістап.

3 лістапада 1998 г. у газеце «Звязда» надрукаваны артыкул С. Шаўцова «Маленькі зялёны вусень», у якім прадстаўлены своеасаблівы панегірык В. Быкаву. Вядома, кожны мае права выказаць сваю думку. Але ж яна, на мой погляд, павінна адпавядаць праўдзе.

Вось і паглядзім, як з гэтым абстаіць справа ў В. Быкава. У апошнія гады ён шмат пісаў пра партызан. Але яны ў яго не ідэйныя змагары з фашызмам, а нейкія велікамучанікі і гаротнікі (як бы дажыць да раніцы або да панядзелка). І няпраўда, што яго разважанняў не абвергнеш. Бясспрэчна, былі сярод партызан людзі выпадковыя і ныцкі. Аднак у сваёй сутнасці партызаны былі людзьмі мужнымі і вялікімі патрыётамі сваёй радзімы.

Не спыняючыся на фактах паўсядзённых баявых дзеянняў, прывяду толькі некалькі прыкладаў іх вялікага ўкладу ў нашу перамогу. Напрыканцы

1941 года, калі наш фронт пад Масквой быў аголены (ды і немцы былі ўжо знясілены), дастаткова было б ворагу на асобных участках фронту займець свежы баяздольны полк, каб уварвацца ў сталіцу. Хто ж тады, калі не партызаны Заслонава, узарваўшы і замарозіўшы аршанскі чыгуначны вузел, затрымалі на некалькі тыдняў эшалоны з нямецкімі салдатамі і тэхнікай у раёне Оршы, нанеслі ім значныя страты, што дало магчымасць Жукаву падцягнуць нашы рэзервы і абараніць сталіцу? [...]

У канцы 1991 года ў газеце «Праўда» быў надрукаваны артыкул Васіля Быкава (здаецца, пад назвай «Смага перамогі»), у якім абвінавачваліся дэпутаты і народ Беларусі ў таталітарызме і тэхнакратызме. Ён заклікаў нас ісці па слядах Прыбалтыкі ці Каўказа. Добра, што мы не паслухалі яго. Мы не кінуліся па закліку БНФ у нацыянальныя і рэлігійныя войны (захопліваць Беласток, Смаленск, Вязьму, стрыгчы папоў, выганяць рускіх братоў, яўрэяў і г. д.). Вядома, на карысць каго скончыліся заклікі заняцця чыстай «палітыкай». Дэпутаты ад БНФ і «дэмакратаў» адверглі волю рэферэндуму 1991 года і разбурылі Саюз. Па ініцыятыве Пазняка і Шушкевіча ліквідавалі дзяржаўны кантроль, адмянілі законы супраць спекуляцыі, развязалі інфляцыю і абнішчанне людзей. І пасля гэтага Быкаў называе Пазняка пасланнікам божым?! Па выказванню Шаўцова, Быкаў «добра ведае, што такое дрэнна, што такое добра» (толькі не сказаў для каго?). Але відавочна, што «дрэнна» для Беларусі і «добра» для Захаду. [...]

Не толькі беспадстаўна, але і наўмысна чэрніць ён нашых палкаводцаў: Жукава, Васілеўскага, Ракасоўскага і іншых: маўляў, яны не ўмелі ваяваць і таму былі вялікія страты. Так, былі ў нас вялікія страты, асабліва ў 1941 годзе пры акружэнні ў Беларусі, пад Кіевам, Вязьмай і іншых раёнах (колькасць загінуўшых і палонных дасягала 30 працэнтаў усіх страт за перыяд вайны, а па тэхніцы і да 50). У наступныя ж гады нашы страты не перавышалі страты немцаў. Пры гэтым амаль усе нашы палкаводцы вылучыліся яшчэ ў канцы 1941 года, і дзякуючы іх талентам мы змаглі атрымаць перамогу над самай магутнай і загартаванай у баях нямецкай арміяй [...]. Хлусіць Быкаў, заяўляючы, што ў штабах было людзей больш, чым на перадавой, што салдат гналі ў бой галоднымі і што перамагалі мы толькі таму, што суадносіны сіл былі 1:10 у нашу карысць. [...] Як вядома, у 1941 годзе Германія мела пад ружжом 8,5 млн чалавек, у тым ліку на ўсходняй граніцы 5,5 млн, у нас жа было 4,2 млн, у тым ліку на заходняй граніцы 2,6 млн. Мелі перавагу немцы і ў зброі. Вось чаму нашы палкаводцы вымушаны былі больш думаць і ваяваць, як гаварыў А. В. Сувораў, не колькасцю, а ўменнем. У гэтай абстаноўцы мы не змаглі дасягнуць значнай перавагі нават у канцы вайны.

Быкаў не хацеў заўважаць, што з 27 млн загінуўшых на вайне, болей 16 млн былі мірныя жыхары, ваеннапалонныя і вывезеныя ў Германію. Таксама не заўважыў ён, што з 5,7 млн 2,6 млн чалавек загінулі ад голаду і тэрору.

Нельга адказаць Быкаву ў майстэрстве літаратурнага пісьма і здольнасці заблытваць людзей «у трох соснах». [...]

Сцяпан Рубанаў,
намеснік старшыні Крупскага раённага савета ветэранаў, інвалід ВОВ.
Быць пісьменнікам і грамадзянінам // Славянскі набат. 1999. 21—27 янв.

Дзіўная справа, Васіля Быкава па традыцыі больш не любяць не ў Маскве, а ў Мінску. У Маскве яго якраз друкавалі ахвотна, хоць і не без праблем. Як бачна, традыцыя працягваецца.

Яшчэ адна кароткая заўвага: пісьменнік, канешне, не мае патрэбы ў маёй абароне. Ён гэта можа зрабіць і сам, калі палічыць неабходным. Думаю, не палічыць. Як кажуць нашы саюзнікі, «на каждый чих не наздравствуешься». Але справа больш глыбокая, бо ліст С. А. Рубанава характарызуе сабою тэндэнцыю, якую адны тайна заахвочваюць, а другія падхопліваюць і агучваюць.

Але непасрэдна да ліста з Крупак. [...]

...Рубанаў расказвае пра бітву пад Масквой і ледзь не рашаючую ролю ў ёй партызанскага атрада Заслонава. Гэта, канешне, навіна і рэкамендую гісторыкам звярнуць на яе ўвагу. [...]

Як здарылася, што перад вайной была вынішчана вярхушка арміі аж да камандзіраў палкоў і хто ў гэтым вінаваты? Можа, Васіль Быкаў? І чаму таленавітыя палкаводцы вылучыліся толькі ў канцы 1941 года, а тыя, каму вылучацца не трэба было, ужо гнілі ў зямлі? Чаму, па словах Рубанава, нашы страты ў вайну былі 27 мільёнаў (на справе гэту лічбу ніхто дакладна не ведае), а ў немцаў — 9 мільёнаў? Ці не надта многа — у тры разы? Хто вінаваты ў тым, што немцы яшчэ ў снежні былі пад Масквой? [...]

Пытанннў можна задаць яшчэ столькі ж ці больш. Не хочацца. У мяне чамусьці цвёрдая ўпэўненасць, што колькі б я пытанняў ні задаваў, ні ў чым сп. Рубанава не пераканаю. Ён засвоіў афіцыйны курс гісторыі Айчыннай вайны, і ўсе, хто думае інакш, для яго памыляюцца. [...]

Мне таксама давялося пазнаёміцца з чалавекам, якога мабілізавалі пасля вызвалення Брагіна і кінулі, радавога, неабучанага, пад Калінкавічы. І ён адзін застаўся жывы з тых, каго ўзялі разам з ім. У гэтага чалавека тое ж самае, свой погляд на таленты некаторых слаўных палкаводцаў.

Гэтак жа глядзеў на вайну Ціхан Сідаравіч, адказны сакратар брагінскай «раёнкі». Ён ваяваў пад Ленінградам і сам бачыў, як галодныя блакаднікі зразалі кавалкі мяса з трупаў. І гэта, значыць, было.

Было. Але ў гісторыю вайны не ўпісваецца. Бо — непрыгожа. Не адпавядае міфу, без якіх мы не можам. Значыць — не было.

Ну і, нарэшце, ніякім чынам не магло быць «гуманітарнай» дапамогі ад «удзячных» пераможаных немцаў. Само сабою, усе партызаны былі ідэйныя змагары. Але як пераканаць у гэтым майго добрага знаёмага з Лагойшчы-

ны, які расказваў: «Днём рабавалі немцы, а ноччу партызаны»? А, разумею, гэта былі «выпадковыя людзі», сп. Рубанаў нам патлумачыў гэты казытлівы момант.

Так што вось вам тэндэнцыя. Яна ўкладваецца ва ўсе астатнія тэндэнцыі, якія акрэсліліся апошнім часам. А ва ўсім сённяшнім дрэнным вінаваты Быкаў таму, што разбурыў прыгожую казку, з якой так лёгка, прыемна жылося. Усё прыгожа, разумна, лёгка паддаецца тлумачэнню. Галоўнае не думаць, а прымаць гатовыя схемы...

Шаўцоў С. Васіль Быкаў зноў стаў няправільным пісьменнікам // Звязда. 1998. 20 лістап.

Е. Ростиков: Как я знаю, на вас, работника ЦК КПСС, от этой творческой «элиты» из Беларуси было достаточно доносов. Не оставляют они вас в покое и сейчас. Недавно «Народная воля» посвятила вам целую полосу, реанимируя историю с Василем Быковым. Как же, когда-то вы осмелились в одной из своих статей покритиковать будущего классика. [Тэкст публікацыі прыводзіцца паводле газеты з хатняга архіва В. Быкава; тут і далей падкрэсленне (курсіў) В. Быкава. — С. Ш.]

В. Севрук: [...] Брехни в этой публикации «Народной воли», конечно, много. Не было никаких по моей статье постановлений ЦК КПСС, осуждающих Василя Быкова. Но немного позже было постановление Политбюро, направленное против Александра Солженицына и Андрея Сахарова, которых В. Быков в «Правде» также осудил «с презрением». После этого действительно было принято несколько постановлений ЦК КПСС относительно Быкова. [...] По решениям секретариата ЦК КПСС ежегодно его произведения вносились в рекомендательные списки Госкомиздата СССР и Всесоюзного агентства по авторским правам для издательств союзных республик, социалистических стран и прогрессивных издательств иных зарубежных государств. Его включали в различные делегации, выезжавшие за рубеж. Произведения Быкова секретариат ЦК КПСС утверждал для издания в «Роман-газете». А тиражи там были от двух до четырех миллионов экземпляров. Так и рождалась известность.

И два слова о не любимом нашей «элитой» М. А. Суслове. Я присутствовал, как минимум, на четырех совещаниях, на которых он вел речь о Быкове после подписания им известного антисолженицынского и антисахаровского письма в «Правду». Суслов строжайшим образом требовал трех вещей: не допускать публикации каких-либо критических статей о творчестве Быкова, не препятствовать любому числу переизданий произведений Быкова, активно пропагандировать творчество Быкова за рубежом, не скупиться на зарубежные поездки писателя.

Что касается повести «Мертвым не больно», то это просто слабая в художественном отношении схематичная вещь, написанная по канонам ди-

рективного соцреализма в его вульгарном варианте. Этакая политагитка по хрущевскому политзаказу. Правда, припоздала. Хрущевщина пришла к закату. Поэтому и осмелились повестушку покритиковать. А моего аспирантского пороха для жесткой профессиональной оценки тогда, увы, не хватило.

Ростиков Е. «Элита» и власть, или Еще раз об их взаимоотношениях / Инт. с В. Севруком // Рэспубліка. 1999. 24 лют.

Есть еще одна [...] новость. Два [...] Севрук и Ростиков (и как только [...] находят друг друга и объединяются?!) выступили с тремя полосами в газете «Рэспубліка» [...], где есть гнусный кусок и о тебе. Меня это окончательно взорвало — пишу полный «отлуп». Договорился с редактором и сказал, что если вы не напечатаете в своей газете, опубликую свой материал в другом издании, но такой гнусности я простить не могу. Он согласился напечатать мою статью, попросив, чтобы я ее делал не очень уж острой и резкой, на что я ответил: напишу, как сумею. Понимая, что я этим самым не улучшаю твое настроение, но решил послать тебе ксерокопию их статьи — ведь рано или поздно ты ее прочтешь.

З ліста М. Матукоўскага ад 15 сак. 1999 г. Хатні архіў В. Быкава.

Недавно мне из Минска прислали вырезки из кое-каких газет. Опять В. Севрук и опять о Быкове. Теперь он уже доказывает, что Быкова направлял и поддерживал Суслов, а Быков клеветал на А. Солж[еницына] и заодно с Адамовичем стучал «предателю Горбачеву» на него, честного низового работника ЦК Севрука. Теперь в Минске появилась новая-старая тема двух стукачей — Быкова и Адамовича. Не знаю, как Саша, а я этого гада-земляка в глаза никогда не видел и даже по телефону с ним разговаривал. И теперь оч[ень] жалею, что единственный раз уступил своему принципу (вполне тюремному) не жаловаться и подписал сочиненную Сашей жалобу на тиранию Севрука.

Ліст да В. Аскоўскага ад 21 сак. 1999 г. Галоўнае архіўнае ўпраўленне г. Масквы, ЦМАМАЗ.

Владимир Николаевич [Сеўрук. — С. Ш.], как могли вы такое написать? Уж кто-кто, а вы-то знаете, как было сфабриковано это «подписание с презрением»! Вы-то не можете не помнить, что в момент этого «подписания с презрением» Василя Быкова не было ни в Москве, ни в Минске! Кто поставил его подпись под этим позорным документом? Может быть, вы? Уж, во всяком случае, вы должны знать, кто из ваших коллег это сделал.

А потом, что это за фарисейская логика у вас такая? Сначала вы изничтожаете человека, считаете его чуть ли не врагом народа за то, что он не подписывает документ-фальшивку, а потом «расстреливаете» его морально за то, что он якобы его подписал. Это что, такая ваша партийная мораль: мы замазаны — не позволим и тебе быть чистеньким, гений? Да? И еще...

Зачем же вы, Владимир Николаевич, так густо мажете дегтем ворота своего бывшего высокого дома, которому столько лет служили верой и правдой? Подумайте, что вы сейчас утверждаете на весь белый свет!.. Не было ни «Сотникова», ни «Обелиска», ни «Круглянского моста», ни «Волчьей стаи», ни «Знака беды». Было только одно «подписание с презрением», за которое Василь Быков стал писателем с мировым именем?.. Если вы не помните, то читатели помнят, что республиканскую литературную премию он получил за повесть «Третья ракета», Государственную премию СССР — за повести «Обелиск» и «Дожить до рассвета», Государственную премию БССР им. Якуба Коласа — за повести «Волчья стая» и «Его батальон», Ленинскую премию — за повесть «Знак беды». Прочитайте наградные листы, и вы узнаете, за что он получал правительственные награды. Если бы вы это сделали, не выглядели бы так смешно сегодня перед читателями, которые давно знают, КТО ТАКОЙ ВАСИЛЬ БЫКОВ. И почему его в самом деле хотят выдвинуть на соискание Нобелевской премии. [...]

Позвольте, уважаемый Владимир Николаевич, усомниться в вашей искренности. Находясь на московско-партийном олимпе, вы просто не могли не знать, какой смертельно-безжалостный каток катился тогда во всей прессе, уничтожая Василя Быкова и его произведения. В стране, кажется, не было ни одного издания, которое не считало бы своим «государственным» долгом потоптаться по В. Быкову и его произведениям. Даже самые первые, самые безобидно-романтические повести его были встречены в одной газете разгромной статьей «Герои или жертвы судьбы?».

Особенно же изощрялись те издания, к которым хотя бы косвенное отношение имели генералы, полковники, штабисты. Те били наповал, на смерть, чтобы уж никогда не поднялся. Вокруг него была поднята настоящая истерия, атмосфера всеобщего неприятия и злобы. Казалось, делалось все для того, чтобы он скорее уехал за границу или... пустил себе пулю в висок. По его собственному публичному признанию, он уже был близок к последнему, потому что не было сил для противостояния такому мощному давлению.

В его гродненской квартире неизвестные били окна, в школе третировали жену-учительницу и сыновей-школьников, которые прибегали домой заплаканными и побитыми. Его рукописи выбрасывались из издательских планов. История с опубликованием повести «Мертвым не больно» — это подлинная драма. Два центральных комитета (ЦК КПСС и ЦК КПБ) на ушах стояли, только чтобы не вставить повесть в четырехтомное издание произведений. Все решила телеграмма директора издательства М. Дубенецкого секретарю ЦК КПСС М. Зимянину с указанием в ней главного противника повести — Владимира Севрука.

И что, все это только потому, что «это просто слабая в художественном отношении схематичная вещь, написанная по канонам директивного соц-

реализма в его вульгарном варианте»? Это ваш любимый шеф М. Суслов таким образом боролся за высокое художественное достоинство литературы? Полноте, Владимир Николаевич! [...]

Честно скажу: никогда не думал, что мне придется еще раз, через 27 лет, защищать Василя Быкова и доказывать, что он великий писатель, дарованный нам Богом.

Матуковский Н. Почему у нас таланты превращают в мишени? // Рэспубліка. 1999. 24 сак.

Як і трэба было чакаць, артыкул нарабіў вялікага шуму. У мяне суткамі званіў тэлефон: віншавалі, хвалілі і г. д. Два сааўтары бегаюць не толькі па сценах, але і па столі. Сеўрук пагражае прынесці ў рэдакцыю і апублікаваць нейкі дакумент, які даказвае, што ты нібыта пісьмо падпісваў. Я не думаю, што яны маюць арыгінал твайго подпісу. [...] Ва ўсякім разе, Вася, ты будзь гатоў даць у апошні раз па зубах гэтай гадзіне. Ты ж ведаеш у шмат разоў больш за мяне пра ўсё тое, што ён рабіў у адносінах да цябе і не толькі да цябе. Я адчуваю, што ён хацеў бы звесці ўсё да аднаго — падпісваў ты тое пісьмо ці не? А пытанне ж стаіць намнога шырэй і глыбей: літаратура і партыя, літаратура і сеўрукі.

Падумай і рыхтуй пісьмо на імя галоўнага рэдактара «Рэспублікі» (Сяргей Валянцінавіч Дубовік). Як мне падалося, ён вельмі не любіць ні Сеўрука, ні Росцікава — бо вельмі лёгка згадзіўся на публікацыю майго артыкула, амаль без усякіх угавораў. І тваё пісьмо было б вельмі патрэбна нам усім. Вельмі. І табе — таксама. Трэба «расстраляць» (доказы і аўтарытэтна) гэтую гадзіну з мінулага. Інакш яна будзе яшчэ вельмі доўга кусаць цябе і ўсіх нас.

З ліста М. Матукоўскага ад 25 сак. 1999 г. Хатні архіў В. Быкава.

Гісторыя з «Рэспублікай» яшчэ працягваецца. Гэтыя два [...] падрыхтавалі свой «адлуп», дзе паліваюць гразей і цябе, і мяне. Вось-вось будзе апублікаваны. Раней я быў прыхільнікам таго, каб ты паставіў апошняю кропку ў гэтай дыскусіі, а цяпер думаю: а ці варта кранаць такое дзярмо? Яно само па сабе смярдзіць, а навошта ж яго варушыць? Я рад, што выказаў праўду, было безліч званкоў, якія дзякавалі і г. д. Варта, што слова сказана, а разумныя людзі хай думаюць і самі робяць выснову, дзе праўда. Дыскутаваць з [...] марная справа. Але і прамаўчаць я не мог пасля іх падлянкі [...].

З ліста М. Матукоўскага ад 5 крас. 1999 г. Хатні архіў В. Быкава.

Не писал я, [...] господин Матуковский Н. Е., «критической статьи против произведений Василя Быкова». Была моя статья в «Правде» о военной теме в творчестве К. Симонова, И. Шамякина, А. Фадеева, Г. Бакланова, Ю. Бондарева, А. Адамовича, О. Кожуховой. Несколько абзацев отведено там и творчеству В. Быкова. [...]

Действительно, до 1973 года о произведениях В. Быкова публиковались разноречивые отклики. Были среди них неумеренно восторженные, были отдающие чисто литературной групповщиной, были и примитивно политизированные. Но после того, как В. Быков подписал известное письмо в «Правду», осуждающее «с презрением» А. Солженицына и А. Сахарова, появилась известная директива М. А. Суслова о максимальной и всесторонней поддержке В. Быкова. Вот результаты действия «катка» после 1973 года. В. Быков был избран депутатом Верховного Совета БССР, получил апартаменты в престижном минском доме, звание Народного писателя БССР и стал одним из самых высокооплачиваемых писателей Советского Союза. Если вы, г-н Матуковский, хотите сказать, что это абсолютно не зависело от его политических позиций в то время, то пусть вам ответит сам Быков: «...літаратура была патрэбна кіруючай партыі і, як вядома, цанілася ёй у меру адданасці літаратурных майстроў справе камунізму. Некаторыя з іх, добра засвоіўшы тое правіла, зрабілі неблагую кар'еру... Пры жыцці выдавалі-перавыдавалі, выбіралі куды толькі магчыма, узнагароджвалі ўсімі шматлікімі рэгаліямі Саюза... То быў гадамі адладжаны, безадмоўны канвеер» (Звязда. 1993.5.01).

Как видите, написано со знанием дела, с опорой на совершенно реальные факты. Я их и приведу. За годы «проклятой и гнусной» советской власти произведения В. Быкова с учетом публикаций в журналах и «Роман-газете» печатались 137 раз общим тиражом более двадцати миллионов экземпляров на 50 языках народов СССР. То есть ежегодно издавалось три-пять книг В. Быкова. А поскольку бумажные ресурсы и полиграфические мощности на книгоиздание имели совершенно четкие рамки, это означало, что пять книг Быкова ежегодно лишали возможность печататься четырех писателей на четыре года.

Севрук В. Доносы не горят! // Рэспубліка. 1999. 7 крас.

Единственно, о чем хочется попросить, чтобы больше выпускали Ваших книг. Я много лет мечтаю приобрести «Альпийскую балладу» и совершенно невозможно.

З ліста В. Калгушкінай, г. Саратаў. Хатні архіў В. Быкава.

Сейчас я закончила Вашу книгу «Третья ракета. Альпийская баллада. Сотников». [...] (Мне ее дала приятельница. В магазинах Ваши книги не продаются, в библиотеках на них очереди. А она купила на каком-то совещании.)

З ліста А. Ашанінай, г. Масква. Хатні архіў В. Быкава.

...В моей маленькой библиотечке есть Ваши «Третья ракета», «Волчья стая», «Пойти и не вернуться», но большего я нигде не могу купить [...].

З ліста А. Емяльянавай, г. Навасібірск. Хатні архіў В. Быкава.

Найти Вашу книгу не так просто. В магазине раскупают с молниеносной быстротой. Потому так поздно я прочитала повесть «Пойти и не вернуться».

З ліста К. Бугаёўскай (Сажневай), Стаўрапольскі край. Хатні архіў В. Быкава.

...Прочел в «Правде» за 16 марта Алеся Адамовича «Что человек может» и очень захотелось мне раздобыть Вашу повесть «Знак беды». Но, к великому сожалению, достать ее не удастся.

З ліста А. Троіцкага, г. Кемерава. Хатні архіў В. Быкава.

В тяжелые дни своей жизни я обращаюсь к Вам с большой просьбой оказать мне возможную помощь приобрести Ваши повести, рассказы и все то, что Вами написано с самого начала Вашего душезахватывающего изложения.

З ліста М. Дзяменцьевай, г. Кіеў. Хатні архіў В. Быкава.

Обратиться к Вам лично меня вынуждает то обстоятельство, что у нас в Молдавии нигде нельзя купить ни одной Вашей книги на русском языке.

З ліста С. Кажакару, г. Кішынёў. Хатні архіў В. Быкава.

Обращаемся к Вам с большой просьбой: будьте так добры, помогите нам, будь ласка, Вашею книжною новинкой повестей, которая недавно вышла в Ленинграде. Про это мы узнали в библиотеке из газеты. Спрашивали Вашу книгу в книгарнях Харькова, Богодухова, но в ответ всегда одно: хорошие книги называются дефицитом и только для инвалидов. Написали заказы в Киев, Москву [...].

З ліста М. Занько, с. Вакрасенаўка Харкаўскай вобл. Хатні архіў В. Быкава.

Пишу Вам из далекой Карелии. Потому ли, что наша республика находится от Вас довольно далеко, или так распределяют выпущенные книги, но практически Ваши книги у нас купить невозможно. Нет их. [...] Нет ли возможности купить Ваши книги у Вас в Белоруссии, все, написанные Вами?

З ліста І. Чарнаброўкіна, г. Аланец. Хатні архіў В. Быкава.

В этом году прослышал о Вашей повести «Карьер», напечатанной в журнале «Дружба народов» в № 4—5 за 1986 год. Пришлось отстоять две недели в очереди. Очередь не за журналом «Дружба народов», а за Вашей повестью. Причем очередь не только в нашей поселковой библиотеке, но и в других библиотеках. Повесть пользуется спросом и о ней идет молва.

З ліста Ф. Іванова, п. Свядлоўскі Маскоўскай вобл. Хатні архіў В. Быкава.

Я попросила своих друзей достать мне Ваши произведения. [...] 7 повестей, которые у меня записаны, пока мне еще не смогли достать. Жду их от друзей. В продаже, к сожалению, нет. Когда в б[иблите]ке выдают Вашу книгу, то говорят: «Не задерживайте. На книги Быкова большой спрос».

З ліста В. Беяковай, г. Есентукі. Хатні архіў В. Быкава.

То же касается и зарубежных поездок. Например, только в 1986 году и только по линии Союза писателей СССР Быков выезжал в Данию, Западный Берлин, ФРГ и Англию. Все за счет госбюджета. То есть без единой копейки собственных затрат. Летал Быков за рубеж и за партийные деньги. А эти суммы съедали весь командировочный фонд всего Союза писателей на целый год.

Севрук В. Доносы не горят! // Рэспубліка. 1999. 7 крас.

Относительно гонораров [...]. Я запросил ВААП, и мне прислали расчет: переведено 425 марок = 132 р. Удержано: 25 % — комиссионных в пользу ВААП, 30 % — налога. Итого к уплате 69 р. 91 коп. Вот такие наши заработки с помощью хваленного ВААПа! И это, можно сказать, за собрание сочинений, потому что в этот двухтомник вошло почти все, мной написанное, — 9 повестей. Ну да черт с ними...

З ліста да Л. Лазарава ад 30 лістап. 1976 г. Хатні архіў Л. Лазарава.

Вот такие «репрессии» применял М. А. Суслов к орденоносцу и лауреату³⁵. О государственных наградах я уже писал. Правда, еще один защитник Быкова назвал их «бліскучымі бразготкамі». И Василий Владимирович не стал опровергать омерзительное оскорбление высших государственных отличий великой Советской страны. Но и не отказался от них, как и от сохраненных к этим наградам льгот. Доказывать же мне, что В. Быков — профессиональный писатель и у него есть очень сильные, достойные произведения, не надо. Это, безусловно, учитывалось и Политбюро, которое состояло из опытных политиков, а некоторые из них не были лишены и профессионального художественного вкуса. [...]

Безусловно, я абсолютно солидарен с теми писателями, убежденными советскими патриотами, которые совершенно сознательно и добровольно подписали то письмо в «Правду». Потому что для них были абсолютно неприемлемы политические позиции А. Солженицына и А. Сахарова, стремившихся к уничтожению советского государства и советского общественного строя. Еще раз повторяю специально для вас, г-н Матуковский, что солидарен с Ч. Айтматовым, К. Симоновым, Р. Гамзатовым, А. Сурковым, К. Фединым, Ю. Бондаревым, С. Наровчатовым, М. Шолоховым, Н. Тихоновым, В. Катаевым,

³⁵ У 1986 г. М. Суслава ўжо чатыры гады як не было на гэтым свеце.

О. Гончаром, М. Стельмахом, И. Мележом и их коллегами. Правда, двое или трое из других подписавших после контрреволюционного переворота 1991 года в поисках места у демократического корыта лицемерно «покаялись», но от самого факта подписания ими правдинской публикации все-таки не отrekliсь.

Сеvрук В. Доносы не горят! // Рэспубліка. 1999. 7 крас.

Я и сегодня горжусь, что почти четверть века проработал в центральном аппарате авторитетнейшей политической партии мира, являвшейся в полном смысле руководящей и направляющей силой могучей сверхдержавы, которая раздавила гитлеризм и полстолетия держала в стальной узде бешеных натовских собак. А не то уже в пятидесятые годы международные атомные бандиты во главе с США попытались бы поработить человечество или сжечь его в ядерном аду.

Сеvрук В. Доносы не горят! // Рэспубліка. 1999. 8 крас.

12 [красавіка 1999 г.], 2-гі дзень Пасхі

Дарагія Ірына Міхайлаўна і Вася!

Я вельмі доўга думаў, разважаў, вагаўся — ці пасылаць вам гэтае пісьмо, больш правільна — «укладыш» у пісьме. Я ведаў, што ён сапсуе вам настрой. Потым я задаў сабе просценькае пытанне: ведаць праўду ці няпраўду — што лепей для чалавека? Прыйшоў да канчатковага вываду, што ў любым выпадку, у любой сітуацыі чалавеку патрэбна праўда. Толькі ў такім разе ён прыме правільнае рашэнне. Тым больш што нічога новага для цябе тут няма. Хіба Сеўрук можа перамяніцца? Ці тыя, хто я падтрымліваюць? Тым больш што «сабака брэша, а караван ідзе». Я табе нічога не раю, нічога не падказваю — прымай рашэнне сам. Вядома, у глыбіні душы мне вельмі хацелася б, каб ты канчаткова раздавіў гэтую гнусь, каб ён ужо нідзе ніколі не вякаў. Ва ўсякім разе, рэдактар газеты даў словаў апублікаваць тваё пісьмо, калі яно будзе.

Вася, не крыўдуй і не гневайся, што я з самых лепшых меркаванняў выцягнуў з цёмнай нары гадзюку, якая цябе ўкусіла яшчэ раз. Але мне здаецца, што яд іменна гэтай гадзюкі на цябе ўжо не дзейнічае — твой арганізм на яго ўжо не рэагуе. Але, разумееш, прачытаўшы іх гнюсную мерзапакасць, я проста не мог устрымацца, каб не адказаць. Я зразумеў іх планы-задумы: яны страшна баяцца, што табе дадуць Нобелеўскую (і могуць даць — успомні сітуацыю з Пастарнакам. Твая значна лепшая!) І ты станеш для іх недасягальны. Нічым іншым іх такую нянавісць растлумачыць нельга. Я атрымаў дзесяткі «ўдзячных званкоў», званілі і днём, і ўначы. Пагляджу, ці асмеліцца які-небудзь «званар» напісаць пісьмо ў рэдакцыю. Крыху здзіўляе маўчанне калег, якія маглі б узняць свой голас у абарону свайго брата. Але, відаць, і іх крытэрыі памяняліся. Відаць, і для іх «кавалак каўбасы» стаў самай лепшай прынадай. [...]

Абдымаем вас і вельмі чакаем. Вашы верныя *Матукі*.

Ліст М. Матукоўскага. Хатні архіў В. Быкава.

А я вот как-то устал уже. Хотя неудивительно: лето, осень, зиму весьма интенсивно потрудился, написал несколько рассказов, повестушку, дюжину сатирических миниатюр. И много читал. Не столько беллетристику, как мемуаристику [...].

Ну и кроме того, переводил рассказы на русский, но не все. На все не достало сил.

Вот кончается здесь мой срок (годовой), есть возможность продлить, но не знаю... Все-таки при всем хорошем, что есть тут, налицо и другое. Прежде всего — ностальгия, которая, оказывается, вовсе не выдуманная штучка, а нечто реальное. И весьма серьезное. И другое — климат. Холодновато здесь даже по сравнению с нашим, белорусским климатом. Уже 1 мая (сегодня), а здесь еще не было тепла. Едва зеленеет трава... Так что еще посмотрим.

Ну, а в Минске продолжается травля В. Б. После «Славянского набата», который всю зиму травил «бесов из ПЕН-клуба», за Быкова В. взялся Севрук. (Он теперь в аппарате президента, так что силы набрал, злобы всегда у него хватало.) Уже выдал три статьи, разоблачающие В. Б. как приспособленца, перевертыша и русофоба. Некоторые пытаются втянуть меня в этот мордобой, но, оценивая соотношение сил, полагаю, что не стоит ввязываться, — победы не будет.

А что будет? В свете всего, что происходит в мире. Сегодня по «Маяку» услышал, что в твоём родном Питере трудящиеся вышли на демонстрацию с флагами СССР и Беларуси. Вот так. Уже интегрировались. С Лукашенко... Но что трудящиеся — пусть. А ведь и многие русские демократы жаждут того же. Эта [...] физиономия странным образом завладела душами недавних совков. Остается дожидаться, когда он завладеет не только совками. Но и Западом. Вместе с Милошевичем, с помощью НАТО превращающимся в страдальца-христа XX века.

З ліста да В. Аскоцкага ад 1 мая 1999 г. Галоўнае архіўнае ўпраўленне г. Масквы, ЦМАМАЗ.

Я же беллетристкой с зимы не занимаюсь, как-то охладел к ней, а вот к мемуаристике никак не подступлюсь — пугает, наверно, отсутствие опыта или еще что-то. Или, может быть, неприглядность правды, в которую неизбежно будет погрузиться. Но и без правды — какой смысл городить весь раздрызганный огород? Тем временем «литературоведы в штатском» долго не раздумывают — Севрук в Минске регулярно выливает на Быкова ушаты грязи и желчи, создав в помощь себе бригаду помощников, разрабатывающих «объект» по архивам КГБ. Уже анонсируют сенсации. Общество, затаив дыхание, ждет...

З ліста да Л. Лазарава ад 14 чэрв. 1999 г. Хатні архіў Л. Лазарава.

Прошло не так много времени, в Минске после распада Советского Союза утвердился такой режим, при котором возродилось самое мрачное про-

шное — и не в качестве, как принято думать, фарса, скорее оно напоминало зловещее «капричос» Гойи. На Быкова, на возглавляемый им ПЕН-Центр началась настоящая охота. И тут в Минске, как черт из табакерки, появился Севрук. Курилка оказался жив и полон готовности продолжать свое черное дело. Лишившийся руководящего кресла на московском партийном олимпе, а вместе с этим креслом сладостной возможности запрещать, отлучать, травить неугодных, непокорных, он, когда в Белоруссии воцарился Лукашенко, откочевал туда и начал играть важную роль в тамошней «культурной» жизни. Благодаря «воле и политической дальновидности» Лукашенко, пишет Севрук, в Белоруссии «создана эффективная система власти», именно та, добавлю я, при которой такой крупный специалист, как он, и мог себя снова по-настоящему проявить. Его многолетний опыт истребления инакомыслия был по достоинству оценен и пущен в дело. Он снова, как в те дни, когда он изничтожал «Мертвым не больно», стал разоблачать и шельмовать Быкова — его «руководящие» подвалы задавали тон официозной печати. Он даже снова вернулся к «Мертвым не больно», правда, «идейно-эстетических просчетов» Быкова уже не касался, повесть эта, пишет он, видно, вольно-невольно учитывая некоторые сегодняшние «вехи», никуда не годилась, потому что это «схематическая вещь, написанная по канонам директивного соцреализма в его вульгарном варианте». В те годы, как я хорошо помню, Севрук с большим почтением относился к социалистическому реализму и бдительно следил, чтобы никаких отступлений от его канонов не было, отступников карали беспощадно. Но тут, когда главная задача — топтать Быкова, чей нравственный авторитет так высок, что опрокинуть его невозможно, стойкий борец с идеологической крамоллой готов во имя этого и от соцреализма откеститься. По его примеру в казенной белорусской печати всплыли хорошо нам запомнившиеся: «пятая колонна», «космополитической окрас» и т. д., и т. п. Ясно, что за этим последуют и соответствующие методы обращения с инакомыслящими — из нашего «светлого прошлого». Это мы давно и на собственной шкуре усвоили.

Лазарев Л. Правда останется: О Василе Быкове // Знамя. 2003. № 12. С. 122.

«Белорусский Солженицын», живущий в изгнании неподалеку от Хельсинки, говорит об аннексии, которой может подвергнуться его родина, а также о диктатуре, во всем препятствующей свободе самовыражения. [...] Он выступил с открытым забралом против диктатуры в Минске, «перекрывающей кислород» интеллигенции. И в результате оказался в изгнании.

Это непростая фигура. Тяжело дыша (сказывается болезнь легких), пожилой человек осторожно открывает дверь своей крохотной двухкомнатной квартиры, расположенной на окраине Хельсинки. Вот уже полтора года он живет здесь вдвоем с женой Ириной. Быков признается:

В. Быков: Я нахожусь здесь только потому, что в Беларуси мое существование находится под угрозой. И я не единственный из белорусской интеллигенции, кто был вынужден уехать. И все-таки считаю, что мне еще повезло. У нас так же, как было когда-то в Аргентине или в Чили, существуют отряды смерти, инакомыслящие подвергаются преследованиям и даже исчезают без следа.

Д. Фертوليو: Но в Финляндии вам поспокойнее...

В. Б.: Весьма относительно. Я чувствую, что и здесь нахожусь под контролем. Сейчас всему миру известно, что белорусский КГБ жив и процветает. Многие его сотрудники только ждут сигнала к действию.

Д. Ф.: А вы замечаете эти сигналы?

В. Б.: Конечно, даже здесь, в Хельсинки. Они расплывчаты, неопределенны, эзотеричны. Их можно почувствовать лишь частью нашего мозга, которая отвечает за память, разглядеть лишь боковым зрением.

Д. Ф.: Это, должно быть, не самое приятное ощущение...

В. Б.: Далеко не новое. Ко мне, например, уже давно приставлен «контролер», эдакий черный ангел, которому поручено изучать все мои работы. Его зовут Владимир Севрук. Когда-то он перешел из Академии наук в центральный аппарат КПСС, а теперь он стал «советником» по литературе президента Лукашенко.

Василь Быков в Россию не уезжает / Инт. В. Быкова итальянской газете «Corriere della Sera» // Белорусская деловая газета. 2000. 1 февр.

«БДГ» провела опрос среди известных представителей как российской, так и белорусской культуры по двум вопросам: 1. Ваше отношение к бомбардировкам НАТО в Югославии. 2. Ваше мнение о союзе Беларуси, России и Югославии? [...]

Василь Быков, писатель:

Как ко всякому насилию, я отношусь, конечно, отрицательно. Тем более, когда речь идет о ни в чем не повинных людях — я имею в виду гражданское население. И готов осудить это. Но в отличие от коммунистов я все-таки склонен видеть не только следствие, но и причины, которые не надуманы и действительно явились солидным основанием для того, чтобы применить силу в Югославии. И поэтому, опять же в отличие от определенных кругов в России и Беларуси, полагаю, что это насилие со стороны НАТО, очевидно, следует довести до конца для того, чтобы окончательно уничтожить очаг коммунистического пожара в Европе, которым уже давно стала Югославия. Вероятно, погасить этот очаг насилия и войны другим способом не представляется возможным, поскольку, как мы знаем, все остальные способы переговоров и дипломатии оказались по отношению к Югославии несостоятельными. Эти способы вообще никогда не были состоятельны, если в них хотя бы с одной стороны участвовали коммунисты. Точно так же когда-то коммунисты двадцать

лет вели в Швейцарии переговоры с США по поводу атомного разоружения. И сейчас можно двести лет вести переговоры, но они все равно не принесут никакого результата. Тем более что сейчас в России все больший резон вместе с коммунистической Думой обретает и коммунистическая, имперская часть общества. Остается одна надежда — на Запад, на НАТО. Хотя это и печально, поскольку ясно, что в случае такого рода силового вмешательства, очевидно, невозможно избежать жертв со стороны невинных людей. Поэтому я хотел бы, чтобы такого рода вмешательство было скорее закончено.

На счет союза мысли у меня тоже очень печальные: я вижу, что белорусское и российское руководство очень соскучилось без войны. Ему так хочется заполучить маленькую, но победоносную войнушку, что оно не знает, с какой же стороны подступиться к ней! А тут как раз подвернулась война НАТО с Югославией. И, конечно, Ельцин и Лукашенко тут же решили воспользоваться этим предлогом, разумеется, прежде всего в личных целях: Ельцин для того, чтобы избежать расправы со стороны Думы, Лукашенко же претендует на руководство более широкого масштаба — ему тесно в мирной Беларуси.

Шапран С. Союз с Югославией: маленькая победоносная войнушка // Белорусская деловая газета. 1999. 10 мая.

Писатель Василь Быков поддержал бомбежки Югославии. [...] Разбомбить, значит, выжечь ракетами с ураново-кассетной начинкой, а если окажется недостаточным, — проутюжить гусеницами натовских танков и прошить очередями пулеметов и пушек.

От подобных геростратовских пожеланий у людей здравомыслящих, естественно, возникает вопрос: а не переродился ли Быков в госпожу Новодворскую [...]. Ту самую, что с пеной у рта призывает уничтожать инакомыслящих за идеологические воззрения, основанные на принципах социальной справедливости и равенства. [...]

Увы! Похоже, переродился. Не сразу, конечно. Постепенно. Если уж быть предельно точным, необратимо перерождался по мере «демократизации». Сначала, как помним, примкнул к лагерю Позняка — «демократического фюрера» БНФ и, заразившись ненавистью к русским, на одном из шумных анти-российских сборищ назвал их пятой колонной в Беларуси. А потом и вовсе, забросив писательское ремесло, стал откровенно пробээнэфовским горланом, главной целью своей сделавшим борьбу против объединения с Россией.

Демократизация, как и следовало ожидать, привела Быкова к стойкой и, сейчас уже вне сомнения, необратимой творческой импотенции, в период которой он стал постоянно и неуклонно изменять самому себе. Тому, прежнему Быкову, Василию Быкову, которого читали во всех уголках великой страны. Изменять во всем. Тех, кто отстаивал Родину, советских воинов, партизан стал приравнивать к гитлеровским захватчикам. [...] ...Позняка называть

апостолом белорусской нации. И, ничтоже сумняшеся, внушать публике, что «апостол» сей ни слова не говорил против русских. [...]

Но что, переродившемуся в Новодворскую, Быкову истина! [...] В дни расстрела Верховного Совета России присоединяется к изуверскому обращению 42-х, призывающему обер-расстрельщика Ельцина к расправе над представителями законной власти, патриотами. Единственный из писателей стран СНГ он ставит подпись под этим обращением российских демократов-каннибалов от интеллигенции, жаждущих крови³⁶. И одновременно с каждым днем все яростнее раскручивает борьбу против сближения Беларуси и России.

Уверенность «гуманисту» с расстрельным уклоном придает верховный кремлевский постоялец. За ненависть к россиянам, за русофобию он награждает Быкова орденом. Явление, в общем-то, омерзительное, но легко объяснимое и понятное: не мог же Ельцин, в силу полного внутреннего совпадения позиций, не наградить такого врага России. [...]

Когда-то, в последний год жизни, русский писатель Владимир Максимов, человек совестливый и честный, вскрыл фарисейское нутро ново-Быкова. С тончайшей издевкой он посочувствовал Василию Владимировичу, обиженному за то, что над ним якобы издевалась советская власть. Уж как только над вами не издевались, напомнил Максимов, — и Героя присвоили, и Госпремию дали, и в почетные президиумы-органы всегда усаживали, и прочими благами-почестями не забывали одарить. Ну как можно выдержать такое форменное издевательство? И, переходя на серьезный тон, истинный гуманист, российский писатель предупреждал: возопите, Василий Владимирович, да поздно будет.

Степаненко О. Нобелевскую премию — за призывы к убийству. Василий Владимирович возопил // Мы и время. 1999. № 8.

Варварские бомбардировки Югославии безучастными никого не оставляют. Ибо мир уже в который раз поставлен на грань третьей мировой — ядерной [...].

Но есть люди, которых эта ситуация не пугает, и они, не задумываясь о последствиях, открыто поддерживают эту страшную, чудовищную войну. [...]

Я очень сожалею, что был лично знаком с господином Быковым и являюсь одной с ним национальности. Как может этот человек требовать от НАТО и США продолжения убийства ни в чем не повинных детей, стариков и женщин многострадаальной Югославии? И при этом сохранять за собой

³⁶ Прыгадаем, што пад тым лістом таксама значыліся імёны А. Адамовіча, Б. Акуджавы, А. Ананьева, В. Аскоцкага, В. Астаф'ева, Б. Ахмадулінай, Р. Бакланова, Т. Бэк, Б. Васільева, А. Гельмана, Д. Граніна, А. Дзяменцьева, Р. Казаковай, Ю. Каракіна, Ю. Нагібіна і інш.

право быць народнымі пісателем Беларусі, лауреатом Ленінскай прэміі, Героем Сацыялістычнага Труда, кавалерам ордена «Дружбы народаў»?! Гэта нармальнаму чалавеку паняць трудна. Мне вас жаль, госпадын «пісьменнік» — слуга Запада.

Я к вам абрацаўся 20 чунья 1995 года чэрэз «Народную газету»: «...считаю, что с вами произошла какая-то трагическая ошибка, и что это заблуждение пройдет, и вы опять станете нестигаемым пропагандистом патриотизма [...]». Но, к сожалению, это была не ошибка, а предательство чистейшей воды.

Белорусский народ вас больше не воспринимает, и возвращаться из Финляндии вам, пожалуй, нет смысла. Оставайтесь там и добивайтесь своего — Нобелевской премии. После таких заявлений вам ее обязательно дадут.

Анатолий Баранкевич,
заслуженный военный летчик СССР.

Даже мертвым больно: Василь Быков призывает убивать // Славянский набат. 1999. 20—26 мая.

Сёння неўгамонныя адстаўныя генералы, якім усё яшчэ сняцца пракуранныя сталінскія вусы і запацелыя суслаўскія акулёры, у сваім праведным парыве бальшавіцкага гневу і лютай нянавісці да «збяднікаў» сацыялізму на поўным сур'ёзе, у перадачах дзяржаўнага радыё, патрабуюць забраць у Быкава і медаль лаўрэата галоўнай савецкай літаратурнай прэміі, і Залатую Зорку Героя Сацыялістычнай Працы, і званне Народнага пісьменніка Беларусі. Выхаваныя на статуце гарнізоннай службы і на бяздумнай падначаленасці Галоўнакамандуючаму, яны чамусьці лічаць, што іхні «трыбунал» быццам бы мае хоць нейкае значэнне для выдатнага таленту і ягоных прыхільнікаў. Дзіўныя, наіўныя здані мінулага, яны ўсё не могуць зразумець, што не медалі і значкі ўзнямаюць аўтарытэт Быкава, а якраз імя Быкава ўзнямае і захоўвае аўтарытэт гэтых узнагарод. Парадны мундзір, без якога яны імгненна робяцца непрыкметнымі і слабымі, не патрэбен пісьменніку, якога назвалі сумленнем народа...

Васіль Быкаў з гадамі сталаў і мудрэў не толькі як пісьменнік, але і як грамадзянін. У радасныя і сумятлівыя дні ўстанаўлення суверэннай, незалежнай Беларусі ён стаў адным з самых тэмпераментных і актыўных публіцыстаў, не зважаючы на старыя раны і новыя хваробы, разам з маладымі патрыётамі рашуча ступіў у шэрагі шматтысячных дэманстрацый за волю і справядлівасць. Для многіх гэта быў нязвыклы Быкаў — і на самых верхніх прыступках улады залямантавалі: «Не трэба дапускаць яго ў палітыку! Хай піша свае апавесці! Яго месца — за пісьмовым сталом!» Як быццам для дзяржаўнага лёсу народа творца, шчодро адораны Богам, не здольны зрабіць куды больш і лепш, чым нядаўнія шараговыя лектары таварыства «Веды» ці крыклівыя загадчыкі жывёлагадоўчых комплексаў. Не асабістыя амбіцыі, не прыхамаць стамлёнага славай чалавека, а святы абавязак перад Радзімай,

трывога за яе заўтрашні дзень паклікалі Васіля Быкава ў авангард змагання за дэмакратыю і нацыянальнае адраджэнне.

Маланка, як правіла, б'е ў самыя высокія дрэвы, — і на сіваю галаву Быкава абрынуліся неверагодныя абвінавачанні замшэлых кансерватараў, непрыстойныя паклёпы і знявагі бессмяротных ідэалагічных камісараў. Прыблудныя чыноўнікі нават адмовілі яму ў выданні новых кніг — і зборнік «Сцяна» (нячасты для ўсяго свету выпадак!) выйшаў на сабраныя людзьмі грошы... Але і зноў Васіль Быкаў не зламаўся, не пахіснуўся ў сваёй веры, не кінуў камень у свой народ. Ён напісаў цэлы том выдатных, мудрых прыпавесцяў, у якіх — і згадкі даўняй гісторыі, і горкі роздум над трудным днём сённяшнім, і трывожнае папярэджанне наступнікам. Сумна толькі, што большасць з іх стварыў ён не ў Мінску, а ў далёкім паўночным Хельсінкі, куды запрасілі яго ўдзячныя фінскія сябры, дзе забяспечылі яму цывілізаваныя ўмовы для спакойнай працы і куды толькі зрэдку і са спазненнем далятае базарнае скавытанне раз'юшаных «сабораў» і «набатаў». Калі б бацькі нашай дзяржавы замест бясконцых інтэграцыйных праектаў часцей чыталі быкаўскія прытчы, можа б, меней глупстваў гаварылі і рабілі яны, можа б, сорамна стала ім за бессаромны гандаль суверэнітэтам і людскім даверам. Але, як пісаў В. Быкаў пятнаццаць год назад, «так уж заведзена на белым свеце, што да сапраўдных апосталаў добра і справядлівасці лёс заўсёды ставіцца няўдзячна: перш іх распінае, каб потым узвысіць...». І трохі пазней ён самотна зазначыў: «Часы наступаюць далёка не райскія — горкія і цяжкія часы. Барацьба будзе зацятай. За хлеб, за гонар і праўду — для сябе і нашага цярпліўца-народа...»

Так, дарагі Васіль Уладзіміравіч, і часы ў нас цяжкія, і апосталаў сваіх мы не надта цэнім і ведаем. Можа, такі наш лёс, а можа, Боскае пакаранне за нацыянальны нігілізм, за абразліва кволае пачуццё годнасці, за залішнюю цярплівасць і паслухмянасць... Дык жывіце ж доўга, працуйце нястомна, каб мільёнам суайчыннікаў адкрылася нарэшце тое, што добра відно Вам з вышыні Вашага генія, дзеля чаго Вы годна прайшлі і крывавыя салдацкія шляхі, і бязлітасную грамадзянскую Галгофу! Вы вельмі патрэбны нам. За зробленае і адваяванае Вамі гісторыя і нашчадкі, магчыма, даруюць усе тыя трагічныя памылкі і глупствы, якія нарабілі мы ў апошнія гады.

Здароўя і плёну Вам, вялікі пісьменнік, вялікі беларус, вялікі грамадзянін — слаўны наш Васіль Быкаў!

Бураўкін Г. Вялікі // Народная воля. 1999. 19 чэрв.

19 июня 1999 г.

Дорогой Василь!

[...] Вот ты, дружище, догнал меня. И оба мы с тобой не только из прошлого века, но из уходящего тысячелетия. Вспомнят ли в дальнейшем нас — бог весть. Но вот сегодня тебя вспоминают: писателя и человека Василя Быкова. Вспоминают тепло, дружески, с любовью и уважением ко всему,

что ты сделал и делаешь. И книги твои и имя твоё сегодня многое значат для многих. Да ты и сам знаешь, должен знать цену себе. А за нынешнее изгнание тебе воздастся. Хотелось бы сказать, мол, идиоты приходят на нашу шею и уходят, но, к сожалению, идут они чередой и несть им числа.

Тем не менее, 75 лет бывает, как и все юбилеи, один раз в жизни, дожить до таких лет вряд ли мы думали на фронте. Мы с Эллой поздравляем тебя, живи и пиши.

Обнимаю тебя крепко. Сердечный привет Ирине. [...]

Твой Григорий Бакланов.

24.06.99 г. [...] Ты пишешь: «...а вот тем, кто остался с разумом, как жить среди таких? Даже как дожить?» Но дело в том, что я нигде, ни в каком другом месте на земле жить не смогу. И доживать не смогу. Жить я могу теперь только на своей даче, почти не выезжая в город. Что же касается, писать или не писать, то, конечно, свое мы уже написали, но тем не менее... Вот скоро выйдет твоя повесть, прочту, а в 9-м «Знамени» — моя повестушка. Словом, делай свое дело, а там — что будет.

И опять: «как жить среди таких»? Так ведь это ты со стороны, с другой планеты взглянул сейчас. А они же всегда были. Не столь открыто? Ну, при Сталине просто готовилось уничтожение евреев, списки по домоуправлениям уже были составлены. Не успел, сдох. И при всех последующих скрыто ли, открыто ли, но антисемитизм в России всегда был и в обозримые времена пребудет. И опять повторяю: нигде, кроме этого места на земле, я доживать свою жизнь не смогу. Сердечный привет Ирине. Еще раз поздравляю и обнимаю тебя.

Твой Григорий.

Хатні архіў В. Быкава.

...Писатель, истинно народный не по почетному званию, а по читательскому признанию как в родной Белоруссии, так и в ее ближнем и дальнем зарубежье, опять неугоден власти, снова в опале. Культрегерским пером Василь Быков занесен в черную книгу так называемых шестидесятников, которые поставили своей целью методичное разрушение великой советской страны и советского общественного строя.

Это ясней ясного объясняет, почему обложенный со всех сторон писатель принял предложенную ему стипендию Международного ПЕН-клуба и на полтора года уехал в Хельсинки.

Между прочим, не Финляндии бы протягивать руку бескорыстной, благородной помощи, а России. Ведь проза Василя Быкова, оставаясь национальным достоянием белорусской литературы, органична и литературе русской. Это в природе подлинного писательского таланта как явления мировой культуры.

Оскоцкий В. Выживший под «Знаком беды» // Гудок. 1999. 26 июня.

4 января 1999 г.

Дорогой Виктор,

спасибо тебе огромное за твое доброе письмо и за книги [...]. Так случилось здесь, «на финских скалах», что весь канун 1999 г. у меня прошел под твоим именем — только прочитал в «Н[овом] М[ире]» «Веселого солдата», как подошли 2 тома писем. И их прочитал. Все прочитанное окончательно меня убедило, что ты — великий писатель русской л[итерату]ры и таким, м[ожет] б[ыть], первым войдешь в век XXI-й. Исполать тебе, дорогой! Дал бы только Бог тебе побольше лет в сносном здоровье. Писать уже можешь и не писать. Поживи для себя. Это особенно важно после такой ОГРОМНОЙ и каторжной работы, которую ты проделал. Все-таки 15 томов плотной, честной, выстраданной прозы! Да еще в такое время... У меня все хуже, пишу мало и неохотно. Потому что — жизнь к старости мало в чем изменилась по сравнению с нашей юностью. Север для меня, сам понимаешь, не самое показанное место, здесь слякотно, холодно, световой день — 6 часов. Правда, здесь тепло и сносно с харчами. Не то что в холодном, голодном, замордованном Минске. И все же душа не на месте, тянет родина, какая ни есть. Да что говорить, все это тебе более чем знакомо... Весной заканчивается срок моего здесь пребывания, придется вернуться. Надолго ли — не знаю. Наш авантюрист-батяка в любом случае жить мне долго не позволит, тем более на родине, где он полновластный каудильо. И того ему мало — российские коммунисты усиленно готовят ему место в Кремле. И по всей видимости, эта коммунистическая авантюра все-таки свершится. Действительно, воздев к небу руки, можно только воскликнуть «Доколе?». Доколе ты, народ, будешь таким слепым, глупым? Неужели это ему выгодно — быть слепым и глупым? Но — пусть народ. А как же интеллигенция, писатели (лучшие!) земли русской, которые бригадами ездят в Минск, участвуют в различных шоу по его сценариям, получают из его рук пачки «зеленых» и потом месяцами печатают в белорусских (его) газетах хвалу в его честь и поносят Быкова. А мои ветераны (московские) печатают в минской газете статью под названием «С Быковым в разведку не пойдем», которая заканчивается так: «Не позволим Быкову обижать президента Лукашенко».

Хотя что плакаться... Все это давно объяснимо и понятно — такова наша доля. И если кто из нее выбился хотя бы в конце жизни, то пусть считает такую жизнь удачей. Я же своей таковой посчитать не могу. Но что делать?..

Дорогой мой и любимый брат! Я утешаюсь тем, что знал тебя в этой жизни, читал, разделял твои истины. Если подумать, то это уже немало. Тем более в наше проклятое время.

Будь здоров и счастлив!

Обнимаю — твой *Василь*.

Р. S. Сердечный привет Марье Семеновне. Моя Ирина тоже кланяется обоим.

Ліст да В. Астаф'ева. Хатні архіў В. Астаф'ева.

12 студзеня 1999 г.

Валечка, дарагая сястрыца,

я тут усё чакаў твайго пісьма, аж атрымаў пісьмо ад Барадуліна, дзе ён напісаў, што ты засталася адна. Выказваем табе наша вялікае спачуванне ў тваёй бядзе. Як ты будзеш адна? Як ты справілася з пахаронамі? Шкада, што я апынуўся далёка і не змог памагчы табе. Ці памог хто з радні, з землякоў? Напішы мне. Адсюль я не змагу памагчы, але калі дасьць Бог дажывем да вясны, я прыеду ў Мінск, пад'еду ў Вушачу...

У нас усё па-ранейшаму, жывем. Я трохі хварэў на прастуду, цяпер лепей. Часам, праўда, бывае кепска — сэрца і лёгкія. Трохі лячуся, але ўсё ж лячыцца трэба дома. Тут лячэнне дужа дарагое і даўгое, на тое ў нас няма сродкаў.

А ў астатнім жыць добра, я працую, шмат напісаў. Наконт друкавання — справа горшая. Ну але як-небудзь. [...]

Трымайся, сястрыца. Галоўнае — беражы здароўе. Як-небудзь трэба дажыць да вясны. Вясной усё лепей.

Абдымаем цябе, сястрыца!

Твой брат Васіль і Ірына.

Хатні архіў В. Быкавай.

4 лютага 1999 г.

Добры дзень, дарагая сястрыца,

як жа ты жывеш? Даўно ад цябе не было пісьма, ці здаровая хоць ты? Ці цёпла ў тваёй хатцы? Ці ёсць што есці і чым накарміць твайго ката? Можа б, трэба табе завесці сабачку? Хоць маленькага. І выгадаваць, як Мікола³⁷, у валёнку?

Сумна, канешне, без Сашкі, але што зробіш? Трэба ж неяк жыць?

У нас пакуль што ўсё добра, жывем тут па-панску: цёпла, ежы хапае. Што яшчэ трэба. Знаёмых тут на ўвесь горад — тры чалавекі, звоняць рэдка. Я, як заўжды, працую, Ірына ідзе ва універсам за харчамі. Тут хадзіць трохі далей, чым у Менску, можа, як табе ў Вушачу. Пагода розная бывае, увогуле халадней, чым у Беларусі. Цяпер ляжыць сьнег і мороз 10—12°. Часта бывае сьцюдзёны вецер.

Новы год сустракалі ўдвух за сваім столікам. Пазванілі рабятам — у Менск і Гародню. Нейк спраўляемся са здароўем, хаця таксама па-рознаму. Бо ўжо двое немаладых. Што рабіць. [...]

Рыгор [Барадулін] мне часта піша.

З Бычкоў нічога няма. [...]

Васіль і Ірына.

Хатні архіў В. Быкавай.

³⁷ Брат В. Быкава.

Прыходзіць час, калі адзінаю каштоўнасьцю ў жыцьці робіцца... Не ідэі, не праца, нават не людзкія адносіны, а здароўе. Бо ад яго залежыць усё астатняе. А здароўе, апроч шмат чаго іншага, залежыць (напрямую) ад узросту. У 75 год цяжка чакаць добрага здароўя, а значыць — і спрыяльных адносін да жыцьця. І ад жыцьця таксама.

З ліста да М. Матукоўскага ад 16 крас. 1999 г. Хатні архіў В. Быкава.

...Усё зьбіраўся сам паехаць у Менск, але, як вядома, чалавечыя разьлікі рэдка праўдзяцца. Так і ў мяне. [...] А паехаць дужа карціць, ужо дужа зьнебылася, настальгія падступае ва ўсёй красе. Хаця, канешне, ёсьць разуменьне, што такое цяпер Радзіма, але ж... Пачуцьце часам непадуладнае розуму.

Усю зіму і частку вясны пісаў — болей свае прыпавесці. Але во — надакучыла. Неяк сагнаў ахвоту. Можа, таму прычынай вясны, якая нарэшце завітала і ў гэты паўночны, даволі сыцюдзёны край. Сёньня, калі я табе пішу гэта, другі ці трэці цёплы дзень, троху зазелянелі бярозкі. Але сыцюдзёны вецер, у лесе яшчэ трапляецца сьнег. А во лес тут выдатны, лепшы, чым наш, не спляжаны высечкай, захаваны ў першабытнасьці. Ён блізка ад маёй кватэры, і часам мы з Ірынай ходзім у яго. [...]

Ну, але што лес, калі няма спакою ў душы! Але яго і не павінна быць у такі час. Ды дзе ўзяць час другі? Другога — іншага часу для нас ужо ня будзе. Так што — які Бог паслаў...

З ліста да Р. Барадуліна ад 23 мая 1999 г. Хатні архіў Р. Барадуліна.

3 августа 1999 г.

ДОРОГИЕ НАЯ И ЛАЗАРЬ!

Давно мы не писали вам — ездили на родину. Две недели провели в Минске, я, кроме того, съездил на деревню, навестил овдовевшую зимой сестру и брата. Кроме того, побывал в Гродно, где живет сын, переночевал у него и вернулся в Минск. Впечатление от всех визитов удручающее — как и полагается по нынешнему времени. Впрочем, рассказывать об этом — очень не веселое дело. Хотя и все остальное безрадостно, печально, страшно... Утешает только одно: уже не много осталось. Такого же мнения и немногие оставшиеся там друзья или те, кто пока еще считаются таковыми. Про режим я уже не говорю — такого циничного фашизма еще недавно невозможно было себе и во сне увидеть. Слегка утешило разве что — несколько статей в минской оппозиционной прессе с теплыми словами по поводу моего юбилея. Хотя понятно, конечно, что это — по случаю юбилея... В этом плане несколько особняком стоит твоя, Лазарь, статья в «Литературке», где не только по случаю юбилея, но и просто — в защиту. Наверно, защитить друга — побуждение всегда благородное, и я безмерно тебе благодарен, мой милый дружище!

Проездом в Ленинграде Ирина купила книгу Г. Бакланова, которую сразу же прочитала, а теперь я дочитываю. Давно уже никакая книга не произ-

води́ла на меня такого захватывающего впечатления, какой он молодец — Гриша! Как умно, просто и честно! Впрочем, как всегда, с его первых книг, которые я прочитал и которые стал боготворить. Как он хорошо пишет о Твардовском, Трифонове... Немного жаль только, что не нашлось у него нескольких слов об Адамовиче, который его любил. Но, понятно, любовь не всегда бывает ответной, а о смерти Саши именно Бакланов первым сообщил мне по телефону, и я разрыдался, раздираемый двумя чувствами — скорбью и благодарностью. Но это — между прочим. А книга прекрасная, очень хочется, чтобы она подольше прожила в литературе. И не только в нашей. И с ней вместе, конечно, ее автор.

А я с весны, похоже, выдохся. Не пишу и не хочется. Зато читаю, как никогда не читал — никогда не было такой возможности. Хотя и понимаю — не в коня корм. Правильно пишет Бакланов: каждую книгу надо читать в свое время, в другое, неподходящее, делать это не имеет смысла. Даже если и хочется. Но что поделаешь — не всегда мы властны над своими поступками. Может быть, хуже, что и печататься нет желания, собственная книга не вызывает и доли того трепета, который был столь обычным в молодости. Так, посмотришь обложку, а развернуть даже не хочется, не интересует. Разве что шрифт... Иллюстрации. Но иллюстрации давно уже вызывают во мне отвращение — не то и не так. Лучше без них. Не знаю, что это — творческий кризис или возрастное...

Очень хочется прочитать твою книгу, Лазарь. Наверно, чувствуется, что времени уже в обрез и хочется успеть ухватить самое важное хотя бы для одной судьбы. Для человечества пусть дожидается само человечество, которому, как показывает опыт, черт-то чего хочется. [...]

Обнимаем оба — обоих!

Василь и Ирина.

Ліст да Н. і Л. Лазаравых. Хатні архіў Л. Лазарава.

5 августа 1999 г.

Валя, дорогой дружище, получил твою увесистую бандероль, в которой нашел массу твоих победных слов в мой адрес. Спасибо тебе, дружище, за них и за хорошие чувства ко мне, которые вот не изменились за, уже и не сразу вспомнишь, за сколько лет. Нечастый, однако, случай в жизни и литературе, я очень признателен тебе, Валя. [...] Летом я с Ириной съездили на неделю в Беларусь по некоторым надобностям и едва унесли ноги. Жить там невозможно! Разве что притерпевшись, сломившись, махнув на все. Что и делают мои друзья, — одни уйдя в себя, другие дружно спиваясь. Самые «умные», конечно, оперативно создают свой «СП» и объявляют полную солидарность с режимом. В основном это русскоязычные во главе с двумя белорусскоязычными «народными» [...]. У меня же здесь (после напряженки зимой и осенью) настал тайм-аут,

не тянет к столу. А куда тянет? Да никуда вроде. Разве в «одиночную камеру знания», как писал когда-то И. Эренбург. Прибавлю от себя — бесполезного, запоздалого знания.

Валя, а как ты съездил в Польшу? Что там нашел утешительного? По радио «Свобода» слышал недавно изложение статьи в одной варшавской газете относительно Беларуси с призывом пересмотреть отношение к ней — признать режим де-факто и перестать поддерживать оппозицию. По всей видимости, в Польше зреют идеи всеобщего славянского братства во главе с Лукашенко? В таком случае можно поляков поздравить — знать, сильна ностальгия по коммунистической казарме. [...]

А пока я обнимаю тебя, дружище!

Будь здоров! Не сдавайся, оставайся прежним, я люблю тебя... [...]

Твой В.

Ліст да В. Аскоцкага. Галоўнае архіўнае ўпраўленне г. Масквы, ЦМАМАЗ.

24 верасня 1999 г.

Валечка, дарагая сястрыца,

даўнавата ўжо атрымаў тваё пісьмо, пасля атрымаў пісьмо ад Рыгора [Барадуліна] з бальніцы. Ён піша, што дужа ўпадабаў размову з табой, дужа ўжо добрая ў цябе вушацкая мова, і для яго стала асалодай цябе слухаць. Тое мяне дужа парадавала, бо Рыгорка вялікі майстра роднай мовы. Але во — захварэў, і цяпер у Менску зноў ляжыць у бальніцы. [...] Яшчэ з яго пісьма я дазнаўся, што лячыў яго Галавач, а гэта ж Валодзеў сын. А я і ня ведаў, што ягоны сын — доктар і працуе ў Вушачы. Шкада, што я так і не пабачыў перад сьмерцю Валодзю, зь якім некалі дружыў. Ён быў харошы хлопец. І, помню, памагаў мне, як наш бацька захварэў на тыф і ляжаў ва ўшацкай бальніцы. А і цётка Агапка была дужа прыхільнаю да нашай мамы. Вечная ім памяць і пухам зямля.

У нас усё па-ранейшаму, жывем, пакуль што на старым мейсцы. Але, відаць, толькі да канца года. А там будзе відаць. Канешне, хочацца дамоў, у Беларусь, каб там можна было жыць... [...]

твой Васіль.

Хатні архіў В. Быкавай.

24 октября 1999 г.

Валя, дорогой дружище!

[...] Я здесь добываю свой срок. Пожил, поработал. Наверное, хватит. Здесь было хорошо — покойно, сытно, тепло... Правда, душа все-таки была не на месте, — болела душа. Но она, по всей видимости, обречена на боление до конца. Потому что... Ты понимаешь почему...

Все чаще вспоминаю Сашу А[дамовича]. Очень многое накопилось сказать ему, но увы! Здесь же сказать некому. С одной стороны — это и хорошо,

но с другой... В Минске очень болеет Гриша Бородулин, мой самый, самый родной человек. Но, болея, пишет стихи, которых еще не видела — не читала белорусская л[итерату]ра, м[ожет] б[ыть], и не только белорусская. [...]

На этом — обнимаю тебя. [...]

Твой Василь. [...]

Ліст да В. Аскоцкага. Галоўнае архіўнае ўпраўленне г. Масквы, ЦМАМАЗ.

В последнее время несколько человек (Ю. Черниченко, Г. Бакланов, литфондовцы) затевали со мной разговор на тему: не переехать ли Быкову в Москву, в Минске ведь ему житья не будет, а в Москве при всех происходящих гадостях обстановка получше, воздух чище, свободы побольше, даже для Белоруссии он из Москвы мог бы делать больше. Дружными усилиями — ПЕН, Литфонд, московский союз, демократы — через администрацию президента могли бы выхлопотать квартиру или зимнюю дачу (со всеми удобствами) в Переделкине. Что вы на сей счет думаете?

З ліста Л. Лазарава ад 22 студз. 1999 г. Хатні архіў В. Быкава.

В связи с вашей поездкой в Берлин вот такая шальная мысль пришла мне в голову, а не пригласят ли они тебя на год (у них есть такой институт в Берлине), — там были Битов, еще кто-то из наших писателей, там год провела моя старшая дочка — это райские условия для работы. Если эта идея не кажется вам совсем бредовой, я выясню, как это делается, как к этому подступиться. Знаю, что дочку рекомендовали какие-то немецкие историки. Думаю, что организовать такого рода рекомендации тебе не представит большого труда.

З ліста Л. Лазарава ад 26 крас. 1999 г. Хатні архіў В. Быкава.

Возвращаться в Минск на постоянное жилье нельзя — и жить и работать будет невозможно. Особенно если, не дай бог, Россия после выборов полевеет, тогда белорусский батько и его компания вообще закусят удила. Ткаченко предлагает организовать вам постоянное местожительство в центральной Европе — Германии или Австрии. Это (особенно Германия) повеселее и поинтереснее, чем Финляндия, — богаче культурная жизнь, большое русскоязычное землячество. Это, говорит он, совершенно реально.

З ліста Л. Лазарава ад 17 верас. 1999 г. Хатні архіў В. Быкава.

«*Не* вер. Не бойся. Не прасі»

У студзені 2000 г. дзяржаўная газета «Звязда» згодна з чытацкім рэйтынгам называе Васіля Быкава пісьменнікам стагоддзя (да таго ж некалькі чытачоў вылучылі Васіля Уладзіміравіча ў асобную намінацыю — «сумленне нацыі»), адзначыўшы пры гэтым, што яго «смела можна і пры жыцці называць класікам айчыннай і сусветнай літаратуры». І, каб пракаментавалі вынікі чытацкага рэйтыngu, рэдакцыя звяртаецца да Рыгора Барадуліна, што было з боку галоўнага рэдактара «Звязды» даволі смелым учынкам, таму што абодва літаратары даўно негалосна далучаныя ўладамі да, мякка кажучы, ідэйных праціўнікаў.

Трохі раней інфармацыйныя агенцтвы паведамляюць: «9 декабря 1999 года в Москве объявлены имена новых лауреатов Независимой Российской премии поощрения высших достижений литературы и искусства «Триумф». В числе «триумфаторов» 1999 года назван и белорусский писатель Василь Быков. Эта престижная премия была учреждена в 1992 году. Ежегодно она присуждается пяти мастерам, обогатившим российскую культуру новыми тенденциями. Кстати, в прошлом году премии «Триумф» была удостоена и белорусская писательница Светлана Алексиевич. [...] ...В этом году лауреатами названы также драматург Александр Володин, дирижер Валерий Гергиев, актриса Марина Неелова и актер-мим Вячеслав Полунин. Судейская коллегия «Триумфа» состоит исключительно из авторитетных деятелей культуры. В их числе — Инна Чурикова и Алла Демидова, Олег Меньшиков и Владимир Познер, Давид Боровский и Андрей Битов, Ирина Антонова и Андрей Вознесенский, Владимир Васильев и Екатерина Максимова, Вадим Абдрашитов и Элем Климов. Именно им предстояло в процессе тайного выдвижения, а затем и тайного голосования определить имена победителей. Весь премиальный фонд составляет 250 тысяч долларов. Финансовая поддержка осуществляется попечительским советом фонда «Триумф-Логоваз» во главе с Борисом Березовским»¹.

Сама цырымонія адбываецца 8 студзеня 2000 г. у Вялікім тэатры. Між тым ніхто не мог прадбачыць, чым абярнецца атрыманне расійскай прэміі для беларускага пісьменніка. Не ведаў і ён сам, выступаючы 16 студзеня ў эфіры Расійскай службы радыё «Свобода» і гаворачы непрыемныя для ўлады Беларусі рэчы. Вядоўца У. Бабурын рэзюмуе падчас размовы: «Очень

¹ Бегун Н. Василь Быков назван лауреатом российской премии «Триумф» // БелТА // Электронный ресурс: <http://bykau.com>.

славно, что Василь Быков осознает свое место и свое значение. Очень хорошо, что это осознали в России, вручив Василию Быкову высшую российскую культурную премию. Очень жалко, что этого не понимают на родине писателя, очень жалко, что этого не понимает президент Лукашенко»².

На радзіме пісьменніка гэтага сапраўды не разумеюць — першым «залп» па Быкаву дае С. Посахаў, пастаянны і паўнамоцны прадстаўнік Рэспублікі Беларусь у органах СНД, які «прозрачно намекнул, что классик стал орудием в руках антибелорусских сил внутри России»³. Услед за ім выступае сумна-вядомы Сеўрук — «по злобной советской привычке гавкнуло вслед Быкову БТ, натасканное хозяином. Гавкнуло устами Владимира Севрука. Бывший идеолог ЦК КПСС вернулся на историческую родину, где пригодился. Белорусские власти используют его в качестве пенсионера-советника по борьбе со свободой Духа»⁴. Прычынай яго гневу, трэба думаць, сталася, перш за ўсё, публікацыя Валянціна Аскоцкага «Жив курилка!», якая з'яўляецца на старонках «Белорусской деловой газеты» якраз у гэтыя дні. Сеўрук сапраўды выскоквае як чорт з табакеркі, з'явіўшыся 15 студзеня ў эфіры Беларускага тэлебачання ў праграме Ю. Казіяткі. Артыкул Аскоцкага Мікалай Матукоўскі перадаў у рэдакцыю «БДГ» яшчэ восенню 1999 г., з гэтай нагоды Быкаў пісаў В. Аскоцкаму: «Твоего «Курилку» я послал в Минск, чтобы его перепечатали там, надеюсь, ты возражать не станешь. Хотя все это довольно проблематично, — оппозиционная пресса задавлена и запугана судами и штрафами, но может быть...»⁵; «Твой, Валя, «Курилка» набранным лежит в «Деловой газете», — они боятся. Потому что Севрук нынче — фигура не менее влиятельная, чем в недавнем прошлом. Имея в своем распоряжении судебную систему, ему ничего не стоит начать процесс против автора и газеты и тут же выиграть его, наказав их на 15 миллиардов рублей. (Только недавно состоялась такая расправа над одним журналистом, напечатавшим разоблачительную статью о генерале Шеймане. Весь «процесс» длился 2 ч. И готов приговор.) Поэтому, может, и лучше, что газета не печатает»⁶. І ўжо пасля публікацыі: «Посылаю тебе твою публикацию в «Белорусской деловой газете», о которой В. Севрук уже высказался на телевидении»⁷.

Адначасова расійскі крытык У. Бандарэнка ў артыкуле «С кем вы, господин Путин?» глыбакадумна разважае: «А тем временем все абсолютно и Государственные и полугосударственные премии России, все дотации и го-

² Российская служба радио «Свобода». 2000. 16 янв. // Электронный ресурс: www.svoboda.org.

³ Василь Быков не собирается домой // Аргументы и факты. 2000. №№ 1—2.

⁴ Козлович А. Василь Быков. Четвертый белфронт разбит // Свободные новости. 2000. 18—25 февр.

⁵ 3 ліста ад 5 жн. 1999 г. Галоўнае архіўнае ўпраўленне г. Масквы, ЦМАМАЗ.

⁶ 3 ліста ад 24 кастр. 1999 г. Галоўнае архіўнае ўпраўленне г. Масквы, ЦМАМАЗ.

⁷ 3 ліста ад 27 студз. 2000 г. Галоўнае архіўнае ўпраўленне г. Масквы, ЦМАМАЗ.

сударственные льготы идут исключительно одному, прозападническому и, как правило, изначально антигосударственному направлению в культуре и литературе. Когда на последнем вручении «Триумфа» начался откровенный антигосударственный шабаш, когда Василь Быков, вроде бы уже иностранный писатель, указывает нам, как вести себя в Чечне и накануне образования российско-белорусского союза клеймит по государственному каналу лидера Белоруссии, я отказываюсь понимать, какую культуру поддерживает Владимир Путин? Культуру разрушения? Погребальную литературу? Или даже неприкрытый сатанизм?

Я сам — противник цензуры. Пусть расцветают сто цветов. Вот и в США есть издательства и троцкистов, и куклуксклановцев, но никогда им не дадут места на общенациональном телевидении и никогда они не получат субсидии или награды от государства. Какую культуру поддерживаешь, таким и хочешь видеть свой народ»⁸. Але гэты артыкул застаецца незаўважаным, затое пра тэлеэфір з удзелам Сеўрука пішуць і гавораць шмат. Гавораць усё больш з абурэннем: «Время пошло вспять. В Беларуси наступил 1966 год...»⁹ Гавораць, зразумела, сябры Быкава і яго верныя чытачы. Сам пісьменнік у гэты час ужо знаходзіцца ў Мінску. А 18 студзеня ў «Известиях» з'яўляецца артыкул «В Белоруссии объявились геростраты: Василь Быков получил премию «Триумф» в России — и обвиняется в продажности у себя на родине», у якім карэспандэнт «Известий» С. Карпякова крытыкуе выступленне на БТ «бывшего коммунистического деятеля» Сеўрука, які абвінаваціў Быкава ў палітычнай ангажаванасці — маўляў, расійская прэмія «Трыумф» стала «политической зарплатой» Быкава за яго крытычную ацэнку дзеянняў лукашэнкаўскага рэжыму і дамовы пра стварэнне Саюзнай дзяржавы, за яго пазіцыю ў адносінах да вайны ў Чачэніі, за сяброўства ў БНФ. Да таго ж «Известия» пісалі: «В обвинительной речи г-на Севрука досталось и финскому ПЕН-Центру, по приглашению которого Быков уехал поработать в Хельсинки. И здесь не обошлось без «злостных мировых олигархов», в частности Джорджа Сороса, на чьи деньги, по словам блюстителя писательской нравственности, существуют все ПЕН-Центры».

Пра абсурднасць падобных інсінуацый гаворыцца таксама 27 студзеня ў вячэрнім выпуску праграмы НТВ «Сегодня» — кінарэжысёр Элем Клімаў сведчыў, што гэта менавіта ён прапанаваў кандыдатуру Быкава на атрыманне прэміі¹⁰. І тады ж у «Известиях» будзе надрукаваны ліст В. Аскоцкага — на першай паласе пад агульным загалоўкам «Не верь. Не бойся. Не праси:

⁸ Завтра. 2000. 15 февр.

⁹ Козлович А. Василь Быков. Четвертый белфронт разбит // Свободные новости. 2000. 18—25 февр.

¹⁰ Шапран С. Василь Быков в Россию не уезжает // Белорусская деловая газета. 2000. 1 февр.

Приютит ли Россия Василя Быкова» і са шматзначным рэдакцыйным уступам: «Об общности исторических судеб России и Белоруссии сказано много. О нестыковке экономических систем обеих стран проговорено еще больше. Но мы мало и неохотно говорим об идейных разногласиях с господином Лукашенко. Публикуемое ниже письмо, являющееся откликом на минские нападки на Василя Быкова, писателя с мировой известностью, предельно обнажает коллизию». В. Аскоцкі прапануе запрасіць Быкава жыць у Расію. Гэта ўласная яго ініцыятыва. Больш таго, Васіль Уладзіміравіч не будзе нічога ведаць пра ліст сябра аж да яго публікацыі. Ужо пазней Валянцін Дзмітрыевіч, які ў тым сваім лісце звяртаўся да выконваючага абавязкі прэзідэнта Расіі Пуціна і да мэра Масквы Лужкова, засведчыць: «Из канцелярий В. В. Путина и Ю. М. Лужкова ни звука — по-видимому, сиюминутно утилитарное расположение белорусского президента показалось им важнее и нужнее гуманного жеста в поддержку гонимого писателя...»¹¹

Між тым Сяргей Навумчык задаецца пытаннем: «У стаўленьні афіцыйнага Менску да Васіля Быкава ёсць адна дзіўная акалічнасць. Здавалася б, Лукашэнку было б вельмі выгаднае вяртаньне Быкава. Прыгадаем, колькі намаганьняў у свой час прыклалі правадыры СССР, каб вярнуць Івана Шаляпіна [агаворка — Фёдора Шаляпіна. — С. Ш.], Аляксандра Купрына, Аляксея Талстога, Івана Буніна. Прыклад сучасны — Салжаніцын. Вяртаньнем выбітных эмігрантаў улада як бы пацвярджае ўласную маральную легітымнасць. Афіцыйны Менск здзівіў Эўропу — Васіля Быкава сустрэлі цкаваньнем»¹².

За пісьменніка ўступаюцца таксама беларускія калегі — напрыканцы студзеня Рада СБП выступае з заявай, але ў дзяржаўнай прэсе яна з'яўляецца ў скарачаным выглядзе — там не будзе звароту да творчых саюзаў з заклікам устрымацца ад супрацоўніцтва з Беларускім тэлебачаннем да той пары, пакуль яно не папросіць прабачэння ў В. Быкава за знявагу. Матэрыялы пра гэта надрукавала «Народная воля» пад загалоўкам, набраным буйнымі літарамі: «Васіль Быкаў — гордасць і слава нацыі. А вы хто, ягоныя ненавіснікі?»¹³ З лістом у адрас віцэ-прэм'ера У. Латышава звяртаецца прадстаўнік АБСЕ па свабодзе СМІ Фраймут Дувэ. Пытанне ўсё тое ж — цкаванне Васіля Быкава...

Магчымасць жа пераезду ў Расію пісьменнік выключае цалкам — пазней скажа ў адным інтэрв'ю: «Да, разумеется, я ощущаю поддержку моих друзей из числа литераторов и даже из числа ветеранов прошлой войны, которые проживают в России, главным образом — москвичей. Но я все-таки

¹¹ Оскоцкий В. Через годы — через жизнь: Из воспоминаний о Василе Быкове. 2003. Рукопись.

¹² Радые «Свабода». 2000. 26 студз. // Быкаў на Свабодзе. Выд. 2-е. [Б. м.]: Радые Свабодная Эўропа / Радые Свабода, 2005. С. 182.

¹³ Народная воля. 2000. 4 лют.

счел возможным воспользоваться предложением западных коллег, нежели российских, потому что ситуация в России тоже очень неопределенная. А самое главное — политическое влияние режима в Беларуси на политическую ситуацию в России очень значительно. Это только люди несведущие или невнимательные к тому, что происходит в отношениях между нашими странами, полагают, что белорусский режим ощущает постоянную поддержку со стороны руководства России. Но на самом деле и белорусский антидемократический режим также очень влияет на политическое состояние России. Это, может, пока не заметно широкому кругу, но вскоре станет заметно. Поэтому я предпочел уехать на запад, а не на восток»¹⁴.

«...Появление Быкова на «Триумфе» стало сенсацией. Во-первых, потому что Быков так похудел и осунулся. Узнать его можно было с трудом! Говорят, ему плохо далась дорога. [...] А когда после церемонии вручения Быкова обступили журналисты, он опять произнес то, от чего никогда не отступался: президент Белоруссии ведет страну к краху... Те, кто знал ситуацию вокруг Быкова на родине, смотрели на него в этот момент как на человека, который сам себе подписывает приговор.

Слава Богу, к тому времени в Минск пришло приглашение из Берлина, о котором давно хлопотал Белорусский ПЕН-Центр»¹⁵.

А. Карлюкевіч: Рыгор Іванавіч, Ваш каментарый выбару чытачоў «Звязды»...

Р. Барадулін: Я думаю, што гэта ўсенароднае прызнанне, якое Быкаў даўно набыў, пацверджана. Народ лічыць яго сваім вялікім сынам — і гэта вельмі прыемна. Над гэтым трэба было б задумацца і тым уладам, якія часам робяць выгляд, што не заўважаюць Васіля Быкава, хаця і не заўважыць яго немагчыма.

А. К.: Канешне ж, Беларусь у свеце ведаюць у многім дзякуючы Васілю Быкаву. Як Вы лічыце, ці за адно і тое ж шануюць яго ў свеце і ў нас дома?

Р. Б.: Калі ўзяць па вялікаму рахунку, то і ў свеце, і дома шануюць перш за ўсё крыштальнае сумленне Быкава, які ніколі ні ў чым не пахібіў супраць яго. А сумленне Васіля Быкава — ад Бога, ад маці, ад беларускага народа. [...]

А. К.: Няўдзячная работа — праводзіць паралелі, асабліва ў мастацтве... І ўсё ж такі, ці ёсць у шматвекавой гісторыі беларускага прыгожага пісьменства велічыня, роўная Быкаву?

¹⁴ Дискуссионный клуб радиостанции «Немецкая волна» и радио «Рацыя». 2001. 23 июля // Электронный ресурс: www.rambler.ru.

¹⁵ Улевич О. Василя Быкова в Белоруссии никто не ждет! // «Комсомольская правда» в Белоруссии. 2000. 22 февр.

Р. Б.: Разумееце, справа тут вось у чым, як мне падаецца... Пытанне такое, безумоўна, правамернае. Проза наша беларуская пачала развівацца на шмат пазней, чым астатнія літаратурныя жанры. І Быкаў яшчэ таму якраз і здзіўляе, што падняўся, узляцеў імгненна. Па нейкіх эвалюцыйных законах час Быкава (заўважыўшы гэта, дазвольце на сябе такую адказнасць узяць) яшчэ, відаць, не прыйшоў, не падышоў. Быкаў мо і павінен быў бы прыйсці праз стагоддзі. Але і ў гэтым выяўляецца феномен мастацтва — Быкаў прыйшоў сёння, апярэдзіўшы развіццё літаратуры. І ён узняўся, ён ёсць зараз — і эталон, класік, і вяршыня недасяжная.

У паэзіі яшчэ можна параўноўваць... Мне думаецца, што фарміраванню такой мастацкай з’явы, нават болей таго — такой грамадскай, сацыяльна значнай з’явы — у многім паспрыяла (а можна браць гэта слова і ў двукоссе) палітычная, грамадская, сацыяльная сітуацыя.

Успомніце, якая была ідэалогія, які быў час. І ўсё гэта таксама падштурхоўвае да нараджэння пісьменніка, здольнага выстаяць, здольнага вытрымаць, здольнага не зламацца ў барацьбе са злом і адстаяць, і абараніць вядомую яму праўду. Як узнікаюць і нараджаюцца горы — так нарадзіўся і ўзнік Васіль Уладзіміравіч Быкаў.

Рыгор Барадулін: Сумленне Васіля Быкава — ад Бога, ад маці, ад беларускага народа / Інт. А. Карлюкевіча // Звязда. 2000. 31 снеж. — 1 студз.

С годамі панял — и мне есть что вспомнить. Но не спешил вспоминать, откладывал записи на потом — успеется... Увы, не успеваётся. Торопит Севрук Владимир Николаевич. Справка для непосвященных: многолетний — с 1966 г. по 1990 г. — аппаратчик ЦК КПСС, прошедший карьерный путь от инструктора отдела пропаганды до заместителя заведующего. «Я и сегодня горжусь, что почти четверть века проработал в центральном аппарате авторитетнейшей партии мира, являющейся в полном смысле руководящей и направляющей силой могучей сверхдержавы», — самовлюбленно тешится он, ностальгически вздыхая по канувшим временам былой причастности к суловской элите. В 1990 году сменил околотронное место в идеологических верхах цэковского аппарата на тоже вельможное кресло первого заместителя главного редактора «Известий», которые «распоясались» настолько, что их требовалось срочно обуздать властной партийной рукой, и главного редактора известинского приложения «Неделя», начавшего загнивать как раз под его твердым руководством. «Гекачепистской» осенью 1991 года, не предвидя грядущего возрождения обанкротившейся КПСС в облики ее правопреемницы — зюгановской КПРФ, — из Москвы исчез, чтобы вскорости объявиться в Минске. Поначалу помалкивал, затем сделал по-большевистски решительный выбор. Сейчас он — советник белорусского президента то ли по идеологии, то ли по пропаганде, то ли по культуре. Одним словом, лукашенковский культуртрегер.

Масштабы хоть и престижные, но поуже прежних. Вот и приходится, тоскуя по утраченным, куда более широким, общесоюзным, ублажать гордыню мемуарными заклинаниями о том, что, как и когда было. Благо подспорьем чиновной памяти служит досье, которое, угрожает В. Севрук без зазрения совести, он без устали собирал в те лучшие годы, когда к его загребушим рукам стекался весь компромат на идеологически нестойких и идейно чуждых. [...]

Имея основания допустить, что тоже значусь в картотеке троекратного досье, которое [...] В. Севрук приоткрывает пока что по частям и распубликовывает в розницу, хочу упредить его полное, оптом обнародованное, собственными воспоминаниями. [...]

Начну с осени 1965 г., моего первого, а для В. Севрука третьего аспирантского года. В журнале «Маладосць» появляется повесть Василя Быкова «Мертвым не больно». Возбужденный аспирант носится по общежитию с журналом под мышкой, назойливо вызывая едва ли не к каждому встречному: «Давай прочитаю! С листа. Вслух. Остро... Разоблачительно...» Спустя несколько месяцев «Мертвым не больно» печатается по-русски в «Новом мире». Оперативно откликаясь на это, бдительная «Правда» клеймит ненавистный ей журнал за публикацию повести, о которой «надо сказать прямо и бескомпромиссно» как о неудаче автора. «Эта неудача — следствие серьезных идейно-эстетических просчетов писателя». Под статьей подпись: В. Севрук. [...]

Вскоре после «правдинского» дебюта В. Севрука состоялось очередное аспирантское собрание. Некоторые простодушные донкихоты дотошно доискивались, когда автор доносительской статьи был искренен и поступал так, как думает на самом деле. Тогда ли, когда бурно (или провокационно?) восторгался «разоблачительной» повестью? Или когда «вскрывал» ее, а заодно и крамольного журнала «Новый мир», идейную порочность? «Герой дня» удовлетворил наивных моралистов, не моргнув глазом: «Меня осуждают за то, что я изменил позицию. Но давайте разберемся, какую же позицию я занял? Андрея Синявского, что ли?»

Постыдный процесс по «делу Синявского-Даниэля» прошел только что. И молодой карьерист, наращивая опыт демагогии, лил целебный бальзам на души «старших опытных товарищей», которые его якобы просветили, «помогли разобраться» в очернительском произведении идеологического диверсанта. Одним из тех старших был И. С. Черноуцан, рекомендовавший своего аспиранта на работу в ЦК. «Это была моя ошибка», — посетует он спустя полтора с лишним десятка лет. Наверное, я был жесток в ответе на доверительное признание: «От этой ошибки вас предостерегали. Но вы не пожелали прислушаться...»

Некорректным, по-видимому, был и мой укор А. Н. Яковлеву, когда вместе вспомнили однажды В. Севрука, исчезнувшего из Москвы после августовского путча 1991 года: «Но вы же сами его пригрили...» — «А вы знаете, — рассмеялся Александр Николаевич, — как он входил ко мне в кабинет? На полусогнутых...»

Самолично этого я, понятно, не видел. Но наслышан был вдосталь. Как и о том, что именно изгнание А. Н. Яковлева из ЦК КПСС — после памятной «литгазетовской» статьи «Против антиисторизма» — вознесло В. Севрука на новую ступень служебной лестницы. Первый среди подхалимов, пока «шеф» исполнял обязанности заведующего отделом, он мигом перекрасился в ярого защитника русских «патриотов» из «Нашего современника» и «Молодой гвардии» от опального посла в далекой Канаде. К слову заметить: филиппикам некогда согбенного В. Севрука в адрес А. Н. Яковлева нет числа и в его нынешней многоголосице. Ученье бы белорусскому президенту эту гуттаперчевую гибкость своего советника. Или она-то его как раз и прельщает как довод в пользу холуйской благонадежности? [...]

Примечательно: среди тогдашних аспирантов, не засчитавших двуличие в доблесть будущему цэковцу, не оказалось ни одного, кому он не отомстил, став полномочным куратором печати, издательств и цензуры. [...]

Зато быковский сюжет оставался для В. Севрука одним из сокровенных не на годы — десятилетия. Он и поныне не списан в прошлое, верноподданным бардом которого выступает лукашенковский культуртрегер. И цинично изображает дело так, будто не он травил Василя Быкова и Алеся Адамовича, а они его. [...]

Вне сомнения: два с лишним десятилетия руководящей идеологической работы не прошли даром, и нынешнее культуртрегерское перо В. Севрука побойчее прежнего аспирантского. В немалой степени этому споспешествует также фантасмагоричная ситуация, созданная президентской администрацией в белорусских СМИ, где, как в бульварной «Лимонке», выходит на полосу и то, что у нас в России поостерегутся напечатать даже национал-большевистские «Советская Россия», «Завтра» или «День литературы». И та же «Рэспубліка», например, громогласно вещает, что тиражирует севруковские девизы «не ради сведения литературных и политических счетов», а «прежде всего во имя консолидации национальной интеллигенции». Консолидировать путем поношения — чудо, что за тактика!..

Оскоцкий В. Жив курилка! // Белорусская деловая газета. 2000. 11 янв.

З тваёй лёгкай рукі і тут, у Берліне, некаторыя газеты надрукавалі артыкулы пра В. Сеўрука і ягоную 40-гадовую вайну з Быкавым. Так што можа хутка балаціравацца хоць у прэзідэнты — славатая асоба. Народ такіх любіць. Асабліва беларускі народ. Што ж да мяне, дык я мару толькі аб адным — каб мяне пакінулі ў спакоі. І далі памерці ў сваім ложку на вул. Танкавай (М. Танка). Але і тое, відаць, праблематычна.

З ліста да М. Матукоўскага ад 16 лют. 2000 г. Хатні архіў В. Быкава.

И вот в начале седьмого я в Кремлевском дворце съездов. Народу — тьма. [...] И политики, и писатели, и артисты, и бесчисленные президенты

бесчисленных фондов, и просто белокрылые ангелы, на которых печать негде ставить. Давненько не бывал я в таком бомонде. [...]

А это кто [...] ? Никак подзабытый писатель Василь Быков? Каким ветром занесло из Финляндии, куда он сбежал от ужасной жизни в родной Беларуси, словно какой-нибудь Собчак в Париж? А, впрочем, как не сбежать, если сограждане пропускают мимо ушей то, говорит, «что исходит от современного апостола Беларуси, от Зенона Позняка». Оный Зенон, как известно, тоже сбежал, но на другой конец света — в США. [...]

Так Быков это или нет? [...] Вполне возможно, что Быков и есть. Он недавно прикатил в Москву, и в самом Большом театре в присутствии самого Бориса Николаевича сама Зоя Борисовна Богуславская [...] вручила ему Девятого января, в Кровавое воскресенье, премию «Триумф». Это, как пишет газета «Культура», «одна из самых таинственных премий». Действительно, членами жюри состоят двадцать будто бы известных и признанных «выдающихся деятелей российского искусства», они тайно выдвигают кандидатов на премию, никакого публичного обсуждения кандидатур не устраивают, «обсуждение проходит в обстановке строгой секретности», и даже стенограммы и протоколы заседаний не ведутся. Что такое? Как в масонской ложе. [...]

Однако всматриваюсь в человека, похожего на Быкова. Если был бы уверен, что это он, подошел бы и сказал: «Триумфатор, читал я, что всех русских, живущих в Белоруссии, вы объявили «пятой колонной»; говорили мне, что вы еще и против Союза с Россией. [...] А про себя скажу: в 43—44 годах я всю Беларусь протопал наискосок от Наровли до Гродно со своей 50-й армией, потеряв при этом и уложив на вечный сон в белорусской земле немало сверстников и друзей, в большинстве своем — русских. Вы не забыли ли, триумфатор, зачислить и их в «пятую колонну»? А в Минске давно живут со своими семьями две мои сестры. Тоже «колонна номер пять»? [...] Увы, кажется, это был не Быков...

Бушин В. Культурки не хватает... // Завтра. 2000. № 3.

Два года назад я стал членом жюри независимой премии «Триумф» и оказался в сообществе людей совершенно особых, составляющих славу русского искусства, русской культуры — *штучных людей*.

Для меня это высокая честь.

Примерно за месяц до заседания, подав неподписанный лист с фамилией моего кандидата на премию, я с нетерпением жду дня встречи и обсуждения. Как правило, оно начинается в одиннадцать утра и продолжается до шести вечера. Ах как жаль, что не ведется ни стенограммы, ни магнитофонной записи этого обсуждения и мало кто когда-либо узнает о том, на каком глубоком и блистательном уровне идет, я бы сказал, страстный разговор о кандидатах. [...]

Среди пятерых самых, с нашей точки зрения, достойных, которые выбираются каждый год, нынче назван Василь Быков.

Василь Быков, как вы, мой читатель, быть может, знаете, временно живет сейчас в Финляндии, а не в своей родной и искренне любимой им Белоруссии. Почему? Если вы подумаете, что Быкова просто потянуло в этот озерно-саунный край или его увлекла прекрасная и таинственная лапландка, вы ошибетесь. Выскажу свое личное (не журнала и не самого Быкова — их мнений я не знаю) соображение: Василию Быкову просто неумоготу жить нынче в Белоруссии, потому что там «правит бал» А. Г. Лукашенко, которого белорусы в простоте душевной избрали президентом, тот самый, с которым лобызался недавно наш с вами президент при подписании Договора о создании союзного государства. Так вот этот наш союзник создал такой режим в Белоруссии, что инакомыслящим там нет житья, иным оттуда бежать приходится.

Василь Быков, конечно, не бежал. Он вообще не из пугливых. Его пригласили в Финляндию, а когда срок приглашения кончится, не сомневаюсь, пригласят еще куда-нибудь, чтобы этот талантливый человек мог спокойно работать.

Я Быкова обожаю. Нет, мы не знакомы, я знаю его только по тому, что он написал. И за это обожаю. А за «Сотникова» снимаю перед ним шляпу.

Думаю, в судьбе каждого человека есть книга или несколько книг, которые изменили его жизнь, изменили, сделали другим его самого. Наверное, в разное время это могут быть разные книги, мы ведь постепенно созреваем для восприятия того или иного произведения и, дай бог, чтобы этот процесс продолжался в течение всей нашей жизни. [...]

«Маленький принц», «Мастер и Маргарита», «Кто-то пролетел над гнездом кукушки» (фильм) и... «Сотников», причем именно в таком порядке, — вот произведения, которые на разных жизненных этапах меняли меня. Почему «Сотников»? Вероятно, я не смогу внятно ответить на этот вопрос, но попытаюсь.

Василь Быков перевел для меня подвиг из категории героической, надчеловеческой, в категорию абсолютно мне понятную. До того мне казалось, что подвиги вершатся лишь сверхчеловеками: Леонид при Фермопилах, Жанна д'Арк, Джордано Бруно, Гастелло... Для меня их подвиги свершались под рев канонады, в полыхающем пламени, под кроваво окрашенным небом. А тут...

Маленький, некрасивый, плюгавый человечек, пройдет мимо — не посмотришь, ну никакой.

А оказывается — *непреодолимый*. [...]

Помню, года три назад на встрече Нового года у Фила Донахью я стал свидетелем спора. Дело было ранним утром, все уже выпались, сидели за столом в поразительном по красоте и гостеприимству доме Фила и его

жены Марло Томас, и кто-то задался вопросом: может ли кто-нибудь из присутствующих поручиться, что под пыткой не выдал бы друга? Спорили отчаянно, а я думал: пока не испытаешь на деле, не знаешь про себя ничего. Но тут вспомнил Быкова с его Сотниковым, вспомнил, что *есть* такие люди — самые обыкновенные, самые неприметные, но нестигаемые. *А значит, может быть, выдержал бы и я.*

Мне неизвестно, с кого писал Сотникова Быков. Но для меня, его читателя, это и не важно. Важно, что он написал его *для меня*. Для каждого из нас. Для того, чтобы мы стали иными.

Вот это и есть истинный писательский триумф, достойный «Триумфа»!

Познер В. Триумф // Дружба народов. 2000. № 1. С. 176, 177.

В. Караткевіч: Спадар Васіль, якія ў вас былі пачуцьці, калі вы атрымлівалі гэтую прэмію? Чаму ў сваім інтэрвію вы згадалі Чачэнію?¹⁶

В. Быкаў: Ня толькі творцу, але й кожнаму чалавеку прыемна, калі яго праца нейкім чынам ацэньваецца. Тым больш што мы, літаратары, цяпер ня надта расьпешчаныя такога роду матэрыяльнай увагай грамадства. Чаму я Чачэнію ўспомніў? Пра Чачэнію ўсе гавораць. Рэч у тым, што гавораць — тое, што гавораць тут, мне надта не падабаецца. І тое, што я слухаю па тэлевізійных каналах расейскіх — у мяне на гэты конт іншае перакананьне. Я лічу, што гэта вялікае злачынства стагодзьдзя, што так нельга абыходзіцца з народамі. Нейкае ачмурэньне найшло найперш на сродкі масавае інфармацыі, якія падтрымліваюць вайну, — ну а пасля, відаць, і на грамадства. Я тут пабыў і пагаварыў зь некаторымі інтэлігентамі, і далёка ня ўсе падтрымліваюць тое, што там адбываецца. Але яны маўчаць. Ну а я, карыстаючыся тым, што я ўсё ж грамадзянін іншай краіны, вольнай Беларусі, дзе танкі яшчэ не гуляюць па вуліцах гарадоў, выказаў сваю думку. [...]

В. К.: Заўтра вы будзеце ўжо ў Беларусі. Якія вашыя пляны, якія першыя крокі творчыя? Ці збіраецеся вы сустрэцца з грамадзкасьцю?

В. Б.: Не, крый божа, з грамадзкасьцю я не хачу сустракацца. Я многа сустракаўся з грамадзкасьцю, і апроч маральных сінякоў, мне гэта ніколі нічога не прыносіла. Або гэта былі ілюзіі, якія вельмі хутка разьвейваліся. Або гэта былі проста непрыемныя сутычкі. Я нешта яшчэ хачу напісаць — проста напісаць. І нічога больш. Бо мой век ужо канчаецца, а здароўе такое, што не дае магчымасьці будаваць нейкіх плянаў. [...]

В. К.: Вы казалі, што вы хацелі б нешта напісаць. Спадар Васіль, што б вы хацелі напісаць — пра Беларусь, ці пра людзей?

В. Б.: Я бачу, што стыль, ня толькі культурная парадыгма, але і ўсё вакол мяняецца таксама. Я, канечне, не староньнік постмадэрнізму, гэта ўжо стыль

¹⁶ Маецца на ўвазе інтэрв'ю расійскаму тэлеканалу НТВ — В. Быкаў сказаў тады: «Не через годы, а через месяцы России будет стыдно за то, что она делает в Чечне».

новых пакаленьняў, але я ўсё ж хачу заставацца верным двум пачаткам. Гэта пачатак нацыянальны і пачатак гуманістычны.

Караткевіч В. «Я ніколі ня быў прыхільнікам адзінае дзяржавы» / Інт. з В. Быкавым на радыё «Свабода» 10 студз. 2000 г. // Быкаў на Свабодзе. Выд. 2-е. [Б. м.]: Радыё Свабодная Эўропа / Радыё Свабода, 2005. С. 154, 156, 157.

В. Бабурын: [...] Василь Владимирович, как Вы оцениваете перспективы российско-белорусского союза?

В. Быков: Белоруссия — это авторитарная страна. Как они могут объединиться? Кроме того — экономика. Экономика Беларуси целиком социалистическая, все предприятия там принадлежат государству. Разве что российские финансово-промышленные группы, в случае интеграции, завладеют этими бывшими советскими предприятиями. Это вполне возможно. Поэтому мое (и не только мое) отношение к этому — отрицательное. Я полагаю, что отношения между Беларусью и Россией самые тесные, самые дружеские, самые, так сказать, экономически взаимовыгодные могут быть построены на других основах, совершенно не так, как это делается теперь.

В. Бабурын: Наш сегодняшний гость — писатель Василь Быков. Вопросы ему будут задавать Елена Дьякова, «Новая газета», и мой коллега Илья Дадашидзе. [...] Василь Владимирович, Вы удостоены многих наград — и высших государственных наград Советского Союза, и сейчас получили самую престижную премию в области культуры, к которой, тем не менее, у деятелей культуры отношение двоякое в связи с тем, что одним из учредителей этой премии является Борис Березовский. У Вас есть какое-то особое отношение по этому поводу к этой премии?

В. Быков: У меня нет особого отношения к этой премии, потому что, как я полагаю, в том положении, в каком оказалась сейчас наша культура — не только литература, но литература, может быть, особенно и именно литература реалистическая, социально ангажированная — она не может не только развиваться, но и сколько-нибудь существовать без посторонней помощи, без какой-то спонсорской помощи. Ведь государство, как известно, оказалось не в состоянии поддерживать литературу. С одной стороны, это, может быть, хорошо, потому что не дай Бог той поддержки, которую литература переживала в годы советской власти. Однако в нынешнее переломное время, при экономическом крахе, литература за счет собственных ресурсов тоже не может выжить. Поэтому что же остается литераторам, которые не пишут детективов? Или кто все-таки пытается остаться на позициях реализма, а тем более гуманизма, кто не постмодернисты? Что же им остается кроме того, как изыскивать какие-то посторонние средства и на них существовать и творить? [...]

В. Бабурын: И все равно где писать: в Москве, в Минске, в Хельсинки, в Вермонте?

В. Быков: Нет, не все равно. Потому что, например, я в Минске не могу писать. Во-первых, у меня холодная квартира. Я там с моими больными легкими очень быстро загнусь. Но дело в том, что в Минске указом президента введен максимум температуры — двенадцать градусов квартирной температуры. На подъем выше нет средств. Государство находится на таком «высоком» уровне развития, что оно не может обогреть свои города. [...]

Поэтому — не все равно где писать. Но писателю много ведь не надо — нужны только тихий угол и чистый лист бумаги, больше ничего.

В. Бабурин: То есть никаких политических мотивов Вашего отъезда нет, только вот....

В. Быков: Есть, конечно, и политические мотивы, и их достаточно. Мне не хотелось бы о них говорить, потому что их, этих мотивов, очень много, чтобы их ворошить. Но дело именно в этих политических мотивах. [...]

И. Дадашидзе: Известие о присвоении Вам премии «Триумф» пришло как раз в тот день, когда был подписан договор между Белоруссией и Россией. В моем уже понимании они как бы связаны друг с другом, потому что известия поступили буквально с промежутком в час.

Скажите, пожалуйста, как Вы отнеслись к подписанию этого договора?

В. Быков: Я отнесся к этому договору, к подписанию его — как и ко всем предыдущим манипуляциям насчет договора — отрицательно. Потому что я все-таки полагаю, что Беларусь как государство, как давний член и даже учредитель Организации Объединенных Наций имеет право на собственное суверенное существование. А то, что делает Лукашенко и его режим, направлено на ликвидацию, на полную ликвидацию этой суверенности. И если бы только в этом состоял смысл этой акции. Но, кроме того, он ведь под этим предлогом ликвидирует национальную культуру, национальную литературу, национальный язык. Как к этому можно относиться цивилизованному человеку, не обязательно белорусу — хотя бы негру из каких-нибудь южных штатов Америки, когда с карты Европы исчезает независимое государство? То, что исчезает Чечня, — нас убедили, что это, так сказать, правильно. Но Беларусь — не Чечня. Однако она тоже должна исчезнуть. Как же я к этому могу отнестись? Тем более если я все-таки являюсь белорусским писателем и связан с белорусской культурой и с Беларусью происхождением? А потом, надо иметь в виду то обстоятельство, которое почему-то не замечают многие политики: пока что нет никакого объединения, нет никакой интеграции. Есть манипуляции, есть имитация. Происходит колоссальная имитация — вот эта интеграция, из которой извлекаются определенные политические дивиденды. Сколько уже подписано документов? Сколько было встреч, сколько выпито и разбито фужеров? И сколько было целований на самом высоком уровне? Но это не привело ни к каким результатам. Почему? Потому что экономически это, в общем, невозможно. Беларусь и Россия — совершенно разные миры. В то время когда Россия хоть номинально если

не вполне демократическое государство, так, вроде бы, делает какие-то попытки в этом направлении... [...]

В. Бабурин: Вы несколько раз, говоря о Белоруссии, употребляли слово «советский», «коммунистический», «социалистический». Может быть, именно в Белоруссии эта ментальность наиболее всего сохранилась? Ведь главной чертой народа тех времен было прежде всего неприятие интеллигенции. Вот Станислав Шушкевич — умный, интеллигентный человек с тихим голосом — оказался не востребован в Белоруссии. А Александр Лукашенко — человек из толпы, человек толпы — имеет такую поддержку.

В. Быков: Ну, я мог бы это объяснить. Что значит «не востребован»? Шушкевич был спикером парламента. Он мой друг, я его давно знаю. Это талантливый физик и умный человек, очень образованный, знающий многие европейские языки. Спикером парламента его избрал коммунистический, прокоммунистический Верховный Совет. И он некоторое время работал спикером, пока, так сказать, шел на поводу у этого парламента. А как только он заявил о своем неподчинении, они моментально поставили вопрос о его переизбрании, и переизбрали. А народ-то при чем здесь?

В. Бабурин: Никто не возмутился?

В. Быков: Возмутились, конечно, митинги были. У нас же все-таки существует такая влиятельная политическая организация, как Белорусский народный фронт. Но что с того, если на митинг пришло, допустим, две тысячи, или двадцать тысяч, или даже пятьдесят тысяч? Лукашенко бросает против этого митинга сто тридцать тысяч экипированных, снаряженных, в шлемах, бронежилетах, с палками, сто тридцать тысяч полиции, которая начинает работать палками, ногами... А потом идут суды, начинаются увольнения с работы, исключения и так далее. Что может в таких условиях народ?

В. Бабурин: То есть Лукашенко уже чувствует свою полную безнаказанность?

В. Быков: Он совершенно покори́л, так сказать, этот народ.

И. Дадашидзе: А народ именно испуган, или кроме тех людей в Народном фронте, коих все-таки меньшинство, в большинстве поддерживает Лукашенко? Народ запуган или считает Лукашенко своим человеком?

В. Быков: [...] Дело в том, что, во-первых, надо иметь в виду популярные требования, так сказать, народа, избирателя, какого угодно электората к политику, к руководителю, которые сложились не в наши, а в прежние времена, в советские, будь это депутат или же секретарь партбюро, директор предприятия. Требование к нему элементарное: он должен иметь возможность «достать» и «выбить»: или же бюджет для завода, или стройматериалы для колхоза и так далее. Руководитель, который лишен этих способностей или связей, ничего не стоит. Пусть он знает шесть языков, пусть он умнейший Шушкевич... Так вот по этой части Лукашенко как раз оптимальный руководитель. Когда у республики нет денег, когда нет... Бюджет ведь расползся,

когда гиперинфляция существует уже на протяжении многих лет, когда нет энергоносителей, как жить? Положение может спасти только Лукашенко. Он своей этой необычной энергией, этим сатанинским напором, может все это выбить — поедет в Москву и у Черномырдина или у Березовского, я не знаю, у кого еще, но достанет. Как это в советские времена делалось. Дело не в деньгах.

В. Бабурин: То есть он управляет республикой, как он в свое время управлял совхозом? Получается что так?

В. Быков: Совершенно точно, совершенно точно. Он именно так управляет. И скажу, что к его чести, никто другой, кроме Лукашенко, не сумел бы так сделать, все достать, не дать батареям в эту зиму совершенно замерзнуть. Он все-таки хоть минимум какой-то обеспечивает. И тем самым подкупает симпатии народа.

Российская служба радио «Свобода». 2000. 16 янв. // Электронный ресурс: www.svoboda.org.

«Вся Москва» участвовала в очередной олигархической акции. Делили премию «Триумф». Один из победителей, фамилию его запомнил, высказался с ходу в телекамеру: «Мы хотим получить Чечню без чеченцев!» Браво, старче! Для полного антуража остается на пару с поэтом А. Вознесенским, который здесь, на вечере, также сиял и витийствовал, усыновить Басаева. [...]

Но вот на экране появляется лицо... [...] Корреспондент говорит: «Василь Быков», а я смотрю и глазам не верю — неужто так может измениться человек. Не узнать. Но, действительно, Быков. Приехал прямо из Финляндии. Национально озабоченный. Пока, говорит, в Белоруссии «режим», я туда ни шагу. И о Чечне сужденьице молвил: «За эту войну через два-три года будет стыдно»...

Смотрел я и думал: за что, собственно, вручается ему премия с таким громким названием — «Триумф»? Устроители и не скрывают: за его «гражданскую позицию», за все, что сделал он в последние годы для «утверждения демократии».

Помилуйте, господа! Когда-то был широко читаемый и почитаемый писатель Василь Быков, а сейчас, извините... За последние годы не сделал он практически ничего. Если не считать, конечно, яростных, прямо-таки злобных выступлений против сближения Белоруссии и России, против создания сообщества, а затем и Союза и наконец — против создания Союзного государства. [...]

В этой борьбе против воссоединения братских народов он и вправду достиг триумфальных вершин. Взахлеб, называя апостолом и мессией, постоянно поддерживал Позняка — оголтелого русофоба [...]. Тех, кем гордится Белоруссия, — видных партийных и государственных деятелей, генералов и космонавтов он называет «холоуями, что верно служили целям великой империи». А всех русских — «пятой колонной» в Белоруссии.

Больше того — в своих «демократических» опусах он приравнивает партизан к предателям-полицаям, бандитам, а воинов, защищавших нашу страну, — к гитлеровским, фашистским оккупантам. Как тут не повторить то, что Быков предал все и всех, в том числе и самого себя.

Вот за это предательство, за эту его «гражданскую позицию» и отвалили олигархи Василию Владимировичу триумфальную премию.

Дашкевич В. Василь Быков под бабочкой // Мы и время. 2000. № 1.

...Сергей Посохов заявил, что Быков «обливает свою Родину грязью». И что причиной этого является плохая информированность писателя о происходящем в Беларуси. Мол, жил долгое время за ее пределами, вот и напутал чего-то.

Ситуацию с недавним вручением писателю российской премии «Триумф», полагает чиновник, можно рассматривать как попытку купить известного человека за большую сумму денег. Как известно, лауреаты «Триумфа» получают USD 50 тыс. При этом Посохов отметил, что в отличие от предыдущих лет премия в литературной номинации вручалась сразу двум писателям. Сам факт вручения премии белорусу не вызывал бы никаких возражений у Посохова, если бы награждение не сопровождалось критикой белорусских властей.

Беспокоит чиновника также и упоминание организаторами названий произведений, что так понравились членам жюри.

Особое возмущение у представителя РБ в органах Содружества вызвал комментарий Быкова телеканалу РТР. Напомним, что на днях Василь Владимирович поделился со зрителями своим мнением о президенте нашей страны и об общеполитической ситуации в Беларуси. «Страшно негативным» назвал Посохов быковский комментарий.

Довнар В. «Триумф» Василя Быкова не понравился Сергею Посохову // Белорусская деловая газета. 2000. 14 янв.

Идеологические президентские службы не знают также, что делать с писателем Василем Быковым. Уважение к этому великому белорусу поколебать сложно, но помощники Лукашенко с упрямым постоянством поливают знаменитого писателя грязью. Причем делают это настолько топорно, что даже у приверженцев Лукашенко вызывают брезгливость. Первое место в команде «нападающих» отвели бывшему сотруднику ЦК КПСС Владимиру Севруку, печально известному борцу со свободой слова. В президентской команде он какое-то время занимал место заведующего сектором, в котором готовились речи для главы государства, а сейчас подвизается в роли советника одного из вице-премьеров.

Этот деятель приурочил очередное выступление против Быкова к вручению писателю в Москве премии «Триумф». Упор делался на то, что премиаль-

ная сумма пожертвована Березовским, а значит, все политические высказывания великий писатель делает в угоду неким «темным силам». Подчеркивалось, что Быков — носитель антироссийских настроений, а значит, организаторы премии ошиблись в своих симпатиях. Сумма премии называлась огромной, и это в то время, когда весь народ бедствует... И так далее, и тому подобное.

Галко Н. Президент без интеллигенции: Александру Лукашенко никак не удастся наладить отношения с писателями // Независимая газета. 2000. 23 февр.

Мне, в прошлом человеку военному, творчество Василя Быкова особенно дорого и понятно. Истинно народный писатель олицетворяет сегодня достоинство, совесть и честь нашей нации. И премия «Триумф», которую Василь Владимирович получил недавно в России, — еще одно читательское признание его таланта и гражданской позиции.

Но какой вой после этого подняло государственное Белорусское телевидение! В одном из высоких кабинетов взмахнули дирижерской палочкой — и началось... На народного писателя льют грязь, не стесняясь в выражениях, и молодые политобозреватели, взращенные у корыта первого белорусского президента, и седовласые ветераны идеологических провокаций, познавшие прелесть спецраспределителей еще во времена развитого социализма. Такое впечатление, что каждый выслуживается перед Лукашенко, чья откровенная неприязнь к народному писателю общеизвестна. Мол, глядите, патрон, как я его, самого Быкова, под дых...

На днях на БТ снова «клеямили» Василя Быкова. Ведущий Юрий Казиятко со снисходительной ухмылкой, не сходящей с его губ, наверное, и во сне, в прошлом, насколько мне известно, армейский политработник по образованию, представил своего гостя — того самого Севрука, который еще в середине 60-х на страницах «Правды» дал отмашку травле Быкова после выхода в свет повести «Мертвым не больно». И я помню, как эстафету подхватила «Красная звезда» — по приказу ГлавПУРа, где о нравах армии денно и ночью бдили коллеги-замполиты сегодняшнего молодого политбойца лукашенковской закваски. [...]

Не правда ли, символично: через тридцать с лишним лет Быкова снова взяла в проработку номенклатура того же цвета и тележурналист с призванием замполита. «Засевручили» эфир. Смешали в одну кучу творчество народного писателя, идеи БНФ, Пазьняка, Сороса, Запад и еще черт знает что... Чем так не люб им Василь Владимирович? Тем, что не пошел на поклон к Лукашенко, что посмел иметь свою позицию? Тем, что в своих военных повестях ни разу не сказал о «руководящей и направляющей» роли партии в разгроме фашизма? Что ни в одной повести нет у него героя-замполита?

Тридцать с лишним лет назад Быкова поддержал Твардовский: «Все минется, а правда останется». Так что уймись, товарищи обличители! Он

ведь БЫКОВ, БЫКОВЫМ и останется в истории. Не то что вы — номенклатурная пыль, которую когда-нибудь сдует ветерком с хозяйского стола...

Виктор Жданович,

г. Минск.

«Засевручили» эфир... // Свободные новости. 2000. 21—28 янв.

Ничего удивительного нет в том, как белорусские геростраты встретили Василя Быкова, вернувшегося в Минск после двухгодичного отсутствия. Куда там цветы — не до них, если даже на доброе слово поскупились. Вместо приличествующих случаю поздравлений с престижной российской премией «Триумф», еще раз внушительно подтвердившей широкое, можно сказать, мировое признание писательского таланта, — развязное телешоу, вылившее на лауреата ушаты помоев. В обществе, элементарно цивилизованном, так не поступают. Тем паче с человеком, много лет назад заслуженно удостоенным почетного звания Народного писателя. [...]

Ясно, что спокойного житья неугодному писателю в нынешней Белоруссии, судя по всему, не будет. Потому и не будет, что он ее национальная гордость и совесть.

Так почему бы правительству ли Москвы, президентской ли администрации не пригласить писателя, перешагнувшего 75-летний рубеж, в Россию на постоянное или временное — сам решит — жительство? Это дало бы ему возможность работать без избыточных волнений и нервных встрясок, каких и без того хватало на его беспокойном веку. И уж по крайней мере позволило бы писать письма друзьям, не ставя на конвертах во избежание постыдных соглядатайств и наущничаний, эвфемистически именуемых перлюстрацией, вымышленный обратный адрес.

Пригласите же в Москву писателя, опального и гонимого у себя на родине! Обращаюсь с этим к столичному мэру. Обращаюсь к председателю российского правительства, исполняющему обязанности президента: примите, Владимир Владимирович, живое участие в бесспорно благородном деле. Тем более что не так давно на встрече в Русском ПЕН-Центре вам рассказали о бедственном положении Василя Быкова, и вы не просто внимательно выслушали, но и отнеслись с пониманием.

Оскоцкий В. Помогите писателю! // Известия. 2000. 26 янв.

Сегодня в Белоруссии сложились хорошие условия для возвращения той идеологии, которая владела умами в советские времена. И естественно, для возвращения в коммунистическое прошлое нужны кадры. Они и востребованы. Севрук, кстати, не один. Место работы в Белоруссии нашли многие бывшие высокопоставленные чиновники советского режима, включая военных и сотрудников спецслужб.

Впрочем, я уже давно не реагирую на подобные выпады в мой адрес. [...]

Что же касается беспокойства моих московских друзей, то спасибо им большое за это.

З інтэрв'ю С. Карпяковай з В. Быкавым. Известия. 2000. 26 янв.

Есть частности, которые ненароком обнаруживают весьма характерные закономерности. Одна из них — взаимная неприязнь писателя Василя Быкова и белорусского президента Александра Лукашенко. Они не сошлись не характерами, а жизненными позициями. Один, исполняя свои служебные обязанности, практикует авторитаризм, другой своим творчеством исповедует человечность. Одного считают Совестью нации; другого именуют Батькой нации.

В Белоруссии Совесть находится в оппозиции к Батьке. (Или Батька к Совести, что, наверное, будет точнее.) В самом этом факте нет ничего экстраординарного. Такое довольно часто случается. Не будем к ночи поминать Советский Союз. В посткоммунистической России отношения Власти с Совестью тоже были не идиллическими. Ельцин много чего слышал для себя нелицеприятно от Солженицына, Ковалева, но никого из них не травил, не преследовал...

Идейные разногласия — не такой уж пустяк. Ими не стоит пренебрегать.

С другой стороны, пренебрежение ими стало уже поветрием. Оно характерно для нынешнего политического климата. Если мы демократическими принципами пренебрегаем во внутриполитической жизни [...], то что говорить о внешнеполитических обстоятельствах. Хотя как раз относительно Белоруссии и нельзя сказать, что они такие уж внешние. Это уже почти наше внутреннее дело. Потому частный случай Василя Быкова мы склонны так драматизировать.

Объединяться с Василем Быковым мы готовы, рады, а с господином Севруком — не дай Бог. Мы его «проходили». И известинцы со стажем хорошо помнят этого идеологического вертухая.

У Василя Быкова есть замечательная повесть «Знак беды». Она о войне — и не только: о предвоенной деревне, о сталинских репрессиях. Теперь ее автор сам стал знаком возможной беды. В том числе и для нас.

Юрий Богомолов.

Известия. 2000. 26 янв.

Заява рады Саюза беларускіх пісьменнікаў

У праграме Нацыянальнай тэлерадыёкампаніі «Панарама» 15 студзеня гэтага года прагучалі беспадстаўныя, абразлівыя абвінавачванні ў адрас народнага пісьменніка Беларусі Васіля Быкава. Лічым амаральнымі і недапушчальнымі развязны зняважлівы тон удзельнікаў перадачы ў адносінах да аднаго з выдатнейшых сыноў Бацькаўшчыны, чые творы перакладзены на ўсе развітыя мовы планеты, чый талент высока ацэнены ва ўсім свеце, чыё жыццё і дзейнасць забяспечваюць аўтарытэт Беларусі. Дзяржаўнае тэлебачанне па сваім прызначэнні ў грамадстве абавязана з дасведчанасцю і пава-

гай ставіцца як да беларускай культуры ў цэлым, так і да кожнага яе сумленнага і слаўтага майстра, чаго, на вялікі жаль, мы не бачым апошнім часам.

У сувязі з адзначаным звяртаемся да ўсіх прадстаўнікоў творчай інтэлігенцыі краіны з заклікам абараняць маральны клімат грамадства, не дазваляць у прыватных дыскусіях і спрэчках апускацца да хлусні і зняваг, выкарыстоўваючы з гэтай мэтай сродкі масавай інфармацыі.

У XXI стагоддзе мы павінны ісці з павагай да думак кожнага чалавека, тым больш, па кім свет ведае нашу Беларусь.

27 студзеня 2000 г.

Звязда. 2000. 1 лют. Таксама надр.: Народная воля. 2000. 4 лют.; Літаратура і мастацтва. 2000. 4 лют.

Я быў ініцыятарам прыняцця гэтай заявы, бо Беларускае тэлебачанне ўжо не ўпершыню даволі непаважліва ставіцца да Васіля Быкава і нашых выдатных прадстаўнікоў сённяшняй беларускай літаратуры. Мне здаецца: рабіць выгляд, што перадачы, падобныя выпушчанай у эфір 15 студзеня Юрыем Казіяткам, не абражаюць ні творцаў, ні нашу культуру ўвогуле, — немагчыма. Мы, калі лічым сябе прыстойнымі людзьмі, павінны выказваць свае адносіны да падобных рэчаў. І мяне ў гэтым аднадушна падтрымалі ўсе прысутныя на пасяджэнні сябры Рады Саюза беларускіх пісьменнікаў.

Мы спадзяваліся, што наша заява будзе даведзена да ведама грамадскасці краіны сродкамі масавай інфармацыі. 1 лютага з'явілася публікацыя на нашу заяву ў газеце «Звязда». Але ў тэксце, які дае газета, мяне (як, веру, і іншых сябраў рады) чакаў непрыемны сюрпрыз.

На пасяджэнні рады гаворка ішла аб звароце да ўсіх творчых саюзаў з заклікам устрымацца ад супрацоўніцтва з Беларускім тэлебачаннем да той пары, пакуль яно не папросіць прабачэння ў Васіля Уладзіміравіча за знявагу. Але чамусьці гэтага ў надрукаваным тэксце я не знайшоў...

Сённяшняя кіраўнікі пісьменніцкай арганізацыі, відаць, спалохаліся такой рашучай прапановы, хітранька «адрэдагавалі» яе, і замест канкрэтных дзеянняў — а пара пераходзіць да іх — запісалі нешта аморфна-безаблічнае. Думаю, гэта сталася чарговай праявай нашай застарэлай хваробы — боязі заявіць адкрыта пра свой выбар, сваю грамадзянскую пазіцыю. Камусьці хочацца быць «добраўкім» да ўсіх, у тым ліку і да хамаватых крытыканаў, асабліва калі гэта не датычыць іх саміх.

Я хацеў бы, каб не толькі нашы пісьменнікі, а і мастакі, артысты, кінематаграфісты, журналісты ведалі: мы ў сваёй заяве мелі намер заклікаць іх да канкрэтнага дзеяння — устрымацца ад супрацоўніцтва з Беларускім тэлебачаннем, пакуль яно не адмовіцца ад знявагі выдатных майстроў культуры.

З інтэрв'ю Г. Бураўкіна. Камусьці хочацца быць «добраўкім» нават да хамаватых крытыканаў // Народная воля. 2000. 4 лют.

Несколько слов об одной традиции. Не так давно Василию Быкову присвоили российскую литературную премию и торжественно вручили причитающуюся сумму. Василий Владимирович по этому случаю дал несколько телеинтервью. У меня они оставили щемящее впечатление — время, увы, не щадит никого, даже таких выдающихся людей, как Василий Владимирович...

В околополитическом Минске это событие вызвало, однако, более сильное чувство и даже некоторое брожение умов. Трудно, впрочем, объяснить причину. Василь Быков награждался несчетно. [...] А вот премия «Триумф» — будто камень в стоячую воду! Сначала на минском телевидении взял слово один давний оппонент Быкова и пробудил кое-какие, между нами говоря, порядочно забытые страсти. Времен, как говорится, вполне очаковских... Но подачу приняла рада писателей и выступила с очень гневным заявлением [...]. Получив заявление, я стал готовить его к печати, но вслед пришло дополнение. Кратко оно заключается в том, что подписавшиеся под ним писатели требуют... бойкотировать Белорусское телевидение.

И я задумался. Над изумительными проявлениями демократии в духовно-подъемной сфере, так сказать, отечественной мысли. Конечно, будет странным, если я вдруг начну читать что-то, хотя бы и отдаленно напоминающее «морали» писателям, а среди них есть выдающиеся имена. Но удивлением поделюсь. Ну высказал человек свою точку зрения, пусть даже, с вашей точки зрения, и не Бог весть какую по форме и содержанию, обидел знаменитого человека. Который, впрочем, тоже уж если рубит, то с плеча и не щадит ничьих авторитетов. Но неужто вы всерьез считаете, что надо в полемическом задоре объявлять всему ТВ «бойкот»? Наоборот, кажется, туда нашим писателям, о которых в чехарде последних лет читатели начинают забывать, надо стремиться, чтобы знакомить телезрителей с новинками литературного процесса, общаться с коллегами по перу, будить в современниках доброе и вечное. Так, по-моему, относящие себя к элите люди ведут себя в окружающем мире. А вот у нас, к величайшему сожалению, все никак не могут откреститься от культурологической традиции 30-х годов, которая рекомендовала: чуть что — брать несогласного в рожки!

А все от неизбывной провинциальности, которая и не предполагает другого способа поиска истины.

Якубович П. О своеобразии одной традиции // Советская Белоруссия. 2000. 8 февр.

Мяне, як і многіх людзей на Беларусі, вельмі абурыла, калі ў «Панараме» на БТ нейкі чалавек з экрана на дрэннай рускай мове зневажаў Вялікага пісьменніка Беларусі і свету Васіля Быкава.

Я таго экраннага Цыцэрона не ведаю і ведаць не хачу, яго плявузганне не здольна адарваць Вялікага пісьменніка Беларусі ад народа і нашай

культуры, як і іншых паважаных людзей, хто жыццё і талент аддае дарагой Бацькаўшчыне.

Укусы розных дробных кузюрак выклікаюць ну проста смех...

*Галіна Кандраценка,
жыхарка г. Барысава.*

Стыдно, больно, омерзительно... Так и хочется крикнуть нашим властям: «Да кто вы такие? Опомнитесь! Рядом с Быковым большинство из вас, мягко говоря, просто никто. [...]».

По отношению к Василию Быкову отчетливо проявилась истинная сущность нынешней власти. Стало предельно ясно: только когда появятся у государственного руля Человеки, которые сочли бы за честь иметь духовными наставниками людей уровня Василя Быкова, — только тогда и начнем строить лучшую жизнь — с любовью к Родине и своему народу.

*Федор Латышев,
г. Бобруйск.*

Расійскі тэледыктар паведаміў, што «і в Беларусі началось шельмование Василя Быкова». Смешная наіўнасць і недасведчанасць журналіста, далёкага ад нашых айчынных рэалій! Цікава, калі ж яго не было, цкавання і тапання сапраўднага сына Бацькаўшчыны? [...]

Ці ж для такіх, як Васіль Уладзіміравіч, такая філасофія, як «мая хата з краю»? Сваімі творамі, сваёй грамадзянскай пазіцыяй, нязгаснай сыноўскай любоўю да Бацькаўшчыны і клопатам за яе лёс ён заўжды не «да двара» тых, хто гандлюе сваёй краінай, хто стаіць упоперак хады гісторыі. [...]

Само сабой, яго не могуць пакінуць у спакоі і зараз тыя ж самыя антыбеларускія, антыпатрыятычныя сілы, што не выпускаюць з учэпістых рук уладнага руля. Плюхнуць атручанымі памыямі на светлую постаць нязломнага волата духу ім як двойчы два. І сорам душу не пячэ. Ды, пэўна, гэта і немагчыма, бо ў цкавальшчыкаў ні душы, ні сораму не было раней і наўрад ці будзе. Але іх бруд да светлага чалавека не прыстане — толькі саміх запэкае назаўжды. Ну скажыце, хто б згадаў пра таго ж Сеўрука, што з тэлеэкрана абражае святое для кожнага прыстойнага грамадзяніна? Даўно забылі б, каб не ягоныя шматгадовыя намаганні набыць славу Герастрата.

*Алена Старыкава,
г. Магілёў.*

Народная воля. 2000. 4 лют.

О Василе Быкове, проживавшем до недавнего времени в Финляндии, широкая публика стала понемногу забывать. Немудрено. Как писатель он ничего нового не создал. Как общественный деятель — окончательно обанкротился. Как гражданин — полностью потерял лицо. Для 20-летних

юношей и девушек его имя уже не говорит о многом, если вообще о чем-либо говорит.

Сравнительно недавно было совсем иначе. Имя Быкова не говорило, а вещало. Народный писатель Беларуси. Лауреат Ленинской премии. Герой Социалистического Труда. Депутат Верховного Совета Белорусской ССР и народный депутат СССР. Неприкосновенное для критики лицо. [...]

При всем при том Василь Владимирович считался человеком, находящимся в оппозиции к благодетельным властям, борцом, рвущимся через официальные тернии к непорочным звездам. Какие это звезды, кому они светят, кто и ради чего их зажигает — это почему-то никого не интересовало.

Кое-что начало проясняться с началом перестройки, которую Быков, конечно же, поддержал всем сердцем. Он успел изрядно поархитекторствовать вокруг и вместе с Горбачевым, поборолся за обновление социализма и совсем немного, совсем чуть-чуть даже за выполнение решений XXVII съезда КПСС.

Вскорости комедия закончилась. Социализм со стороны Быкова был подвержен беспощадному идейному линчеванию. Лишь осатаневший от ненависти Позняк на равных мог потягаться с ним на этом поприще. События развивались стремительно, мечты наших героев сбылись.

Советский Союз был разрушен. КПСС потерпела поражение. Советская власть пала. Беларусь обрела независимость и суверенитет. Что еще надо? Твори, выдумывай, пробуй! Строй в «шматпакутной Беларусі» швейцарский рай, создавай общество всеобщего благоденствия, в котором не будет никаких «измов».

Строить «победители» не умели и не хотели. Пользоваться плодами своей деятельности не желали — уж очень горькими оказались они. Смотреть обманутым людям в глаза боялись. Что делать? Выход нашелся: Позняк подался в политэмигранты, а Быков... Постараемся определить его нынешний статус.

Из русской классической литературы мы знаем, что многие помещики содержали разного рода приживал: кликуш, юродивых, инвалидов, больных. Встречалось среди них немало и «нормальных» приспособленцев, мошенников, захребетников, желающих жить за чужой счет и сумевших добиться поставленной цели.

Странное, двусмысленное положение занимали приживалы обоих сортов. Не дворня и не челядь, не дядьки и не няни. Смешно, но приживалы считали себя выше прислуги, взирали на «человеков» по-элитному. В то же время и челядь, и крепостной мужик смотрели на них с пренебрежением: не люди, а одно недоразумение, ни богу свечка, ни черту кочерга.

Не лучше к приживалам относились и господа. [...]

Захребетники воспринимали это спокойно, с пониманием: жилось-то им лучше, чем даже крепкому хлебобобу. Крестьянин должен был трудиться, как двужилый вол, чтобы иметь кусок хлеба и посконную рубаху на плечах, вечно ноющих от непосильной работы. Приживалы этого не знали, не ведали. [...]

Исчезли после революции бары — как в воду канули приживалы. Около 80 лет о них не было ни слуху ни духу. [...] Ан нет! Пришел в бывший СССР капитализм — раритеты реанимировались. Правда, в новом, пока лишь зарубежном, цивилизованном виде, с бабочкой на шее. [...]

Когда-то, после Октября, Россию покинули крупные писатели: Иван Бунин, Александр Куприн, Алексей Толстой [...]. На чужбину их погнала не охота к поиску хлебных мест, а политика, революция, смена общественно-политического строя, против чего они, каждый по-своему, боролись. Но они проиграли — на это обратим особое внимание.

Более близкий пример — Виктор Некрасов. Он тоже проиграл и поэтому эмигрировал. Наконец, Александр Солженицын — антикоммунист до мозга костей. Его выслали из Союза, к чему, в определенной мере, приложил руку и Быков. [...] Солженицын тоже проиграл.

Изменилась в России ситуация — он возвратился домой. Судя по всему, не ко двору пришелся знаменитый писатель в «новом» Отечестве, за которое он воевал с коммунистами и Советами. [...] Тем не менее старый писатель вместе с ним мучается, страдает, терзается, голову ни перед кем не склоняет, на разные штучки-дрючки властей не покупается. Когда Ельцин попытался наградить его в связи с 80-летием, Солженицын публично отказался от этой чести. Для сравнения: несколькими годами раньше Быков, именуемый русских пятой колонной в Беларуси, принял орден из рук того же Ельцина. [...]

Беларуси, о независимости которой везде и всюду кричали Быков и Позняк и которую она обрела, нынче невероятно тяжело. [...] Уж кому-кому, а совести нации и апостолу надо быть вместе с народом, умирать (в переносном, а если судьба распорядится, то и в прямом смысле слова) вместе с ним. Это для совестливого, мужественного человека — элементарно [...].

Сейчас Быков в Минске. [...] Писатель имеет намерение покинуть Беларусь, когда ему снова предоставится возможность более приемлемого и терпимого существования.

Предоставится, Василь Владимирович, предоставится!

Ясный Э. Приживалы — это не политэмигранты, или Бегство «нацыянальна-свядомых» за границу // Товарищ. 2000. 21 янв.

Вырашыла выказаць сваё меркаванне наконт артыкула Эдуарда Яснага «Приживалы — это не политэмигранты» [...]. Факты ў артыкуле не скажоныя, усё правільна, але пагадзіцца з пунктам гледжання аўтара я не магу.

Вядома, выклікае горыч вузка-нацыяналістычная пазіцыя Быкава, але не гэта галоўнае ў яго складанай натуры і творчасці. Галоўнае тое, што ён аказаў вялікі станоўчы ўплыў на далейшае развіццё беларускай літаратуры, з вялікай глыбінёй раскрыў у сваіх творах праўду аб вайне, сказаў на гэту тэму новае слова. Як сабе хочаце, але я не магу паставіцца да Васіля Уладзіміравіча жорстка і адназначна і схіляю галаву перад яго высокім талентам.

Адначасова не прымаю яго абмежаваны нацыяналізм, варожасць да ўсяго, што створана ў краіне за гады Савецкай улады, разам з тым не стаўлю яго побач з Пазняком, хоць і цягнуць яны ў адной запрэжцы тупую барану нацыяналізму. Але ж не будзем перабольшваць яго грахі і напамінаць аб іх. Будзем зыходзіць з таго, што і знакамітыя людзі дапускаюць памылкі. Як бы там ні было, творы Быкава назаўсёды застануцца ў залатой скарбонцы беларускай літаратуры. А дзе яму жыць — няхай гэта вырашае сам пісьменнік. Гэта яго права.

Раіса Казлова,
Буда-Кашалёўскі раён.

Права пісьменніка // Товарищ. 2000. 28 апр.

...Не могу не поделиться одним личным переживанием. На очередном витке — назову вещи своими именами, не прибегая к увертливым эвфемизмам, — травли Василя Быкова в Белоруссии я написал письмо в «Известия» (26 января 2000 года), отчаянно взывавшее и к мэру Москвы Ю. Лужкову, и к исполняющему обязанности президента России В. Путину: «Помогите писателю!» Его дело — принимать или не принимать вашу помощь, но изъясните готовность помочь, предложив временное или постоянное — сам решит — проживание в Москве. [...]

Казалось бы, как не ответить и Союзу писателей Москвы, от имени которого я выступал как один из его секретарей, и уважаемой редакции газеты, поместившей и поддержавшей мое письмо. Ничего похожего! Звонили ветераны войны, сочувствовавшие товарищу по оружию, читатели, выражавшие неизменное уважение к писательскому таланту. Но — ни звука от администраций обоих адресатов обращения. Словно взывалось в пустоту.

Гулкую, однако, пустоту: ненадолго умолкшие белорусские геростраты начали снова заполнять ее разбойным посвистом. Из последнего письма писателя, которое он прислал мне из ФРГ, предоставившей ему возможность спокойно (судите сами, насколько спокойно) жить и работать:

«После недолгого зимнего перерыва снова поднялось телевидение и радио — на этот раз руками некоторых мастеров пера душат Бородулина, Буравкина, Сёмуху, Шермана, предъявляя им самые страшные обвинения. Я назван (Лукашенко в прямом эфире) фашистом, литературным полицаем, что явилось сигналом для волчьей травли со стороны всего телевидения, радио и ряда газет. Группа писателей (около 20 человек) опубликовала в одной газете письмо в мою защиту, что вызвало новый приступ гнева руководства. Севрук, кажется, окончательно сбесился и требует моей крови. И все это при полном моем молчании — заметь. Я нигде ни слова... На этот раз даже офицеры (запаса, разумеется) и четыре генерала открыто выступили в мою защиту. Но все напрасно. Я думаю, что цель... выжить меня из Беларуси,

принудить к эмиграции... Жалко лишь детей-внуков, которые страдают из-за меня. [...] Все они — заложники за отцов, дедов...»

Надо ли комментировать? Предпочитаю молча устыдиться за долготерпение и белорусское, и русское. Похоже, оно и впрямь черта обоих национальных характеров или, по новейшей терминологии, менталитетов...

Оскоцкий В. От какого наследства мы не отказываемся: Заметки polemические, ностальгические и отчасти автобиографические // Вопросы литературы. 2001. № 6. С. 36—37.

В ответ на публикацию хлынул поток читательских откликов, звонили и литераторы, и ветераны войны. Возмущались новыми преследованиями и травлей известного, любимого писателя на его белорусской родине, искали и предлагали разные варианты возможного обустройства в России, хотя бы временного, до лучшей, благоприятной поры. Отставной полковник советовал обратиться к губернатору Московской области, генералу Борису Громову, и обещал свое посредничество с половинной гарантией успеха. Василь попросил передать ему «спасибо», но от предложенных хлопот отказался. Позвонил в Минск председатель Международного Литературного фонда Владимир Огнев, изъявил готовность предоставить дачу в Переделкино. В разговоре через неделю то ли ненароком, то ли с умыслом обмолвился: уступает собственную переделкинскую (которой, к слову, тогда еще у него не было). Природно чуткий к подспудным психологическим нюансам, нравственно щепетильный Василь поблагодарил — и раз и навсегда закрыл тему.

Оскоцкий В. Через годы — через жизнь: Из воспоминаний о Василе Быкове. 2003. Рукопись.

Савецкая структура перасьледу ўсё ж была звыклая ў нечым і ў нечым рэглямэнтаваная. Відавочна, у Лукашэнкі яна савецкая, але ўжо не рэглямэнтаваная нічым. Я прыгадваю іншага, значна больш маштабнага чалавека — Юсіфа Вісарыёнавіча. І ў мяне была свая тэорыя пра тое, што перасьлед Шастаковіча, Ахматавай, уся гэтая «жданаўшчына» ўзьнікла часткова з тае прычыны, што Сталін не пацярпеў іхнай славы. Падчас вайны на вокладцы часопісу «Time», яшчэ да аб'яднаньня франтоў, зьявіўся партрэт Шастаковіча. Альбо пасля вайны ўжо — заля ўзьнялася, вітаючы Ахматаву, а ўставаць належала толькі вітаючы правадыра. Я мяркую, што гэта магло адыграць пэўную ролю. Лукашэнка ня можа цяпець такога маштабу асобы ў межах сваёй краіны.

З інтэрв'ю А. Бітава. Навумчык С. Андрэй Бітаў: «Лукашэнка ня можа цяпець такога маштабу асобы ў межах сваёй краіны» / Радыё «Свабода». 2000. 26 студз. // Быкаў на Свабодзе. С. 182—183.

Впрочем, по большому счету, для Беларуси все это не особо важно. Важно то, что 3 февраля Василь Быков уехал. Уехал так же незаметно, как и вернул-

ся в Минск в начале января. По словам Карлоса Шермана, желание оказать помощь писателю высказывали многие ПЕН-Центры мира, в том числе России и Казахстана. Латвийский ПЕН-Центр готов принять Быкова на месяц в Юрмале. Немецкие же писатели пригласили его на несколько месяцев.

Шапран С. Изгнанник // Белорусская деловая газета. 2000. 8 февр.

Што тычыцца пазіцыі ўладаў да мяне, да гэтых усякіх кампаній знявагі, то я скажу, што яны мяне мала чапаюць. Ад такіх улад іншага чакаць нельга. Я б куды горш сябе адчуваў, каб гэтыя ўлады пачалі мяне хваліць, набліжаць і адорваць прывілеямі... А калі мяне там лаюць і паносаць гэтыя людзі, ну, мабыць, так сказаць, я ў іх вачах гэта заслужыў — і гэта нармальна... Гэта лішні раз пацвярджае не толькі палітычную, а біялагічную сутнасць гэтых людзей... Праблема для мяне асабіста хіба ў тым, што вельмі дыскамфортна жыць ва ўмовах, калі на цябе коса глядзяць не толькі ў вялікім палацы, але і твае суседзі, вось... Калі яны не вітаюцца або кідаюць нейкія кпіны табе ў след, накшталт таго [...]: «Вот пошел белорусский письменник, такую его мать!..» Гэта мае, так сказаць, суседзі, аднапалчане, нават равеснікі... Вось гэта кепска... І тут хочацца некуды адысці ў бок, каб не чуць гэтага.

З гутаркі з В. Быкавым у 2001 г. Дашук В. Бал Сатаны // Народная воля. 2005. 17 мая.

1 лютага 2000 г.

Добры дзень, дарагая Сястрыца.

Даўно не пісаў табе — так закруцілася жыццё маё, як вярнуўся з Хельсінкаў. Найперш адразу захварэў на грып — сьпярга Ірына, затым я. Хвароба была цяжкая і даўгая. Толькі пад канец месяца неяк ачомаўся. А тут яшчэ здарылася бяда з унукамі. Быў прапаў старэйшы ўнук Сярожка — тыдзень не маглі знайсці ні ў Менску, ні ў Гародні. Думалі, што ўжо дзе забілі хлопца. Але знайшоўся, толькі абрабаваны, без капейкі грошай... (А быў ён дома, адпусцілі на пару тыдняў з арміі.) А затым малы Васятка паехаў у Віцебск на спаборніцтва (ён займаецца спортам) і там трапіў пад машыну. Было з ім клопату, маці ездзіла ў Віцебск, прывязла яго ў Гродна, цяпер лечаць у гродзенскай бальніцы. Ну, мне, вядома, усё тое выцягнула нерваў. Не памагла і прэмія, якую я атрымаў у Маскве. Атрымаў, праўда, толькі дыплом ды пазалочаную цацку, грошай яшчэ трэба чакаць... А тут, у Менску пачалася траўля па тэлебачанні — са злосьці і з зайдрасці. Праўда, заступілася Масква (напр[ыклад], газета «Известия»), але цяпер тое заступніцтва мала значыць. Тут жыць становіцца немагчыма. І ўжо ня толькі мне. Яны дабіраюцца і да хлопцаў...

З тае прычыны паеду ў Германію. Хоць да вясны. А то тут холадна, у кватэры сысюжа, Ірына ўсё прастуджаецца. Ды і я таксама. А з Германіі запрашаюць да мая-месяца. Так што 3 лютага паляцім. Наступнае пісьмо напішу ўжо адтуль.

Ну а як ты, сястрыца? Як тваё здароўе? Ці ёсьць што есьці? Ці не мёрзнеш у хаце?

Што ў Вушачы?

Як атрымаеш мой новы адрас, напішы.

А пакуль што і я і Ірына жадаем табе добрага здароўя і цёплай зімы.

Абдымаем цябе —

твой Васіль і Ірына. [...]

Хатні архіў В. Быкавай.

...Это было, кажется, накануне переезда в Германию — он сказал: «Я всю жизнь хотел жить в своей стране, пусть она маленькая, и хотел говорить на своем языке, но, видимо, ничего не получится». Я еще заметил: «Что делать, папа, не повезло родиться не в то время и не в той стране». Однако он поправил: «В стране — той, но время, может быть, действительно не то».

З інтэрв'ю С. Быкава. Сергей Быков: Отец мечтал жить в своей стране... / Инт. С. Шапрана // «Комсомольская правда» в Белоруссии. 2004. 22 июня.

«*З*ноў была нядзеля, як тады, у 1941-м»

У Мінск Быкавы вярталіся 23 мая 2003 г. самалётам «Белавія» Як-40. Пісьменнік «быў вымушаны дабірацца на Радзіму самалётам, які і маладыя ды здаровыя людзі з цяжкасцю пераносяць. У тэлефоннай размове Васіль Уладзіміравіч сказаў, што пералёт быў для іх настолькі пакутлівым, што, калі выйшлі ў праход паміж самалётам і будынкам аэрапорта, апусціліся на падлогу, а потым «трымаліся за сцены і ледзь ачунялі»¹.

25 мая з'яўляецца заява Беларускага ПЭН-Цэнтра ў сувязі з прыпыненнем выхаду газет «БДГ» і «БДГ. Для служэбнага пользвання», пад тэкстам значыцца і імя В. Быкава.

26 мая Васіль Уладзіміравіч запрашае да сябе Р. Барадуліна і В. Тараса. 28-га — Г. Бураўкіна, С. Законнікава, В. Блакіта. Падчас сустрэчы ў адказ на пытанне Генадзя Бураўкіна, на які час ён прыехаў, Быкаў адказвае: «Назаўсёды». Да таго ж становіцца вядома, што ў самога Васіля Уладзіміравіча і ў ягонай жонкі нечакана ўзніклі праблемы з мінскай прапіскай: «...у Менску, у пашпартысткі, Быкавы даведаліся, што яны абодва (!) — а пашпарт жа мяняла толькі Ірына Міхайлаўна — выпісаныя са сваёй кватэры на той падставе, што атрымалі дазвол на пастаяннае пражываньне ў Чэхіі. А кватэра не прыватызаваная. Можна сабе ўявіць шок старых людзей, і сілу ўдару для сьмяротна хворага пісьменьніка... Гэта была бліскучая і апошняя (ці адна з апошніх) апэрацыя супраць Быкава»². Але дапамагае Бураўкін, які звяртаецца да кіраўніка прэзідэнцкай Адміністрацыі У. Латыпава, аднак пры адной умове, што гэта не дойдзе да прэзідэнта.

29 мая Быкаў прыязджае ў ПЭН-Цэнтр, каб падаць заяву аб адстаўцы — па стане здароўя.

2 чэрвеня ён тэлефануе ў Навукова-даследны інстытут анкалогіі і медыцынскай радыялогіі кіраўніку аддзела Генадзю Мураўёву і просіць правесці абследаванне. Прафесар Мураўёў прыгадваў: «...спаслаўшыся на не дужа добрае самаадчуванне пасля вяртання з Прагі і неабходнасць закончыць такія-сякія неадкладныя справы, Васіль Уладзіміравіч папрасіў перанесці візіт на пятніцу 6 чэрвеня. Не ведаючы толкам сапраўднага стану яго здароўя, я пагадзіўся. Як аказалася, дарма: быў згублены цэлы тыдзень.

¹ Навумчык С. «Ён прыехаў, сам памёр, усё спакойна...» // Народная воля. 2004. 25 мая.

² Абламейка С. Вясна з Быкавым // Быкаў на Свабодзе. Выд. 2-е. [Б. м.]: Радыё Свабодная Эўропа / Радыё Свабода, 2005. С. 602.

Праўда, за гэты час у мяне было некалькі тэлефонных размоў, з якіх я зразумеў, што сітуацыя з хваробай вельмі трывожная і прымаць даводзіцца самыя экстранныя меры. У адной з гэтых размоў я спытаў Васіля Уладзіміравіча, ці не збіраецца ён зноў за мяжу. І атрымаў цвёрды, адназначны адказ: «Не, больш нікуды не паеду». Мне стала ясна, што ён усведамляў увесь цяжар свайго становішча і добра разумеў, дзеля чаго вярнуўся на Радзіму...»³

5 чэрвеня адбываецца тэлефонная размова Быкава з З. Пазьняком. Апошні прыгадваў: «Быў ён вельмі сумны, гаварыў пра сваё расчараваньне замежжам, пра цяжкі стан, безвыходнасьць, што існуе наўкола, пра тое, што яму дрэнна і ён ад'яжджае... у Бараўляны»⁴.

6 чэрвеня «ў выніку ўсебаковага абследавання [...] высветлілася, што печань амаль што цалкам занятая метастазамі ракавай пухліны і нарастае пачоначая недастатковасьць з інтаксікацыяй арганізма. Усё гэта прагрэсіруе на фоне, у першую чаргу, ішэмічнай хваробы сэрца і бронхіальнай астмы, а таксама шэрагу іншых захворванняў»⁵.

9 чэрвеня Быкаў кладзецца ў НДІ анкалогіі і медыцынскай радыялогіі. 11-га становіцца вядома: Васіль Уладзіміравіч адчувае сябе з кожным днём горш. Дактары не могуць ручацца, што ён дажыве да дня нараджэння. А застаўся толькі восем дзён. 12 чэрвеня Быкаву прызначаны курс хіміятэрапіі.

14 чэрвеня. Адзіная беларуская дзяржаўная газета, якая напярэдадні павіншувала пісьменніка з днём нараджэння, — зноў-такі «Звязда». Яна друкуе эсэ Р. Барадуліна «Урокі Быкава».

17 чэрвеня. Да Васіля Уладзіміравіча ў бальніцу паасобку прыязджаюць У. Някляеў (тая амаль гадзінная размова з Васілём Уладзіміравічам пасля стала падмуркам для апавядання «Чмель і вандроўнік», і хаця напісана ў жанры прытчы, але, як гаворыць аўтар, усе дыялогі практычна дакументальныя) і Р. Барадулін з Г. Бураўкіным. «Врачи говорили, что опасения, что Быков не доживет до дня рождения, уже практически нет: после курса химиотерапии печень стала резко уменьшаться. Однако проблема в том, что печени-то уже почти не осталось. К тому же началась интоксикация организма. Вдобавок — сердечная недостаточность. Положение спасли тогда кардиологи. Кризис — Быков мог умереть в эти дни — миновал. Предполагалось, что если ему не станет хуже, в конце июня его на две недели выпишут домой. Затем — снова курс лечения. Правда, говорили врачи, поймите, что спасти Быкова мы уже не сможем. Задача-минимум — чтобы он дожил до сентября. Хотя это может произойти в любой день»⁶.

³ Мураўёў Г. Апошнія дні // Наш Быкаў: Кніга ўспамінаў / Уклад. Г. Бураўкін. Мн.: ГА БТ «Кніга», 2004. С. 394.

⁴ Пазьняк З. Дарагі Васіль Уладзімеравіч... // Наш Быкаў. С. 177.

⁵ Мураўёў Г. Апошнія дні // Наш Быкаў. С. 394—395.

⁶ Шапран С. Последние дни Василя Быкова // «Комсомольская правда» в Белоруссии. 2004. 18 июня.

19 чэрвеня. Да Васіля Уладзіміравіча прыезджаюць павіншаваць з днём нараджэння Р. Барадулін, Г. Бураўкін, А. Вярцінскі, С. Законнікаў, А. Кудравец і В. Болтач. Ужо ўначы Быкаву стане горш...

21 чэрвеня яго пераводзяць у рэанімацыю. У гэты ж дзень у Бараўляны прыеджае дырэктар Беларускага гуманітарнага ліцэя У. Колас.

Адным з апошніх у Быкава быў сын Сяргей — 22 чэрвеня. Увечары таго ж дня Ірына Міхайлаўна тэлефануе С. Законнікаву: «Кепска яму...»⁷

У 20.10 дактары канстатуюць клінічную смерць.

...Пасля некаторых гаварылі: Быкаў прыехаў паміраць, другія — ён думаў жыць. Ірына Міхайлаўна спадзявалася да апошняга. Э. Паляноўскі пасля прывядзе яе словы: «Не было высокай страсти умереть на родине. Все было по-житейски. Василь чувствовал себя неплохо. Мы прилетели 23 мая, а на 6 июня у нас уже был взят — там, в Праге, — обратный билет. Мы собирались вернуться. Но Василь вспомнил, как чешские врачи сказали ему: «В Минске хороший онкологический центр», — и вдруг сказал мне: «Не поедем назад». Василь решил лечь здесь на долечивание. Профессор очень тепло его встретил, но сказал прямо: «Положение очень тяжелое, мы таких больных уже не берем. Но вы — Быков, и мы сделаем для вас все возможное».

Мы жили сегодняшним и немножко завтрашним днем. Собирались жить в Праге, но летом — в Минске: в Праге летом жарко, душно, а у Василя астма»⁸.

У Мінску і дасюль мяркуюць, што Быкаву, напэўна, не трэба было рабіць аперацыю — тады ён мог бы дажыць, мінімум, да свайго 80-годдзя. Ва ўсялякім выпадку беларускія дактары былі аднолькавай думкі: калі б пісьменнік звярнуўся да іх на 3—4 месяцы раней, яны перш за ўсё грунтоўна б падумалі, якім мусіць быць лячэнне... У сваю чаргу чэшскія дактары гавораць, што «тая швайцарская далікатная хіміятэрапія», як напіша потым С. Абламейка⁹, шанц на жыццё Васілю Уладзіміравічу, безумоўна, давала...

Урэшце, гісторыя і чалавечы лёс не прымаюць умоўнага ладу. Падчас — на вялікі жаль.

Цяпер шмат спрачаюцца, ці прыехаў Быкаў сьвядома паміраць на Бацькаўшчыну, ці вярнуўся ў Беларусь назаўсёды? [...]

Быкавы моцна сумаваў па Менску і па Беларусі, асабліва жалілася Ірына Міхайлаўна. Пра саму паездку ў Менск Васіль Уладзімеравіч гаварыў шмат, мяняліся і даты — то гэта была восень 2003 году, то канец лета, то ліпень. [...]

Нечакана, недзе ў другой дэкадзе траўня, Быкавы пачалі цікавіцца коштам чыгуначных і авіяцыйных білетаў. [...]

⁷ Законнікаў С. «Дома лепей...» // Наш Быкаў. С. 347.

⁸ Поляновский Э. Кто устоял в сей жизни трудной // Известия. 2003. 30 июня.

⁹ Абламейка С. Вясна з Быкавым // Быкаў на Свабодзе. С. 606.

Мы разьвіталіся на два тыдні. Ніякіх размоваў пра канчатковае вяртаньне не было. Іншая справа, што недзе падсвядома, ведаючы свой дыягназ і адчуваючы свой стан, Васіль Уладзімеравіч мог нешта прадчуваць і канчаткова адчуў гэта дома... У кожным выпадку, паводле прагнозу праскіх лекараў з той швайцарскай далікатнай хіміятэрапіяй Васіль Уладзімеравіч павінен быў пражыць яшчэ прынамсі год-паўтара...

Абламейка С. Вясна з Быкавым // Быкаў на Свабодзе. Выд. 2-е. [Б. м.]: Радыё Свабодная Эўропа / Радыё Свабода, 2005. С. 605, 606.

У наших врачей-онкологов достаточный опыт применения «Xeloda», причем применения людьми возраста Василя Владимировича и с похожим диагнозом. Эти люди жили потом и год, и два, и три...

Уже позже в СМИ сообщали, ссылаясь якобы на мнение пражских врачей, что Быков мог прожить, как минимум, год-полтора. В действительности ничего подобного никто сказать не мог, поскольку таких гарантий никто дать не мог. Но шанс у Василя Владимировича определенно был.

З гутаркі з С. Юрчанкам. Красавік 2005 г.

Цяпер — адносна таго, што Быкаў нібыта прыехаў у Беларусь паміраць. Гэтак заяўляюць прадстаўнікі ўладаў, якім хочацца, хай і пасьмяротна, прымірыць Быкава з уладай. Гэтак кажуць і некаторыя сябры, жадаючы падкрэсьліць любоў Быкава да Беларусі. [...]

Але Васіль Уладзімеравіч ня ехаў у Менск паміраць. Магчыма, прыехаўшы, ён зразумеў, што ўжо нікуды зь Беларусі ня зьедзе, — але паміраць ён ня ехаў, і гэтаму ёсьць доказы.

Празь некалькі дзён пасля прыезду Васіль Уладзімеравіч папрасіў мяне перадаць яму з аказіяй ягоны пэрсанальны кампутар. [...] А крыху пазьней, ужо ў Бараўлянах, Васіль Уладзімеравіч праз Ірыну Міхайлаўну надыктаваў сьпіс рэчаў з праскай кватэры, якія я яму таксама перадаў: два нататнікі (адзін з уласнымі малюнкамі, якія ён рабіў у Празе [...], другі — з нататкамі і роздумаў над прачытаным, якія потым назавуць «дзёньнікам»), лісты, на якія не пасьпеў адказаць, некаторыя рукапісы ненадрукаваных твораў, фатаздымкі. А таксама прыладу для вымярэння ціску, мабільны тэлефон і некаторыя іншыя рэчы, — тое, што ён хацеў мець пры сабе. І абавязкова ўзяў бы, калі б ведаў, што зьяжджае назаўсёды. І ўжо, канечне, у такім выпадку ён ня браў бы зваротнага білета ў Прагу.

Навумчык С. «Ён прыехаў, сам памёр, усё спакойна»: Апошнія тыдні Василя Быкава // Быкаў на Свабодзе. С. 614—615.

Я должен был встретить его в аэропорту, и сразу с аэропорта мы должны были ехать больницу на контроль — нас должен был ждать онколог. Мы думали, что это будет кратковременная поездка. По возвращении мы предполагали продолжить лечение.

К слову сказать, мы не рекомендовали Василию Владимировичу поездку до окончания хотя бы третьего цикла химиотерапии. Однако он настаивал. Тогда мы уже не рекомендовали лететь самолетом — поехать хотя бы поездом. Он не послушался...

З гутаркі з С. Юрчанкам.

В аэропорту Быкова встречал сын Сергей. Сегодня он вспоминает:

— Тогда отец показался мне... Я еще не думал и не гадал, что все так закончится. На вопрос о здоровье он по своей обычной скромности ответил: «Все нормально». Впрочем, я старался не докучать с расспросами, поскольку знал, что операция была тяжелой. Единственное, что еще спросил, надолго ли он приехал. «Недели на две. Как окрепну, так и поеду», — примерно так ответил он тогда... Уже по приезде домой я лишь занес вещи и ушел. Не хотел утомлять.

К слову сказать, через несколько дней Василь Владимирович был у Сергея в гостях, как раз в то время в Минск из Гродно приехал и младший сын Быкова Василий. Но особого семейного торжества не получилось, поскольку видно было, что отец чувствует себя неважно.

— Ему не елось и не пилося, — говорит Сергей Васильевич. — Он лишь расспрашивал, как мы живем, как работа, как внуки. О болезни мы не спрашивали, поскольку считали это неэтичным. Да и чувствовалось, что он сам не хочет говорить об этом. Поэтому уже часа через полтора мы отвезли его домой.

Из-за плохого самочувствия Быков первые несколько дней к телефону не подходил. Лишь сам иногда звонил друзьям и близким. Вспоминает сестра Василя Владимировича Валентина:

«Василь как вернулся, сразу позвонил мне:

— Ну як, сястрыца, тваё здароўе?

— Ну нічога, памаленьку шавялюся. — Хоць было мне і худа, але ж я не кажу нічога.

— А як ты, мой браток?

— Ну нічога. Вось ужо прыехалі на радзіму, у Мінск. Там, у Празе, я лячыўся-лячыўся, зараз у Мінску буду лячыцца.

— А што, браток, ты там яшчэ не скончыў лячэнне?

— Не, тут яшчэ трэба праходзіць курс: на ўколы хадзіць, таблеткі прымаць.

Я еще подумала: должно быть, что-то недоброе с Василем, однако сказала:

— А як ты, браток, адчуваеш сябе?

— З аднаго боку, лепш, а з другога — горш.

Вот так сказал мне тогда».

Шапран С. 14 дней одного года // Белорусская деловая газета. 2004. 21 мая.

...Калі Быкаў пераступіў парог сваёй менскай кватэры, яго твар падабрэў, пасьвятлеў, і ён вымавіў: «Можа, ня ехаць у Прагу, заставацца тут». [...] У дзень прыезду Быкаў наведася ў госьці да старэйшага сына Сяргея, і там жа быў яго ўнук, таксама Сяргей, якога Быкаў вельмі любіў і за якога ўвесь час перажываў [...]. На наступны дзень з Горадні прыехаў малодшы сын, Васіль. Выраслі, што ён паставіць сваю машыну ў бацькаў гараж, там жа ля дому, 200 мэтраў ад быкаўскага пад'езду. Трэба было выгнаць быкаўскую «Волгу» і загнаць машыну сына. Яны пайшлі, і Ірына Міхайлаўна дзье гадзіны іх чакала. Нарэшце ня вытрымала і пайшла ў гараж сама. Кажа, прыйшла, а Васіль стаіць спалатнелы — яна зразумела, што быкаўская «Волга» не заводзілася, і яны корпаліся ў матары. Ірына Міхайлаўна нават зрабіла Васілю-малодшаму вымову — маўляў, сам лекар, павінен разумець стан бацькі. А мне падумалася, што Васіль Уладзімеравіч пасля таго, як год ці два ня бачыўся з сынам, меў вялікую і апошнюю асалоду папрацаваць пару гадзінаў побач зь ім у гаражы, пагаварыць...

Абламейка С. Вясна з Быкавым // Быкаў на Свабодзе. С. 601.

24 мая

Утренний звонок, какая-то тревога. Василь. Прилетел. Я аж расплакался от неожиданной радости и подспудной тревоги. Сказал, чтоб никому не говорил, что приехал. В понедельник должны встретиться. Как пережить целых два дня?

26 мая

Пришел к Василю. Уставший, измученный, загнанный. Но не озлобившийся. Хочет вернуться. Я ему шапку принес. Василь еще по зиме шапку заказывал, я купил, но никак передать не мог. Ирина Михайловна фотографию сделала: я в летней шапке, Быков — в зимней.

З дзёння Р. Барадуліна. Василь Быков: Я — куст асоту ў жыце Беларускай // «Комсомольская правда» в Белоруссии. 2003. 24 июня.

На трэці дзень пасля прылёту Васіль запрасіў нас да сябе — мяне, Сяргея Законнікава і Валянціна Болтача. Мы павінны былі прыйсці да яго вечарам, але напярэдадні ён пазваніў і папрасіў прыйсці назаўтра раніцай. Відаць, Васіль пагана сябе адчуваў, бо пасля прызнаўся, што пералёт для яго і для Ірыны Міхайлаўны быў вельмі цяжкі.

Помню, калі я яго ўбачыў... Я ведаў, якая цяжкая была аперацыя, што ён сябе пачувае не надта — мы ж гаварылі з ім па тэлефоне, і хаця ён ніколі не скардзіўся на здароўе, але я добра ведаў Васіля, калі ўжо ён казаў, што яму нялёгка, дык яму сапраўды цяжка, вельмі цяжка... Першае, што мяне парадавала, — выглядаў ён, як мне здалося, няблага. Я чакаў, так бы мовіць, горшага. Адзінае, што адразу ўразіла, — у яго былі ўжо другія вочы, не тыя быкаўскія,

якія я добра памятаў. У ягоных вачах была стома, прытым нават не фізічная — здавалася, што чалавек ужо стаміўся жыць. Вось гэта прамільгнула ў ягоных вачах, калі мы сустрэліся і абняліся...

Першае, што я спытаў:

— Васіль, ты надоўга?

Ён паглядзеў на мяне «новымі», сумнымі вачамі і сказаў:

— Назаўсёды.

І тады я зразумеў, што са здароўем у яго сапраўды больш чым дрэнна. Але ён гэтую тэму адразу закончыў. Мы пайшлі за стол. Ён быў, можа, не такі актыўны, як звычайна, аднак такі ж мілы, слаўны Васіль...

А потым, калі мы сядзелі ўжо ў кабінёце, хлопцы зноў спыталіся: «Васіль Уладзіміравіч, а як самаадчуванне?» Ён горка ўсміхнуўся і адказаў:

— Ну якое можа быць самаадчуванне ў чалавека, у якога рак у чацвёртай ступені?

Праз некалькі дзён, калі я зноў да яго забегся, Ірына Міхайлаўна сказала, што Васіль сябе адчувае блага. Хаця трымаўся ён па-ранейшаму важна.

З гутарак з Г. Бураўкіным. 2003—2005 гг.

У дзень, калі Васіль Уладзімеравіч папрасіў перадаць яму кампутар, ён сказаў, што вакол яго адбываюцца некаторыя падзеі, але ён ня хоча пра іх казаць па тэлефоне, «вярнуся ў Прагу — тады раскажу». І запытаўся, калі прыедзе ў Менск Аляксандар Лукашук. Аляксандар сапраўды збіраўся ў Беларусь, але паездка адклалася, і я папрасіў яго тэрмінова пазваніць Быкаву [...]. Тут і далей выказваньні ўдзельнікаў падзеяў прыводзяцца даслоўна:

А. Лукашук: «Напрыканцы лютага — напачатку красавіка я дапамагаў Быкавым стаць на ўлік у беларускай амбасадзе і запоўніць дакумэнты на атрыманьне новага пашпарта для Ірыны Міхайлаўны. На маіх вачах былі запоўненыя формы, консул Валавік Андрэй Уладзімеравіч заявіў, што Ірына Міхайлаўна мае права атрымаць новы пашпарт у амбасадзе, бо мае дазвол на сталае пражываньне. Прапіска ці права на жыллё ніяк ня згадвалася. Консул вызваліў Быкавых ад аплаты збораў.

8 траўня Быкавым пазванілі з амбасады і сказалі, што пашпарт гатовы. Назаўтра прадстаўнікі амбасады заехалі за Быкавым, каб запрасіць яго на ўскладаньне кветак да магілаў савецкіх салдат на Альшанскіх могілках, і ўручылі пашпарт Ірыне Міхайлаўне. У ім не было штампа прапіскі. З гэтай нагоды Ірына Міхайлаўна адмовілася аддаць у амбасаду стары пашпарт.

Пасьля нечаканага ад'езду Васіля Ўладзімеравіча і Ірыны Міхайлаўны з Прагі ў Менск 23 траўня ўпершыню гаварыў з Васілём Уладзімеравічам недзе праз тыдзень. У той дзень Сяргей Навумчык сказаў, што Васіль Уладзімеравіч гаварыў пра надзвычайную навіну, але не хацеў даваць падрабязнасьцяў па тэлефоне. Я спытаўся пра гэтую навіну — Васіль Уладзімеравіч пацьвердзіў, што ёсць навіна, і яшчэ якая, і яна тычыцца яго.

Недзе празь некалькі дзён я зноў гаварыў зь ім па тэлефоне і зноў спытаўся пра важную навіну. Васіль Уладзімеравіч расказаў, што іх пазбавілі прапіскі. Па ягоных словах, прапіскі пазбаўлены і ён, і жонка. І няясна, ці могуць яны ўвогуле цяпер знаходзіцца ў гэтай кватэры, якая не была прыватызаваная. Васіль Уладзімеравіч сказаў, што ў ЖЭСе яму паказалі нейкі закон і інструкцыю, зь якой вынікала, што яны выпісаныя цалкам законна. Ён некалькі разоў спасылаўся на гэтыя дакумэнты».

Паводле ведамасных інструкцыяў МЗС і МУС (інструкцыяў, а не закону!), асобы, якія стала пражываюць за мяжой, павінны падаць заяву аб адмове ад прапіскі ў Беларусі — у тым разе, зразумела, калі яны хочуць мець беларускі пашпарт і легальна наведваць радзіму. Гэтае правіла не распаўсюджваецца на тых, хто мае часовую ці, напрыклад, гадавую візу. У Быкавых была сталая чэская віза. З другога боку, тэрмін дзеяння візы быў пятнаццаць гадоў («Мне гэтага хопіць», — казаў Васіль Уладзімеравіч), што давала б беларускім уладам магчымасьць разглядаць яе як часовую. [...]

Першае, што я прапанаваў Васілю Ўладзімеравічу [...], — гэта даць інфармацыю ў прэсу. [...] Аднак Васіль Уладзімеравіч настойліва папрасіў гэтага не рабіць: «Так хоць застаецца якая-небудзь надзея, а калі іх раззлаваць — тады проста выкінуць з хаты». Перад шпіталізацыяй я некалькі разоў размаўляў па тэлефоне з Васілём Уладзімеравічам, і ён увесь час быў занепакоены гэтай праблемай. У адной з тэлефонных размоваў ён нават сказаў маёй жонцы Галіне, што вось, маўляў, пакуль яшчэ живуць на Танкавай, ня выселілі, «пакуль ніхто ня ўнёс сюды свае чамаданы, а могуць і засяліць якога перадавіка вытворчасці з трактарнага заводу»...

Ізноў слова Аляксандру Лукашуку:

А. Лукашук: «На пытаньне, што ён плянуе рабіць, Васіль Уладзімеравіч адказаў няпэўна: маўляў, раюся. На той момант ён не звяртаўся да афіцыйных асобаў, хаця ўжо яму званілі намеснік міністра культуры, пазьней, здаецца, дэпутат Чаргінец, а потым званіў міністар культуры Гуляка.

Я пазваніў у амбасаду дарадцу Віктару Міхайлавічу Казлову, які неаднаразова бываў на афіцыйных сустрэчах радыё «Свабода», распавёў пра стан справаў і выказаў меркаваньне, што амбасада выглядае ў гэтай сытуацыі двухсэнсоўна, як праваднік апэрацыі спэцслужбаў. Пазьней мне перазваніў консул Валавік, якому я таксама паўтарыў гэта. Абодва выказвалі здзіўленьне, казалі, што гэта глупства на месцах, да якога амбасада і МЗС ня маюць ніякага дачынення. Валавік абяцаў неадкладна ўсё высьветліць і дапамагчы палагодзіць».

У тэлефонных размовах Васіль Уладзімеравіч у тыя дні і мне казаў, што звярнуўся па дапамогу да сябра, і, магчыма, нешта ўдасца зрабіць. Гэтым чалавекам быў Генадзь Бураўкін [...].

Навумчык С. «Ён прыехаў, сам памёр, усё спакойна» // Быкаў на Свабодзе. С. 615—617, 618—619.

Яшчэ перад прыездам Васіля ў Беларусь мяне, праз аднаго майго сябра, папрасіў аб сустрэчы кіраўнік Адміністрацыі прэзідэнта Урал Рамдракавіч Латыпаў. Гаворка павінна была ісці пра Быкава. Я згадзіўся...

Сустрэліся мы ў адным рэстаранчыку. Латыпаў папытаўся, як стан здароўя Васіля, ці не патрэбна якая-небудзь дапамога... Я тады збіраўся ехаць у Прагу праведаць Васіля. Заадно Аляксандр Старыкевіч, рэдактар газеты «Салідарнасць», папрасіў мяне зрабіць інтэрв'ю з Быкавым, які катэгарычна адмаўляўся ад усялякіх размоў з журналістамі. І я, тэлефануючы Васілю, сказаў, што хачу прыехаць (ён абрадаваўся) і заадно выказаў надзею, што ён не адмовіць у інтэрв'ю, самым кароценькім. На што Васіль адказаў: «Прыезджай, тады паглядзім».

Размова адбылася не болей чым за тыдзень да яго прыезду ў Мінск. Я пачаў збірацца. Але Васіль, відаць, ужо тады вырашыў, што вернецца, аднак нічога аб гэтым мне не сказаў. І вось якраз тады мне і перадалі просьбу Латыпава.

Я так і сказаў Уралу Рамдракавічу, што збіраюся ў Прагу, што Васілю зрабілі аперацыю, вельмі няпростую, што ў яго метастазы ў печані... Латыпаў спытаў, чым можна дапамагчы — лекамі ці яшчэ як. Я адказаў, што, наколькі ведаю, ніякіх праблем з лекамі ў яго няма, а які ў яго стан і што наогул Васіль збіраецца рабіць, вось калі вярнуся, тады і змагу даць адказ, калі гэта вас цікавіць...

Трэба адзначыць, што Латыпаў падчас размовы неаднойчы падкрэсліваў, што вельмі паважае Васіля Быкава і гаворыць толькі ад свайго імя.

Вось такая адбылася ў нас гаворка, працягнуць якую мы дамовіліся пасля таго, як я вярнуся з Прагі.

І раптам, нечакана для мяне — не ведаю, наколькі нечакана для іншых, — Васіль прылятае ў Мінск. Мы сустрэліся, і, будучы сам-насам, я сказаў Васілю:

— У мяне была сустрэча з Латыпавым, які пытаўся пра цябе і прапаноўваў дапамогу, калі яна патрэбна.

Васіль на гэта адказаў:

— Ты ведаеш мае адносіны да нашых кіраўнікоў.

— Так. Але я лічу Латыпава дастаткова інтэлігентным чалавекам. Тым больш што ўвесь час ён падкрэсліваў, што гэта яго асабістая ініцыятыва. Таму, калі што-небудзь трэба, ты скажы. Я сустрэнуся з Латыпавым яшчэ раз.

— Ніякай дапамогі мне не трэба. Ёсць толькі адна праблема — з прапіскай Ірыны...

Справа ў тым, што Ірына Міхайлаўна ў нашым консульстве ў Празе абмяняла стары пашпарт на новы. Аднак калі пайшла ў ЖЭС, каб паставіць штамп аб мінскай прапісцы, ёй казалі, што зрабіць гэтага яны не змогуць, паколькі ў яе чэшскі штамп аб пастаянным пражыванні ў Чэхіі.

— Тут, Генадзь, у мяне праблема... — сказаў Васіль. — У выпадку чаго... — Ён сумна і шматзначна замоўк. — Для мяне гэта будзе трагедыя. Таму што,

калі не будзе штампа аб мінскай прапісцы, Ірыну выкінуць, а кватэру забярэ дзяржава. Гэта мяне турбуе... А ўсё астатняе неістотнае...

Пасля гэтага я звязаўся з Латыпавым і сказаў, што ёсць патрэба сустрэцца. Ён прыехаў да мяне на дачу. Я папярэдзіў:

— Васіль не хоча быць некаму абавязаным. Тым больш каб гэта было звязана з Лукашэнкам. Ён помніць, як Аляксандр Рыгоравіч сказаў некалі, што на пахаванне Генадзю Дзмітрыевічу Карпенку чаравікі купляў. Васіль баіцца, каб нешта такое не было заяўлена пасля ягонай смерці.

На гэта Латыпаў заўважыў:

— Я ж вам сказаў, што гэта мая асабістая ініцыятыва.

— Калі сапраўды гэта не дойдзе да Лукашэнкі, тады я скажу аб адной турбоце, якая вельмі трывожыць Васіля. Гэта — прапіска Ірыны Міхайлаўны. Наколькі разумею, для вас гэта не праблема.

— Абсалютна... А яшчэ?

— А больш ніякіх просьбаў няма.

— Можа, з лекамі?

— Не. Гэта адзінае, аб чым сказаў мне Васіль.

— Добра. Дапамагу.

Потым я папрасіў яшчэ аб адным, ужо па ўласнай ініцыятыве:

— На паліграфкабмінаце ляжыць набраны першы том збору твораў Быкава. Каб выпусціць яго, спатрэбіцца літаральна некалькі дзён. Дайце, калі ласка, каманду аддрукаваць хаця б дзесятак экзэмпляраў, каб Васіль патрымаў у руках гэты том...

Латыпаў адказаў:

— Генадзь Мікалаевіч, пастараюся і гэта зрабіць.

Што датычыцца першай просьбы, Урал Рамдракавіч аператыўна дапамог: Ірыну Міхайлаўну прапісалі вельмі хутка — усё было зроблена літаральна за некалькі гадзін. І Васіль сказаў мне: «Дзякуй, Генадзь». Думаю, што добра, што ён паспеў зняць з душы гэты клопат, — гэта было вырашана яшчэ да Бараўлян.

Што ж датычыцца другой маёй просьбы, дык пазней я даведаўся: званок выдаўцам быў, аднак пасля — не ведаю ўжо, якія сілы ўмяшаліся — быў яшчэ адзін званок: не друкаваць. Якраз гэты званок аказаўся вырашальным.

З гутарак з Г. Бураўкіным.

Ірына Міхайлаўна сказала, што шмат дапамагаў міністар культуры Гуляка, прычым і з кватэрай, і зь лекамі ў Бараўлянах... Былі і іншыя памочнікі. Якраз гэтую сытуацыю меў на ўвазе самы галоўны беларус, калі сказаў у эфіры НТВ, што зрабіў для Быкава ўсё, аб чым пісьменьнік прасіў. Я дагэтуль ня ведаю, ці звяртаўся Васіль Уладзімеравіч, напрыклад, да Латыпава (хоць Ірына Міхайлаўна і казалася, што Латыпаў «атрымаў вымову» за кан-

такты з Быкавым), але ведаючы Быкава, яго настроі і стаўленьне да сёньняшняй беларускай улады ад яго самога, магу сабе ўявіць ступень адчаю і прыніжэньня, якое яго прымусілі перажыць, нават калі ня ён сам, а нехта са сваякоў ці сяброў пазваніў у адміністрацыю прэзідэнта... [...]

Якраз сытуацыя вакол прапіскі і стала прычынай таго, што сваякі не захацелі абвяргаць выказваньняў Лукашэнкі, што ён нібыта зрабіў для пісьменьніка ўсё, аб чым той прасіў.

Гісторыя аддасць належнае кожнаму з удзельнікаў гэтай драмы. Мне ж тыя падзеі яшчэ раз паказалі, наколькі далёкія людзі з сучаснага кіраўніцтва Беларусі ад маралі і культуры.

Абламейка С. Вясна з Быкавым // Быкаў на Свабодзе. С. 602—603.

Мая перадапошняя размова з Васілём Уладзімеравічам адбылася 4 чэрвеня, я папрасіў яго выказацца наконт ліквідацыі Беларускага нацыянальнага гуманітарнага ліцэю, і словы «*трэба змагацца за родную мову*» сталі апошнімі словамі ягонага апошняга інтэрвію.

Навумчык С. «Ён прыехаў, сам памёр, усё спакойна» // Быкаў на Свабодзе. С. 620.

Тое, што робіцца зь беларускім ліцэем апошнія гады, увогуле зразумела і зьяўляецца складовай часткай агульнай палітыкі адносна нацыянальнай культуры і беларускай мовы. І калі гэты ліцэй не зачынілі яшчэ некалькі гадоў таму, дык толькі таму, што адклалі гэтую апэрацыю, каб яе расьцягнуць. Мабыць, каб не рабіць шуму. Але я думаю, што барацьба ліцэістаў, выкладчыкаў усё ж павінна прынесці нейкі плён. І таму ўсімі даступнымі спосабамі трэба змагацца за родную мову.

З інтэрв'ю В. Быкава на радыё «Свабода» 4 чэрв. 2003 г. Навумчык С. «Барацьба ліцэістаў, выкладчыкаў павінна мець плён» // Быкаў на Свабодзе. С. 340—341.

Тады ж [4 чэрвеня. — С. Ш.] Васіль Уладзімеравіч сказаў мне, што праблема пашпарта Ірыны Міхайлаўны вырашаная, хаця невядома, што будзе зь ягоным пашпартам, калі спатрэбіцца замена. Але гэта ўжо не турбавала Васіля Ўладзімеравіча, ён адчуваў сябе вельмі дрэнна, і я запісаў ягоныя словы: «Сярожа, цяпер паперкі, штампікі ў пашпарце мяне ўжо не цікавяць. Могуць быць, а могуць і ня быць...»

На наступны дзень Васіль Уладзімеравіч сказаў, што кладзецца ў Бараўляны.

Ну а тое, ці была гэтая гісторыя выпадковай і якая ў ёй роля ўладаў, — у тыя ж дні вызначыў сам Быкаў.

А. Лукашук: «Васіль Уладзімеравіч ацэньваў сытуацыю як спэцыяльна праведзеную апэрацыю ўладаў, ён і жонка былі надзвычай знерваваныя гэтым здарэньнем і цяжка перажылі гэты ўдар».

У тым, што гэтая калатнеча з прапіскай забрала ў Быкава апошнія сілы, перакананыя ўсе, каму Васіль Уладзімеравіч палічыў патрэбным пра яе сказаць. «Васіль быў у адчаі», — прыгадвае Рыгор Барадулін. [...]

Яшчэ калі Васіль Уладзімеравіч быў жывы, я даведаўся пра адну размову, якая калі не канчаткова, дык у значнай ступені патлумачыла тое, што рабілася вакол Быкава ў апошнія тыдні. Да дня нараджэння Васіля Уладзімеравіча я напісаў невялікі артыкул і 16 чэрвеня размаўляў з галоўным рэдактарам «Народнай волі» Іосіфам Сярэдзічам [...]:

І. Сярэдзіч: «Літаральна на наступны дзень пасля вяртання Васіля Быкава з Прагі ў Менск я сустрэўся з адным добрым знаёмым, чыноўнікам высокага рангу, які ў найбліжэйшым атачэнні Лукашэнкі. І вы ведаеце, я заўважыў проста, як ён, паціраючы рукі, сказаў, што «я вось пераконваў, усе пагадзіліся», і менавіта толькі дзякуючы яму і найбліжэйшаму атачэнню Лукашэнкі Васіль Быкаў «зьявіўся паміраць» — менавіта «паміраць» — на радзіму. Таму што — ён так і сказаў: «Ты ж ведаеш, калі б Васіль Быкаў памёр у Празе, як бы яго сустракала ўся грамадзкасць на чыгуначным вакзале альбо ў аэрапорце, калі б самалётам, гэта вылілася б у вялікую, можа, маніфэстацыю. А тут — ён прыехаў, сам памёр, усё спакойна».

Заўважым, што гэтыя словы высокапастаўлены чыноўнік лукашэнкаўскай адміністрацыі сказаў на наступны дзень пасля прыезду Васіля Уладзімеравіча ў Менск — калі Быкаў яшчэ ня ведаў, што яго чакае і не плянаваў класьціся ў Бараўляны.

Аднак менавіта ў сьмерці Быкава рэжым бачыў сваю перамогу. І — прысьпешыў яе.

Навумчык С. «Ён прыехаў, сам памёр, усё спакойна» // Быкаў на Свабодзе. С. 620, 626.

Інтуітыўна я адчуў, што размаўляю апошні раз, і што Быкаў, відаць, гэта таксама ведае.

Я пачаў яго роблена падбздэрваць і гаварыць банальнасьці. Атрымлівалася фальшыва. Быкаў уздыхаў, хмыкаў і сьціпла цярэў, пакуль я ня змоўк. Гэтага маўчаньня мне хапіла, каб вярнуцца ў рэальнасьць. І я сказаў яму тое, што думаю і кажу заўсёды: «Што б ні было, Васіль Уладзімеравіч, і што б хто ні рабіў, я ведаю адно — жыве Беларусь і будзе жыць. Ніхто ўжо не пераможа, ніякая гэбоўская Расея і ніякая лібэрал-Эўропа. Наша будучыня з намі. Гэтак станецца. Верце мне. Яна ўжо йдзе, толькі ніхто ня бачыць».

Голас Быкава пацяплеў, і я зразумеў, што ён заўсьміхаўся і нават узрадаваўся. Ён заўсёды ўсьміхаўся і радаваўся, калі я яму такое казаў, лагодна адмаўляючы мой аптымізм. «Ну, дай жа Бо-ожа, як кажуць, дай жа Бо-ожа», — паўтараў з таго боку прыхільны голас. Ён і цяпер гучыць мне ў вушах.

Пазьняк З. Дарагі Васіль Уладзімеравіч... // Наш Быкаў: Кніга ўспамінаў / Уклад. Г. Бураўкін. Мн.: ГА БТ «Кніга», 2004. С. 177.

— Еще достаточно долго говорили о предложении руководителя Свободного профсоюза Геннадия Быкова реставрировать дом в Бычках, — вспоминает Владимир Орлов. — Однако суть разговора сводилась к тому, что Василь Владимирович просил меня, чтобы я уговорил Геннадия Быкова не заниматься этой реставрацией. И одновременно он отказался от предложения поехать в Бычки (Геннадий предлагал съездить туда небольшой компанией и заснять путешествие на видео). Впрочем, отказался не категорично, а как-то неуверенно. Сказал тогда: «Валодзя, яшчэ ўчора была праблема не тое што на радзіму з'ездзіць, а з пакоя ў пакой прайсці». [...] И снова, и снова возвращался к тому, чтобы не трогали его «бацькоўскую хату», говорил: «Іначай яе спаляць».

Шапран С. 14 дней одного года // Белорусская деловая газета. 2004. 21 мая.

Як высветлілася па вяртанні на Радзіму, хіміятэрапія аказалася неэфектыўнай, была адменена і назначана новая схема на фоне ўсебаковай падтрымліваючай тэрапіі.

Мурэўёў Г. Апошнія дні // Наш Быкаў. С. 395.

Самае большае, чаго баяліся праскія лекары, — што ў Менску будзе прымененая хіміятэрапія не праз таблеткі, а праз кропельніцу. «Ён яе не перанясе», — сказаў мне Сяргей Юрчанка яшчэ ў сярэдзіне чэрвеня 2003 году, калі даведаўся, што Быкаў у Бараўлянах. Але ў Бараўлянах прымянілі менавіта яе.

Навумчык С. «Ён прыехаў, сам памёр, усё спакойна» // Быкаў на Свабодзе. С. 625.

С. Шапран: Уже в Боровлянах была применена та схема лечения, от которой отказались врачи в Праге...

С. Юрченко: Никакой официальной информации у меня на этот счет нет. Мы лишь слышали, что будто бы была применена внутривенная химиотерапия, и что возникли осложнения с сердцем, которые, возможно, были вызваны именно применением этой химиотерапии (в результате Василь Владимирович и оказался в реанимации).

Конечно, каждый институт, каждый профессор имеет свое мнение о том, как именно следует лечить. Однако существуют и определенные международные взгляды на подобные вопросы. Тот, кто прочтет в любом фармсправочнике о «Xeloda» (не говорю уж о научных медицинских публикациях), поймет, что это препарат первого выбора — то есть лекарство, которое надо применять сразу, не дожидаясь неэффективности других препаратов — как раз при диагнозе, который и был у Быкова. Там же говорится и о необходимости монотерапии (без комбинации с другими химиотерапевтическими препаратами).

Не исключаю, что препарат «Xeloda» показался белорусским врачам слишком дорогим. Но дело в том, что его запаса, который мы дали Васи-

лю Владимировичу с собой, хватало на окончание трех курсов — до конца июня. (В дальнейшем тоже бы не было никаких проблем, поскольку такие препараты в Чехии для больных бесплатны и всегда доступны.)

Впрочем, за день до госпитализации в Боровляны Василь Владимирович, сам позвонив мне, сказал, что чувствует себя не очень хорошо — после перелета, после всех этих стрессов, связанных с какими-то проблемами с квартирой и иными бытовыми вопросами. Сказал, что ему необходимо задержаться еще на несколько дней в Минске и что в связи с ухудшением самочувствия и усталостью не принимал «Xeloda» последние пару дней второго цикла, пояснив, что его уговаривают обследоваться в Боровлянах и до результатов обследования препарат принимать ему не советовали. Теперь же звонил, чтобы спросить нашего совета. Я ответил: «Ну что ж, Вы уже в Минске. Если Вам надо задержаться, у Вас с собой все необходимые бумаги, и если хотите пройти контрольное обследование в НИИ онкологии — пожалуйста, обследуйтесь, эту возможность мы обсуждали перед отъездом из Праги». Это был наш последний разговор. На этом наши контакты прервались.

С. Ш.: А кто посоветовал Василию Владимировичу не принимать «Xeloda»?

С. Ю.: Мне это неизвестно.

Когда Василь Владимирович уезжал в Минск, с собой мы ему дали все необходимые лекарства, в том числе и для поддержания сердечной деятельности, работы печени и т. д., а также несколько выписок из истории болезни: одна, упрощенная, для, скажем так, немедицинской публики; вторая, предназначенная для Боровлян, носила сугубо медицинский характер, хотя и она не была на сто процентов полная — только самое главное: даты, перечень обследований, диагнозы, дозировка «Xeloda» и последние анализы.

С. Ш.: Вы сказали, вторая выписка была предназначена для Боровлян. То есть когда Быков уезжал, уже было известно, что он ляжет в Боровляны?

С. Ю.: Нет, разговор шел о том, что если состояние его здоровья ухудшится, другого варианта нет — надо будет обратиться в онкологический центр в Боровляны, где должны быть достаточно квалифицированные врачи. При этом мы говорили: «Василь Владимирович, если обратитесь туда, обязательно покажите нашу выписку с тем, чтобы врачи в Боровлянах связались с нами». В той выписке были все контакты: наши телефоны, факсы, электронная почта — абсолютно все! Если бы с нами связались, мы бы сразу выслали и сканированную компьютерную томографию, и старые анализы — в общем, перегнули бы в Минск всю дополнительную информацию. Это было бы делом двадцати минут. Но, к сожалению, никто к нам не обратился. И честно говоря... Я в данном случае высказываю не свое личное мнение, а всех наших врачей, имевших отношение к судьбе Василя Владимировича и, конечно, впоследствии интересовавшихся ею: всех нас, в том числе и профессора Пафко, мягко говоря, удивило — а если говорить без обиняков,

то оскорбило, — что никто из Боровлян не обратился. Хотя это нормальная мировая практика в современной медицине, когда, например, семейные доктора из Италии или Кувейта присылают нам по факсу или электронной почтой истории болезней того или иного человека размером в тридцать-сорок страниц!..

З гутаркі з С. Юрчанкам.

Штодня збіраліся кансіліумы вядучых спецыялістаў: анколагаў, хіміятэрапеўтаў, радыёлагаў, кардыёлагаў, алерголагаў, рабілася ўсё магчымае і нават немагчымае. Але было позна. Стала ясным, што жыць яму засталася максімум месяц... Паўстала пытанне, як зрабіць, каб Васіль Уладзіміравіч хаця б змог сустрэць свой дзень нараджэння — 19 чэрвеня. Пасля пакутлівага роздуму, праводзячы яго дадому, я спытаў:

— Васіль Уладзіміравіч, як Вы паставіцеся да шпіталізацыі ў наш інстытут?

— А карысць будзе? — пацікавіўся Васіль Уладзіміравіч і, адчуўшы маю няўпэўненасць, не чакаючы адказу, дадаў: — Увогуле так, мусіць, будзе лепш для маіх родных... — і цвёрда паабяцаў: — У панядзелак прыеду...

У панядзелак 9 чэрвеня Васіль Уладзіміравіч прыехаў у інстытут. Выглядаў ён ужо горш, чым напярэдадні.

Мураўёў Г. Апошнія дні // Наш Быкаў. С. 395.

Калі 11 чэрвеня мы былі ў яго з Генадзем [Г. Бураўкіным. — С. Ш.], ён каля дзвюх гадзін гаварыў з намі. А потым папрасіў, каб паправілі падушку, дапамаглі прыўзняцца на ложку вышэй, глянуў у вакно: «Хараство якое... Лета... І так хочацца на волю».

Пра самаадчуванне Васіля Уладзіміравіча найлепш ведаў яго ўрач Генадзь Мікалаевіч Мураўёў. Ён сказаў, што ўсё залежыць ад арганізма. Калі ён вытрымае лекавую нагрузку, то можна спадзявацца на паляпшэнне.

Нейкая, хоць і няпэўная надзея пасялілася ў душы, калі 13 чэрвеня патэлефанавала Ірына Міхайлаўна. Яна сказала: «Папрасіў кавы. А кавы Васіль хоча тады, калі настрой у яго лепшае. Зараз згатую».

Законнікаў С. «Дома лепей...» // Наш Быкаў. С. 346.

У Менску я быў раніцай 17 чэрвеня і, кінуўшы дома рэчы, адразу паехаў у Бараўляны. Па дарозе купіў на Камароўцы ружу і суніцы на сунічніку. Спеляя, пахкія, толькі што з лесу...

Васіль Уладзіміравіч ляжаў на высокіх падушках — збялелы, схуднелы, знясілены хваробай. Відаць было, што ён на мяжы... Праглынуўшы камяк у горле, я ледзьве прагаварыў, што аб заклад гатовы пабіцца: ён даўно не быў у суніцах — праз тое і прыхварэў... Падаў букецік, ён сарваў ягаду: «Праўда, даўно...»

Падключаны да жыцця трубкамі і дратамі, ён не ўставаў. Я нахіліўся, пацалаваліся... Вочы ў яго былі жывымі, яснымі, пранізлівымі. Такімі яны потым і наплывалі на мяне ў сне [...] — з паглядам з болю...

Укалоўшыся [...] ружай, я аддаў яе Ірыне Міхайлаўне, якая гаспадарыла ў шпітальнай палаце, і сказаў Васілю Уладзіміравічу, што пісаў нядаўна адну рэч, паэму, і ўсё думаў: што ж на гэтым свеце чалавеку трэба? Ну, у рэшце рэшт... Але так і не датумкаў, дык вось прыехаў спытацца ў яго, як ён думае...

Голас я, гуляючы ў тое, што ўсё добра, толькі невядома, для чаго, ужо знайшоў у сабе дастаткова бадзёры, але Быкаў не стаў падтрымліваць гульні, адказаўшы ціха і сур'ёзна, што трэба чалавеку на свеце зусім няшмат. Адно жыццё, адна смерць, адна кветка.

Прысеўшы да яго на ложак, я папрасіў прабачэння за тое, што аднойчы павёўся не лепшым чынам, змусіўшы яго гэта заўважыць і ўслых пра гэта сказаць...

Ён адварнуўся да сцяны. Памаўчаў. Пасля сказаў: «Дзякуй, Валодзя...»

Я ў той дзень быў у яго доўга... Гэтая апошняя наша сустрэча стала сюжэтам прыпавесці «Чмель і вандроўнік», напісанай адразу пасля смерці Васіля Быкава. Там сказана пра ўсё найістотнейшае... [...]

Пад развітанне Васіль Уладзіміравіч спытаў, ці ўзяў я з сабой раман, пра які казаў па тэлефоне, што ўжо дапісваю?.. Каб пакінуў, калі дапісаў, ён хацеў бы пачытаць... Рукапісы і рамана, і паэмы былі ў мяне ў сумцы, у якую я палез і дастаў каньяк — не літаратурай жа яму перад смерцю галаву тлуміць. Прафесар Мураўёў, які то выходзіў з палаты, то вяртаўся да нас, ледзь не за рукі мяне схапіў: «Ні ў якім разе!..» Я наліў дзве чаркі: «Прафесар, за Быкава». Васіль Уладзіміравіч кіўнуў: «Я з вамі і за вас. Сімвалічна...»

Калі я, выходзячы, азірнуўся, Быкаў прыпадняў руку, падняць сіл не хопала, і ўзняў вялікі палец. Як некалі ў Тампэрэ... І з гэтым жэстам між намі зачыніліся дзверы. [...]

Выйшаўшы, я спытаўся ў Мураўёва, ці балюча Быкаву? Рэальна, фізічна. Генадзь Мікалаевіч адказаў, што яшчэ як. Але трывае ён лепш за іншых.

Яшчэ я спытаў, ці былі якія спробы з боку ўлады яго наведаць?.. Каб зрабіць нешта, дапамагчы, ці хоць бы, пакуль жывы, развітацца. Я ўжо не кажу — павініцца, прабачэння папрасіць...

«Тут віцэ-прэм'ер адзін ляжыць, — кінуў на нейкія дзверы Генадзь Мікалаевіч, — дык у таго штодня ўладныя наведвальнікі... А што да Быкава... Пазваніў аднойчы Урал Латыпаў, кіраўнік прэзідэнцкай Адміністрацыі. Спытаў, калі можна наведаць?.. Я так і не зразумеў: ад сябе ён ці ад некага...»

«І што?..»

«І ўсё, — скончыў Мураўёў. — Больш нічога».

Някляеў У. Стрэмкі // Наш Быкаў. С. 479—481.

С. Шапран: Васіль Уладзіміравіч насамрэч, як Вы пішаце ў прыпавесці¹⁰, адмовіўся спавядацца і не захацеў бачыць святара?

У. Някляеў: Такія рэчы не выдумляюцца. У ракавым корпусе малельня ёсць, яго туды ўсяляк цягнулі, а ён — ніяк. Гэта па смерці ўжо рабілі так, як блізкія паміж сабой дамаўляліся, аніякіх заветаў Быкаў не пакідаў.

У Быкаву да апошніх імгненняў не спынялася напружаная духоўная работа. Гэта, між іншым, відаць і па фотаздымку за некалькі дзён да смерці, які ты мне даў. Спачатку я палохаўся яго — такі на ім Быкаў пранізлівы. Пасля прывык, паставіў на пісьмовы стол. Гледзячы на яго, і прыпавесць пісаў...

Пазней такім пранізлівым Быкаў мне прысніўся. Калі ўжо я ў Фінляндыі за ўспаміны пра яго ўзяўся... І пакуль ён не прысніўся, успаміны не даваліся. На першых сказах сталі так — не зрушыць.

Скажу тое, што, можа, і не варта было б казаць. Калі шпітальны доктар Быкава прафесар Генадзь Мікалаевіч Мураўёў распавёў мне, як Васіль Уладзіміравіч фізічна мучаецца, я спытаў: а чаму б мукі не спыніць? Ну, калі ўсё безнадзейна — навошта доўжыць?.. І доктар, які ўжо нічым не мог дапамагчы, прызнаўся, што сам пра гэта думаў. І, каб такое не думаць, бо нельга, ён глядзеў, як думае Быкаў. Скрозь пакуты думае, скрозь боль — да апошняга. І ўсё яшчэ нешта да канца ім не асэнсавана, не праяснена... Значыць, яму яшчэ патрэбны нейкі час, хай нават кожнае імгненне ў ім — наскрозь балючае.

У такім стане і быў Васіль Уладзіміравіч, калі размаўлялі мы ў апошні раз. Я ведаў, што ён памірае, а сам ён — лепш за мяне. І не так пытаўся ў мяне пра нешта, як — нешта казаў і чакаў рэха. Не рэха слоў — думак. Мусібыць, рэхам іх і завітаў да нас Бог.

З гутаркі з У. Някляевым. 2004 г.

Якая асоба ў гісторыі чалавецтва Вам найбольш сімпатычная?

Ісус Хрыстос.

Якую кнігу (твор) Вы любіце перачытваць?

Біблію.

Ваша стаўленне да рэлігіі?

Мы з ёй існуем паасобку.

З адказаў В. Быкава на пытанні анкеты. Шчыра, як на духу...: Сповідзі вядомых людзей Беларусі. Мн.: ГА БТ «Кніга», 2002. Вып. 1-шы. С. 87, 89.

17 июня.

Василь Владимирович находился в палате один. Был очень слаб — даже не мог приподняться. [...] Очень тепло все поздоровались. [...]

Потом сидели и говорили. [...] ...Геннадий Николаевич [Г. Бураўкін. — С. Ш.] начал рассказывать, что ездил по родным местам — народ всюду беднеет...

¹⁰ Някляеў У. Чмель і вандроўнік // Дзеяслоў. 2006. № 1 (20). С. 219—224.

Позже и Василь Владимирович неожиданно вспомнил (из-за бородулинского кота Мирона), что у них тоже был кот — «Здоровенный котяра!» — уточнил Быков. Как только стает снег, уходил. Возвращался только перед морозами. В качестве извинения всегда приносил зайца и тянул его на чердак. Однажды принес такого здорового, что не смог затянуть наверх... Потом вдруг вспомнил: а была еще кура... через паузу, — «Ряба! Несла самые лучшие в мире яйца». Но мы их не ели, рассказывал Василь Владимирович, отец носил продавать, за 5 рублей. За вырученные деньги многое можно было купить. Но потом Рябу унес коршун...

На замечание Буравкина, что хорошо в такую погоду в больнице лежать, Быков ответил, что и не знает, какая теперь погода, потому как не встает. Однако ни на что Василь Владимирович ни тогда, ни позже не жаловался. Он обладал удивительной, прямо-таки суровой выдержкой. Одному Богу известно, чего на самом деле это Быкову стоило. [...]

Когда примерно через час собрались уходить, Быков неожиданно сказал: «А вы, Сережа, наверное, хотите сфотографировать?» [...] Василь Владимирович грустно пошутил: «Фотография на смертном одре». [...] (Позже Геннадий Николаевич заметит: Быков понимал, что уходит, поэтому и предложил сделать эти фотографии.)

Шапран С. Последние дни Василя Быкова // Даугава (Рига, Латвия). 2003. № 4. С. 56—57.

У Бараўлянах ужо было зусім сумна, бо мой цёзка — урач Мураўёў — адразу сказаў: «Васілю Уладзіміравічу засталася жыць зусім-зусім нядоўга. Самая вялікая задача для мяне, каб ён адзначыў свой дзень нараджэння жывым...»

У бальніцы Васіль быў мудрым, быў мужным, быў добрым, але ўжо быў слабым. Аднак жа зноў — ніколі ні адным сваім словам ці рухам — не выдаў, што яму балюча.

Я пытаўся ў той час у Мураўёва, як Васіль, — і Генадзь Мікалаевіч гаварыў, што трымаецца ён вельмі важна, сціпла і мудра, разумее, у якім ён стане. Хаця многія, знаходзячыся ў такім стане, капрызнічаюць, думаюць толькі пра сябе, крыўдзяцца на любую непрыемную для іх рэч. У Васіля гэтага не было зусім. А было яму, як казаў Мураўёў, вельмі цяжка, жахліва балюча...

У той час ён заўсёды прасіў прывезці яму газеты. Я прывозіў, і ён радасна дзякаваў:

— Вось і добранька...

Адзін раз ён толькі сказаў... Я тады спытаў:

— Ну, Васіль, што ты тут робіш?

— Рыхтуюся да сустрэчы з Богам.

Не скажу, што гэта было сказана трагічна — гэта было сказана быццам бы і з усмешкай, а найбольш з нейкім спакоем, як пра нешта такое, што для яго ўжо вырашана...

Не ведаю, як у дачыненні да іншых, а ў дачыненні да мяне ён не хацеў паказваць свае пакуты і ўсведамленне блізкага адыходу. Хаця, цяпер успамінаючы тыя сустрэчы ў бальніцы, я думаю, што напрыканцы кожнай з іх ён развітваўся ўжо назаўсёды...

З гутарак з Г. Бураўкіным.

С. Быков: [...] В следующий раз мы увиделись уже в Боровлянах. Я приезжал к нему раз среди недели и еще в выходные дни. Обычно приезжал на часа два-три. Затем эта «вахта» доставалась Ирине Михайловне.

Все, и я в том числе, пытались его подбодрить, хотя, по-видимому, он уже тогда все понял, поскольку однажды сказал: «Видно, никуда я уже не поеду...» Хотя после курса химиотерапии положение его поначалу было обнадеживающим — так говорили лечащие врачи. Однако когда я приехал в следующий раз, его состояние мне совершенно не понравилось — он просто угас. С кровати вставать уже не мог, да и говорить тоже особенно не хотел. Тем не менее когда я приходил, всякий раз спрашивал: «Ну, как дела? Что на работе? Как дома? Как внук?» Не думаю, что это были дежурные вопросы. Потому что я, например, мог ответить, что со здоровьем у меня все нормально, но он переспрашивал: «А почему глаза желтые?» Впрочем, затем, даже после короткого разговора, ему хотелось покоя.

С. Шапран: В день рождения вы, конечно, тоже были?

С. Б.: Поговорили тогда минут пятнадцать. Потом я просто сидел, смотрел на него и думал о своем. Отец же то впадет в сон минут на десять-пятнадцать, то очнется и скажет: «А, ты здесь... Ну ладно». И снова уйдет в забытие.

Сергей Быков: Отец мечтал жить в своей стране... / Инт. С. Шапрана // «Комсомольская правда» в Белоруссии. 2004. 22 июня.

Калі гаворыш пра блізкіх сяброў, заўсёды баісься высокіх словаў. Але як бязь іх абыдзесься, калі гаворка ідзе пра Васіля Быкава, шаноўнага Васіля Ўладзімеравіча, мілага, добрага Васіля. Ён ня проста выдатная зьява ў айчынной літаратуры, ён — знакавая постаць у нашай літаратуры. Бо пасля яго тэма Вялікай Айчынай вайны, тэма беларуская і сваімі традыцыйнымі адзнакамі, і ўнёскам ва ўсясьветную, эўрапейскую ваенную тэму, загучала зусім па-іншаму — і сілай праўды, і сілай таленту. Ён — знакавая постаць і ў нашай гісторыі, у сёньняшнім, на жаль, ня лепшым дні нашай бацькаўшчыны.

Ён ніколі не зьбіраўся быць палітыкам, больш за тое, я гэта добра ведаю, ён ніколі не любіў палітыкі. Але стаў сумленьнем нацыі ў лёсавызначальныя гады маладой сувэрэннай Беларусі. [...] І аказалася, што, можа быць, нават

было нечакана для тых, хто ня надта добра ведаў Васіля-чалавека, Васіля-аналітыка, Васіля-філэзафа, што ён умее мысьліць глыбока і шырока і вельмі добра адчувае настрой народу, вельмі дакладна фармулюе задачы дзяржавы. Шкада, што, як мне здаецца, вельмі многія землякі да гэтага часу так і не пачулі яго, і са сваёй абыякавасьці ці з наіўнасьці не прыслухаліся да яго. [...]

Вельмі важна, што ён з намі, у гэты наш нялёгкі беларускі час. Вельмі важна, што яго хвалююць тыя праблемы, якія хвалююць нас. І вельмі здорава, што мы ўсе — ня толькі сябры, але і ягоныя няпрыяцелі, скажам так, афіцыйныя асобы, азіраемся (нехта пра гэта прызнаецца, нехта не прызнаецца, але азіраемся) на Васіля Быкава, на ягоную думку, на ягонае адчуваньне, на ягоны талент, на ягонае права судзіць і час, і людзей, і тое, што мы з вамі перажываем.

Са слова Г. Бураўкіна. Навумчык С. Васілю Быкаву — 79 гадоў / Радыё «Свабода». 2003. 19 чэрв. // Быкаў на Свабодзе. С. 341—343.

Что у нас осталось? Иногда кажется, что нас почти нет. Нет интеллигенции, которая сегодня парализована неверием, вынужденностью выживать. Нет народа, который тоже не живет, а выживает, и не верит уже ни интеллигенции, ни власти, ни себе. Я уже даже не уверена, есть ли у нас фабрики и нефтепроводы... Но где бы я ни была, по всей земле я всегда слышу: у вас есть Быков. И мне кажется, что это единственное, что у нас еще осталось. Пришли какие-то непонятные новые поколения. Что они хотят с этой новой техникой и новыми мыслями? Хотят они быть белорусами или хотят быть похожими на всех остальных, как эта самая техника?

Сам Василь Владимирович — больной уставший человек, которому трудно, особенно среди мыслей о том, что вся жизнь ушла на борьбу, которой и сегодня конца не предвидится. С другой стороны, он сделан из такой закваски, когда не может стать другим. Ему в этом можно позавидовать. Он из тех людей, которые не ломаются и не становятся другими. И я думаю, что сегодня, может быть, он один сделал непосильную работу для всей нашей культуры. Он спас наше достоинство и нашу веру, потому что несмотря ни на что мы хотим иметь будущее. И я рада возможности сказать Василию Владимировичу, что люблю его. Да что я — мы все его любим.

З інтэрв'ю С. Алексіевіч. Светлана Алексиевич: Быков — единственное, что у нас есть / Инт. А. Хилимон, Н. Кривец // «Комсомольская правда» в Белоруссии. 2003. 19 июня.

19 июня

В Боровляны ехали большой делегацией: Геннадий Буравкин, Рыгор Бородулин, Анатолий Вертинский, Сергей Законников, Анатолий Кудравец, Валентин Болтач. Ехали с васильками и тремя розами цвета национального стяга — двумя белыми и красной...

Ирина Михайловна встретила печальным сообщением: Василь всю ночь не спал... Быков лежал на боку, дышать ему было очень тяжело. Это не чувствовалось — это было видно. Обострилась бронхиальная астма. Все наши цветы и те, что уже были в палате, тут же вынесли.

Приехавшие по одному подходили к Василию Владимировичу, пожимали руку и приветствовали его. Бородулин передал рисунок своей внучки Доминики. Быков похвалил: «Добры малюнак!»... Разлили спиртное и, спросив разрешения у именинника, выпили за его здоровье. В знак солидарности и поддержки он поднял обе руки...

Потом я отдал полосу будущего номера «БДГ», в котором с днем рождения Быкова поздравляли и желали ему выстоять Г. Бакланов, Л. Лазарев, В. Оскоцкий, Д. Гранин, Б. Васильев, В. Войнович, Ф. Искандер. Материал назывался «Гордость солдатского братства». Здесь же было и бородулинское «Слово про друга» «Адчуй сябе вольным...». Затем я предложил послушать одно приветствие, записанное на диктофон (хотя первоначально думал поставить все). Услышав баклановский голос, Василь Владимирович тяжело задышал. Буравкин едва не рванулся к диктофону. Однако остановить запись не решились. И, наверное, правильно — через какое-то время Быков лег на спину и закрыл глаза тыльной стороной руки. Выражение лица у него было печальное, особенно, когда Бакланов говорил:

— ...Я знаю, что ты болен, я знаю, что 19-го — твой день рождения. И я хочу, чтоб ты встретил его, и чтоб тебе стало полегче, и чтоб ты выздоровел...

Уже окончательно прощаясь с нами, Василь Владимирович опять поднял обе руки... Позже Буравкин вернулся в палату. Ирина Михайловна рассказала, что после сегодняшней ночи Василь думал, что это — все. Он уже мало во что верил. Поэтому она попросила Буравкина, как давнего друга, все напрямую Василию рассказать. Геннадий Николаевич, вернувшись, сказал, что через неделю его выпишут домой на две недели (на это Быков отреагировал: «Аж на два тыдні? А на тры?»), потом — снова в больницу и — новый курс. «Калі ён будзе ўдалым, мы яшчэ доўга будзем бачыцца», — сказал тогда Буравкин.

В этот же день в Боровляны приезжали Валентин Тарас, Александр Дракохруст, Михась Тычина и Андрей Дынько. Однако поговорить с Быковым им не удалось.

Шапран С. Последние дни Василя Быкова // «Комсомольская правда» в Белоруссии. 2004. 18 июня.

Былі мы разам з Валянцінам Тарасам, Аляксандрам Дракахрустам і Андрэем Дынько, у той час выканаўчым сакратаром Беларускага ПЭН-Цэнтра, які, дарэчы, і арганізоўваў гэтую паездку. Аднак заходзіць у палату Дынько не пажадаў — патлумачыў, што не хоча, каб у памяці застаўся вобраз Васіля Быкава ў горшыя яго хвіліны...

Прывяла нас да Васіля Уладзіміравіча перш за ўсё душэўная патрэба — абавязкова наведаць, павіншаваць з днём нараджэння і, калі будзе магчымасць, то перагаварыць, а калі не, дык проста паглядзець на яго.

У прыадчыненыя дзверы мы заўважылі, што Васіль Уладзіміравіч спіць. Ірына Міхайлаўна пацвердзіла, што ён стаміўся, сказала, што толькі што былі ўрачы, пераліванне крыві рабілі, ужо другое за дзень...

У палату мы заходзілі па адным — каб, можа, улавіць момант, калі ён расплюшчыць вочы, і павітацца... Калі я зазірнуў, Васіль Уладзіміравіч спаў быццам маленькі хлопчык — на баку, падклаўшы кулачок пад шчаку... Уражанне было менавіта такое — як зварот у дзяцінства.

Размаўлялі толькі з Ірынай Міхайлаўнай — які стан, што кажуць урачы. Відавочна было, што трэба рыхтавацца да горшага...

З гутаркі з М. Тычынам. Май 2004 г.

...19 июня мы, поздравляя его с 79-летием, желали многия лета, желали выздоровления. И, чтобы как-то поддержать, обзвонили известных российских писателей, многие из которых — давние быковские друзья. Кто-то сразу, с ходу желал Быкову суметь выстоять, кто-то потом надиктовывал свои послания. Все это Василь Быков успел увидеть — мы приносили в больницу специально для него распечатанную полосу.

Дорогой Василь, старый друже!

Я знаю, что ты болен, я знаю, что 19-го — твой день рождения. И я хочу, чтобы тебе в этот день стало легче, и хочу, чтобы ты выздоровел.

Ты — гордость не только белорусской литературы, ты — гордость и литературы русской. Ты — писатель с мировым именем и мирового значения. То, что ты рассказал о войне, и так, как ты рассказал, не многие смогли.

Я люблю твою прозу. Мысленно я сейчас с тобой. Я каждый день о тебе думаю и желаю тебе счастья и выздоровления.

Твой Григорий Бакланов.

Борис Васильев:

— Пожелайте, пожалуйста, Василию здоровья и передайте ему мой самый нижайший поклон. И скажите, что я считаю его самым крупным писателем из всех, когда-либо писавших о Великой Отечественной войне. Самым крупным, разноплановым и самым жестким писателем.

Фазиль Искандер:

— Я всегда не только ценил Быкова, но и считал его очень талантливым и очень интересным писателем. Думаю, что такое мнение разделяли тысячи и тысячи читателей: Василь Быков всю жизнь считался у нас одним из лучших белорусских писателей, которого мы любили и продолжаем любить.

Я жэлаю ему здарова і сіл, каб выздоровець і, насколькі гэта воз-
можна, прадаўжыць работу. Думаю, што ніхто з яго чытацеляў не забыў
яго.

Владимир Войнович:

— Перадайте, пажалуйста, Васілю Быкову, што я заўсёды быў прылежным
яго чытацелем. Я лічу яго пісателем чэсным і савесным (чэстнасць
і савеснасць — не сінанімы), лепш многіх другіх, правдыво, жэстка,
без фальшы і абразіўшым вайну і людзей на вайне. Я — чалавек следую-
чага пакалення, якому выпало вайсковое дзяцтва, тэм не менш (як мне
кажэцца) умею адлічаць правду ад лжы, і Быкова люблю за правду, перада-
ную сродствамі іскусства. Кстаті сказаць, літэратура — такое страннае
іскусства, што калі апішэш усё як было, нэ без таланта, палучыцца ложь.
Быков пішэ, як сказаў бы Давід Самойлов, «с правдывасцю — значыць с
талантам».

Перадайте яму ад мяня большай прывет і пажаданне выздаравлення.

Лазарь Лазарев:

— Жэлаю Васілю, каб выздараўляваў, пэскулькі он — горадзь нэ
толькі беларускай, нэ і ваобшчэ всей нашэй літэратуры о вайне і о нашэм
времні. Я знаю яго многа лет, мы дружым ачэнь даўно, і он нэобычайна
дорогай мне чалавек! Аднако галавнае, каб я сэйчас хотэў сказаць Васілю:
дай Бог табе здарова і пастарайся выкарабкацца. Мы заўсёды табя помні-
лі і помнім. І усё мы, твоі дружыа ў Маскве, надеемся ачэнь увадзёць табя ў
добром здравіі.

Васіль, дорогаі!

Прэждэ всаго агорчэнь твоім нездароваем. Канэчна, нам, всём фронтэ-
вікам, ужэ нэмало лет і, саотвэтствэнна, асталось нас нэ многа, нэ тэм бо-
лээ і дорожэ, і бліжэ мы становімся друг другу. Ты быў і астаэшся гор-
дастью нашэго салдатскаго братства і сваім яркім талантам, і тэм, як ты
ім распарадылся.

Сорок лет — в сущности, со времен первых военных твоих повестей —
доставалось тебе от партийных и прочих властей. Я помню, как тебя пресле-
довали ещё в твою бытность в Гродно, да и позже. Ни разу ты не согнулся,
никогда не поступался правдой и не предавал свою писательскую совесть.
Ты по праву стал классиком белорусской литературы, стал её гордостью. Мне
и до сих пор видится переполненный зал минского театра, когда мы в 1984
году чествовали твоё 60-летие, до сих пор слышатся несмолкающие овации
твоих читателей, да и, в сущности, всего народа. Кто бы мог тогда подумать,
что тебя вынудят покинуть Родину и заставят стать изгнанником?! Ну что ж,
такова была судьба Герцена и Солженицына, Бродского и Набокова...

Господи, как хочется, чтобы ты выздоровел и по-прежнему радовал нас всех даже не столько своей литературной работой, сколько самим фактом твоего существования и примером твоей жизни!

Обнимаю тебя, твой *Даниил Гранин*.

Дорогой Вася!

Сорокалетняя дружба с тобой — великий дар судьбы. Для меня он дороже многих других даров. Поздравляю тебя с предъюбилейным днем рождения. Пью за тебя чарку. И обязуюсь выпить вторую через год — в день юбилея. Мой тост, и сегодняшний, и будущий, — за несгибаемость твоего писательского таланта, честного, совестливого и мужественного, ставшего сокровенным духовным достоянием и родной твоей Беларуси, и нас, русских, и многих других благодарных тебе людей разных наций. Истинный талант потому и истинен, что преодолевает расстояния и пересекает границы без виз и даже ваучеров.

Валентин Оскоцкий.

Шапран С. Гордость солдатского братства // Новая газета. 2003. № 49.

Василь Быков — самый зависимый писатель. Он зависит от правды. Сказать, что Василь Быков правдолюб — значит ничего не сказать. Мало любить правду — надо работать на нее. Я бы назвал писателя — по которому и знают Беларусь в мире, где никто практически никого не интересуется — правдорабом.

Василь Быков — правдораб. Беспощадный к врагам правды, суровый к себе, нежный и чуткий к человеку, которого хотят лишить этого самого ответственного имени — человек.

Это на 60-летию Василя Быкова уже подупавший здоровьем небочелый Владимир Короткевич после тоста передал юбиляру небольшой барельеф с изображением льва и начинающим слабеть голосом почти прокричал:

— Рыкай, аки лев!

Как наказ. Ибо знал, что мужество и сила воли Василя Быкова могут противостоять силам тьмы и зла.

Василь Великий никогда не рыкал, не кричал, не трибунствовал. Правда доверяет только тому, кто говорит тихим, но уверенным голосом. Правда далеко слышна. [...]

...Режимы меняются, а настоящие творцы остаются. Их именами называют эпохи. [...]

Василь Быков — один из первых, сказавших нежеланную для советской империи правду о войне... [...] Василь Быков прошел войну не с корреспондентским блокнотиком или политруковской сумкой. От лафетов «сорокапятков» в штрафную роту не отправляли, ибо это было страшнее. Прямой наводкой стрелять по танку — каждый раз надеяться на судьбу: кто первый выстрелит — совершенный танк или примитивное орудийко?

Василь Быков — один из первых, сказавших больно и открыто о большевистском злодеянии — о раскулачивании. Василь Быков среди первых, заступившихся за человека — жертву нечеловеческого режима. Как личность Василь Быков рождался под невероятным давлением, — так рождаются горы, так образуется твердая порода. По жизненным лужам, по идеологическим колдобинам или, лучше бы сказать, между волчьих ям ступала нога писателя, а душа его паломничала в небе истины, в вышине сущности.

Советская власть в лице ее самых иезуитских представителей и закрепленных за писателем «друзей» испробовала все средства, чтобы сломить волю Быкова, чтобы сделать прирученно-домашним небокрылого. Всех и все не перечесать. Комсомольцы били окна (и действительно, как в еврейской улыбчивой остроте: если бы Бог жил на земле, люди выбили бы ему стекла в окнах), вечно живые участники штурма Зимнего, ветераны войны и партии писали доносы, публиковали протесты, засыпали грязными письмами, не давали покоя организованными звонками. [...] Но не помогли ни провокации, ни угрозы, ни награды, ни титулы. На других действовала — на Василя Быкова не действовала большевистская ласка. Титул у Василя Быкова один, и он от Бога — писатель с незапятнанной совестью. [...]

Василь Быков небесами послан на грешную нашу землю, чтобы нести крест совести, а крест этот тяжел, потому что рассчитан на сильную натуру. И взошел Василь Быков на Голгофу за Беларусь, за человечество, родное ему, за всех тех, кто охотно в ладони его правдодарные вбивали гвозди оскорбления, гвозди наветов, гвозди зависти. И продолжают вбивать. Но взлетел дух лучшего сына Беларуси в Слове искреннем, как сама правда, в Слове чистом, как мысли пророка, в Слове мученическом, как Мать-Беларусь. [...]

Василь Быков заглянул в глубокий колодезь души всечеловеческой, души белорусской, чтобы на самом темном дне увидеть звезды с неба духа. Днем звезды светятся на дне. Писатель, чье имя история записала с новой строки и, соответственно, с большой буквы в суровом предложении нашей письменности, с первых своих произведений и до сего дня служил и служит Правде. И только Правде.

В конце 90-х годов Василь подписал мне блокнот:

«Адчуй сябе вольным
І будзеш шчаслівым».

Сам Василь Быков, неподвластный властям всех мастей, чувствовал себя вольным. Только вольный человек, только вольная душа способны на творческий подвиг. Как ни странно, и творческий подвиг — он тоже ратный. За правду надо бороться, правду нужно отстаивать. Подвиг Василя Быкова велик.

Бородулин Р. «Адчуй сябе вольным...» // Новая газета. 2003. № 49.

Пасья ўсіх візытаў і праслухоўвання стужак з запісамі віншаванняў расейскіх пісьменьнікаў [...] Ірына Міхайлаўна і Васіль Уладзімеравіч

засталіся адны. «Я заплакала, — сказала Ірына Міхайлаўна, — заплакаў і Васіль...» Яму заставалася тры дні.

Абламейка С. Вясна з Быкавым // Быкаў на Свабодзе. С. 598.

На следующий день Василя Владимировича перевели в реанимацию — на выходные лечащие врачи не приходят, остается только дежурный врач. Впрочем, явного ухудшения здоровья еще не было. В субботу, как говорят врачи, Быков чувствовал себя нормально. В Боровляны в тот день приезжал Владимир Колас из Белорусского гуманитарного лица.

Шапран С. Последние дни Василя Быкова // «Комсомольская правда» в Белоруссии. 2004. 18 июня.

«Наша Ніва»: У палату да Быкава апошнія дні было цяжка прайсці. Як Вы патрапілі туды?

У. Колас: Пазваніў Уладзімер Пузыня і сказаў, што дамовіўся з знаёмым лекарам. У палаце была яшчэ жонка Быкава. Пісьменьніку цяжка было размаўляць. Ён спытаў, як там ліцэй. Я сказаў, што мы бяром сілы і мудрасць зь ягоных кніг, стараемся жыць паводле маральных законаў, якія ён прاپісаў у сваіх творах. Быкаў прасьвятлеў і ўсміхнуўся. А потым У. Пузыня пайграў яму на дудцы. Быкаў заплюшчыў вочы і сказаў: «Вой, як хораша».

Было вельмі нялёгка бачыць, як такая асоба сыходзіць.

«Н. Н.»: Што раіў Васіль Быкаў выкладчыкам і навучэнцам Беларускага ліцэю?

У. К.: Ён сказаў: «Вам цяпер галоўнае — не згубіць свой твар».

Не губляць твару / Інт. з У. Коласам // Наша Ніва. 2003. № 24.

Одним из последних у него был сын Сергей, впоследствии вспоминавший, что отец спрашивал о его работе, о внуке... Потом уже в газетах писали, будто последняя быковская просьба была: «Стаміўся я тут. Адвязіце мяне дадому». Но, как свидетельствует Сергей Васильевич, об этом отец просил несколькими днями раньше...

Шапран С. Последние дни Василя Быкова // «Комсомольская правда» в Белоруссии. 2004. 18 июня.

С. Шапран: 22 июня вы тоже были?

С. Быков: Я приехал днем. Мы, как всегда, поздоровались, поцеловались, говорили недолго... Уже под вечер, когда отец в очередной раз вышел из за-бытья, он спросил: «Что ты тут сидишь? Скоро Ирина придет, так что иди. Все равно я дремлю». И когда уснул, я ушел.

С. Ш.: Правда ли, что Василь Владимирович просил отвезти его домой?

С. Б.: Да, он говорил об этом и мне, и Ирине Михайловне... Все же хотят умереть дома. Но лечащий врач сказал, что делать этого нельзя. Хотя, честно

говора, у меня была мысль отвезти отца домой, но я не знал, как это сделать, — он уже не мог ходить.

С. Ш.: В прессе писали, что Василь Быков в последний день вспоминал войну...

С. Б.: Мне о войне он не рассказывал. Я в последний день пробыл у него примерно с двух часов дня и до половины шестого. Кроме меня и Ирины Михайловны, насколько мне известно, к отцу никто больше не приезжал.

З гутаркі з С. Быкавым. Май 2004 г.

Генадзь Мікалаевіч Мураўёў пазваніў мне з работы 22 чэрвеня ўвечары. Недзе пасля шасці. Скажаў, што ў яго праблема, якую ён не ведае, як вырашыць. І хацеў бы са мной сустрэцца, каб параіцца.

Ён прыехаў з Бараўлянаў, сустрэліся і пайшлі па горадзе...

Быкаву засталася жыць, можа, да заўтра. Ён гэта адчуў і папрасіў Мураўёва, каб яго завезлі дахаты. Бо хоча памерці ў сваім ложку.

Ува мне ўсё сцялася: «Дык завязіце, Генадзь Мікалаевіч. Я б завёз, магу зрабіць гэта з вамі».

Мураўёў сказаў, што Быкаў, адключаны ад сістэмы штучнай падтрымкі жыцця, можа памерці і хутчэй за ўсё памрэ ў машыне.

Тут была праблема... Для доктара яшчэ якая... Я спытаў: «А што Ірына Міхайлаўна?...» Мураўёў адказаў, што нічога. Ці Васіль Уладзіміравіч з ёй пра гэта не гаварыў, ці яна баіцца і таксама не ведае, якое прыняць рашэнне. Яна ж яшчэ спадзяецца...

Я сказаў Мураўёву, што, канешне, узяць такое на сябе ён не можа. А сам вырашыў паехаць і пагаварыць з Ірынай Міхайлаўнай.

Не паспеў...

Някляеў У. Стрэмкі // Наш Быкаў. С. 481—482.

У апошні дзень Быкаў практычна не гаварыў, ён задыхаўся і хрыпеў. Ірына Міхайлаўна была побач, разбірала толькі асобныя словы кшталту «падymi, павярні...». А вечарам у адзін момант пакутны выраз яго твару нечакана змяніўся на супакоены і нават шчаслівы. Ірына Міхайлаўна не паспела здзівіцца, як пачула роўны, аднастайны піск апарата, які імгненне перад гэтым раўнамерна адлічваў удары сэрца самага вядомага ў сьвеце беларускага пісьменьніка — сэрца спынілася...

Абламейка С. Вясна з Быкавым // Быкаў на Свабодзе. С. 598—599.

У нядзелю 22 чэрвеня ў 20:10 спынілася сэрца, наступіла клінічная смерць. Інтэнсіўныя рэанімацыйныя мерапрыемствы выніку не далі. У 20:50 была канстатавана біялагічная смерць...

Якім я запомніў Васіля Уладзіміравіча ў апошнія дні яго жыцця?

Вельмі сціплым, цярплівым і мужным, спакойным і разважлівым. Аніякага адцення страху ці панікі. Добра ўсё разумеючы, ён і тут быў прыкладам сапраўднага беларуса...

Мураўёў Г. Апошнія дні // Наш Быкаў. С. 396—397.

Всевышний распорядился так, что бывший лейтенант Василь Быков, почти погибший на войне, но не погибший, всю свою жизнь посвятивший фронтовой прозе — ее еще называли «лейтенантской прозой», — скончался именно 22 июня, вечером. И опять было воскресенье, как тогда, в 1941-м.

Поляновский Э. Кто устоял в сей жизни трудной // Известия. 2003. 30 июня.

КАМУНИКАТ.ORG

Змест:

«Але вось сябрам не здраджвалі...» <i>Справа супраць Б. Клейна. Справа супраць А. Карпюка</i>	3
«Выкрывальніцкая хваля пайшла на спад» <i>1971—1972. «Абеліск». «Дажыць да світаньня»</i>	26
«Удар проста ў сэрца» <i>1973. Ліст супраць А. Сахарава і А. Салжаніцына</i>	60
«А хто застанеца пры пяхоце?» <i>1974—1977. Дзяржаўная прэмія СССР. «Воўчая зграя» (1974). «Яго батальён» (1975). «Кінематаграфічны» перыяд; «Восхождение» Л. Шапіцькі. Пераезд у Мінск</i>	76
«...Вось і ўвесь сакрэт некаторых маіх поспехаў» <i>1978-мы — пачатак 1980-х. «Пайсці і не вярнуцца» (1978). Народны пісьменнік</i>	137
«Езуіт Сеўрук цкуе пісьменніка з сусветным імем» <i>1980—1982. М. Дубянецкі: барацьба за «Мёртвым не баліць»</i>	172
«Ваша праўда не адпавядае нашаму разуменню гісторыі» <i>1982—1986. «Знак бяды» (1981). Герой Сацыялістычнай Працы. Экранізацыя М. Пташука. Ленінская прэмія</i>	182
Адзіны шанец <i>«Кар’ер» (1985). «У тумане» (1986). Гарбачоўская перабудова</i>	242
«Ён заўсёды быў, каб падаць руку...» <i>1988—1994. З. Пазьняк. Курапаты. БНФ</i>	307
«Для мяне цяпер вельмі праблематычна дажыць з вечара да ранку» <i>Ліпень 1994-га — чэрвень 1998-га</i>	382
«Несуцяшальны дыягназ» <i>«Аблава» (1988). «Сцюжа» (1969, 1991). «Пакахай мяне, салдацік...» (1995). Апавяданні</i>	418
«Час Ш.» <i>Чарговая кампанія шальмавання</i>	445

«Так паступалі ў гады гітлерызму вялікія нямецкія пісьменнікі» Чэрвень 1998-га — снежань 1999-га. Хельсінкі	499
«Яшчэ адна іпастась пісьменніка» «Ваўчыная яма» (1998). Прыпавесці	558
«Не вер. Не бойся. Не прасі» Студзень 2000-га. Мінск. «Засеўручаны» эфір	579
«Трэба жыць дома! Каб тое толькі было магчыма...» Люты 2000-га — снежань 2002-га. Германія	607
Біблійны сюжэт 2001—2002. І зноў — цікаванне	670
«У Мінску спяць і бачаць, каб я стаў «невозвращенцем» Снежань 2002-га — май 2003-га. Чэхія	700
«І зноў была нядзеля, як тады, у 1941-м» Май-чэрвень 2003-га. Мінск, Бараўляны	733
Уладзімір Някляеў. Чмель і вандроўнік Прыпавесьць	761

Аўтар выказвае падзяку за ідэю гэтай кнігі спадару Аляксандру Фядуту.

Асаблівая ўдзячнасць за добразычлівасць і падтрымку — спадарыням Ірыне Міхайлаўне Быкавай і Валянціне Уладзіміраўне Быкавай, спадарам Рыгору Барадуліну і Генадзю Бураўкіну.

Аўтар удзячны за разнастайную дапамогу спадарыням Наталлі Захаранцы, Іне Кабзар, Ірыне Роля, спадарам Валянціну Аскоцкаму, Андрэю Вашкевічу, Адаму Мальдзісу, Андрэю Палуду, Міхасю Тычыну, а таксама супрацоўнікам Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва, Віцебскага абласнога краязнаўчага музея, Дзяржаўнага музея гісторыі беларускай літаратуры, Музея Максіма Багдановіча (Гродна), Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, Нацыянальнага навукова-асветніцкага цэнтра імя Ф. Скарыны, Нацыянальнай бібліятэкі Рэспублікі Беларусь і кіраўніцтву Саюза беларускіх пісьменнікаў.

Асобная ўдзячнасць за спрыянне падчас падрыхтоўкі мемуарна-эпістальнай часткі кнігі спадарыням Наталлі Адамовіч, Святлане Алексіевіч, Марыі Астаф'евай-Каракінай, Антаніне Быкавай, Тамары Дзядковай, Таццяне Захаравай, Валянціне Карпюк, Інгрыдзе Сакаловай, Алене Сіваковай, Валянціне Твардоўскай, Муніры Уразавай, спадарам Грыгорыю Бакланаву, Сяргею Быкаву, Барысу Васільеву, Юрку Голубу, Барысу Клейну, Лазару Лазараву, Генадзю Мураўёву, Сяргею Навумчыку, Уладзіміру Някляеву, Зянону Пазьняку, Аляксею Пяткевічу, Норберту Рандаў, Уладзіміру Сяркову, Станіславу Шушкевічу, Сяргею Юрчанку.

І запозная падзяка — светлай памяці спадарыні Іне Карпюк, спадарам Чынгізу Айтматаву, Янку Брылю, Міхаілу Гарбачову, Валерыю Задалі, Аляксандру Якаўлеву.

У кнізе выкарыстаныя фотаздымкі з хатніх архіваў Васіля Быкава, Уладзіміра Крука, Рыгора Барадуліна, Найдзена Вылчавы, Аляксея Карпюка, Яўгена Коктыша, Галіны Міргарад, Сяргея Панізніка, Станіслава Шушкевіча.

Аўтар удзячны за працу з ілюстрацыямі спадарам Андрэю Дубіцкаму, Андрэю Маркаву, Андрэю Цімафееву.

І — шчыры дзякуй за ажыццяўленне выдання спадарыням Алене Макоўскай, Ніне Шыдлоўскай і Згуртаванню беларусаў свету «Бацькаўшчына», а таксама Паўлу Мажэйку і «Гарадзенскай Бібліятэцы».

Ад выдаўцоў:

Кніга «Васіль Быкаў. Гісторыя жыцця ў дакументах, публікацыях, успамінах, лістах. Ч. II» з'яўляецца супольным выданнем кніжных серый «Бібліятэка Бацькаўшчыны» і «Гарадзенская Бібліятэка».

МІЖНАРОДНАЕ ГРАМАДСКАЕ АБ'ЯДНАННЕ
«ЗГУРТАВАННЕ БЕЛАРУСАЎ СВЕТУ «БАЦЬКАЎШЧЫНА»
з 2004 года выдае «Бібліятэку Бацькаўшчыны».

У серыі набачылі свет кнігі:

- ✿ «Месца выдання — Парыж»:
Выбраныя старонкі часопіса «Моладзь» (1948–1954)
- ✿ «Беларусы ў бітве за Монтэ-Касіна»:
Артыкулы, дакумэнты, аповесць
- ✿ Н. Гардзіенка. «Беларусы ў Аўстраліі»:
Да гісторыі дыяспары
- ✿ Л. Юрэвіч. «Мэмуары на эміграцыі»:
Крыніцазнаўчае даследаванне
- ✿ М. Ганько. «Каб сьведчылі пра Беларусь»:
Жыццё й дзейнасць Міколы Ганька
- ✿ І. Варабей. «Там, дзе сэрца маё»:
Публіцыстыка, пераклады, апавяданні
- ✿ «Эквівалент»: Зборнік эміграцыйнай прозы
(укладальнік Л. Юрэвіч)
- ✿ Л. Юрэвіч. «Летапісны звод сусвету Чалавека Сьведамага»:
Гісторыя газэтаў «Бацькаўшчына» й «Беларус» (1947–2000)
- ✿ «Каханы горад»: Зборнік эміграцыйнае ваеннае прозы
(укладальнік Л. Юрэвіч)
- ✿ Б. Рагуля «Беларускае студэнцтва на чужыне»:
Выданне 2-е, выпраўленае й дапоўненае
- ✿ А. Адзінец. «Паваенная эміграцыя: скрыжаванні лёсаў»:
Зборнік успамінаў
- ✿ «Адзін Госпад, Адна Вера, Адзін Хрост»:
Царкоўная гісторыя вачыма эміграцыі
(укладальнік А. Любіч)

- ✿ В. Грыцук. «Мы стваралі сваю Беларусь»:
Жыццё і дзейнасць Аляксея Грыцука
- ✿ «Урачыстасць у садзе»:
Драматургія беларускай эміграцыі XX стагоддзя
(укладальнік В. Нікіфаровіч)
- ✿ К. Акула. «Заўтра ёсць учора»:
раман (аўтарызаваны пераклад з ангельскай І. Варабей)

У падсерыі «Людзі Беларусі»:

- ✿ Р. Гарэцкі. «Браты Гарэцкія»

Каардынатары «Бібліятэкі Бацькаўшчыны» –
Алена Макоўская, Ніна Шыдлоўская
zbsb@tut.by
www.zbsb.org

На старонках кніг, якія складаюць «ГАРАДЗЕНСКУЮ БІБЛІЯТЭКУ», паказаная забытая гісторыя Гародні, традыцыя суіснавання розных народаў і культур, памяць пра гістарычную спадчыну, культурніцкія дасягненні, у тым ліку і літаратурныя, творцаў горада на працягу стагоддзяў.

«Гарадзенская Бібліятэка» прысвячаецца той Гародні, якой мы можам ганарыцца.

У «Гарадзенскай Бібліятэцы» набачылі свет:

- ✿ Ю. Гардзееў. «Магдэбургская Гародня»
- ✿ А. Карпюк. «Развітанне з ілюзіямі»
- ✿ Д. Бічэль. «Хадзі на мой голас»
- ✿ П. Сяўрук. «Небыцця не існуе»: Невядомыя старонкі беларускага нацыянальнага руху

Рыхтуюцца да друку:

- ✿ А. Краўцэвіч. «Рыцары і дойдзі Гародні»
- ✿ «Гродназнаўства»
- ✿ «Зрабаваны народ»: Размовы з беларускімі інтэлектуаламі
- ✿ В. Шалкевіч. «Рэквіем па непатрэбным рэчам»

«Гарадзенская Бібліятэка» паўстала дзякуючы праграме замежнай дапамогі Міністэрства замежных спраў Польшчы.

Каардынатар «Гарадзенскай Бібліятэкі» – Павал Мажэйка
zasvabodu.hrodna@gmail.com

Літаратурна-мастацкае выданне

Сяргей Шапран

Васіль Быкаў. Гісторыя жыцця ў дакументах,
публікацыях, успамінах, лістах. Частка II.

Адказныя за выпуск *П. Мажэйка, Н. Шыдлоўская*

Рэдактар *Н. Давыдзенка*

Тэхнічны рэдактар і камп'ютэрная вёрства *Г. Гайдніш*

Дызайн вокладкі *Г. Мацур*

Карэктар *Н. Мацяш*

Фармат 70x100 ¹/₁₆.

Папера афсетная. Друк афсетны.

Гарнітура Cambria.

Наклад 1000 асобнікаў.

Выдавецтва *Zakład Graficzny «Colonel» s.c., Kraków*

На вокладцы выкарыстаныя фотаздымкі Уладзіміра Кармілкіна
і Яўгена Коктыша.